

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 11, № 2, 2018

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 11, no. 2, 2018

The Journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The Journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The Journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscs.ac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the Journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the Journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Doc. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. «...А самое главное – в России не будет нищих». «Капитализм для своих» – ключевая проблема национальной безопасности 9

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Бардаль А.Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике 24

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде 37

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Соловьева Т.С., Попов А.В., Каро-Гонсалес А., Хуа Ли. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития..... 52
- Архипова М.Ю., Кучмаева О.В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования)..... 69
- Румянцев А.А. Научно-инновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития84

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И. Проблемы формирования регионального бюджета в условиях бюджетной консолидации 100

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Чайка Л.В. Задачи и методы анализа энергоэффективности экономики 117

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

- Малышенко В.А., Малышенко К.А. Моделирование комплексной финансовой устойчивости корпорации в эпоху глобальных экономических кризисов 127

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Родионова Е.В. Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития 144

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Нацун Л.Н., Шабунова А.А. К вопросу об экономической цене инвалидности 160
- Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М. Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда 175
- Устинова К.А. Человеческий потенциал сельских территорий России: проблемы оценки и интерпретации 192

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Киреева А.А., Цой А.А. Механизмы формирования IT-кластеров как «полюсов роста» в регионах Казахстана на пути к «Индустрии 4.0» 212

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Гужавина Т.А. Как изучают смыслы (Рецензируется: Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы: монография) 225

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 231
- Правила приёма статей 238
- Информация о подписке 244

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. “...And Most Importantly, There Will Be No Destitute People in Russia”. “Capitalism for the Few” – a Key Problem of National Security 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Bardal’ A.B. The Transport Complex of the Far East: Development Trends and Economic Role 24

DISCUSSION PLATFORM

- Balatsky E.V., Ekimova N.A. Opportunities for the Consolidation of Rating Products in the Internet Environment 37

INNOVATION DEVELOPMENT

- Solov’eva T.S., Popov A.V, Caro-Gonzalez A., Hua Li. Social Innovation in Spain, China and Russia: Key Aspects of Development 52
- Arkipova M.Yu., Kuchmaeva O.V. Social Demand of Russians for Innovation (According to a Sample Survey)..... 69
- Rumyantsev A.A. Research and Innovation Activity in the Region as a Driver of Its Sustainable Economic Development 84

PUBLIC FINANCE

- Povarova A.I. Problems Related to Regional Budgeting amid Fiscal Consolidation 100

BRANCH-WISE ECONOMY

- Chaika L.V. Objectives and Methods of Analyzing Energy Efficiency in the Economy.... 117

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Malyshenko V.A., Malyshenko K.A. Modeling Complex Financial Sustainability of a Corporation in the Age of Global Economic Crises 127

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Rodionova E.V. Integration Processes in the Meat Products Sub-Complex of the Agro-Industrial Complex of Russia: Results, Specifics and Ways of Development	144

SOCIAL DEVELOPMENT

Natsun L.N., Shabunova A.A. On the Issue of Economic Cost of Disability	160
Osipova L.B., Kolesnik E.A., Goreva O.M. The Infrastructure Support for the Development of the Youth Sector in the Regional Labor Market	175
Ustinova K.A. Human Potential of Russia's Rural Areas: Assessment and Interpretation	192

FOREIGN EXPERIENCE

Kireeva A.A., Tsoi A.A. Mechanisms for Forming IT-clusters as "Growth Poles" in Regions of Kazakhstan on the Way to "Industry 4.0"	212

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

Guzhavina T.A. How Meanings Are Studied (A Review of the Monograph: Adam'yants T.Z. <i>Social Meanings of Global Processes and Changes: Mechanisms and Catalysts</i>)	225

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	231
Manuscript Submission Guidelines	238
Subscription Information	244

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.1

УДК 316.34, ББК 60.524.41

© Ильин В.А., Морев М.В.

«...А самое главное – в России не будет нищих»

«Капитализм для своих» – ключевая проблема национальной безопасности

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблема бедности и другие последствия неэффективности действующей системы государственного управления. Характер выполнения майских указов 2012 г., многолетняя динамика данных официальной статистики и социологических опросов населения, конкретные факты и оценки многих экспертов позволяют говорить о том, что ориентация властвующих элит на получение личной выгоды является главной угрозой для реализации целевых установок Президента (преодоления отставания, прорывного решения внутренних проблем страны) и достижения конкретных индикаторов развития, озвученных им в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. В статье приведены сведения об основных результатах президентских выборов 2012 и 2018 гг., свидетельствующие о существенном увеличении поддержки В. Путина в российском обществе (особенно в крупных мегаполисах) и одновременно о росте надежд населения на проявление им политической воли и решительных действий по национализации элит, препятствующих реализации национальных интересов в динамичном развитии уровня и качества жизни. Четвертый президентский срок В. Путина, как и предыдущий,

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. «...А самое главное – в России не будет нищих». «Капитализм для своих» – ключевая проблема национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 9-23. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. “...And most importantly, there will be no destitute people in Russia”. “Capitalism for the few” – a key problem of national security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 9-23. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.1

начинается в условиях нестабильной и крайне напряженной международной политической обстановки, что, очевидно, потребует от него дополнительного внимания, актуализируя, таким образом, проблему ответственности и профессионализма властвующих элит, в первую очередь, ответственных за реализацию приоритетов национальной безопасности в вопросах внутреннего социально-экономического развития. Достижение ориентиров на ближайшие годы и конкретных индикаторов, зафиксированных в указах В. Путина по итогам Послания Федеральному Собранию, по мнению многих экспертов и значительной части населения, возможно только при наличии сплоченной команды, ориентированной на национальные интересы и работающей в унисон с Президентом, принявшим на себя персональную ответственность за решение ключевых проблем страны, что зафиксировано в Стратегии национальной безопасности 2016 г.

Ключевые слова: национальная безопасность, эффективность государственного управления, «капитализм для своих», Послание Федеральному Собранию, поручения Президента.

18 марта 2018 года состоялись выборы Президента РФ, в ходе которых российское общество продемонстрировало значительное повышение уровня поддержки действующего главы государства, а также явки на избирательные участки¹.

Россияне высоко оценили итоги работы В. Путина на посту Президента и выдали очередной мандат доверия действующему курсу на ближайшие 6 лет. Однако многие люди приходили на избирательные участки только потому, что национальный лидер остается для них **главной и единственной надеждой** на разрешение острейших жизненных проблем, возникающих в результате неэффективности управления, осуществляемого чиновничьим аппаратом, который игнорирует национальные интересы в пользу своей личной выгоды.

Об этом свидетельствует крик души той части общества, которая ежедневно сталкивается с последствиями неэффективности государственного управления и, главное, – всё меньше верит в возможность их конструктивного разрешения. Именно о таком эмоциональном накале общественного мнения в отдельных группах населения может свидетельствовать открытое письмо Президенту от правления Камчатского краевого союза родовых-семейных рыболовецких общин

коренных малочисленных народов Севера, Сибири и ДВ «Кизвизвэчь», опубликованное в газете «Аргументы недели»² в апреле 2018 г.

Материал вышел под заголовком «Президент! Ты нас не продай!», и характер его содержания вряд ли может оставить кого-либо равнодушным... В связи с этим нам показалось уместным вынести цитату из этого письма в заголовок очередной статьи от редакции нашего журнала. Речь, конечно, идет далеко не только о количестве нищих в России. Бедность – это результат более глубоких и крайне негативных явлений, существующих в системе управления и продолжающихся вот уже более 25 лет.

* * *

В начале 2012 г. Президент РФ В.В. Путин недвусмысленно высказался о том, что России пора «перевернуть страницу» 1990-х гг., «завершить этот период... так, чтобы действительно общество приняло варианты закрытия проблемы 1990-х годов, нечестной, прямо скажем, приватизации»³. За этими словами последовали конкретные управленческие решения в виде майских указов, устанавливавших основные направления внутреннего развития и целевые показатели деятельности Правительства. Кроме того, одним из наиболее значимых событий

¹ По сравнению с президентскими выборами 2012 г. избирательная явка в России увеличилась с 65,34 до 67,54%, а поддержка В. Путина – с 63,60 до 76,69%.

² «Аргументы недели» – социально-аналитическая еженедельная газета, распространяемая на территории всех субъектов РФ, а также в странах СНГ и Европы. Общий тираж газеты – 587 тыс. экземпляров. Размер аудитории бумажной версии газеты в России, по данным компании TNS Media, составляет 1,1 млн. человек, а с учетом зарубежных тиражей – 1,3 млн. человек. В категории общественно-политических изданий газета «Аргументы недели» занимает 4-е место по размеру аудитории, опережая по данному показателю такие газеты, как «Известия» и «Коммерсантъ». Более 2 млн. посетителей сайта www.argumenti.ru просматривают в месяц свыше 4 млн. страниц (источник: Официальный сайт газеты «Аргументы недели». Режим доступа: <http://argumenti.ru/pub/doc/an.pdf>)

³ Выступление В.В. Путина на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (9 февраля 2012 г.).

третьей «шестилетки» Президента стало принятие новой Стратегии национальной безопасности, имеющей два принципиальных отличия от предыдущей Стратегии, подписанной Д. Медведевым в 2009 г.:

1. «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации», то есть глава государства берет на себя персональную ответственность за обеспечение реализации приоритетов, обозначенных в Стратегии—2015.

2. В новой Стратегии был существенно усилен акцент на приоритетах экономической безопасности и качества жизни населения. Среди них появились «повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура»; в списке ключевых угроз — «риски нецелевого использования бюджетных средств»; среди показателей состояния национальной безопасности — «удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личностных и имущественных интересов», «ожидаемая продолжительность жизни», «ВВП на душу населения».

Однако, несмотря на акцентированное внимание вопросам внутреннего развития в начале третьего президентского срока, период 2012–2018 гг. запомнился, в первую очередь, бурной динамикой международных событий, в которые не по своей воле оказалась втянута и Россия. Украинский конфликт и сирийский кризис потребовали от Верховного Главнокомандующего и российской дипломатии максимальных усилий и политического такта для предотвращения эскалации конфликта, и с этой задачей российская дипломатия успешно справилась. Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации стало, пожалуй, самым сильным консолидирующим событием для российского общества за весь постсоветский период, а участие России в сирийской кампании показало, что модернизация Вооруженных Сил идет хорошими темпами, что во многом повлияло на высокий уровень поддержки В. Путина на президентских выборах 2018 г.

Необходимость приоритетного внимания урегулированию внешнеполитической ситуации потребовала передать вопросы внутреннего развития в руки Правительства, и сегодня, оглядываясь в недалекое прошлое, можно сказать, что это **стало неопровержимым доказательством ненадежности «ручного управления»; неспособности всей политической системы обеспечивать интересы национальной безопасности без личного участия В. Путина. Прежде всего потому, что на протяжении всех его президентских сроков так и не была устранена ее главная проблема — не была переломлена ценностная ориентация властвующих элит на личные экономические интересы, что составляет сущность «капитализма для избранных».**

Ни для кого в стране не секрет, что Путин отвечает за рост ВПК и за усиление армии, разведку запасов недр России, в том числе и континентального шельфа, их освоение, добычу и реализацию. Медведев получил в своё пользование сельское хозяйство, лес, рыбу, водные пути, реки, порты, развитие городов и посёлков, ЖКХ и т.д.

Везде, где идёт личный контроль или, если хотите, заинтересованность Путина В.В., у нас всё в порядке. Где наступает ответственность правительства и ряда его членов, почти везде разруха, коррупция и экспортно-сырьевая экономика⁴.

Как отмечают эксперты, «российской элите не присущи гражданственность и государственное мышление. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с бедностью большинства граждан, безразличие к судьбам отечественной науки и инновационной экономики объясняется синдромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный „набор“ во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления государственного управления»⁵.

⁴ Президент! Ты нас не продай! // Аргументы недели. 2018. №13(606). 5 апр. <http://argumenti.ru/society/2018/04/568556?typelink=openlink>

⁵ Коротаяев С.А., Шкаратан О.И. Постсоветская государственность и общество. Статья 3. Укрепление государственности и социальный контракт между обществом и властью // Общественные науки и современность. 2018. №1. С. 70.

В Послании Федеральному Собранию 2012 года В. Путин, обращаясь к российским гражданам, заверил, что все поручения, зафиксированные в майских указах, «будут неукоснительно исполняться». Однако реальная практика показала, что Правительство с этой задачей не справилось (см. приложение 1). Большинство поручений Президента пока что так и остаются «на бумаге», и с этим «багажом» Россия входит в новую, уже последнюю «шестилетку» действующего Президента.

В. Путин: «Ещё совсем недавно, буквально несколько месяцев назад, вы знаете, я в своих предвыборных статьях, а затем и в майских указах подробно изложил нашу позицию, наши планы на ближайшую и среднесрочную перспективу. Это касалось всех направлений нашей работы, нашей жизни: и экономики, и социальной сферы, и внутренней политики, и международных дел, и вопросов безопасности. В этих документах подробным образом, иногда с цифрами, со сроками, изложены наши планы. Некоторые из них уже начали осуществляться, например, повышение заработной платы учителям, некоторые другие вещи. По всем другим позициям сформирована необходимая нормативная база. **Работа началась. И хочу заверить всех граждан страны, что она будет продолжаться, всё, что намечено, будет неукоснительно исполняться**»⁶.

Конституционное большинство «Единой России» по итогам выборов в Государственную Думу 2016 г.; рекордная явка и поддержка россиянами В. Путина на президентских выборах 2018 г., в том числе рост доли людей, проголосовавших за Президента, во всех городах-«миллионниках», включая Москву и Санкт-Петербург (таблица), – всё это, безусловно, можно считать мандатом доверия, выданным российским обществом. **Но выданным прежде всего национальному лидеру.** «Высокий результат, – как отмечают эксперты, – это одновременно и признание заслуг Владимира Путина за третий срок, и серьезный мандат на грядущие шесть лет, хотя важно понимать: мандат президенту, а не элитам»⁷.

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию 12.12.2012 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>

⁷ Скоробогатый П., Гурова Т. Мандат развития // Эксперт 2018. №13. 26 марта – 1 апреля. Режим доступа: <http://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/ekspert/issues/13-2018/pages/10/>

Поддержка В.В. Путина на Президентских выборах 2018 г. в городах-«миллионниках» (данные ЦИК, в %)*

Город	2018	+ / – к итогам президентских выборов 2012 г.
Ростов-на-Дону	78,18	+ 19,57
Волгоград	77,14	+ 15,36
Уфа	76,04	+ 11,86
Воронеж	75,88	+ 23,77
Нижний Новгород	75,78	+ 15,52
Казань	75,68	+ 2,10
Санкт-Петербург	75,01	+ 16,24
Красноярск	74,92	+ 19,86
Самара	74,85	+ 13,59
Пермь	74,29	+ 17,61
Екатеринбург	73,88	+ 17,14
Челябинск	71,88	+ 11,72
Москва	70,88	+ 23,93
Новосибирск	70,45	+ 18,63
Омск	65,14	+ 15,54

* Ранжировано по убыванию уровня поддержки.

Результаты президентских выборов – это победа персонально Владимира Путина, который в очередной раз продемонстрировал, что он – национальный лидер, имеющий беспрецедентный уровень доверия среди населения страны. Что уникально, в этой кампании в отличие от предыдущих был единственный актер – сам президент, которому народ оказал персональную поддержку⁸.

В Послании Федеральному Собранию, озвученному 1 марта 2018 г., В. Путин точно отразил характер общественных настроений и ожиданий избирателей: рубежность исторического момента, мобилизационный прорыв во внутреннем развитии, преодоление отставания, безопасность от внешних угроз, достижение стабильности экономики по сравнению с девяностыми годами и ее способность формулировать новые ответы на глобальные вызовы, в том числе в отношении качественного повышения уровня жизни широких слоев населения, – все эти эмоциональные послылы, прозвучавшие

⁸ Россияне проголосовали за реальные дела // Независимая газета. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2018-03-23/2_7196_russian.html

накануне дня голосования, не могли не найти отклик в российском обществе, что на фоне несостоятельности политической оппозиции и усиления русофобских настроений на Западе предопределило победу В. Путина на выборах.

Как и в начале 2012 г., «Россия проходит в своей истории очередную точку бифуркации, после которой система либо приобретет новые свойства и новое дыхание, либо погибнет. Результат этого прохождения определяется стечением обстоятельств, главным из которых является наличие национального лидера, концентрирующего необходимую для дальнейшего развития страны политическую волю и знания. Можно сомневаться в отношении того, сможет ли В.В. Путин выполнить эту миссию. **Но несомненно, что, кроме него, на нынешнем витке нашей истории ее выполнять просто некому»**⁹.

Тем не менее слагаемые успеха, обеспечившие лично Президенту широкий мандат доверия, далеко не являются гарантией реализации стратегической цели на ближайшую «шестилетку» — «решительный прорыв в народосбережении»¹⁰. «Попытка придумать „смену экономического курса” (хоть мобилизационным, хоть любым иным способом) не приведет ни к какому результату, кроме увеличения количества публикаций и перебранок между участниками многочисленных ток-шоу, **потому что нельзя сменить „экономический курс”, не сменив курс политический»**¹¹.

Мобилизационный импульс не первый раз звучит в целевых установках Президента. В статье «Россия сосредотачивается», вышедшей накануне третьего президентского срока, он писал: «Период восстановления пройден. Постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан. Созданы все предпосылки для движения вперед — на новой базе и в новом качестве»¹².

⁹ Глазьев С.Ю. Почему Путин? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 2. С. 37.

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

¹¹ Белкин С. Практика мобилизации // Газета «Завтра». 2018. 14 марта http://zavtra.ru/blogs/praktika_mobilizatsii

¹² Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Газета «Известия». 2012. 16 янв. <https://iz.ru/news/511884>

«России сегодня нужны более амбициозные цели. Более высокие темпы роста», — сказал Путин в апреле 2002 г., почти буквально повторив эту мысль 16 лет спустя и несколько раз употребив в Послании Федеральному Собранию слова «прорыв» и «рывок»¹³.

Рубежность исторического момента подчеркивалась В. Путиным и в Послании Федеральному Собранию 2012 г., когда он говорил о том, что «ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными, и не только для нас, а практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а может быть, даже и потрясений»¹⁴.

Таким образом, призыв к консолидации общества на фоне крайне непростой ситуации, в которую Россию всё больше и больше втягивают «наши зарубежные партнеры», находит отклик в оценках общественного мнения подавляющего большинства российских граждан. Однако всякий раз «решительный прорыв» во внутреннем развитии тормозится сложившейся в постсоветской России системой олигархического капитализма, обуславливающей нежелание и неспособность Правительства выполнять задачи главы государства.

Отсутствие заинтересованности элит в реализации национальных интересов предопределяет наличие таких факторов, которые несовместимы с будущим России как динамично развивающегося суверенного государства, осуществляющего независимый курс внешней и внутренней политики и выступающего одним из центров многополярного мира. Так, например, «уровень относительной монетарной бедности в России выше, чем в подавляющем большинстве стран ОЭСР, причем это превышение весьма существенно...но основные социальные риски формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства. Наша страна лидирует в мире по неравенству в распределении богатства. На долю

¹³ Колесников А. Кадровый резерв преемников // Газета.ru. 2018. 20 марта. <https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/11688265.shtml>

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию 12.12.2012 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>

1% самых богатых россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в стране. В среднем в мире этот показатель равен 46%, в США – 37%, в Японии – 17%»¹⁵.

Проблема неравенства в России обозначилась относительно недавно: **современное российское неравенство – неравенство не историческое, оно сформировалось в 1990–2000-е годы...** Если сравнивать параметры российского неравенства с неравенством стран мира, то наиболее схоже оно с ситуацией стран Латинской Америки, в частности – Аргентины¹⁶.

Очередным ярким примером «капитализма для избранных» стала серия арестов руководителей группы «Сумма» (З. Магомедова, М. Магомедова, А. Максидова), которая, по словам экспертов, представляет собой «наиболее непрозрачную частную холдинговую структуру в стране; гигантский диверсифицированный холдинг, объединяющий активы в портовой логистике, инжиниринге, строительстве, телекоммуникационном, нефтегазовом и других секторах», причем столь впечатляющих успехов бизнес-империя никак не смогла бы достичь без покровительства в Правительстве¹⁷.

Преследование личных интересов, являющееся непременным атрибутом «капитализма для избранных», как по цепочке, передается от высших чинов государственной власти на региональный уровень управления и далее к хозяйствующим субъектам. Свидетельствующую об этом череду коррупционных скандалов на местном уровне власти всё чаще дополняют трагические события, не поддающиеся никакому иному объяснению.

Пожар в «Хромой лошади», массовое отравление детей свалочным газом в Волоколамске, ставшие уже регулярными авиакатастрофы¹⁸ и, конечно, недавняя трагедия в Кемерово,

¹⁵ Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–82.

¹⁶ Цели устойчивого развития ООН и Россия: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2016. С. 55.

¹⁷ Решающий удар по Дворковичу. И по Медведеву. Режим доступа: <http://politinform.su/tochka-zreniya/89036-reshayuschiy-udar-po-dvorkovichu-i-po-medvedevu.html>

унесшая жизни 64 человек, в т.ч. более 40 детей, – всё это не только трагические события для России, но и неоспоримое доказательство того, что в ручном режиме, без отлаженной на всех уровнях системы управления, ни о каком «прорывном развитии» не может быть и речи. Потому что «со времен французского философа XVIII века Шарля Монтескье не изобретено ничего более разумного для управления государством, чем разделение властей»¹⁹.

Конечно, за каждое головотяпство он [Президент] непосредственно отвечать не может. Но у любого мелкого разгильдяя, типа отключившего пожарную сигнализацию охранника «Зимней вишни», есть начальник, а у того свой... И все крупнейшие катастрофы последнего десятилетия показывают: самый главный босс, если он достаточно близок к Кремлю, всегда выходит сухим из воды... Мэр Москвы Юрий Лужков не ответил за 68 человек, раздавленных крышей государственного унитарного предприятия «Басманный рынок». Председатель правления РАО «ЕЭС» Анатолий Чубайс оказался не виноватым в смерти 75 человек в аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Ведущий акционер Evraz Group Роман Абрамович и его партнёры остались безнаказанными после погубивших 201 человека взрывов в шахте «Распадская» и выброса метана на шахте «Ульяновская». К хозяину ОАО «Судоходная компания Камское речное пароходство» Михаилу Антонову никаких претензий за смерть 122 пассажиров и членов команды теплохода «Булгария»...

Зная о своей неприкасаемости, подобные персоны расслабляются и смотрят сквозь пальцы на бардак у подчинённых. Те не обращают внимания на разгильдяйство своих подчинённых, и так до самого низа, включая охранника пожарной сигнализации²⁰.

¹⁸ Крупные авиакатастрофы в России происходят фактически ежегодно и в общей сложности за последние 6 лет унесли жизни более 350 чел.: 11 февраля 2018 г. (71 чел.), 15 ноября 2017 г. (6 чел.), 25 декабря (92 чел.) и 19 марта (10 чел.) 2016 г., 21 октября 2014 г. (4 чел.), 17 ноября 2013 г. (50 чел.), 11 сентября (10 чел.) и 2 апреля (33 чел.) 2012 г., 7 сентября и 21 июня 2011 г. (по 44 чел. в каждой).

¹⁹ Варыханов С. Сверхзадача четвертого срока Путина // Независимая газета. 2018. 22 марта. Режим доступа: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-03-22/3_7195_kartblansh.html

²⁰ Некрасов Ю. Не сгорайте до выборов Путина! // Газета «Завтра». 2018. 28 марта. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/ne_sgorajte_do_viborov_putina

В 2018–2024 гг. актуальность задачи по обеспечению национальной безопасности выходит на **качественно новый уровень**.

Во-первых, потому что «гибридная война» против России «входит в активную фазу реализации», что наглядно продемонстрировала ситуация вокруг так называемого «дела Скрипаля»; новый пакет экономических санкций, ставящий под угрозу и экономическую, и политическую ситуацию в стране; а также очередной виток эскалации сирийского конфликта, который был спровоцирован так пока еще никем не доказанной химической атакой в сирийском городе Дума.

Как отмечают эксперты, «накал истерии на Западе — это, безусловно, подготовка населения к тому, что удар по России — это морально оправданное и практически необходимое дело. Ненависть к России захватывает целые слои населения, она становится совершенно иррациональной. Это то, с чем мы будем жить ближайшие годы»²¹.

Ивашов Л.: «Против России операция „гибридная война“ ведётся на плановой основе. Она была запущена с момента введения санкций в 2014 г., 2 августа 2017 г. план операции был утвержден окончательно, с 2018 г. начинается активная фаза её реализации. Замысел операции противника можно сформулировать так: «Используя экономическую слабость России и отсутствие устойчивой системы государственного управления, полномасштабную многоуровневую коррумпированность органов государственной власти, самый высокий в мире разрыв доходов населения, разобщённость и апатию офицерского корпуса, склонность большого числа офицеров и чиновников высокого ранга к услужению кому угодно ради денег, комфорта и удовольствий, — осуществить наступательную операцию гибридного типа с целью ликвидации российской государственности и приведения остатков Российской Федерации под полный контроль правительства, Конгресса и Федеральной резервной системы США, главный удар нанести по системе госуправления, производственному сектору экономики и финансовой системе государства»²².

²¹ Фурсов А. О коварстве англичан и «бандеризации» Украины // Аргументы недели. 2018. №13(606) 5 апр. <http://argumenti.ru/society/2018/04/568551?typelink=openlink>

²² Ивашов Л. Гибридные войны // Газета «Завтра». 2018. 28 марта. — Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/gibridnie_vojni

Во-вторых, потому что уходит время и, как справедливо подчеркнул В. Путин, «скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. **Тех, кто не сможет этого сделать, она — эта волна — просто захлестнёт, утопит...**»

Следует отметить еще один важный момент: «рубежность исторического периода», «мобилизация общества», «готовность российской экономики к ответу на глобальные вызовы» — всё это звучало в выступлениях Путина и раньше, **но есть объективный критерий — это его последняя «шестилетка».**

Путин В.В.: «Мы обязаны сконцентрировать все ресурсы, собрать все силы в кулак, проявить волю для дерзновенного, результативного труда. **Не сделаем этого — не будет будущего ни у нас, ни у наших детей, ни у нашей страны. И вопрос не в том, что кто-то придёт, захватит и разорит нашу землю. Нет, дело совершенно не в этом. Именно отставание — вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться**»²³.

«Неудовлетворенность населения поведением элиты в рамках предыдущего политического цикла естественно перетекает в рамки следующего общественного договора. Нет никакой уверенности в том, что российские элиты справятся с вызовами холодной войны, с модернизационным экономическим рывком, обозначенным в Послании президента, а также с транзитным периодом ближайшего путинского срока. Пожалуй, главным вопросом остается субъектность российской элиты в вопросе заключения нового общественного договора и его повестка. Проще говоря, что готова предложить элита населению в обмен на делегированные полномочия. Ведь по многим актуальным пунктам очевиден идейный тупик... Как могли бы выглядеть условия этого общественного договора? Элита получает право подготовить страну к транзитному периоду и возможность встроиться в новую систему власти, то есть шанс остаться элитой и после 2024 года.

²³ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

Из открытого письма правления «Камчатского краевого союза родовых-семейных рыболовецких общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и ДВ «Кизвизвэч»:

«Владимир Владимирович, мы голосовали за Вас. И хотим озвучить в процентах, почему россияне, в том числе и Камчатка, пошли за Вами:

20% голосов – это Ваши успехи в ВПК, строительстве армии и защите внешнего суверенитета;

40% голосов за Вас – это вера в то, что Вы полностью меняете правительство, а значит, и сам подход к развитию страны, в которой чиновник перестанет относиться к труду как к быдлу;

40% голосов мы отдали за Вас в уверенности, что Вы и Ваша команда **восстановят законы, по которым вор не только должен и будет сидеть в тюрьме, но и будет конфисковано всё его имущество и имущество его близких родственников, которое уже по определению вор нажил незаконно.** Тогда у нас не будет таких страшных пожаров, как в Кемерово, не будут горячий асфальт укладывать в воду, стадионы не будут стоить как целые города. ВВП страны в одиночку вырастет в среднем на 40% от сегодняшнего, а ежегодный рост экономики по темпам будет опережать Китай. **А самое главное – в России не будет нищих. Опасно будет воровать, так как исчезнет круговая порука между жуликами. Страх неотвратимости наказания всех чиновников сделает равными перед законом.** И у государства будут средства на всё»²⁴.

Народ, в свою очередь, желает получить:

1) справедливость – элиты должны солидаризироваться с обществом;

2) безопасность и защиту от внешних угроз;

3) уверенный рост доходов и возможностей реализации как минимум своего трудового потенциала вследствие развития экономики;

4) сохранение социальных гарантий и их защиту от бухгалтерских реформ;

5) поддержку развития реальной политической конкуренции».²⁵

Таким образом, тенденции мирового развития предъявляют нарастающие требования к

²⁴ Президент! Ты нас не продай! // Аргументы недели. 2018. № 13(606). 5 апр. <http://argumenti.ru/society/2018/04/568556?typelink=openlink>

²⁵ Скоробогатый П., Гурова Т. Мандат развития // Эксперт 2018. № 13. 26 марта – 1 апреля. Режим доступа: <http://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/ekspert/issues/13-2018/pages/10/>

эффективности государственного управления, поэтому в 2018 г. В. Путиным поставлены не менее (а, по сути, даже более) амбициозные задачи, чем в майских указах 2012 г.:

– «к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза», то есть с 627 (по данным Росстата²⁶ на 2017 г.) до 941 тыс. руб.;

– «к концу следующего десятилетия уверенно войти в клуб стран «80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет» (хотя это не соотносится ни с текущей динамикой, ни с прогнозами официальной статистики)²⁷;

– выстроить экономику «с темпами роста выше мировых» (хотя по данным Всемирного банка, за период с 2012 по 2016 г. мировой темп роста ВВП увеличился с 2,4 до 2,5%; в России – снизился с 3,7 до -0,2%²⁸);

– и т.д. (см. приложение 2).

Перед Правительством была поставлена задача «за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности», что, по сути, означает снижение доли населения, проживающего за чертой прожиточного минимума, с 13,8 до 6,9% от общей численности населения России, или с 20,3 до 10,1 млн. человек²⁹. Однако ни по данным официальной статистики (рис. 1), ни по субъективным оценкам населения (рис. 2) пока не видно, за счет чего может быть совершен столь значительный прорыв в динамике уровня и качества жизни. По крайней мере, с 2008 г. никаких значимых изменений в этом вопросе не наблюдалось.

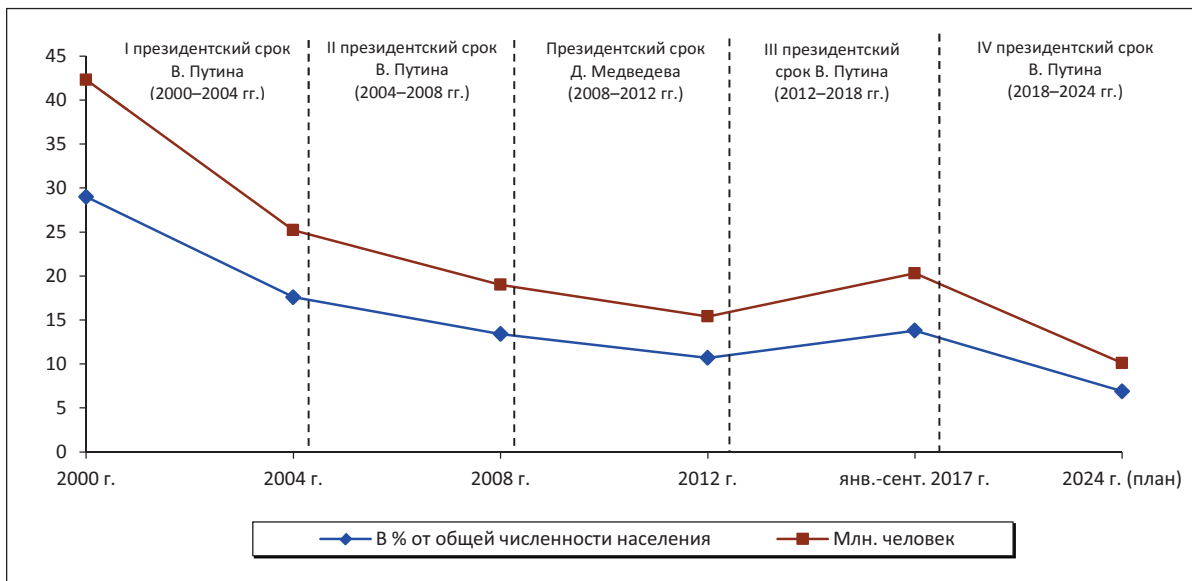
²⁶ Рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (источник: www.gks.ru)

²⁷ По данным Росстата ожидаемая продолжительность жизни в России за период с 2000 по 2017 г. действительно увеличилась (причем весьма существенно), однако прирост за этот период составил лишь 7,34 года (с 65,34 в 2000 г. до 72,70 в 2017 г.). Соответственно, чтобы реализовать это поручение Президента, темп роста продолжительности жизни должен увеличиться в 1,5–2 раза. Вместе с тем, по прогнозам Росстата, в 2030 г. продолжительность жизни в России будет составлять: по низкому варианту – 74,15 года; по среднему сценарию – 77,22; по высокому – 79,76 года (источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn7.xls).

²⁸ Данные Всемирного банка. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org>

²⁹ Данные Росстата за период с января по сентябрь 2017 г. (источник: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/252.htm).

Рис. 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения)*

* Показатели 2024 г. рассчитаны авторами по данным Росстата, исходя из задачи «за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности», зафиксированной в поручениях Президента по итогам Послания Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.

Источник: данные Росстата (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc)

Рис. 2. Динамика социальной самоидентификации населения (формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?», в % от числа опрошенных)

Источник: данные ВолНЦ РАН.

Практика действующей системы государственного управления свидетельствует о том, что анонсированный Президентом прорыв во внутреннем развитии (который в будущем должен стать фундаментом высоких и стабильных геополитических позиций России на мировой арене) произойдет только в том случае, если мобилизационный импульс, прозвучавший в Послании, не «канет в лету», а будет поддержан соответствующими управленческими решениями органов власти на всех уровнях.

Для этого главе государства необходимо в кратчайшие сроки преодолеть существующие, прежде всего, ценностно-идеологические пороки властвующих элит. Создать механизм по системному и эффективному преодолению «капитализма для избранных» в системе государственного управления, в условиях которого максимум на что можно рассчитывать — это «латание дыр» в ручном режиме. «Главнейшей и насущной задачей четвертого президентского срока В. Путина, причём независимо от того, желает того он и его окружение или нет, объективно будет являться фактическая пересборка России.

Исчерпанность прежнего «встраивающего» проекта очевидна, цепляться за него дальше губительно для народа и страны, а также — что важно! — для той части элиты, что осталась президенту лояльна. Начинать такую пересборку в ближайшее время придётся по причинам абсолютно объективным: в режиме усиливающейся конфронтации действующие экономическая и политическая модели становятся всё менее состоятельными. Созданные для совершенно иных целей и в принципиально иных условиях, они не могут теперь гарантировать правящим кругам РФ даже простого выживания в сколько-нибудь долгосрочной перспективе... западные стратеги новой холодной войны, осознанно или нет, обостряют в России проектный кризис, способствуют усилению турбулентности.

Выход из её зоны видится пока смутно, но совершенно очевидно, что простой консервацией существующего — а так, вероятно, мечталось бы многим в российских верхах — проблемы не решить. **Внутренняя переструктуризация: мягкая, добровольная, либо жёсткая, вынужденная — вот к чему влечёт страну логика начавшегося исторического процесса. Такая переструктуризация, без сомнения, будет сопровождаться внутренним кризисом. Но необходимо осознать**

и другое: малодушный отказ от неё с огромной долей вероятности приведёт Россию к историческому поражению, ещё более тяжкому, чем понесённое в 1989—1991 годах»³⁰.

Во многих своих выступлениях В. Путин подчеркивает убежденность в том, что Россия готова дать ответ на глобальные вызовы и что ключевые задачи, стоящие перед страной, **мы не просто обязаны, но и сможем решить.** И, судя по результатам президентских выборов, оптимизм главы государства разделяет и общество. Однако, как показал опыт реализации майских указов 2012 г., пока не изменятся ценностные приоритеты властвующих элит, сложно не разделять скептицизм и опасения экспертов, считающих, что «**после президентских выборов 2018 г. не предвидится каких-либо существенных изменений в правительстве: ни по общему вектору, ни по персоналиям. Впрочем, трудно рассчитывать и на то, что если изменения произойдут, то они, при всей своей сенсационности, окажутся к лучшему**»; «**нас со значительной долей вероятности ожидает период серьёзной турбулентности, и сколь она будет сильна, делается ясно в ближайшие год-полтора...**»³¹

Таким образом, не вдаваясь в подробности фактически 30-летней социальной трансформации, отметим, что с момента распада Советского Союза (когда, по мнению многих ученых, «было разорвано поступательное развитие российского социума»³²) россияне пережили кризисное десятилетие «лихих 90-х», стабилизационный (адаптационный) период «тучных 2000-х», после которых в российском обществе стала накапливаться критическая масса в ожидании перемен, чтобы гордиться своей страной не только в плане спортивных, военных или исторических достижений, но и, прежде всего, динамикой уровня и качества жизни.

За предыдущие 18 лет Президентом был подготовлен плацдарм для того, чтобы современная Россия оказалась лицом к лицу с теми

³⁰ Бойков И. Кризис переструктуризации // Газета «Завтра». 2018. 29 марта. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/krizis_perestrukturizacii

³¹ Делягин М. Россию ведут к той же пропасти, что и Украину // Официальный сайт агентства политических новостей «Северо-Запад». Режим доступа: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article27881.htm>

³² Тошенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. С. 14-15.

вопросами, которые стояли перед СССР в конце 80-х и которые Советский Союз оказался неспособным решить — задача преобразования страны в соответствии с изменившимся мировым порядком без потери геополитического статуса. В своем Послании В. Путин сделал следующий шаг на пути к новому этапу, поставив очередные цели и задав мобилизационный импульс для их достижения. Второй шаг сделало общество, столь же «мобилизационно» поддерживая программу действий национального лидера.

Перед СССР в определенный момент встали задачи достижения нового уровня достатка и свободы. Он уже один раз почти справился, в 60-е, но в истории раз и навсегда выполненные задачи встречаются крайней редко. А в конце 80-х годов не справился совсем... Эта же самая задача стоит перед нами и сейчас. Но надо понимать: то, что предпринимает Путин, это не возврат в СССР — а возврат к той задаче, которая стояла перед СССР. И которая не была решена... Произошло то, что редко бывает в истории. Мы своими руками создали шанс повторить то, что когда-то не получилось, усвоив уроки³³.

На протяжении всего этого периода «олигархический капитализм» правящих элит являлся препятствием для реализации национальных интересов, поэтому третьим шагом на этом пути, возможно, станут кадровые перестановки в Правительстве, которые могут произойти уже в ближайшие месяцы, после инаугурации главы государства. «Элита не понимает или недооценивает всех рисков, накопленных в обществе. Ей кажется, что убедительная победа президента дает ей карт-бланш двигаться в целом с тем же темпом и управлять теми же методами. А мы позволим себе задаться радикальным вопросом: избавляет ли нас триумф Владимира Путина от возможности «русского майдана», то есть от глобального политического кризиса, в 2024 году? Увы, нет. И дело не в президенте, а в элите. Ей сейчас кажется, что есть шесть лет на то, чтобы подготовиться к спокойному транзиту власти за пределами путинской эпохи. Не напрягаясь исполнять указы и следовать заданным направлениям, а между тем готовить

³³ Путин сделал Россию снова великой // Эксперт. 2018. №10 (1066). 5 марта. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2018/10/putin-sdelal-rossiyu-snova-velikoj/>

капитал и связи для победы в 2024 году. Это иллюзия. Если каждый месяц, каждый квартал, каждые полгода мы не будем чувствовать, что страна растет, внутренне развивается, накапливает силу, то каждый месяц, каждый квартал и каждые полгода мы будем все быстрее терять тот капитал консолидации, который приобрели 18 марта 2018 года. И растратим его много раньше 2024 года. Двух лет окажется достаточно»³⁴.

«Всё течет, всё изменяется», — неоднозначно ответил Президент после своей победы на выборах на вопрос журналиста о возможных изменениях в системе управления³⁵. С этим не поспоришь, но времени для решительных действий остается всё меньше, потому что в 2024 году вокруг выборов главы государства может быть совершенно иная, гораздо более напряженная обстановка. **В каком состоянии подойдет Россия к этому, в очередной раз рубежному периоду? Удастся ли ей сохранить и усилить свой суверенитет в условиях нагнетающейся обстановки на международной арене и набирающей обороты геополитической конкуренции? Сможет ли система государственного управления функционировать в унисон с национальными интересами широких слоев населения? Ответы на эти вопросы мы получим уже очень скоро.**

Как и в начале 2012 г., нацеленность Президента на мобилизационный прорыв в решении внутренних проблем страны серьезно осложняется ситуацией на внешней политической арене, что, вероятно, вновь потребует от него приоритетного внимания урегулированию международных отношений. В этих условиях поручения главы государства по реализации Послания Федеральному Собранию 2018 г. может постигнуть та же участь, что и майские указы 2012 г., и, чтобы этого не случилось, Президенту нужна сплоченная команда единомышленников, которые так же, как он сам, осознают и принимают на себя **персональную ответственность за обеспечение национальной безопасности.**

³⁴ Скоробогатый П., Гурова Т. Мандат развития // Эксперт. 2018. № 13. 26 марта — 1 апреля. Режим доступа: <http://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/ekspert/issues/13-2018/pages/10/>

³⁵ Стенограмма ответов В.Путина на вопросы журналистов после завершения выборов Президента 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57085>

В. Путин: «У каждой страны есть свои интересы. У России, у стран Ближневосточного региона – у Ирана, Саудовской Аравии, Египта, Турции, Израиля, Иордании. Есть свои интересы у таких глобальных игроков, как Соединённые Штаты, Китай, Индия... Первое, что нужно всегда делать, – это с уважением относиться к их интересам, добиваясь того, чтобы они относились с уважением к нашим... Если кем-то принято решение уничтожить Россию, у нас возникает законное право ответить. Да, для человечества это будет глобальная катастрофа, для мира будет глобальная катастрофа, но как гражданин России, как глава российского государства, хочу задать вопрос: **а зачем нам такой мир, если не будет России?»**³⁶

В сегодняшних условиях, когда все усилия «коллективного Запада» во главе с США

³⁶ Мировой порядок – 2018: документальный фильм В. Соловьева.

и Великобританией направлены на то, чтобы ограничить экономический и политический рост России, и справедливо связывают этот рост лично с **В. Путиным**, хочется пожелать ему удачи: в том, чтобы он смог выдержать очередной виток давления со стороны «зарубежных партнеров»; в том, чтобы его политический опыт и решительные действия как главы государства помогли ему уберечь страну от предательства элит, которого так упорно добиваются наши «заокеанские друзья» (этот прием сработал в 1991 году, и он не должен повториться снова), и, наконец, в том, чтобы у него появилась команда ответственных профессионалов, ставящих во главу угла национальные интересы, а не личную выгоду.

Тогда и только тогда «в России не будет нищих...» и Президент сможет в полной мере реализовать основные положения Стратегии национальной безопасности, за которые принял персональную ответственность.

Приложение 1

Сведения о достижении показателей по некоторым поручениям, установленным в майских указах Президента РФ

Источник	Поручение Президента	Факт*	Отклонение
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»	«Повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 году до 50-й - в 2015 году и <u>до 20-й – в 2018 году</u> »	35 место** (2018 г.)	- 15 ед.
	«Увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте <u>к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года</u> »	22,1% (2017 г.)***	- 3,5%
	«Создание и модернизация <u>25 млн. высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году</u> »	15983,279 тыс. ед. (2016 г.)	- 9,02 млн.
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»	«Увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы в <u>1,4 - 1,5 раза</u> »	100,8% (2016 г.)****	-56%
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»	«Снижение смертности от новообразований (в том числе от злокачественных) <u>до 192,8 случая на 100 тыс. населения</u> »	196,9 на 100 тыс. нас. (2017 г.)	- 4,1 на 100 тыс. нас.
	«Снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий <u>до 10,6 случая на 100 тыс. населения</u> »	13,6 на 100 тыс. нас. (2017 г.)	-3 на 100 тыс. нас.
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»	«Увеличение <u>к 2015 году</u> внутренних затрат на исследования и разработки <u>до 1,77 процента внутреннего валового продукта</u> »	1,10% (2016 г.)	-0,67%
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»	«До 2020 года – предоставление доступного и комфортного жилья <u>60 процентам российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия</u> »	5% (2016 г.)	-55%

Источник	Поручение Президента	Факт*	Отклонение
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»	«Обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет»	72,7 лет (2017 г.)	-1,3 лет
* Данные Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru). ** Источник: Doing Business 2018. Всемирный банк опубликовал рейтинг стран по простоте ведения бизнеса [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://novorusmir.ru/archives/31784 *** В 2011 г. доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте составляла 19,7%. По Поручению Президента к 2018 г. необходимо достигнуть уровня 25,6%. **** В 2012 г. реальная начисленная заработная плата в процентах к предыдущему году составляла 108,4%.			

Согласно данным Росстата за 2016–2017 гг. многие поручения Президента, зафиксированные в майских указах 2012 г., остаются невыполненными, причем это касается самых разных сфер: экономики, науки, демографии, уровня и качества жизни населения. В Послании Федеральному Собранию 2018 г. Президент упомянул о том, что при реализации майских указов возникли «какие-то недовыполнения», однако их вполне достаточно для обоснованной настороженности экспертов: «Непроведенная работа над ошибками заставляет задуматься, а что из нынешнего громадья планов труднореализуемо, что попало в текст впопыхах или в надежде на короткую память населения?»³⁷

Приложение 2

**Перечень поручений по реализации Послания Президента
Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года**

Поручение	Срок	Ответственный
Увеличение народонаселения, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году и до 80 лет к 2030 году	До 15 апреля 2018 г. раз-работать соот-ветствующий проект указа Президента РФ	А.Э. Вайно (Администрация Президента Российской Федерации)
Повышение уровня жизни граждан, устойчивый рост их реальных доходов и рост уровня пенсий выше инфляции, снижение вдвое уровня бедности в стране		
Вхождение в число пяти крупнейших экономик мира, в том числе обеспечение темпов экономического роста выше мировых		
Обеспечение комфортной среды, включая улучшение жилищных условий не менее чем 5 миллионов семей ежегодно		
Создание условий для самореализации граждан, в том числе формирование механизмов поиска и поддержки талантов		
Разработка национальных целей, соответствующих целевых показателей и стратегических задач в сфере здравоохранения, образования, демографии, жилья и городской среды, международной кооперации и экспорта, производительности труда, малого бизнеса и поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы, безопасных и качественных дорог, экологии, цифровой экономики		
Разработать целевые параметры и основные задачи комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года, разрабатываемого на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации.		
Обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих совершенствование порядка определения кадастровой стоимости объектов недвижимости в целях недопущения применения при налогообложении величины кадастровой стоимости объекта недвижимости, превышающей величину его рыночной стоимости	15 июля 2018 г.	Д.А. Медведев (Правительство РФ)
С учётом ранее данных поручений завершить работу по закреплению правового статуса самозанятых граждан		
Представить предложения по совершенствованию механизмов оказания социальной помощи населению, обеспечить её предоставление исходя из принципов справедливости, адресности и нуждаемости		

³⁷ Комраков А. Социологи оценили реакцию населения на обещания Владимира Путина // Независимая газета. 2018. 14 марта. Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2018-03-14/4_7189_putin.html

Поручение	Срок	Ответственный
В целях поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей обеспечить продление действия льготных тарифов на перевозку зерна железнодорожным транспортом и предусмотреть дополнительные закупки зерна в регионах, удалённых от рынков сбыта	15 июля 2018 г.	Д.А. Медведев (Правительство РФ)
Подготовить с участием Торгово-промышленной палаты Российской Федерации и ведущих общественных объединений предпринимателей и представить предложения о направлениях и механизмах нормативного обеспечения улучшения условий предпринимательской деятельности		
Разработать и утвердить план действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до 25 процентов их доли в валовом внутреннем продукте	15 июля 2018 г.	Д.А. Медведев, Э.С. Набиуллина (Правительство РФ, Центральный банк РФ)
Представить предложения по декриминализации отдельных деяний, совершённых предпринимателями в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности, предусмотрев при необходимости последующую квалификацию таких деяний в качестве административных правонарушений	1 декабря 2018 г.	А.Э. Вайно, В.М. Лебедев (рабочая группа по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства совместно с Верховным Судом РФ)

Поручения Президента по реализации Послания Федеральному Собранию содержат конкретные целевые показатели, сроки для разработки мер по их реализации, зафиксирована персональная ответственность должностных лиц. Это подтверждает серьезность намерений В. Путина по достижению стратегических целей на 2018–2024 гг. – преодоление отставания, решительный прорыв в народосбережении. «Подавляющее большинство граждан (81%) считает озвученные Президентом задачи конкретными и реальными, однако только 34% верят, что они будут реализованы в ближайшее время, а 47% полагают, что из-за коррупции и бюрократии во власти они выполнены не будут».³⁸

Литература

1. Коротаяев С.А., Шкаратан О.И. Постсоветская государственность и общество. Статья 3. Укрепление государственности и социальный контракт между обществом и властью // *Общественные науки и современность*. 2018. № 1. С. 59–73.
2. Послание Президента Федеральному Собранию 12.12.2012 // *Официальный сайт Президента РФ*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
3. Глазьев С.Ю. Почему Путин? // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012. № 2. С. 31–37.
4. Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // *Официальный сайт Президента РФ*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
5. Цели устойчивого развития ООН и Россия: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2016. 298 с.
6. Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // *Вопросы экономики*. 2013. № 4. С. 68–82.
7. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

³⁸ Комраков А. Социологи оценили реакцию населения на обещания Владимира Путина // *Независимая газета*. 2018. 14 марта. Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2018-03-14/4_7189_putin.html

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

“...And Most Importantly, There Will Be No Destitute People in Russia” “Capitalism for the Few” – a Key Problem of National Security

Abstract. The article deals with the problem of poverty and other consequences of the inefficient current system of public administration. The current state of affairs concerning the implementation of the May 2012 decrees, the long-term dynamics of official statistics and sociological surveys, concrete facts, and assessments of many experts suggest that the orientation of the ruling elites toward obtaining personal benefits is the main threat to the implementation of the tasks set out by the President (overcoming the lag; finding breakthrough solutions to the country’s internal problems) and to the achievement of specific development indicators that he pointed out in the Address to the Federal Assembly on March 1, 2018. The article provides information on major results of the 2012 and 2018 presidential elections indicating a significantly increasing support for Vladimir Putin in Russian society (especially in large cities) and at the same time the people’s rising hopes for his showing the political will and making decisive action on the nationalization of the elites that hinder the implementation of national interests in the dynamic development of the standard of living and quality of life. Vladimir Putin’s fourth presidential term, as well as the previous one, begins in an unstable and extremely tense international political situation that, obviously, will require additional attention from him, thus bringing to the fore the problem of responsibility and professionalism of the ruling elites that are first of all responsible for the implementation of national security priorities in domestic socio-economic development. According to many experts and a significant part of the population, it is possible to achieve the targets for the coming years and specific indicators set out in the May 2012 decrees of Vladimir Putin after his Address to the Federal Assembly only if there is a cohesive team focused on national interests and working in unison with the President who has assumed personal responsibility for resolving key problems of the country, as reflected in the 2016 national security strategy.

Key words: national security, public administration efficiency, “capitalism for the few”, Address to the Federal Assembly, President’s orders.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru).

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2

УДК 338.47+332.1, ББК 65.37+65.9(2Рос)

© Бардаль А.Б.

Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике

**Анна Борисовна
БАРДАЛЬ**

Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: Bardal@mail.ru

Аннотация. Взаимное влияние развития транспорта и экономики является объектом научных исследований достаточно давно. Несмотря на это, до настоящего времени не сложилось единой точки зрения, результаты оценок различных авторов противоречивы. Дальний Восток России является регионом, для которого значимость транспортного комплекса сложно переоценить. Дополнительная актуальность данному направлению исследований задается применением новых форм и инструментов государственной политики по отношению к региону, а также появлением новых перспективных направлений внешнеэкономических взаимодействий в области транспорта. Цель представляемого исследования заключается в анализе динамики роли транспорта в экономике Дальнего Востока России в период 2000–2016 гг. и в изучении факторов, влияющих на значимость транспорта в региональной экономике на современном этапе. В качестве методологической основы исследования были использованы системный подход, методы системно-функционального и статистического анализа. Оценки вклада транспортного комплекса в общую экономическую динамику получены посредством применения метода структурных сдвигов. В работе представлены результаты расчетов разложения приростных показателей занятости и среднегодовой стоимости основных фондов транспортного комплекса Дальнего Востока (с декомпозицией в разрезе субъектов РФ в ДФО) за 2000–2016 гг. на три составные части: национальный, региональный и отраслевой компоненты. Отмечается, что при сохранении транспорта в качестве сектора специализации экономики Дальнего Востока (коэффициенты локализации

Для цитирования: Бардаль А.Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 24–36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2

For citation: Bardal' A.B. The transport complex of the Far East: development trends and economic role. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 24–36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2

по занятости, инвестициям и основным фондам превышают единицу), в регионе происходит снижение численности занятых в данной отрасли. Полученные отрицательные оценки регионального компонента динамики занятости свидетельствуют о «нереализованной» в субъектах РФ в ДФО занятости в связи с негативной региональной спецификой развития транспортного комплекса. При анализе среднегодовой стоимости основных фондов определено положительное влияние отраслевого и регионального компонентов. В дальнейшем актуальным направлением исследований станет продолжение работ по оценке роли транспортного комплекса в экономике региона, а также изучению влияния новых факторов на развитие транспорта Дальнего Востока.

Ключевые слова: региональная экономика, транспортный комплекс, экономика транспорта, Дальний Восток России, факторы развития транспорта, метод структурных сдвигов.

Введение

Наличие на определенной территории транспортного комплекса, функционирующего соразмерно потребностям экономики, является одним из базовых условий развития. Выявленная нелинейность между изменением параметров транспорта (расходами на перевозку) и изменением масштабов экономики, динамики ее структуры и расположения производственных объектов, следовавшая из постулатов новой экономической географии, подтвердила тезис о наличии тесной связи между развитием транспорта и экономики [1; 2]. Дальнейшие научные теоретические исследования и анализ практических примеров современной экономической ситуации в национальных экономиках мирового хозяйства и отдельных регионах констатируют возрастающую роль транспорта в экономическом развитии стран и международной торговле¹.

При этом в рамках отдельных национальных экономик имеется специфика не только в формировании факторов развития транспорта, но и в региональных особенностях динамики транспортного комплекса для определенной территории. В связи с вышесказанным изучение роли транспортного комплекса, факторов, определяющих его значимость в экономике, специфики развития транспорта в определенном регионе, динамики процессов трансформации параметров транспортного комплекса и пр. является актуальным направлением исследований.

¹ *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991>; *World Development Report 1994: Infrastructure for Development*. World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5977>.

Цель представляемого исследования заключается в анализе динамики роли транспорта в экономике Дальнего Востока. При этом основные задачи работы состоят в изучении теоретических подходов к оценке роли транспорта в экономике, рассмотрении факторов, влияющих на значимость транспорта в региональной экономике на современном этапе.

В качестве объекта исследования представлен Дальний Восток России². Временной период изучения охватывает 2000–2016 годы.

Научные публикации в рамках данного вопроса состоят из нескольких содержательных блоков. Более общим по масштабу задач представляется изучение взаимосвязей транспорта (отдельных его видов) и экономики, спецификация факторов, определяющих уровень развития транспортного комплекса отдельных стран. Выводы, генерируемые в работах этого блока, не однозначны. Так, в работе Ансара и др. [3] утверждается, что позитивной связи между вложениями в развитие транспортной инфраструктуры и экономическим ростом не наблюдается. Авторы использовали метод оценки затрат и выгод для 95 проектов Китая (автомобильные дороги, включая мосты; линии железных дорог, не включая высокоскоростные). В результате сделан вывод о том, что выгоды от значительной части проектов на стадии рассмотрения были существенно переоценены, в то время как затраты и риски – недооценены. Это в итоге привело к отсутствию долгосрочного положительного эффекта от инвестиций в транспортную инфраструктуру (положительный эффект в большинстве изученных проектов генерировался лишь в течение срока строительства за

² Дальний Восток России здесь и далее рассматривается в границах ДФО.

счет увеличения числа рабочих мест и вовлечения смежных отраслей). Более того, авторы отмечают негативные аспекты для экономики, проявляющиеся в связи с реализацией транспортных проектов: отвлечение значительных ресурсов на неэффективные проекты; рост долговых обязательств, возникших при аккумулировании финансовых ресурсов для реализации проектов; увеличение денежной эмиссии. К рискам реализации транспортных проектов относится неполный учет вопросов безопасности движения при эксплуатации объектов и недооценка экологического ущерба при строительстве и эксплуатации. В другой работе Сюэлян хотя и получает положительные оценки эластичности развития инфраструктуры по отношению к экономическому росту для провинций КНР в период 1993–2009 гг., однако утверждает, что «теории западных стран, предполагающие, что инвестиции в транспорт способствуют региональному экономическому росту, оказались ошибочными для многих развивающихся стран» [4, с. 24–25].

В ряде работ на основе изучения специфики конкретных проектов фиксируется неоднозначность тезиса о положительном влиянии развития транспортной инфраструктуры на экономическое развитие. Так, в работе Ченг Лу и Викаермана [5] приводится сравнительный анализ строительства высокоскоростных железных дорог в ЕС (Северо-Европейская сеть дорог, соединяющая крупные города нескольких стран) и КНР (национальная сеть дорог, связывающая прибрежные и внутренние города). Авторы делают вывод об отсутствии универсального подхода при рассмотрении вопроса развития транспортной инфраструктуры, т.к. сам факт строительства новых дорог не гарантирует положительного воздействия на экономические процессы. Определяющими становятся дополнительные факторы, такие как конфигурация сетей, наличие возможности развития территорий, входящих в зону обслуживания новых маршрутов, целевые установки государства при создании новых элементов инфраструктуры и т.д. Позднее Чен и Викаерман [6], рассматривая эффекты от строительства высокоскоростных железных дорог на структуру экономики городских агломераций Китая и Англии, отмечают зависимость получаемых эффектов от начального типа экономики и уровня

ее развития. Авторы приходят к выводу о том, что создание ВСМ в регионе с более развитой экономикой в большей мере способствует конвергенции между агломерациями, связанными новой инфраструктурой, а также усиливает экономическое притяжение данного региона для производственного сектора смежных территорий. Тогда как в регионе с менее развитой экономикой может наблюдаться эффект усиления отраслевой специализации, имеющей следствием рост конвергенции совокупной производительности, но не экономической структуры.

В зарубежной научной литературе значительный ряд публикаций, связанных с оценкой эффектов развития транспортной инфраструктуры на экономические параметры региона или национальной экономики с использованием подхода «затраты-выгоды». Так, в работах Элиассона [7], Борджессона и др. [8], Элиассона и др. [9], Аннеммы и др. [10], Торсена и Торсена [11] и пр. оценивается эффективность инвестиций в транспортную инфраструктуру с учетом как традиционных факторов (сокращение времени и прямых затрат на перевозку, расширением доступности рынков для производителей и т.д.), так и дополнительных (изменение условий конкуренции на рынках товаров и рынках труда, изменение ценности распределения структуры времени для населения и повышение эффективности труда при сокращении времени на поездки и т.д.).

Некоторые авторы, признавая ценность подхода «затраты-выпуск», отмечают снижение частоты его применения и в связи с этим анализируют его недостатки и возможности совершенствования. Так, Джонс и др. [12] в своей работе рассматривают «узкие места» метода, связанные с неточной оценкой прогнозов транспортных потоков (в сторону завышения), недооценкой затрат на реализацию проекта, неточностью оценки экономии времени на транспортировку с использованием новой инфраструктуры, недооценкой рисков транспортных происшествий и оценки жизни, сложностью оценки распределения эффектов от проекта на локальном, региональном и национальном уровнях и пр. Ларид и др. [13] также говорят о необходимости развития метода «затраты-выпуск» при анализе инфраструктурных проектов, вызывающих значительные изменения условий транспортной доступности для

населения и производителей. Исследование Лакшманана [14] связано с оценкой широкого спектра эффектов от развития инфраструктуры, классифицируемых автором по уровням проявления (локальный, региональный, глобальный) и временным периодам (краткосрочный, долгосрочный и «очень долгий»).

В работах российских ученых по вопросам оценки влияния транспорта на экономику метод «затраты-выпуск» практически не применяется. Исследуются взаимосвязи параметров транспортного комплекса с отдельными макроэкономическими показателями национальной либо региональной экономики (ВВП, ВРП, денежные доходы населения и пр.). Подобный подход использован в работах Д.А. Мачерета и др. [15], Ю.А. Щербанина [16], И.И. Вахрамеева [17], Ю.Н. Гольской и И.А. Кузнецовой [18], Б.М. Лapidуса [19] и др. Ряд работ связан с применением межотраслевого баланса для оценки взаимодействия транспорта с другими отраслями экономики: Э.И. Позамантир [20], В.И. Ивантер, М.Н. Узяков., А.А. Широ и др. [21]. Вопросы изучения специфики регионального развития транспорта, включая факторы, его определяющие, анализ динамики ключевых показателей транспорта как части региональной экономической системы, рассматриваются в работах О. Ивановой [22], М. Петровневича [23] и др.

Методология исследования

В качестве методологической основы данного исследования были использованы системный подход, методы системно-функционального и статистического анализа. Применение этих методов позволило провести анализ транспортного комплекса как части региональной экономической системы, получить количественные показатели изменения роли транспортного комплекса в региональной экономике в разрезе отдельных показателей (занятость, основные фонды).

Оценки вклада отдельной отрасли в общую экономическую динамику могут быть получены посредством различных методов. Одним из широко применяемых в региональных исследованиях является метод структурных сдвигов. Он позволяет проанализировать относительную динамику регионального показателя на фоне национальной динамики. Метод структурных сдвигов включает разложение приростного

регионального показателя на три составные части, включая национальный, региональный компоненты и компонент отраслевой структуры [24].

С использованием этого подхода нами проанализирована динамика отдельных показателей транспортного комплекса Дальнего Востока (а также входящих в него субъектов РФ) за период 2000–2016 гг. в разрезе трех указанных выше компонентов. При этом национальный компонент транспортного комплекса (NS_{ir}^t) определялся как:

$$NS_{ir}^t = E_{ir}^{t-1} \frac{E_N^t}{E_N^{t-1}}.$$

Национальный компонент характеризует часть прироста регионального показателя (занятости, инвестиций и т.д.) динамики транспортного комплекса, пропорционального росту общероссийского показателя.

Региональный компонент динамики транспортного комплекса (RS_{ir}^t) определяет отклонение между величинами фактического и потенциального роста (если бы региональный транспортный комплекс рос темпом, соответствующим национальному транспортному комплексу):

$$RS_{ir}^t = E_{ir}^{t-1} \left(\frac{E_{ir}^t}{E_{ir}^{t-1}} - \frac{E_{iN}^t}{E_{iN}^{t-1}} \right).$$

Отраслевой компонент (MS_{ir}^t) показывает каким был бы прирост соответствующего показателя регионального транспортного комплекса, если бы он рос темпом, соответствующим национальному:

$$MS_{ir}^t = E_{ir}^{t-1} \left(\frac{E_{iN}^t}{E_{iN}^{t-1}} - \frac{E_N^t}{E_N^{t-1}} \right),$$

где E_{ir}^{t-1} – характеризует состояние регионального транспортного комплекса в базовом периоде (2000 г.);

E_{ir}^t – характеризует состояние регионального транспортного комплекса в текущем периоде (2016 г.);

E_N^{t-1} – характеризует состояние национального показателя в базовом периоде (2000 г.);

E_N^t – характеризует состояние национального показателя в текущем периоде (2016 г.).

В рамках данного исследования использование метода структурных сдвигов позволяет оценить региональные особенности динамики транспортного комплекса Дальнего Востока и субъектов РФ в ДФО, которые могут оказаться более либо менее эффективными по сравнению с общенациональной динамикой транспортного комплекса.

Результаты исследования

Развитие транспортной инфраструктуры стало одним из приоритетов в отношении восточных районов России на современном этапе. С 2000 г. на Дальнем Востоке реализованы либо находятся в процессе реализации различные по масштабам транспортные проекты. К наиболее значимым из них можно отнести: строительство специализированного нефтеналивного морского порта Козьмино, строительство мостовых переходов через бухту Золотой Рог и на о. Русский, реконструкция аэропорта Кневичи, строительство железной дороги Аэропорт – г. Владивосток в Приморском крае; реконструкция железной дороги о. Сахалин; строительство второй очереди железнодорожного моста через р. Амур, автомобильного моста на Большой Усурийский остров, реконструкция железнодорожного Кузнецовского тоннеля и строительство нового тоннеля в Хабаровском крае; развитие автодорожной сети и продолжение строительства Амуро-Якутской железной дороги в Республике Саха (Якутия) и т.д.

Реализация масштабных проектов (масштабных, в т.ч. с точки зрения инвестиционной емкости, сроков реализации, технологической составляющей), очевидно, привела к изменению характеристик транспортного комплекса региона. В связи с этим динамика ключевых показате-

телей функционирования транспортного комплекса может выступать не только инструментом определения векторов изменения макроэкономической роли транспорта, но и использоваться для косвенной оценки реального влияния на экономику реализованных на востоке страны транспортно-инфраструктурных проектов.

При этом дискуссионными остаются выбор подходов и адекватных методов оценки. Последние зависят от множества факторов: принципиального отношения к внутреннему содержанию транспортного процесса, целей проводимого анализа, масштаба рассматриваемых объектов, информационной базы исследования и т.д.

В данной работе мы будем рассматривать транспорт как одну из сфер материального производства³, используя показатели в рамках доступной официальной статистической информации в масштабе ДФО (с детализацией отдельных показателей и процессов в разрезе отдельных субъектов РФ в составе ДФО).

Транспорт традиционно относится к секторам специализации экономики Дальнего Востока. Оценивая коэффициент локализации, рассчитанный как соотношение долей соответствующего показателя (занятость, инвестиции, стоимость основных фондов), транспортного комплекса Дальнего Востока и России, отметим, что за период 2000–2016 гг. ситуация принципиально не изменилась (табл. 1).

Расчет коэффициентов локализации транспорта показывает, что он продолжает оставаться сектором специализации экономики Дальнего Востока⁴. При этом произошло относительное снижение коэффициента в части занятости и повышение коэффициента локализации стоимости основных фондов.

Таблица 1. Коэффициенты локализации транспорта ДФО

Показатель	2000	2010	2016
Занятость	1,5	1,3	1,3
Инвестиции в основной капитал	1,2	1,5	1,3
Основные фонды	1,2	1,3	1,7*
* Данные за 2015 г. Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. – М.: Росстат, 2015. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 20.12.2017); Транспорт и связь в России – 2016 г. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_5563/Main.htm (дата обращения: 20.12.2017).			

³ Оставляя за рамками работы рассмотрение транспорта как элемента сферы услуг. Подробнее см. [25].

⁴ Критерием отнесения к отраслям специализации принимается значение коэффициента локализации, превышающее единицу. Источник: [24, с. 16].

Однако Дальний Восток значительно дифференцирован в экономическом отношении. Понимая это, проведем декомпозицию в разрезе субъектов РФ на территории ДФО и рассмотрим составляющие отмеченных изменений в изучаемом периоде более подробно.

Занятость. Транспорт всегда выступал одним из основных секторов экономики с точки зрения привлечения трудовых ресурсов

Дальнего Востока. Однако за период 2000–2016 гг. численность занятых на предприятиях транспортного комплекса в абсолютном выражении сократилась на 15,9 тыс. чел. (5,1%), (табл. 2).

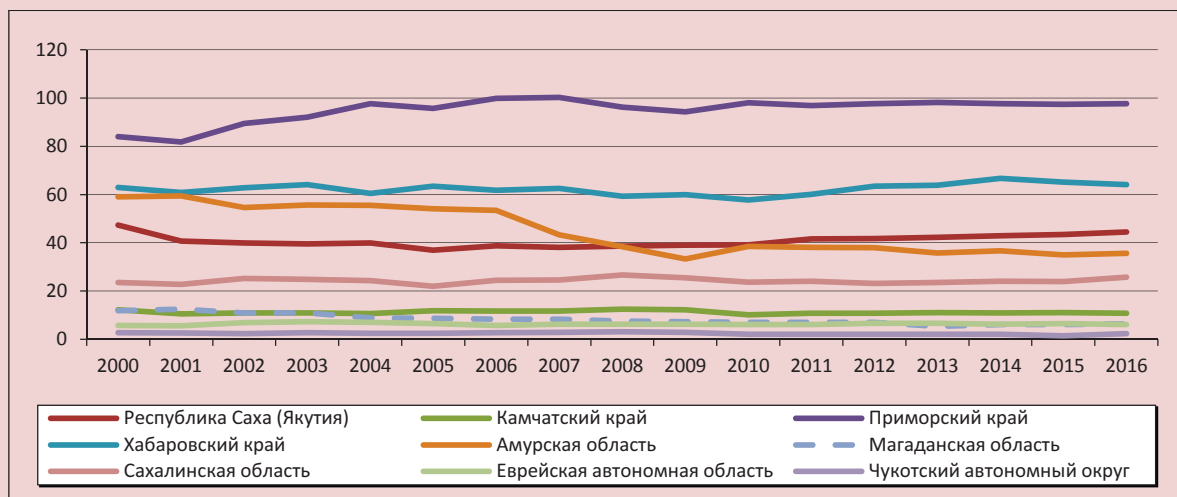
Изменение занятости на предприятиях транспорта в разрезе административно-территориальных субъектов в изучаемом периоде было неравномерным (рис. 1).

Таблица 2. Динамика изменения занятости на предприятиях транспорта

Административно-территориальные образования	Изменение численности занятых на предприятиях транспорта, 2000–2016 гг.		Доля занятых на предприятиях транспорта в общей численности занятых, %	
	тыс. чел.	%	2000 г.	2014 г.
РФ	938,5	22,7	6,4	7,0
ДФО	-15,9	-5,1	9,6	9,2
Республика Саха (Якутия)	-2,8	-5,9	10,0	9,2
Камчатский край	-1,5	-12,2	6,6	6,5
Приморский край	13,7	16,3	8,9	9,9
Хабаровский край	1,2	1,9	9,1	9,2
Амурская область	-23,3	-39,5	13,5	9,0
Магаданская область	-5,4	-45,8	10,6	6,9
Сахалинская область	2,3	9,8	8,4	9,1
Еврейская автономная область	0,4	7,0	8,0	8,8
Чукотский автономный округ	-0,5	-17,9	8,6	7,2

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 10.12.2017).

Рис. 1. Динамика занятости на предприятиях транспорта Дальнего Востока, тыс. чел.

Источники: составлено по: Среднегодовая численность занятых в экономике / Росстат. ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43216> (дата обращения: 20.03.2018); Транспорт в России (2002–2009 гг.) / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136983505312 (дата обращения: 20.03.2018).

Снижение занятости было обусловлено различными причинами. Так, в Магаданской области общее снижение численности населения привело к постепенному изменению системы пассажирских перевозок, сопровождавшемуся сокращением занятых, в т.ч. на транспорте. В Амурской области в рамках оптимизации расходов ОАО «РЖД» был закрыт ряд предприятий железнодорожного транспорта (вагонное депо Шимановская, вагонный участок Благовещенск и др.).

В отдельных субъектах РФ на Дальнем Востоке численность занятых на транспорте в рассматриваемом периоде возросла. Например, в Приморском крае число занятых на предприятиях транспорта увеличилось на 13,7 тыс. чел. Нужно отметить, что на территории Приморского края в 2000–2016 гг. был реализован целый ряд проектов строительства новой транспортной инфраструктуры, генерирующих в т.ч. положительные эффекты в сфере рынка труда: построен специализированный морской нефтеналивной порт Козьмино, железная дорога Аэропорт – г. Владивосток и пр.

В общей структуре занятости доля транспорта в изучаемом периоде снизилась в большинстве субъектов РФ в составе ДФО. Наибольшее снижение наблюдалось в Амурской области, где доля занятых на предприятиях транспорта сократилась с 13,5 до 9,0%.

Для более детального анализа показателей занятости на транспорте были использованы расчеты по методу структурных сдвигов (табл. 3).

Национальный компонент в нашем случае характеризует занятость на предприятиях транспортного комплекса Дальнего Востока (и субъектов РФ в ДФО), которая могла бы сформироваться при соблюдении пропорциональности по отношению к общенациональным темпам изменения занятости в экономике. В настоящее время фактическая занятость на предприятиях транспортного комплекса во всех субъектах, за исключением Приморского края, ниже рассчитанных значений национального компонента. Наибольшие расхождения отмечаются для Магаданской (52%) и Амурской (46%) областей.

Отрицательные значения регионального компонента оценивают снижение занятости в транспортном комплексе ДФО и всех субъектов РФ на Дальнем Востоке вследствие отставания темпов роста регионального транспортного комплекса по отношению к национальному транспортному комплексу. Это оценки «не реализованной» в субъектах РФ занятости в связи с негативной региональной спецификой развития транспортного комплекса.

Отраслевой компонент характеризует величину прироста региональной занятости на

Таблица 3. Компоненты динамики занятости в транспортном комплексе Дальнего Востока (2000–2016 гг.), тыс. чел.

Административно-территориальные образования	Отраслевой компонент	Региональный компонент	Национальный компонент
ДФО	32,9	-86,0	346,5
Республика Саха (Якутия)	5,0	-13,5	53,0
Камчатский край	1,3	-4,3	13,8
Приморский край	8,9	-5,3	94,1
Хабаровский край	6,7	-13,1	70,5
Амурская область	6,3	-36,7	66,1
Магаданская область	1,3	-8,1	13,2
Сахалинская область	2,5	-3,0	26,3
Еврейская автономная область	0,6	-0,9	6,4
Чукотский автономный округ	0,3	-1,1	3,1

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 14.12.2017).

предприятиях транспорта за период 2000–2016 годов, обусловленную особенностями отраслевой структуры региональной экономики. Он дает оценку потенциального значения занятости в транспортном комплексе ДФО и субъектов РФ на Дальнем Востоке, которая была бы, если бы транспортный комплекс региона изменялся темпами, соответствующими национальной экономике в целом.

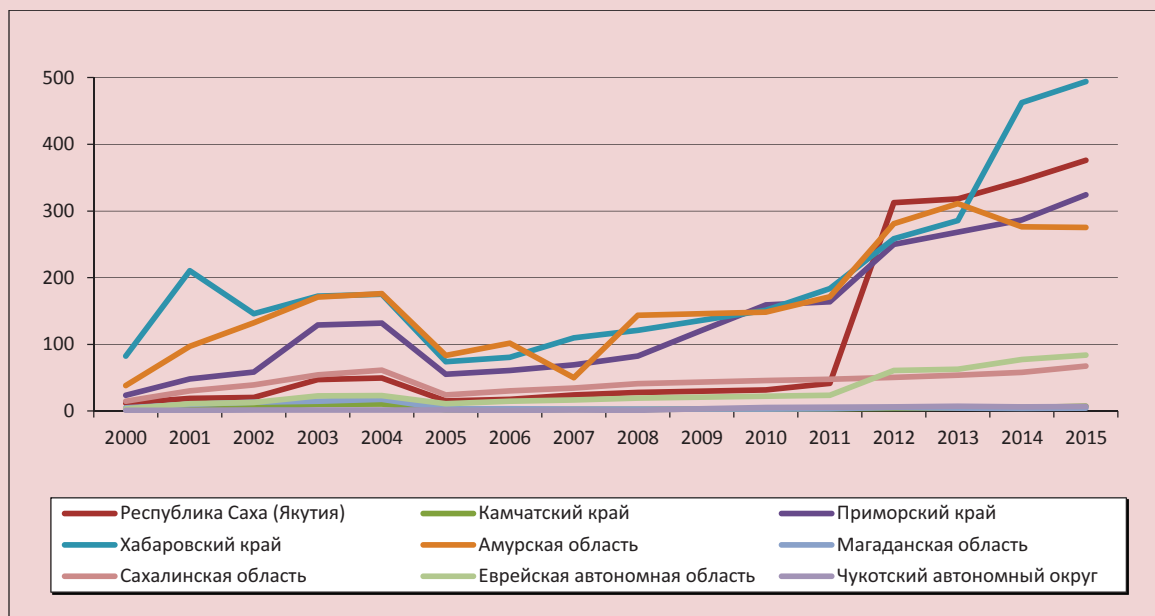
Основные фонды. Далее рассмотрим динамику среднегодовой стоимости основных фондов транспортного комплекса. Этот показатель с определенным временным лагом отражает инвестиционную активность в данном секторе экономики (рис. 2).

Четко прослеживается повышение активности в отношении развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока в период 2008–2015 гг., выразившееся в частности: в развитии транспортной сети Приморского

края (в рамках подготовки к саммиту АТЭС 2012 г.), масштабном строительстве автомобильных дорог в Республике Саха (Якутия), реконструкции/строительстве объектов железнодорожной и автодорожной инфраструктуры в Хабаровском крае и Амурской области. Аналогично предыдущему подразделу рассмотрим влияние в разрезе трех компонентов⁵ (табл. 4).

В данном случае выделяется позитивное влияние эффекта отраслевой структуры на основные фонды: полученные отрицательные оценки показывают, какой была бы динамика стоимости основных фондов транспортного комплекса региона (и субъектов РФ), если бы этот показатель изменялся темпами, соответствующими национальной экономике в целом. Наибольший эффект в соответствии с полученными оценками генерируется в Хабаровском крае.

Рис. 2. Динамика стоимости основных фондов предприятий транспорта Дальнего Востока, млрд руб.

Источники: составлено по: Транспорт в России (2002-2009 гг.) / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136983505312 (дата обращения: 20.03.2018); Транспорт и связь в России (2012 г., 2014 г., 2016 г.) / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/3e4fc4004e3423529616fe18bf0023dd (дата обращения: 20.03.2018).

⁵ Наиболее актуальными из официально доступных на сегодня являются данные о стоимости основных фондов организаций транспорта за 2015 г., в связи с этим анализ вынужденно ограничен этим периодом.

Таблица 4. Компоненты динамики стоимости основных фондов в транспортном комплексе Дальнего Востока, 2000-2015 гг., млн руб.

Административно-территориальные образования	Отраслевой компонент	Региональный компонент	Национальный компонент
ДФО	-367,2	320,2	1686,6
Республика Саха (Якутия)	-23,5	291,5	108,1
Камчатский край	-6,4	-15,8	29,5
Приморский край	-47,0	155,5	215,8
Хабаровский край	-165,2	-99,3	758,8
Амурская область	-76,6	0,1	351,9
Магаданская область	-10,1	-31,9	46,2
Сахалинская область	-29,7	-39,4	136,4
Еврейская автономная область	-7,0	58,7	32,1
Чукотский автономный округ	-1,7	0,7	7,7

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. // Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 20.12.2017); Транспорт и связь в России – 2016 г. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_5563/Main.htm (дата обращения: 20.12.2017).

Положительные значения регионального компонента для большей части субъектов РФ на Дальнем Востоке характеризуют позитивную разницу между реальным и предполагаемым ростом стоимости основных фондов транспорта, в случае если бы этот показатель рос темпом, соответствующим темпам роста стоимости основных фондов транспортного комплекса страны. Отрицательные оценки по данному компоненту (конкурентному эффекту), согласно расчетам, получены для северных территорий Дальнего Востока: это Сахалинская область, Магаданская область, Камчатский край. Республика Саха (Якутия), активно реализующая программу развития транспортной системы (протяженность сети автомобильных дорог с твердым покрытием возросла за период 2000–2016 гг. на 4,5 тыс. км или на 60%), имеет самую значительную оценку по данному компоненту.

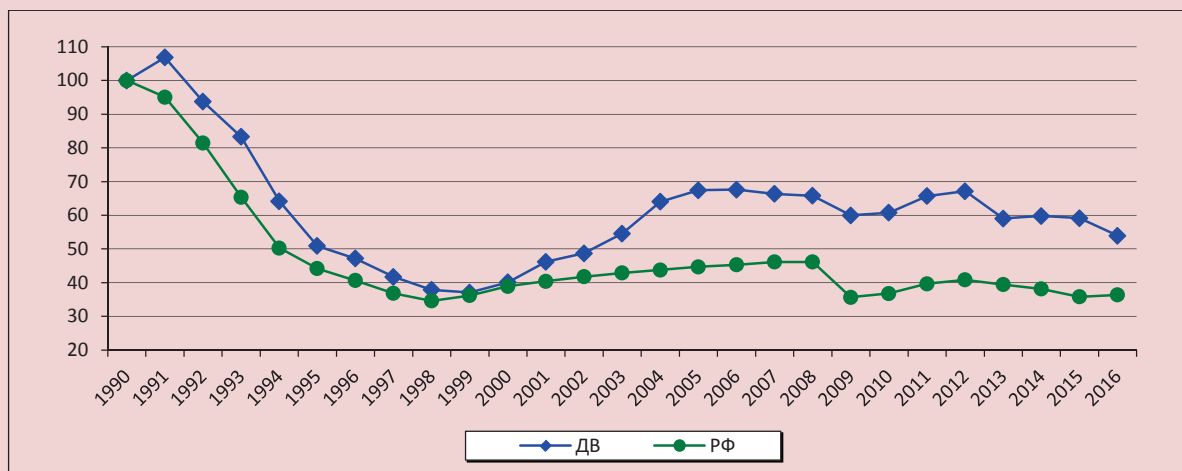
Рассматривая факторы, влияющие на развитие транспортной системы Дальнего Востока, отметим, что их набор достаточно широк. Традиционно выделяются: географические факторы (особенности месторасположения, рельеф, природно-климатические условия), экономико-исторические (особенности системы расселения, сложившиеся экономические связи), экономико-политические (внешнеэкономические связи, государственная отраслевая политика), социально-экономические (масштаб экономической деятельности, демографический потенциал, плотность и структура

населения, спрос на услуги транспорта, уровень конкуренции на транспортных рынках, отраслевая структура экономики, специализация региона, природно-ресурсный потенциал, научно-технический прогресс) и т.д. [22; 26; 27].

Все эти факторы в той или иной степени влияют и на развитие транспортного комплекса Дальнего Востока. Однако специфика транспорта региона определяется во многом приграничным положением (КНР, КНДР, Япония, США), очаговой системой расселения и локализацией хозяйственной деятельности, незначительной плотностью населения, преобладанием в структуре перевозок транзита массовых грузов (топливно-сырьевые грузы из восточной Сибири). Именно под влиянием этих факторов сформировалась существующая конфигурация транспортной сети, структура и масштабы перевозок (рис. 3).

В период 2000–2006 гг., после первоначального спада 90-х годов, работа транспортного комплекса Дальнего Востока стабилизировалась и начала увеличиваться. Трансформационный шок для транспорта региона был смягчен в результате переориентации географической структуры рынков и направлений перевозок. Усиление внешнеэкономических связей, восстановление отношений с КНР, снятие ограничений с части закрытых ранее территорий региона привели к росту в структуре перевозок экспортно-импортных грузов. Дальний Восток стал транзитной территорией для грузопотоков

Рис. 3. Динамика индекса грузовых перевозок транспортным комплексом РФ и Дальнего Востока, %*

* Без учета трубопроводного транспорта.

Источник: Бардаль А.Б. Транспортный комплекс России в период реформ: дальневосточный ракурс // Пространственная экономика. 2017. № 4 (52). С. 100-129.

из Сибири, Урала, центральной части России. Начавшийся в 2008 г. финансово-экономический кризис прервал оживление в транспортном комплексе. Временная стабилизация по окончании кризиса вскоре сменилась новым спадом после 2013 г. В целом период 2007–2016 годов характеризуется как период слабой стагнации.

По нашему мнению, на современном этапе изменяются приоритеты среди факторов развития транспорта Дальнего Востока, наиболее значимыми становятся внешнеэкономические и экономико-политические. Первые связаны с потенциалом расширения сотрудничества с КНР, задаваемого: а) существованием уникальной ситуации совместного владения нашими странами островом Большой Усурийский; б) расширением сотрудничества в рамках регионального уровня реализации инициативы Китая «Экономический пояс Шелкового пути».

Вторые, экономико-политические, факторы определяются применением новых экономических инструментов и форм государственного развития Дальнего Востока, требующих в т.ч. создания соответствующей транспортной инфраструктуры: это территории опережающего социально-экономического развития, дальневосточный гектар, режим свободного порта. Изучение возможностей и ограничений разви-

тия транспортного комплекса региона, связанных с проявлением новых факторов развития, может составить одно из направлений будущих исследований.

Заключение

Изучение динамики транспортного комплекса и его влияния на экономическое развитие территории может осуществляться посредством различных методов. Одним из самых распространенных в настоящее время является метод соотношения затрат и выгод, позволяющий проанализировать эффекты для экономики от реализации конкретного инфраструктурного проекта или набора проектов. Применение данного метода в современных условиях осложняется ограничениями имеющейся статистической информации. Перечень информации, агрегируемой Росстатом на уровне субъектов РФ, с каждым годом сокращается. Применение метода структурных сдвигов дает возможность с учетом всех информационных ограничений оценить составляющие динамики определенного показателя.

Нами были проанализированы основные элементы динамики занятости и производственного потенциала (стоимости основных фондов) транспортного комплекса Дальнего Востока за период 2000–2016 гг. с точки зрения их вклада в общеэкономическую динамику на

фоне общенациональных тенденций. В результате проведенного исследования отмечено снижение занятости в транспортном комплексе Дальнего Востока, что противоречит общероссийской тенденции в данном секторе экономики. Выполненные в исследовании расчеты компонентов динамики занятости позволили выделить отрицательное влияние со стороны регионального компонента, характеризующего снижение в изучаемом периоде занятости на транспорте в субъектах РФ в ДФО, возникшее в связи с негативной региональной спецификой развития транспортного комплекса. В статье приведены примеры региональных проявлений в транспортном комплексе Магаданской и Амурской областей.

Учитывая специфику региона, т.е. значительную площадь, низкую плотность населения и очаговую систему расселения, приграничное положение, стимулирующее активные внешнеэкономические взаимодействия (требующие адекватного уровня развития транспортных связей), следует отметить, что снижение численности занятых в транспортном комплексе Дальнего Востока за пределами оптимальных параметров может иметь негативные последствия для экономики. В связи с этим в дальнейшем представляется актуальным более глубокое рассмотрение ситуации в транспортном комплексе в части динамики занятости, анализ перспектив и последствий происходящих изменений.

Вторым показателем, рассмотренным в исследовании, стала динамика стоимости основных фондов транспортного комплекса Дальнего Востока в 2000–2016 гг. Оценки данного показателя, проанализированного в разрезе трех компонентов — отраслевого, регионального и национального, — свидетельствуют о позитивных тенденциях по всем трем изученным составляющим. Содержательно этот вывод подтверждается активной государственной политикой в отношении развития транспортного комплекса Дальнего Востока, в рамках которой с 2000 г. был реализован целый ряд крупных инвестиционных проектов в области транспорта.

Развитие транспортной инфраструктуры Востока России продолжается в настоящее время. Проекты модернизации восточного полигона железных дорог, развитие железнодорожной сети в Республике Саха (Якутия) и в направлении Тихоокеанского морского побережья, развитие терминальных мощностей морских портов и автомобильной сети — эти проекты в перспективе могут полностью изменить транспортный ландшафт региона. Оценка влияния реализации столь значительных по масштабам необходимых инвестиций проектов на рынке труда, изменение границ товарных рынков, затраты производителей, повышение доходов бюджета и пр. представляет одну из наиболее актуальных задач будущих научных исследований в данном направлении.

Не менее актуальным вектором научных и прикладных исследований является изучение новых факторов развития транспортного комплекса региона, отмеченных в данной работе. Потенциал сотрудничества в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» в настоящее время не оценен. Развитие транспортного сотрудничества между РФ и КНР в границах Дальнего Востока характеризуется как наличием областей взаимного интереса, так и определенными противоречиями при рассмотрении отдельных вопросов. Проведение научных исследований в этом направлении может способствовать поиску взаимоприемлемых решений и повышению эффективности происходящих процессов.

Научно-исследовательская поддержка также необходима при применении новых форм развития Дальнего Востока, активно внедряемых в настоящее время на государственном уровне, в т.ч. в сфере транспортного комплекса. Оценка эффективности использования различных механизмов, разработка подходов к определению критериев и границ действия конкретных инструментов развития транспорта — все это должно быть прежде всего объектом исследовательских работ, результаты которых заложат основу эффективных практических действий.

Литература

1. Krugman P.R. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99 (3), pp. 483-499.

2. Krugman P.R., Obstfeld M., Melitz M.J. *International economics: theory & policy*. Harlow: Pearson Education, 2012. 731 p.
3. Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does infrastructure investment lead to economic growth or economic fragility? Evidence from China. *Oxford Review of Economic Policy*, 2016, vol. 32, issue 3, pp. 360-390.
4. Xueliang Z. Has transport infrastructure promoted regional economic growth? With an analysis of the spatial spillover effects of transport infrastructure. *Social Sciences in China*, 2013, vol. 34(2), pp. 24-47.
5. Cheng Yuk-shing, Loo B.P.Y., Vickerman R. High-speed rail networks, economic integration and regional specialisation in China and Europe. *Travel Behaviour and Society*, 2014, vol. 2, issue 1, pp. 1-14.
6. Chen Chia-Lin, Vickerman R. Can transport infrastructure change regions' economic fortunes? Some evidence from Europe and China. *Regional Studies*, 2017, vol. 51, issue 1, pp. 144-160. DOI: 10.1080/00343404.2016.1262017
7. Eliasson J. International Comparison of Transport Appraisal Practice. Sweden country report. *University of Leeds, UK*, 2013. 12 p. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/209534/annex-4-sweden.pdf
8. Borjesson M., Eliasson J., Lundberg M. Is CBA Ranking of Transport Investments Robust? *Journal of Transport Economics and Policy*, 2014, vol. 48, part 2, pp. 189-204.
9. Eliasson J., Borjesson M. Does Benefit–Cost Efficiency Influence Transport Investment Decisions? *Journal of Transport Economics and Policy*, 2015, vol. 49, part 3, pp. 377-396.
10. Annema J.A., Frenken K., Koopmans C., Kroesen M. Relating cost-benefit analysis results with transport project decisions in the Netherlands. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 109-127.
11. Thorsen H., Thorsen I. Effects of transportation barriers on geographic asymmetries in labour markets. *Research in Transportation Economics*, 2017, vol. 63, pp. 27-37.
12. Jones H., Moura F., Domingos T. Transport Infrastructure Project Evaluation Using Cost-benefit Analysis. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 111, pp. 400-409.
13. Laird J., Nash C., Mackie P. Transformational transport infrastructure: cost benefit analysis challenges. *Town Planning Review*, 2014, vol. 85, issue 6, pp. 709-730.
14. Lakshmanan T. R. The broader economic consequences of transport infrastructure investments. *Journal of Transport Geography*, 2011, vol. 19, issue 1, pp. 1-12.
15. Мачерет Д.А., Рышков А.В., Белоглазов А.Ю. Макроэкономическая оценка развития транспортной инфраструктуры // Вестник Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. 2010. № 5. С. 3-10.
16. Щербанин Ю.А. Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 3(12). С. 65-78.
17. Вахрамеев И.И. Влияние транспортной инфраструктуры на отраслевое развитие экономики региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 8 (111). С. 85-91.
18. Гольская Ю.Н., Кузнецова И.А. Оценка влияния транспорта на социально-экономическое развитие регионов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 61-65.
19. Лapidус Б.М. О вкладе ОАО «РЖД» в формирование ВВП страны и экономических задачах компании в условиях тарифных ограничений // Вестник Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. 2014. № 1. С. 3-7.
20. Позамантир Э.И. Вычислимое общее равновесие экономики и транспорта (Транспорт в динамическом межотраслевом балансе). М. : ПОЛИПРИНТ СЕРВИС, 2014. 160 с.
21. Использование метода межотраслевого баланса для научного обоснования стратегического развития железнодорожной системы России / В.И. Ивантер, М.Н. Узяков, А.А. Широков, В.В. Михайлов, Ф.С. Пехтерев, А.А. Замковой, П.А. Шестаков, Е.В. Попова, М.В. Лещев. – М. : УП Принт, 2015. 208 с.
22. Ivanova O. The Role of Transport Infrastructure in Regional Economic Development. *Institute of Transport Economics*, Oslo, 2003. 160 p. Available at: <https://www.toi.no/getfile.php/139223/Publikasjoner/T%C3%981%20rapporter/2003/671-2003/671-2003.pdf>
23. Петроневич М. Влияние модернизации сети федеральных дорог на региональную дифференциацию российской экономики // Экономическая политика. 2008. № 5. С. 67-83.
24. Михеева Н.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11-32.

25. Бардаль А.Б. Доступность транспорта для населения на Дальнем Востоке России // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 46 (421). С. 42-53.
26. Jara-Diaz S. *Transport Economic Theory*. Oxford: Elsevier Science, 2007. 140 p.
27. Сандакова Н.Ю. Исследование факторов, влияющих на развитие транспортной инфраструктуры региона // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2014. № 6. С. 21-26.
28. Бардаль А.Б. Транспортный комплекс России в период реформ: дальневосточный ракурс // Пространственная экономика. 2017. № 4 (52). С. 100-129.

Сведения об авторе

Анна Борисовна Бардаль – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Bardal@mail.ru)

Статья поступила 02.02.2018.

Bardal' A.B.

The Transport Complex of the Far East: Development Trends and Economic Role

Abstract. The mutual influence of transport and economic development has been the focus of scientific research for a long time. Despite this, to date there has not yet formed a single point of view; the results of different authors' assessments are contradictory. Russian Far East is a region whose transport complex importance is difficult to overestimate. The additional relevance of this research area at the present stage is determined by the use of new forms and tools of the region's state policy, as well as the emergence of new promising areas of foreign economic cooperation in the field of transport. The purpose for the present study is to analyze the performance of the role of transport in the economy of the Russian Far East during 2000–2016, as well as to study the factors affecting the significance of transport in the regional economy at the present stage. The methodological research framework lies in the system approach and methods of system-functional and statistical analysis. Estimates of the contribution of the transport complex to the overall economic performance are obtained by applying the method of structural changes. The paper presents the calculations of decomposition of incremental employment indicators and the average annual value of fixed assets of the transport complex of the Far East (with decomposition broken down by Russia's constituent entities in the Far Eastern Federal District (FEFD)) during 2000–2016 into three components: national, regional and sectoral. It is noted that while maintaining transport as a specialization sector of the economy of the Far East (localization factors by employment, investment and fixed assets exceed 1), there is a decrease in the number of employees in this region's sector. The obtained negative estimates of the regional component of employment performance indicate "unrealized" employment in Russia's constituent entities of the FEFD due to negative regional make-up of the transport complex. Analysis of the average annual value of fixed assets has determined the positive impact of the sectoral and regional components. Further research on assessing the role of transport complex in the economy of the region, as well as study of the impact of new factors on the development of transport in the Far East will become a relevant research area.

Key words: regional economy, transport complex, transport economy, Russian Far East, transport development factors, method of structural changes

Information about the author

Anna B. Bardal' – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Economic Research Institute Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Bardal@mail.ru)

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.3

УДК 330:341, ББК 72

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде*

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, 117418, Российская Федерация, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: evbalatsky@inbox.ru

**Наталья Александровна
ЕКИМОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319
E-mail: n.ekimova@bk.ru

Аннотация. В статье раскрывается опыт проекта по консолидации рейтинговых продуктов в рамках единого портала с сопутствующими сервисами для пользователей. В частности, обозначена идеология созданной открытой Интернет-площадки, раскрыта ее структура и навигация, а также созданный специальный аналитический инструментарий. Особое значение уделяется разработанному и апробированному индексу доверия всем фигурирующим на сайте рейтингам, что позволяет подойти к одному из возможных решений проблемы верификации рейтингов. Отмечен факт уязвимости предложенного аналитического инструментария верификации к манипулированию, проявляющемуся в недружественных атаках пользователей на выборочные рейтинги с простановкой им заведомо заниженного балла доверия. Показана востребованность

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-02-00524а). Авторы выражают искреннюю благодарность анонимному рецензенту за полезные замечания к статье.

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 37-51. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.3

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Opportunities for the consolidation of rating products in the Internet environment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 37-51. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.3

созданного портала, которая проявляется не только в посещаемости размещенного контента, но и в публичной реакции на различные рейтинги как частных лиц, так и организаций. Кроме того, раскрыт опыт использования академических рейтингов за ряд лет для установления нежелательных тенденций и возникающих угроз на рынке экономических исследований. Продемонстрирована попытка совмещения разных рейтингов для определения степени использования образовательного и научного потенциала регионов России. Проведенные видео-интервью позволили сформулировать десять принципов разработки и использования рейтингов: нейтральности (незаинтересованности разработчика в качестве участника); плюрализма (многообразия рейтингов); длительности периода составления; совершенствования методологии разработки; открытости объекта рейтингования и ранкера; селективности (необязательности) применения и т.д. Данные принципы позволяют поднять работу ранкеров на более высокий уровень. Намечены пути использования созданного портала для коммуникации ранкеров и экспертного сообщества, налаживания конструктивного диалога между ними и совершенствования рейтингового инструментария.

Ключевые слова: рейтинги, базы данных, моделирование, верификация.

Введение

Наверное, не будет преувеличением сказать, что XXI век — это век всевозможных рейтингов. Сегодня рейтингуется абсолютно все: страны, компании, университеты, журналы, губернаторы, спортсмены и т.д. Такое положение дел является следствием колоссального усложнения социально-экономической жизни человечества и роста продуктового многообразия, когда обычный человек уже не в состоянии ориентироваться в этой гигантской массе артефактов. Ему нужны подсказки — и он их получает посредством различных рейтингов.

Однако стремительный рост потока рейтинговой информации, в свою очередь, вызывает серьезную озабоченность в связи с растущей сложностью в ее отборе и обработке. Например, существует достаточно много глобальных рейтингов университетов, среди которых даже в качестве общепризнанных можно выделить как минимум шесть: Academic Ranking of World Universities (ARWU), The Times Higher Education (THE), QS University Rankings, Webometrics, Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities (PRSP), Center for World University Rankings (CWUR). Поскольку представленная в них информация имеет достаточно противоречивый характер, возникают большие споры и разногласия как в научной, так и в социальной среде. Нарекания вызывают не только полученные результаты, но и используемые методологии, источники данных и их сопоставимость с другими рейтинговыми продуктами.

В связи с вышесказанным практическая работа по составлению рейтингов привела к возникновению самостоятельного направления в экономической науке, которое активно набирает обороты. Например, Ф.Бэти (Ph.Baty) изучает корректность выборки, используемой ранкерами [1]; Д.Джоббинс (D.Jobbins) исследует так называемые «рейтинговые войны» между ранкерами [2]. Л.Борганс (L.Borghans) и Ф.Кёрверс (F.Corvers) препарируют феномен «американизации» европейского образования под воздействием рейтингов [3]. В работах Ф. Ван Парийс (Ph.Van Parijs) рассматриваются правомерность весовых коэффициентов в рейтинговых системах и «смысловые» приложения рейтингов [4]. Д.Смит (D.Smith) изучает общественное мнение по вопросам информированности и доверия населения существующим рейтингам [5]. Исследования И.Ф.Агильо (I.F.Aguillo) и его соавторов, а также С.Ван де Валле (S.Van de Walle) и Р.Ван Дельфт (R. Van Delft) определяют согласованность разных рейтингов [6; 7]. Интересные аспекты проблемы манипулирования рейтингами были вскрыты М.Скалли (M.Scully) и К.Вотт (K.Watt) [1], а также Е.Гертлером (E.Gertler) и его коллегами [8]. Проблемы, связанные с использованием библиометрических индексов, рассматриваются в работах Д.Арнольда (Arnold) и К.Фаулера (Fowler) [9]; А.Алвеса (A.D.Alves), О.Х.Анасе (H.H.Yanasse) и Н.Ё.Сома (N.Y.Soma) [10]; Б.Хаммарфельта (B.Hammarfelt) и А.Рашфорта (A.D.Rushforth) [11].

К исследованиям рейтингового движения активно подключаются и российские экономисты. Например, Е.Д.Свердлов, Ю.М.Арский, В.А.Маркусова и Н.Ф.Чумакова занимаются вопросами цитируемости [12; 13]. В работах С.С.Донецкой прослеживается приложение рейтингов университетов к проблеме оценки их конкурентоспособности [14]. Проведена большая исследовательская работа А.М.Карминским и А.А.Полозовым, направленная на изучение рейтингового движения, выявление его основных закономерностей и оценку рейтингов как особого вида экспертизы [15]. Проблемам ранжирования российских экономических журналов посвящены работы А.Муравьева, В.Пислякова, О.Третьяковой, А.Рубинштейна, Н.Буракова, О.Славинской, Ф.Алескерова и его коллег [16; 17; 18; 19; 20; 21] и др.

Представленное в статье исследование является шагом к упорядочиванию имеющейся информации относительно рейтингов. Для этого на сайте «Неэргодическая экономика» в 2016 году был создан специальный раздел «Рейтинги», который был призван стать открытым порталом по проблемам рейтингования. К настоящему моменту данный портал существует третий год¹. Необходимо отметить, что практика создания информационно-аналитических баз данных рейтинговых продуктов в России уже имеется. В частности, существует определенное количество порталов, «собирающих» на своих страницах всевозможные рейтинги. Наиболее систематизированным и научно-структурированным аналитическим сайтом об основных направлениях и рынках гуманитарных знаний и технологий в России и за рубежом является Интернет-издание «Гуманитарные технологии»².

Несмотря на наличие определенного опыта в консолидации рейтинговых продуктов, целый ряд аспектов этой работы пока слабо представлен в аналитической практике. Так, до сих пор не отмечено никаких попыток создания и интеграции серии академических рейтингов, потребность в которых остро ощущается в послед-

ние годы. Также отсутствует унифицированная оценка качества, достоверности и популярности рейтинговых продуктов. Данные пробелы нуждаются в заполнении.

Реакцией на указанную ситуацию стало создание в 2016 году информационно-аналитического портала «Рейтинги», особенность которого состоит: в специализации на рейтинговых продуктах различных явлений в сфере экономики; акценте на интеграции академических рейтингов; консолидации экспертного сообщества на единой информационной площадке посредством предоставления доступа к информации широкому кругу заинтересованных пользователей с возможностью комментирования и обсуждения предлагаемых рейтингов; использовании новых вспомогательных аналитических онлайн-инструментов для оценки уровня доверия конкретному рейтингу.

Цель данной статьи состоит в раскрытии опыта построения указанного рейтингового портала, возникших в ходе реализации проекта проблем, а также в определении перспектив указанного начинания для повышения уровня экспертной оценки существующих рейтинговых продуктов.

Идеология и структура рейтингового портала

Создание указанного портала преследовало несколько взаимосогласованных целей.

1. Создание открытого интерактивного контента информационно-аналитической базы рейтингов. Дело в том, что число рейтингов вообще и рейтингов, которые оценивают одно и то же явление, возрастает с большой скоростью. В России накопилось огромное число однотипных рейтинговых продуктов, которые достаточно разрозненно представлены в Интернет-сети. Это делает профессиональную работу с ними чрезвычайно трудоемкой. Таким образом, была поставлена задача создания автоматизированной системы сбора и обработки всего массива рейтинговых продуктов страны в форме открытой интерактивной информационной системы со свободным доступом к ней всех заинтересованных лиц.

Непосредственным итогом данной работы стал сформированный портал «Рейтинги»³, представляющий собой открытый архив рейтинговых продуктов различных явлений на раз-

¹ Данный проект был выполнен в 2016–2017 гг. при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №16-02-12015).

² Режим доступа: <http://gtmarket.ru/>

³ Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/9/>

ных уровнях (локальный, региональный, национальный, глобальный и др.).

2. *Предметная структуризация рейтинговых продуктов.* Для обеспечения более комфортной навигации пользователя на портале все рейтинги были классифицированы на пять групп: страновые, региональные, академические, образовательные и корпоративные. Хотя такая градация информационных материалов является несколько условной, она все же помогает быстрее ориентироваться в исходном массиве рейтингов. К 2018 г. на портале был размещен 31 рейтинговый продукт, каждый из которых аккумулировал результаты рейтингования за несколько лет (с учетом ежегодной информации портал содержит порядка 90 рейтингов). Такой подход позволяет анализировать динамику рейтингов, а следовательно, и изменения, происходящие на соответствующих рынках.

Заметим, что загрузка рейтинговых продуктов на портал происходила исключительно разработчиком по простому правилу: ядро контента составляли эксклюзивные рейтинги самих разработчиков; ядро «своих» рейтингов постепенно расширялось за счет «чужих» продуктов в соответствии со структурой портала. При этом «чужие» рейтинги грузились по мере их обнаружения в Интернет-среде, предварительно проходя информационную обработку под унифицированный шаблон для всех рейтинговых продуктов. В числе организаций-разработчиков, чьи рейтинги были размещены на портале, фигурируют такие, как Финансовый университет при Правительстве РФ, Высшая школа экономики, Рейтинговое агентство «Эксперт РА», Новая экономическая ассоциация, Интернет-издание «Капитал страны», Интернет-портал *Career.ru*, Информационно-сервисный портал «Индикатор». Следует также отметить, что в силу отсутствия единого портала рейтингов сегодня не представляется возможным оценить размер не только всего Интернет-рынка данных продуктов, но и локальных (тематических) рынков, что в свою очередь не позволяет установить долю рынков, представленных на авторском портале.

3. *Создание «паспорта» рейтингов.* Стихийность рейтингового движения проявляется ещё и в том, что в информационном поле фигурируют, как правило, только конечные результаты

проведенного рейтингования, тогда как многие аспекты, связанные с разработчиками продукта и методологией его составления, остаются скрытыми от широкой публики. В связи с этим отличительной чертой созданного портала от его предшественников является специализация при максимально широком тематическом поле и наличие унифицированной структуры каждого рейтингового продукта, требующей дополнительной обработки всех представленных на сайте рейтингов. Так, каждый рейтинговый продукт снабжен шаблонной таблицей (собственно «паспорт»), которая включает: информацию о разработчике; дату создания и периодичности подготовки рейтинга; официальный источник информации (если рейтинг позаимствован с других порталов и информационных ресурсов); дополнительную информацию о рейтинговых исследованиях; описание методологии рейтингования; табличные данные с результатами ранжирования по годам. Такой подход соответствует общемировой традиции современной экономической науки — созданию именованных научных продуктов. Тем самым каждый рейтинг имеет адресат разработчика, на котором лежит ответственность за возможные неточности в данных, нерегулярность их предоставления и т.д.

4. *Наличие дополнительных интерактивных опций.* Создание открытой информационно-аналитической базы данных рейтингов открывает возможность не только структурировать имеющуюся рейтинговую информацию, но и отображать мнение пользователей о содержащихся в ней рейтингах в форме семантической связи между профилем пользователя и соответствующей рейтинговой публикацией. Семантически структурированный контент позволяет получить комфортный доступ к содержащейся на сайте информации как незарегистрированным пользователям, так и зарегистрированным. Однако по сравнению с первыми зарегистрированными пользователями имеют ряд преимуществ, связанных с двумя предусмотренными на портале опциями. Первая предоставляет возможность оставлять свои комментарии, а также отправлять и получать личные сообщения от других зарегистрированных пользователей. Вторая опция позволяет пользователям оставлять свою оценку доверия тому или иному рейтингу. Для этого каждая таблица с рейтин-

говыми данными снабжена специальной анкетой в форме всплывающего сверху окна, позволяющей выбрать один из ответов на вопрос: «Насколько Вы доверяете этому рейтингу?» Предусмотренные четыре ответа максимально простые и несут качественный характер: полностью доверяю (X_4); скорее доверяю (X_3); скорее не доверяю (X_2); совсем не доверяю (X_1). Каждый пользователь может только один раз заполнить указанную анкету. В дальнейшем анкетная информация обрабатывается для вычисления индекса доверия (I) соответствующему рейтингу по следующей простой формуле:

$$I = (0 \times X_1 + 0,4 \times X_2 + 0,6 \times X_3 + X_4) \times 100\%,$$

где X_1, X_2, X_3 и X_4 – варианты ответа, представляющие собой булеву переменную, т.е., например, $X_1=1$, если пользователь указал данный вариант ответа, или $X_1=0$, если пользователь указал какой-то иной вариант ответа.

Таким образом, каждому варианту ответа присваивается свой балл. Общий индекс доверия рейтинга складывается как усредненное значение всех оценок пользователей, участвовавших в голосовании. Наличие данной процедуры отражается в «паспорте» рейтинга в виде двух параметров – индекса доверия (в процентах) и числа респондентов (в чел.), участвовавших в формировании данного индекса доверия. Сам индекс доверия лежит в интервале от 0 до 100% и имеет прозрачную интерпретацию: если $I \leq 50\%$, то рейтинг в целом попадает в зону низкого доверия; в противном случае он находится в зоне высокого доверия.

5. *Серия специализированных видео-интервью.* Одной из оригинальных опций проекта стала сформированная база видео-интервью авторитетных российских экспертов⁴, представляющая собой некий дайджест по проблемам составления и использования рейтингов. Специалисты, имеющие прямое отношение к составлению и использованию рейтингов, высказали нетривиальные комментарии относительно рейтингового движения как в России, так и в мире. Подбор интервьюируемых экспертов позволил системно осветить самые важные аспекты рейтингования, что само по себе имеет большое значение для правильной работы с рейтинговыми продуктами.

⁴ Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/21>

Востребованность результатов проекта

Функционирование портала показало неоднозначность отношения широкой общественности к реализованному проекту. С одной стороны, статистика просмотров материалов портала недвусмысленно говорит о наличии определенной востребованности и заинтересованности в них широкой аудитории пользователей (*табл. 1*). Например, из списка топ-10 рейтингов портала видно, что потенциал востребованности рейтингов колеблется от нескольких тысяч до десятков тысяч читателей. Сильные колебания в просматриваемости материалов отчасти объясняются тем фактом, что информация о рейтинговых продуктах грузилась на сайт неравномерно – разница в сроке жизни некоторых материалов достигает 1,5–2,0 лет.

С другой стороны, зафиксированная посещаемость материалов явно не оправдала надежд разработчиков портала. По всей вероятности, для роста популярности сайта необходимы дополнительные меры по его «раскрутке» в Интернет-среде и социальных сетях. Эта работа специально не велась, что и послужило непосредственной причиной скромности статистики посещений портала. При должном администрировании портала, на наш взгляд, можно рассчитывать на привлечение внимания десятков и сотен тысяч пользователей и в этом смысле можно говорить о недоиспользовании возможностей проекта и о его незавершенности.

Вместе с тем востребованность портала не исчерпывается статистикой посещаемости, даже если она была бы весьма впечатляющей. Дело в том, что размещаемая на портале информация вызывает определенную реакцию участников рынка и тем самым свидетельствует об их интересе к проекту. Так, например, два рейтинга Финансового университета – Рейтинг академической активности и популярности экономистов России и Золотой рейтинг академической активности и популярности экономистов России, упорядочивают позиции отечественных экономистов в зависимости от их активности (публикуемости в академических изданиях) и популярности (цитируемости в академических изданиях). При этом второй рейтинг является уточнением первого с учетом существующих в информационной системе искажений и фактов манипулирования исходной информацией.

Таблица 1. Число просмотров топ-10 рейтингов на 11.02.2018

№ п/п	Рейтинг	Количество просмотров
1.	Рейтинг академической активности и популярности экономистов России	16725
2.	Рейтинг ведущих экономических журналов России	12035
3.	«Золотой» рейтинг академической активности и популярности экономистов России	6117
4.	Академический рейтинг высших экономических школ России	4611
5.	«Олимпийский» образовательный рейтинг школ г. Москвы	3378
6.	«Олимпийский» образовательный рейтинг регионов России	3226
7.	Рейтинг информационной открытости региональных корпораций развития России	3053
8.	Рейтинг академической активности регионов России (экономика)	3051
9.	«Ядерный» рейтинг академической активности и популярности экономистов	2898
10.	Образовательный рейтинг регионов России	2471

Источник: <http://nonerg-econ.ru/cat/15/18/>

Анализ Интернет-пространства показал рост популярности указанных рейтинговых продуктов, что проявляется прежде всего в растущем числе организаций, которые в СМИ акцентируют внимание на том, что их сотрудники вошли в указанные рейтинги. Более того, обращает на себя внимание наметившаяся интересная тенденция включения исследователями факта присутствия в указанных рейтингах в свою биографию. Тем самым можно говорить, что в среде экономистов-исследователей данные рейтинги получили определенное признание и используются в качестве своеобразного знака качества деятельности ученых. По состоянию на март 2017 года было зафиксировано 15 организаций, которые отреагировали на академические рейтинги портала. Среди них: Воронежский государственный университет; ИСЭРТ РАН [ныне – ВолНЦ РАН]; Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия имени П.А. Столыпина; Волгоградский государственный университет; Башкирский государственный университет; Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова; Тверской государственный университет; Дагестанский государственный университет; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого⁵ и др.

Еще один информационный продукт портала – Рейтинг информационной открытости региональных корпораций развития оказался также востребован рынком региональных кор-

пораций развития, которые незамедлительно отреагировали на его появление. Так, в адрес разработчиков поступило письмо от Тульской корпорации развития с просьбой о разъяснении полученной ими оценки и указанием на дополнительные источники информации о деятельности корпорации. Кроме того, от генерального директора ОАО «Корпорация развития Республики Башкортостан» в адрес разработчиков рейтинга поступило благодарственное письмо, в котором была отмечена значимость разработанного рейтинга и выражена готовность к дальнейшему сотрудничеству⁶. Разумеется, в региональных СМИ наиболее активно освещалась деятельность прежде всего корпораций, оказавшихся в лидерах нового рейтинга. Данные события региональными журналистами трактовались как успех местных бизнес-структур под патронатом государства. Одновременно с этим не остались без внимания и корпорации, разместившиеся в конце списка. Тем самым областные журналисты не оставили без внимания ни своих «героев», оказавшихся в начале рейтинга, ни тех, кто был менее успешен в процессе информирования общественности о своей деятельности. Все это свидетельствует о том, что указанный информационный продукт оказался востребован обществом. По состоянию на март 2017 года было зафиксировано девять региональных корпораций развития, в отношении которых появились новости и ком-

⁵ Академические рейтинги Финансового университета повышают свою популярность // Неэргодическая экономика. 2016. 22 мая. Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/13/315/>.

⁶ Сотрудники Финансового университета составили рейтинг информационной открытости региональных корпораций развития // Неэргодическая экономика. 2016. 20 мая. Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/13/314/>.

ментарии СМИ о результатах их деятельности. Среди них: Корпорация развития Республики Башкортостан; Корпорация развития Омской области; Корпорация развития Республики Карелия; Корпорация развития Смоленской области; Корпорация развития Калининградской области; Корпорация развития Вологодской области; Корпорация развития Тульской области; Корпорация развития Мурманской области; Корпорация развития Владимирской области⁷.

Аналитические возможности портала

Еще одним направлением востребованности материалов портала стала аналитическая работа на их основе. В частности, на базе трех волн Рейтинга академической активности регионов (экономика) за 2013–2015 гг. были определены настораживающие тенденции и скрытые угрозы на рынке экономических исследований. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что три составляющие указанного рейтинга – рынок экономистов, экономических журналов и высших экономических школ – подвержены тотальной концентрации. Все большее число регионов исключается из конкурентных процессов на общероссийском рынке научных исследований. Практически все субъекты экономической науки группируются на ограниченном пространственном участке, тогда как остальные регионы остаются без перспектив дальнейшего развития. Так, было установлено, что только 8–9 «активных» регионов образуют передовое региональное ядро научного пространства России; именно в этих субъектах федерации сосредоточены лучшие экономические журналы страны и, следовательно, именно в них стекается вся самая ценная информация в области экономической науки [22]. Таким образом, рейтинговые продукты, взятые в динамике, позволяют осуществлять диагностику актуальных экономических проблем.

Аналогичный анализ динамики Рейтинга ведущих экономических журналов России за 2013–2015 гг. позволил выявить ядро изданий, которые устойчиво удерживали передовые позиции. Кроме того, удалось установить связь между научным уровнем и репутацией журна-

лов, дать экономическую интерпретацию выявленной связи и привести иллюстрирующие ее примеры; рассмотрено важное различие между понятиями репутации журнала и желанием печататься в нем. Помимо этого, проведенный анализ позволил построить типологию ошибок, препятствующих успеху экономических журналов, раскрыть их сущность и значение на конкретных примерах. Среди типичных ошибок были рассмотрены: неудачное название журналов; игнорирование академической эстетики; невыполнение критерия общероссийского издания; недостатки контент-политики; провалы в рецензировании и т.п. [23]. Таким образом, в данном случае динамика рейтинговых данных позволила сформулировать предложения по развитию рынка экономических журналов и помочь многим из них в позитивной корректировке стратегии развития.

Своеобразный анализ был проведен благодаря содержательному сопряжению двух рейтинговых продуктов – Рейтинга академической активности регионов (экономика) и Образовательного рейтинга регионов России. Для этого, в частности, была проведена оценка сопряжения академической результативности регионов в области экономической науки и имеющегося у них образовательного потенциала. Расчеты показали, что лишь 12% регионов страны генерируют научные результаты, соответствующие их научно-образовательному потенциалу. При этом ядро эффективных регионов постепенно сжимается, тогда как научно-образовательная периферия расширяется [24]. Тем самым образовательный потенциал многих регионов работает вхолостую, что требует корректировки действующей в стране научно-образовательной стратегии развития регионов.

Активную дискуссию в научной среде вызывает вопрос о методологиях составления рейтингов, в частности, правомерность использования стандартных показателей РИНЦ, а также сопоставимость полученных результатов. Сконцентрированные на одном сайте рейтинги облегчают работу в данном направлении, давая исследователям возможность анализировать и их динамику, и согласованность результатов в зависимости от методологии их построения. Например, в работе исследователей из Белгородского государственного университета проведен анализ двух рейтинговых продуктов, раз-

⁷ Новый рейтинг сотрудников Финансового университета получил широкий резонанс региональных СМИ // Неэргодическая экономика. 2016. 22 мая. Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/13/316/>.

мещенных на сайте, — Рейтинга академической активности и популярности экономистов России и Золотого рейтинга академической активности и популярности экономистов [25]. Показана их плохая согласованность и сделан вывод о том, что расчет рейтингов ученых на основе стандартных показателей РИНЦ без их привязки к журнальным публикациям является ошибочным, так как не позволяет отфильтровать цитирования учебников и монографий, диссертаций и их авторефератов. Справедливости ради, следует отметить, что расхождения в результатах анализируемых рейтингов как раз и обусловлены попыткой разработчиков провести подобного рода фильтрацию. Тем не менее выводы, полученные авторами, натолкнули их на идею создания собственной методики IF-scoring Rule, учитывающей журнальные цитирования и импакт-фактор журналов и позволяющей идентифицировать значительные погрешности в статистике РИНЦ по отдельным авторским профилям [26].

Более мощную и результативную дискуссионную волну в среде экспертного сообщества породило рейтинговое движение по оценке ведущих экономических журналов России. На текущий момент можно констатировать наличие пяти наиболее значимых рейтингов российских экономических журналов: рейтинга А.Муравьева, основанного на наукометрических показателях системы РИНЦ [16]; И.Стерлигова, использующего экспертные оценки [27]; гибридного рейтинга Е.Балацкого и Н.Екимовой⁸; «кластерного» рейтинга А.Рубинштейна, в основе которого лежат данные экспертного опроса [28]; рейтинга журналов экономических институтов РАН О.Третьяковой, построенного по показателям РИНЦ [18]. Наличие альтернативных рейтингов не осталось незамеченным и способствовало появлению работ по их сравнительному анализу [29], их возможному агрегированию [30] и построению консенсусных рейтингов⁹.

Таким образом, сосредоточение на едином портале рейтинговых продуктов призвано облегчить аналитическую работу исследователей по поиску и обработке имеющейся информации. Однако недоиспользование потенциала

сайта, о котором было сказано выше, ставит на повестку дня вопрос о массовом привлечении аналитиков к возможностям данного портала.

Опыт верификации рейтинговых продуктов

Несмотря на колоссальное распространение рейтингового движения, никаких признанных методов верификации рейтингов не существует. Фактически сегодня каждый ранкер самостоятельно разрабатывает методы проверки своих рейтингов, чтобы убедиться в их работоспособности. В подавляющем большинстве случаев придумываемые таким образом методы верификации являются чрезвычайно специфичными и не могут быть распространены на другие рейтинговые продукты. Вместе с тем проблема верификации рейтингов стоит на повестке дня и требует своего решения. Особенно отчетливо данная проблема проявляется при наличии альтернативных рейтингов, каждый из которых претендует на правильное отражение действительности, но при этом все они дают сильно различающиеся между собой результаты.

В рамках созданного консолидированного рейтингового портала также имеются конкурирующие рейтинги. В частности, рынок научных экономических журналов страны представлен пятью альтернативными рейтинговыми продуктами, о которых мы уже упоминали выше: Рейтинг журналов по экономике и смежным дисциплинам (рейтинг А.А.Муравьева), Рейтинг российских научных журналов ВШЭ (Экономика) (рейтинг И.А.Стерлигова), «Кластерный» рейтинг российских экономических журналов (рейтинг А.Я.Рубинштейна), Рейтинг ведущих экономических журналов России (рейтинг Балацкого—Екимовой) и объединенный Консенсусный рейтинг ведущих академических журналов России. В отношении названных рейтингов вполне правомерно поставить метанаучную проблему оценки их адекватности и выбора среди них наиболее приемлемого и достоверного.

Как указывалось ранее, для решения поставленной задачи на портале была предусмотрена опция по вычислению индекса доверия. Теоретически рейтинг, получивший наиболее высокое значение этого индекса, мог бы претендовать на «самый лучший», который пользуется наибольшим уважением пользователей. Разумеется, такой подход представляет собой лишь один из возможных методов верифика-

⁸ Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/18/8/>

⁹ Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/18/281/>

ции рейтингов, но в отсутствие иных методов его значение возрастает и он позволяет на экспертном уровне решать проблему оценки рейтинговых продуктов. Однако эксперимент по его практической реализации дал в целом отрицательный результат, показав неготовность российского общества к адекватному восприятию нового аналитического инструмента. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Наблюдение за пятью конкурирующими рейтингами журналов (табл. 2) показало следующее. По академическим рейтингам журналов и экономистов, разработчиком которых являлся Финансовый университет при Правительстве РФ, среднее количество респондентов до ноября 2017 года не превышало 100 человек. При этом индексы доверия находились в районе 70,0%. Однако в последующий период отмечается резкое возрастание числа опрошенных с существенным занижением рассчитываемого индекса доверия. При этом аналитические характеристики сайта фиксируют практически одновременный заход и голосование более 100 респондентов. Такой статистический «выброс» позволяет предположить проведение целенаправленной недружественной акции в адрес конкретных рейтинговых продуктов путем манипулирования оценками индекса доверия.

Отсутствие объективности и логики в зафиксированных оценках может быть продемонстрировано следующим образом. Дело в том, что Консенсусный рейтинг ведущих экономических журналов России представляет собой усреднение четырех конкурирующих оригинальных рейтинговых продуктов, три из которых получили оценку доверия от 62 до 86% (см. табл. 2). Это означает, что Консенсусный рейтинг журналов на $\frac{3}{4}$ представляет собой рейтинги, имеющие достаточно высокую степень

доверия, и, следовательно, его индекс доверия, согласно нашим расчетам, должен был бы находиться, по крайней мере, в районе 58,5%, тогда как фактически оказался на уровне 7,5%. Такое занижение доверия интегральному рейтингу можно объяснить только его аффилиацией с разработчиками Рейтинга ведущих экономических журналов России, которые и подверглись искусственной акции ангажированного голосования.

Таким образом, сегодня экспертное сообщество экономистов России не обладает необходимой объективностью и толерантностью, что и порождает спонтанные импульсы к манипулированию данными портала путем организации ярко выраженных «вспышек» повышенной активности респондентов. Напомним, что манипулирование индивидуальными данными базы РИНЦ приняло масштабы эпидемии [31, 32]. Причем ситуация год от года ухудшается. Так, индекс академической этики в России в 2016 г. составил 69,6%, а в 2017 г. – 64,9%. По городам страны, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, данный индекс в указанные годы составил 55,7 и 52,0% соответственно¹⁰. Проведенный эксперимент на консолидированном рейтинговом портале показал, что наукометрическое манипулирование по аналогии с PR-акциями может быть «белым», направленным на улучшение собственного имиджа, и «черным», направленным на подрыв недружественных субъектов – индивидуумов и организаций.

Вместе с тем было бы неверным отрицать новый аналитический подход, основанный на расчете индекса доверия. Так, если не учитывать рейтинговые продукты, в отношении индексов доверия которых наблюдались элементы манипулирования, то средний индекс доверия

Таблица 2. Параметры верификации рейтингов экономических журналов

№ п/п	Рейтинговый продукт	Число респондентов, ед.	Индекс доверия, %
1.	Рейтинг ведущих экономических журналов России	256	5,6
2.	Консенсусный рейтинг ведущих экономических журналов России	99	7,5
3.	Рейтинг журналов по экономике и смежным дисциплинам	88	86,6
4.	Рейтинг российских научных журналов ВШЭ (Экономика)	61	79,9
5.	«Кластерный» рейтинг российских экономических журналов	30	62,0

¹⁰ Финансовый университет презентовал в ЦЭМИ РАН три волны академических рейтингов // Неэргодическая экономика. 2017. 4 апр. Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/13/321/>.

по остальным рейтингам составил 64,6%. Такая цифра позволяет сделать вывод, что настроение общества склоняется в сторону доверия размещенным на информационном портале рейтинговым продуктам. Иными словами, при нейтрализации действий по манипулированию можно рассчитывать на то, что существующие рейтинги могут стать рабочим аналитическим материалом для многих заинтересованных лиц.

Отношение экспертного сообщества к рейтинговому движению

База видео-интервью российских экспертов на портале была сконструирована исходя из того, чтобы подбор опрашиваемых специалистов позволил охватить основных участников процесса составления и использования академических рейтингов. В этих целях были взяты комментарии у академиков Российской академии наук В.М.Полтеровича (заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, заместитель директора Московской школы экономики (МШЭ) Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова) и Н.И.Ивановой (первый заместитель Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН). Мнение академического сообщества дополнили интервью Е.Б.Ленчук (директор Института экономики РАН) и А.Я.Рубинштейна (главный редактор «Журнала Новой экономической ассоциации», руководитель научного направления «Теоретическая экономика» ИЭ РАН). Университетское сообщество представили И.А.Бронников (заместитель декана по учебной работе факультета политологии МГУ), С.Н.Сильвестров (директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета – ФУ при Правительстве Российской Федерации) и С.А.Толкачёв (первый заместитель директора Департамента экономической теории ФУ); представителем от частных вузов выступил А.В.Савватеев (ректор Университета Дмитрия Пожарского). От лица студентов свое мнение высказала А.Гаганова (факультет журналистики МГУ). От лица представителей издательского сообщества выступила О.В.Третьякова (заведующий отделом редакционной-издательской деятельности

и научно-информационного обеспечения Вологодского научного центра РАН, заместитель главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»). Весь этот спектр мнений был дополнен представителем сообщества ранкеров – Д.В.Петросянцем (эксперт исследовательской группы «Национальный рейтинг университетов» Информационной группы «Интерфакс»). Не был проигнорирован и отечественный бизнес, от лица которого выступил Е.А.Гаганов (директор по развитию бизнеса АО «Италион»).

Уникальность реализованного проекта состоит в том, что каждый из опрошенных специалистов отметил такую сторону процесса рейтингования, которая далеко не очевидна на первый взгляд. При этом некоторые высказывания экспертов носили предельно категоричный и радикальный характер, что позволило «выпятивать» имеющиеся в данной сфере проблемы. Ниже рассмотрим основные тезисы, которые были высказаны экспертами в своих интервью.

1. В условиях современной крайне *нестабильной* среды и всей системы взаимоотношений участников рынка наличие рейтингов необходимо, так как они позволяют *зафиксировать* ситуацию, оценить ее и понять происходящие изменения (С.Н.Сильвестров). Более того, многие эксперты поддержали идею создания *единого рейтингового портала* и высказались за его дальнейшее поддержание и развитие (И.А.Бронников).

2. Для исследовательских целей рейтинги нужны и весьма полезны, но использовать их следует не в качестве *основного* источника информации, а, скорее, как некий *вспомогательный* статистический массив, позволяющий систематизировать и структурировать анализируемую предметную область и обозначать некие ориентиры (Е.Б.Ленчук). Переоценка рейтингов и их значения чрезвычайно опасна и контрпродуктивна. Здесь вполне правомерен афоризм Д.В.Петросянца: «Рейтинг – ложь, но в нем намек...» Рейтинг не является истиной в последней инстанции, но в нем всегда есть важная информация об объекте оценивания. Иными словами, правильное отношение к рейтингам является залогом их эффективного использования. Например, рейтинги журналов

интересны академическим работникам, которые в них публикуются, но в не меньшей степени они нужны и самим издателям журналов, которые в рейтингах могут увидеть свое место на рынке и подсказки в отношении того, как им следует корректировать свою стратегию развития (О.В.Третьякова).

3. Так как на рейтинги влияют многие входящие обстоятельства, то они часто бывают однобокими и их следует очень осторожно использовать для построения систем *финансового стимулирования* (и санкций!) (Е.Б.Ленчук). Стимулы и санкции запускают так называемый закон Гудхарта с присущими ему механизмами манипулирования информацией и искажения истинной картины положения вещей. Например, попытки оценивать исследователей и научные организации только на основе библиометрической информации дают отрицательные результаты. Данный тезис является прямым развитием предыдущего.

4. Рейтинги не должны превращаться в *коммерческие проекты*. Как правило, бизнес-проекты чрезвычайно уязвимы как на стадии сбора, так и на стадиях их обработки и использования (Н.И.Иванова). Коммерческие интересы ранкеров способны не просто исказить рыночную информацию, а напрямую провоцируют ее целенаправленную фальсификацию.

5. Рейтинговать следует не только и не столько (!) *лучших*, но и *худших* участников рынка (Н.И.Иванова). Дело в том, что рейтинги направлены на мониторинг ограниченного числа лидеров рынка, тогда как аутсайдеры, которые не попали в рейтинги, продолжают работать и вносить отрицательный вклад в развитие экономики. Такое положение дел имеет место для научных журналов, многие из которых не претендуют на входение в топ-листы рейтингов, но при этом входят в список ВАК и на коммерческой основе размещают на своих страницах заведомо слабые и антинаучные материалы. Иными словами, нельзя упускать из виду участников рынка, которые попадают в категорию «опасных» аутсайдеров. Можно сказать, что рейтинги должны превращаться в разновидность полноценных маркетинговых исследований, покрывающих весь рынок.

6. Ранкер должен удовлетворять принципу *нейтральности* (незаинтересованности в каче-

стве участника). В противном случае, когда ранкер сам является участником рейтинга, велика вероятность того, что в методику рейтингования будут закладываться сильные качества ранкера, что и будет его выводить на передовые позиции (Е.Б.Ленчук).

7. Рейтинги должны разрабатываться на основе трех ключевых принципов: *плюрализма* (многообразия), *длительности периода* составления и *совершенствования методологии* формирования (С.Н.Сильвестров). В противном случае монополизм рейтинга (отсутствие конкурирующих рейтинговых продуктов), его точечные значения (на одну дату) и окостеневшая (устаревшая с течением времени) методика составления способны наносить серьезный вред из-за возникающих ошибок и дезориентации потребителя.

8. Использование рейтингов должно базироваться на *принципе открытости* объекта рейтингования и ранкера (Д.В.Петросянц). Например, при рейтинговании журналов необходимо, чтобы их тексты находились в свободном доступе; в противном случае возникает парадокс: чем интереснее статья, тем менее она доступна. Такой эффект мешает составлению адекватного рейтинга. Принцип открытости ранкера предполагает наличие у него хорошей обратной связи с сообществом рейтингуемых субъектов. Например, когда тот или иной рейтинг построен, он должен обсуждаться с профессиональным сообществом во избежание вспышек возмущения и недовольства; при необходимости должны вноситься коррективы в методологию рейтингования и способы обнародования данных. Только в этом случае сам рейтинг приобретает необходимый потенциал «легитимности» и доверия.

9. Для правильного использования рейтингов необходимо выполнение принципа *селективности* и *необязательности*. Данный принцип означает, что участники рынка добровольно сами решают использовать в своей деятельности те или иные рейтинги. Ярким примером подобной практики являются американские университеты, в которых действуют две разные системы приема сотрудников на работу. В самых престижных университетах (Гарвард, Стэнфорд, Принстон и др.) принятие решения по тому или иному претенденту на должность

осуществляется на основе оценки его научных результатов экспертами вуза и заключения соответствующей комиссии; формальные библиометрические данные не берутся во внимание. В более слабых и периферийных университетах, как правило, отсутствуют квалифицированные эксперты, способные адекватно оценить претендента, в связи с чем активно используются библиометрические данные индивида (В.М.Полтерович). Данный пример иллюстрирует базовое правило: использование рейтингов связано с нехваткой экспертных компетенций (А.Я.Рубинштейн). Иными словами, рейтинги и экспертное сообщество являются взаимозаменяемыми механизмами оценки. Между тем имеют место и иные варианты оценки профессиональной пригодности сотрудников университетов США. Так, в самых престижных вузах для получения постоянной должностной позиции сотрудник должен публиковаться в самых престижных (рейтинговых) журналах, тогда как в более слабых вузах такие требования отсутствуют (В.М.Полтерович). В последнее время и российские вузы все чаще оценивают сотрудников по своим собственным системам рейтингования. Иными словами, рейтинг и его пользователь должны в определенном смысле соответствовать друг другу.

10. В настоящее время необходимо сосуществование, а в ряде случаев и совмещение *количественных*, основанных на измеримых показателях, и *качественных*, основанных на экспертных опросах, рейтингов. Некоторые опрошенные высказываются в пользу количественных в силу их наглядности и прозрачности в отличие от анонимных экспертов, доверять которым нет никаких оснований (А.Е.Гаганова). Другие специалисты не менее категорично высказываются относительно того, что доверять надо не рейтингам, а конкретным людям, а такой подход формирует таблицу о рангах непосредственно в голове человека на основе коммуникации с другими людьми (А.Я.Рубинштейн). Высказывалось мнение, что рейтинг вуза можно померить только путем определения уровня интеллектуальной дискуссии между студентами и профессорами, следовательно, правильный рейтинг может быть в голове только того человека, который ходит по вузам и участвует в подобных дискуссиях, тогда

как любые количественные показатели отражают вообще совершенно иные стороны работы организации (А.В.Савватеев). Отсутствие единого мнения относительно того, какие рейтинги лучше, означает правомерность использования и тех, и других по мере необходимости.

Перечисленные принципы и подходы к разработке и использованию рейтингов способны предотвратить множество ошибок, связанных с данным инструментом оценки.

Заключение

Описанный выше опыт реализации проекта по консолидации рейтинговых продуктов показал, что в настоящее время наблюдается определенное противостояние рейтингового движения и экспертного сообщества, которое распространяется и на противостояние количественных и качественных рейтингов. На самом деле мы здесь сталкиваемся с амбивалентным процессом: неадекватность количественных рейтингов продуцируется низкой квалификацией экспертов (ранкеров), а столь же неадекватные и чрезмерно субъективные экспертные оценки продуцируются слабым экспертным сообществом и требуют более объективных методов оценки. По всей видимости, в России еще довольно долгое время будет идти взаимная притирка указанных двух направлений с постепенным приближением к разумному равновесию. Важно другое: расширяющаяся практика составления рейтингов и диалог ранкеров с широкой экспертной общественностью будут способствовать росту качества как первых, так и вторых. И созданная открытая Интернет-площадка по консолидации различных рейтинговых продуктов может стать серьезным подспорьем в этом взаимном совершенствовании.

Учитывая тематическое разнообразие рейтинговых продуктов, следует сказать, что их консолидация в рамках единого портала, скорее всего, приведет к его «перегрузке» и чрезмерному усложнению навигации. В связи с этим в перспективе было бы целесообразным создание множества специализированных рейтинговых порталов, каждый из которых позволял бы максимально полно отразить локальный (тематический) рынок. Причем в рамках таких порталов необходимо по возможности осуществлять загрузку не только отечественных, но и зарубежных рейтинговых продуктов.

Литература

1. Baty Ph. Measured, and found wanting more. *Times Higher Education*, 2010, July, 8. Available at: <http://www.timeshighereducation.co.uk/story.asp?storycode=412341> (дата обращения: 21.02.2018).
2. Jobbins D. GLOBAL: First Shots Fired in Ranking War. *University World News*, 2010, March, 7. Available at: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20100305112613216> (дата обращения: 21.02.2018).
3. Борганс Л., Кёрверс Ф. Американизация европейского высшего образования и науки // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 5-44.
4. Parijs Ph. European Higher Education under the Spell of University Rankings. *Ethical Perspectives*, 2009, vol.16, № 2, pp. 189-206. DOI: 10.2143/EP.16.2.2041651. Available at: <http://cdn.uclouvain.be/public/Exports%20reddot/etes/documents/2009u.Rankings.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
5. Smith D.N. The history behind universities, league tables and the brand. *Global Opinion Survey. New Outlooks on Institutional Profiles*, 2010, February. Available at: http://science.thomsonreuters.com/m/pdfs/Global_Opinion_Survey.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
6. Aguillo I.F., Bar-Ilan J., Levene M., Ortega J.L. Comparing University Rankings. *Scientometrics*, 2010, vol.85, № 1, pp. 243-256. DOI: 10.1007/s11192-010-0190-z.
7. Van de Walle, S. Publishing in Public Administration: Issues with Defining, Comparing and Ranking the Output of Universities. *International Public Management Journal*, 2015, vol. 18, № 1, pp. 87-107.
8. Gertler E., Mackin E., Magdon-Ismail M., Yi Y. *Computing Manipulation of ranking System*. Istanbul, 2015. Available at: <http://www.cs.rpi.edu/~xial/Files/GMMXYAAMAS15.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
9. Arnold D.N., Fowler K.K. Nefarious Numbers. *Notices of the AMS*, 2011, vol. 58, № 3, pp. 434-437. Available at: <http://www-users.math.umn.edu/~arnold/papers/impact-factors.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
10. Alves A.D., Yanasse H.H., Soma N.Y. An analysis of bibliometric indicators to JCR according to Benford's law. *Scientometrics*, 2016, vol.107, №3, pp.1489-1499. DOI: 10.1007/s11192-016-1908-3.
11. Hammarfelt B., Rushforth A.D. Indicators as judgment devices: An empirical study of citizen bibliometrics in research evaluation. *Research Evaluation*, 2017, vol. 26, № 3, pp. 169-180. DOI: 10.1093/reseval/rvx018
12. Свердлов Е.Д. Миражи цитируемости. Библиометрическая оценка значимости научных публикаций отдельных исследователей // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 12. С. 1073-1085.
13. Арский Ю.М., Маркусова В.А., Чумакова Н.Ф. Науки о Земле: объемы и рейтинги отечественных публикаций // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 10. С. 887-895.
14. Донецкая С.С. Анализ конкурентоспособности российских университетов в мировых рейтингах // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 20-31.
15. Карминский А.М., Полозов А.А. Энциклопедия рейтингов. Экономка, общество, спорт. М.: Форум, 2016. 448 с.
16. Муравьев А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 130-151.
17. Писляков В.В. Российские журналы по общественным наукам в зарубежных базах данных // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 2. С. 268-269.
18. Третьякова О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5. С. 159-172. DOI: 10.15838/esc.2015.5.41.11.
19. Рубинштейн А.Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифры»? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 162-175.
20. Бураков Н.А., Славинская О.А. Ранжирование экономических журналов: социологические измерения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 1. С. 151-169.
21. Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ / Ф.Т. Алескеров, Д.Н. Бадгаева, В.В. Писляков, И.А. Стерлигов, С.В. Швыдун // Журнал Новой экономической ассоциации, 2016, № 2(30). С. 193-205.
22. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Концентрическая модель российского рынка экономических исследований // Мир новой экономики. 2017. Т. 11. № 2. С. 82-92.
23. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция экономических журналов России: итоги трех волн рейтингования // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 178-201.

24. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Российская модель сопряжения академической результативности и образовательного потенциала регионов // Известия УрГЭУ. 2017. № 5(73). С. 109-127.
25. Московкин В.М., Сунь С. Рейтингование экономистов: современное состояние вопроса и перспективы дальнейших исследований // Научная периодика: проблемы и решения. 2017. Т. 7. № 1. С. 20-45. DOI: 10.18334/nppir.7.1.38336.
26. Московкин В.М., Сунь С. Развитие методов определения рейтингов ученых на основе российского индекса научного цитирования // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2017. № 8. С. 23-28.
27. Стерлигов И.А. Пилотный проект по оценке российских научных журналов. М.: НИУ ВШЭ, 2014. URL: <http://slidegur.com/doc/225135/pilotnyj-proekt-vshe--po-e-kspertnoj-ocenke-rossijskih> (дата обращения: 21.02.2018).
28. Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения VS библиометрии): Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 83 с.
29. Муравьев А.А. Рейтинги российских журналов по экономике: сравнительный анализ. 2015. URL: <http://studydoc.ru/download/4796527> (дата обращения: 21.02.2018).
30. Субочев А.Н. Насколько различны существующие рейтинги российских научных журналов по экономике и менеджменту и как их объединить // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С.181-192.
31. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 2. С. 166-178.
32. Балацкий Е.В., Юревич М.А. Несбалансированность наукометрических РИНЦ-показателей российских экономистов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 176-180.

Сведения об авторах

Евгений Всеволодович Балацкий – д.э.н., профессор, директор Центра макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Наталья Александровна Екимова – к.э.н., доцент, в.н.с. Центра макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Статья поступила 27.02.2018.

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Opportunities for the Consolidation of Rating Products in the Internet Environment

Abstract. The article reveals the experience of a project on consolidation of rating products within the single portal with related services for users. We describe the ideology of an open Internet platform, its structure and navigation, and specially designed analytical tools. We focus on the developed and tested trust index in relation to all the ratings on the website, which helps approach a possible solution to the problem of rating verification. We point out the fact that the proposed analytical verification tools are vulnerable to manipulation that is manifested in users' hostile attacks on selective ratings by giving

the ratings deliberately low trust scores. The paper shows the relevance of the portal designed, which is manifested not only in the number of views of its content, but also in the public reaction to various ratings of both individuals and organizations. In addition, we disclose the experience of using academic ratings over the period of several years to reveal undesirable trends and emerging threats in the market of economic research. We show an attempt to combine different ratings for the purpose of determining the extent of using educational and scientific potential of Russian regions. Video interviews allowed us to formulate ten principles in the development and use of ratings: neutrality (disinterest of the developer as a participant); pluralism (diversity of ratings); duration of the period of preparation; improvement of development methodology; openness of the object of rating and ranker; selectivity (optionality) of application, etc. These principles help raise the work of rankers to a higher level. We outline the ways of using the portal for communication between rankers and the expert community, for establishing a constructive dialogue between them and improving rating tools.

Key words: ratings, databases, modeling, verification.

Information about the Authors

Evgenii V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, office 319, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, office 319, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

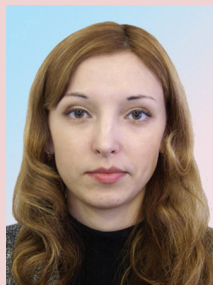
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4

УДК 338.22:364, ББК 65.9(2Рос)-1:65/9(4/8)-1

© Соловьева Т.С., Попов А.В., Каро-Гонсалес А., Хуа Ли

Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития*

**Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА**
Вологодский научный
центр РАН
Вологда, Российская
Федерация, 160014,
ул. Горького, д. 56а
E-mail: solo_86@list.ru

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**
Вологодский научный
центр РАН
Вологда, Российская
Федерация, 160014,
ул. Горького, д. 56а
E-mail: ai.popov@yahoo.com

**Антония
КАРО-ГОНСАЛЕС**
Университет Деусто
Бильбао, провинция
Бискайя, Испания,
48007, Avenida de las
Universidades, 24
E-mail: tcarogon@gmail.com

ХУА ЛИ
Чжэцзянский университет
Ханчжоу, провинция
Чжэцзян, Китай,
Mengminwei Building,
room 257, Zijingang Campus,
Zhejiang University
E-mail: lilylovesresearch@163.
com

Аннотация. В настоящее время в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях одним из важнейших направлений национального и регионального развития является поддержание социальной стабильности и воспроизводство качественного человеческого капитала. В рамках достижения данной цели значимую роль играет создание условий для эффективной реализации человеческого потенциала. В то же время мировая практика показывает, что регионы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00717.

Для цитирования: Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития / Т.С. Соловьева, А.В. Попов, А. Каро-Гонсалес, Хуа Ли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 52-68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4

For citation: Solov'eva T.S., Popov A.V., Caro-Gonzalez A., Hua Li. Social innovation in Spain, China and Russia: key aspects of development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 52-68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4

и страны сталкиваются с рядом проблем, с которыми государственные институты зачастую не справляются, что приводит к возникновению «провалов государства». В статье на основе сравнительного анализа рассматриваются возможности социальных инноваций в решении социальных проблем на примере Испании, Китая и России. Представлены основные направления развития в них концепции социальных инноваций, актуализируется ситуация в данной сфере, подчеркивается роль государственной политики в продвижении социальных инноваций, выделяются основные особенности и тенденции. Успешные практики социальных инноваций: Фонд Пеньяскаль (Испания), строительство «сотоподобных» офисных зданий (Китай), проект «Мама работает» (Россия) – анализируются с целью иллюстрации того, как различные субъекты находят ответы на решение конкретных социальных проблем. В частности, показано, что социальные инновации являются эффективным инструментом содействия трудоустройству социально уязвимых категорий населения. В заключение осуществлен сравнительный анализ основных характеристик развития социальных инноваций в Испании, Китае и России (направленности, акторов, драйверов и барьеров, механизмов социальных инновационных изменений, роли политики), на основе которого предложены ключевые направления содействия развитию социальных инноваций в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: социальные инновации, социальная политика, драйверы, барьеры, социальное предпринимательство, управление, социальное развитие.

Введение

В условиях укоренившихся системных проблем (безработица, социальное неравенство, бедность и т.д.) и появления новых вызовов современности (глобальная миграция, демографическое старение, трансформация занятости и т.д.) мировое сообщество обращается к поиску эффективных способов и методов их преодоления. Как показывает практика, традиционные методы государственного и рыночного регулирования далеко не всегда способны своевременно реагировать на происходящие изменения, что находит отражение в концепциях «провалов государства» и «провалов рынка». В этой связи в качестве эффективного инструмента все чаще рассматриваются социальные инновации, которые в самом обобщенном виде представляют собой нововведения, направленные на решение социальных проблем или смягчение их негативных последствий. Важнейшая роль в процессах разработки и внедрения подобного рода инициатив отводится гражданскому обществу, некоммерческим организациям и бизнес-структурам. Так, концепция «серебряной экономики»¹ по продлению трудовой жизни людей в Европе была реализована на основе

механизма государственно-частного партнерства [1]. При этом отмечается, что в кризисные периоды социальные инновации становятся источником обеспечения устойчивого роста, получения высоких доходов, сохранения рабочих мест и повышения конкурентоспособности [2].

В отличие от традиционных технических инноваций, социальные инновации обладают более широкой сферой применения, возникают в процессе коллективного творчества, а их эффект не проявляется так быстро, и его сложно оценить, особенно количественно. Как правило, влияние социальных инноваций на социально-экономическое развитие территорий носит комплексный характер, выражающийся в том, что внедрение одного нововведения приводит к ряду взаимосвязанных преобразований [3, с. 76]. При этом в качестве социальной инновации могут выступать новый продукт (вспомогательные технологии для людей с ограниченными возможностями), сервис (мобильные банковские услуги), процесс (равноправное сотрудничество и краудсорсинг), рынок (справедливая торговля или банки времени), платформа (нормативно-правовая база или способы оказа-

¹ Социальные инновации можно рассматривать как важнейшие составляющие «серебряной экономики» [1, с. 34].

ния помощи), организационная форма (компании общественных интересов), бизнес-модель (социальный франчайзинг) или их сочетание [4, с. 25].

Несмотря на растущий спрос государства и общества на социальные инновации, их развитию препятствует множество факторов, перечень которых варьируется в зависимости от уровня экономического развития страны, ее политического устройства, наличия соответствующего правового поля, состояния гражданского общества и т.д. Все это актуализирует важность выявления драйверов и барьеров развития социальных инноваций как эффективного инструмента решения социальных проблем в различных регионах мира, что и составило цель настоящей статьи. В качестве исследуемых территорий нами были выбраны Испания, Китай и Россия, гецивилизационные особенности которых позволяют раскрыть специфику развития социальных инноваций в Европе, Азии и в России как стране, ассимилировавшей в себе черты двух цивилизаций.

Материалы и методы

Истоки социальной ориентированности инноваций восходят к работам Р. Оуэна, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма [5, 6, 7, 8] и др. Как экономический термин «социальная инновация» стал употребляться во второй половине XX в. в трудах П. Друкера и М. Янга [9, 10]. В дальнейшем по мере роста внимания научной и политической общественности к данной тематике появилось большое количество различных концепций и теорий социальных инноваций. На основе обобщения существующего опыта Э. Пол и С. Вилль выделили четыре направления:

- социальные инновации как движущая сила институциональных изменений (Р. Мартин, С. Осберг, Р. Скотт и др.);
- социальные инновации как новые идеи, которые направлены на достижение социальных целей и удовлетворение социальных потребностей (Дж. Малгэн, С. Такер, Б. Сандерс и др.);
- социальные инновации как идеи общественного блага (Центр социальных инноваций и др.), как новое решение социальных

проблем, направленное на повышение качества жизни всего общества, а не отдельных лиц (Дж. Филлс, К. Диглмейер, Д. Миллер и др.);

- социальные инновации как новый способ преодоления социальных проблем, не поддающихся воздействию со стороны рынка (ОЭСР, Европейская Комиссия и др.) [11].

Анализ современной научной литературы позволяет говорить о формировании двух основных направлений развития концепций социальных инноваций [12, с. 66-69]. Функционалистский подход заключается в рассмотрении социальных инноваций как производителя социальных услуг, на которые государство и рынок не могут удовлетворить спрос [13]; трансформационалистский подход определяет социальные инновации как процесс, который инициирует создание новых практик и правил или способствует их институционализации в целях социально-политической трансформации общества [14; 15].

Придерживаясь комбинированного подхода, в настоящей статье мы трактуем социальные инновации как новые социальные практики в определенной области жизнедеятельности, целенаправленно инициируемые отдельными акторами/группами акторов с целью удовлетворения потребностей населения/решения социальных проблем, которые в случае институционализации могут привести к системным социальным изменениям. Подобная трактовка позволяет более широко подойти к рассмотрению сущности данного явления и показать его значимость для социально-экономического развития территорий.

В основу исследования положен системный подход, в рамках которого на основе сравнительного анализа выделяются общие и особенные черты, ключевые драйверы и барьеры развития социальных инноваций в отдельных регионах мира. В целях более глубокого понимания процессов реализации социальных инноваций использовался метод бенчмаркинга в контексте изучения одних из наиболее успешных социальных инновационных проектов в рассматриваемых странах.

Обсуждение результатов

Опыт Испании. Социальные инновации в Испании² имеют давнюю историю, что выражается в некоторых коллективных и/или творческих инициативах (низовых — «снизу вверх»), которые обращены к социальным проблемам, связанным с конкретными ситуациями и историческими событиями (например, эко-деревни в Каталонии или движение Emaus в Стране Басков). Тем не менее, согласно Индексу социальных инноваций, опубликованному в 2016 г. группой по сбору данных журнала «Экономист» (EIU)³, Испания наряду с Японией занимает 28-е место как одна из стран с самыми низкими показателями уровня доходов. Особенность Испании и в том, что она находится на уровне ниже среднего по всем четырем анализируемым аспектам (основы институциональной политики, финансирование, предпринимательство и гражданское общество). Это может быть связано с тем, что в испанской государственной политике, а также в уставных документах общественных и головных организаций термин «социальные инновации» используется относительно недавно и достаточно редко. Кроме того, понятие «социальные инновации» не имеет единой трактовки, поскольку является термином, который почти всем нравится, но никто в полной мере не понимает, что он обозначает [11]. В основном под ним понимается модернизация⁴ или возможность обеспечить

легитимность некоммерческой деятельности. М. Фернандез, О. Пинеда и Р. Чавес рассматривают социальные инновации как часть так называемой «модели социальных инноваций», восприимчивой к различным аспектам кризиса социального государства (государства всеобщего благосостояния) [16]. Они представляют социальные инновации как ответ на кризисные явления в Испании, направленный на развитие новой социально-экономической парадигмы.

С началом экономического кризиса в Испании в 2008 г. она столкнулась с обострением проблем безработицы, сокращения бюджета и объемов оказания социальных услуг. К 2015 г. самое медленное восстановление и наиболее заметные потери от социально-экономического кризиса среди стран-членов ЕС продемонстрировали Испания, Греция и Хорватия. При этом в Испании был зафиксирован самый высокий уровень безработицы (в первом квартале 2013 года — более чем 25%).

Кризис послужил движущей силой развития социальных инноваций, поскольку их инициаторам пришлось мобилизовать усилия гражданского общества на решение проблем, возникших в тот период одновременно с ослаблением позиций социального государства и ростом безработицы. Социальные инновации стали приобретать большее значение в региональных стратегиях нескольких автономных сообществ (Страна Басков, Андалузия, Каталония, Астурия и Наварра) и муниципалитетов Мадрида и Барселоны. Согласно данным Европейской Комиссии [17], основная поддержка развития социальных инноваций в Испании на национальном и региональном уровнях базируется:

— на значимости сектора социальной экономики. Как считает Л. Яхье⁵, «несомненно, социальная экономика — это сектор, который вносит значительный вклад в создание рабочих мест, устойчивый рост и справедливое распределение доходов и богатства. Это сектор, который способен сочетать рентабельность с социальной интеграцией и демократическими системами управления, работая наряду с государственным и частным секторами в соответствии с потребностями населения. И что особенно важно, это сектор, который выдержал

² С 1970-х гг., задолго до того как началось оформление концепции «социальных инноваций», в Испании был разработан ряд социальных инновационных проектов для решения социальных проблем, но никто из государственного или частного сектора не откликнулся на них (например, эко-деревни в Каталонии как способ продвижения новых «зеленых» моделей во время кризиса. Еще одним примером является Emaus в Стране Басков, который с помощью различных проектов, программ, действий и союзов и в соответствии с принципами и ценностями социальной экономики и экономики солидарности способствовал инклюзии людей, находящихся в зоне риска социальной изоляции).

³ The Economist Intelligence Unit // The Economist. URL: <http://www.eiu.com/home.aspx>

⁴ Основным инструментом содействия инновациям на национальном уровне является Инновационная стратегия (e2i) на 2013–2020 гг., разработанная Министерством экономики и конкурентоспособности (2013) при участии государственных, частных и смешанных экономических субъектов. Другим инструментом является Национальный план действий в области социальной интеграции на 2013–2016 гг. В данных документах социальные инновации в основном понимаются как стратегии модернизации.

⁵ Президент Группы различных интересов Европейского социально-экономического комитета.

экономический кризис гораздо лучше других и приобретает все большую значимость на европейском уровне» [18];

– благоприятной правовой базе, поскольку политика в области социальных инноваций в Испании является частью государственной политики (социальная интеграция; научные исследования и инновации) в соответствии со Стратегией «Европа 2020»⁶;

– росте числа субъектов, вовлеченных в решение многочисленных насущных социальных проблем, таких как высокий уровень молодежной и длительной безработицы, риски эксклюзии (Tarifas Blancas, Obra Social La Caixa, Peñascal, S. Coop.), низкий уровень участия гражданского общества в решении государственных вопросов, уход из школ, обучение на протяжении всей жизни, социально-экономическая и культурная интеграция иммигрантов (Instituto de Innovación Social ESADE, FAGEDA). В среднесрочной перспективе серьезными вызовами на национальном уровне являются: старение населения и его влияние на систему здравоохранения; доступ к источникам энергии и социальной интеграции сельских районов; обеспеченность жильем, условиями проведения досуга, услугами транспорта в крупных городах (Guifi.net, Afables, mYmO).

Среди основных препятствий для развития социальных инноваций в Испании можно выделить то, что многие субъекты сами не признают себя частью социального инновационного сообщества. Кроме того, необходимым является привлечение новых партнеров из смежных областей социальной политики. В территориальном аспекте стороны, заинтересованные в развитии социальных инноваций в Испании, локализируются не только в крупных городах, таких как Мадрид и Барселона, но и в таких регионах, как Андалусия (где основное внимание уделяется социальным инновационным решениям вопросов, связанных с энергетикой), и Страна Басков (регион, определяющий тенденции в области социальных инноваций).

⁶ Ministerio de Sanidad, Servicios Sociales e Igualdad. La Promoción de la Inclusión Social a través de los Fondos Estructurales y de Inversión de la UE (Período 2014–2020): Guía de orientaciones y recomendaciones prácticas. Madrid: Centro de publicaciones, 2014. URL: <http://www.msssi.gob.es/ssi/familiasInfancia/inclusionSocial/docs/GuiaInclusionSocialyFondosestructurales.pdf>

Баскская стратегия социальных инноваций является одной из наиболее значимых региональных стратегий социальных инноваций, разработанных в Испании. Она была поддержана динамично развивающимся и стабильным сектором социальной экономики. Формально продвигаемая компанией Innobasque⁷, ранее она была интегрирована в более широкий региональный план комплексного развития инноваций – Стратегию избирательной специализации – RIS3. Баскская стратегия социальных инноваций способствовала развитию сети социальных инноваций, рассматриваемой как инструмент социально-экономического развития на региональном уровне, расширяя использование инновационных идей и практик в сфере государственного управления для создания социальных ценностей [19; 20].

Еврокомиссия также указывает на роль научно-исследовательских институтов, проводящих исследования в области социальной экономики и социального предпринимательства, в основном относящихся к Ассоциации иезуитских колледжей и университетов (в частности, Бизнес-школа ESADE в Каталонии и университет Деусто в Стране Басков) и принимающих активное участие в продвижении социальных инноваций по всей стране.

В настоящей статье рассмотрим один из примеров социальных инноваций в Стране Басков – Фонд Пеньяскаль⁸, который помогает компаниям, содействующим трудоустройству. Фонд, основанный в 1986 г., является эталонным социальной интеграции и трудоустройства, особенно для уязвимых групп населения и лиц, подвергающихся риску социального отчуждения в провинции Бискайя. С момента своего основания он оказал помощь более чем 35 000 человек⁹. Фонд был создан в районе Пеньяскаль города Бильбао группой католических священников и педагогов, обеспокоенных вытеснением учащихся из школ, недостаточным уровнем

⁷ Частная некоммерческая ассоциация, целью которой является продвижение стратегии социальных инноваций в Стране Басков.

⁸ Данный раздел основан на материалах исследовательской работы на соискание степени доктора философии и на последующей докторской диссертации А. Каро-Гонсалез [21].

⁹ Неопубликованный ежегодный отчет о деятельности Peñascal Coop., 2016.

профессиональной подготовки, высоким уровнем безработицы и нестабильностью занятости вследствие социально-экономического кризиса, а также глубокими изменениями, которым подверглась экономическая модель Испании.

В период 1973–1984 гг. уровень безработицы в Стране Басков с нулевого уровня достиг отметки 23%. Не случайно 80-е годы стали отправной точкой для создания рекрутинговых компаний, в то время как программы трудоустройства были ключевыми инструментами социальных программ. Как минимум восемь организаций были созданы в этот период: Фонд Пеньяскаль, IRSE, Suspergintza, Sartu, Gaztaroa, Фонд профессиональной подготовки Euskadi, Bagabiltza и Ассоциация помощи цыганам. Это стало ответом на существующие проблемы социальных субъектов в создании механизмов защиты уязвимых групп населения от бедности, в дополнение к более глобальным мерам, заключавшимся в ежемесячных экономических выплатах по программам «Социальные зарплаты» или «Программы минимального дохода». В конце 1980-х гг. благотворительной организацией *Cáritas* были учреждены программы «*Nogabide*» и «Беспроцентные кредиты» для содействия самозанятости.

Фонд, ориентированный на развитие человека путем повышения его профессиональной квалификации и личностного развития, в основном функционирует в сфере образования, трудоустройства и продвижения бизнеса. Он выделяется своей инновационной направленностью, постоянным совершенствованием, высоким уровнем социальной ответственности, индивидуальным подходом, высоким качеством ресурсов и готовностью людей участвовать в работе Фонда. С момента создания он подчеркивал, что взаимодействие с социальными партнерами является ключом к успеху. На 2016 г. Фонд Пеньяскаль имел восемь зарегистрированных компаний по трудоустройству, активно работающих в различных секторах, таких как: гостиничное обслуживание, сантехнические работы, деревообрабатывающее производство или реконструкция. Эти компании объединяют индивидуальные программы профессиональной подготовки и трудоустройства, предлагая уязвимым слоям населения работу.

На основе имеющегося обязательства отвечать стратегии обучения на протяжении всей

жизни *Peñascal Coop.* стал первым Баскским центром, который ввел базовые курсы профессиональной подготовки и, совместно с государственными органами и компаниями, объединил профессиональную подготовку и трудоустройство в Дуальном обучении. Фонд имеет ряд наград; был отмечен председателем ЕС в докладе о борьбе с бедностью и социальной изоляцией [22], где собраны лучшие практики; выделился своей работой с молодежью за пределами системы общего образования и системы государственной помощи.

Опыт Китая. В последнее десятилетие органы власти Китая активно поощряют инновационные практики, что нашло отражение в публикации соответствующих методических указаний и мер по их реализации. В число этих документов входят: Национальный среднесрочный и долгосрочный план технологического развития (на 2006–2020 гг.) и план Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) «Углубление системной реформы с целью ускорения темпов реализации стратегии развития по инновационному пути»¹⁰. Государственным советом также были разработаны рекомендации в сфере политических мер по активному продвижению социальных инноваций, направленные на их стимулирование¹¹. Кроме того, правительство принимает политические решения по обеспечению функционирования предприятий на основе рыночных механизмов. Ключевая идея обозначенных документов заключается в развитии предпринимательства и инноваций, в т.ч. в социальной сфере [23]. На оперативном уровне местные органы власти предпринимают усилия по развитию малого бизнеса, рассматривая данную линию политики в качестве перспективного направления экономического роста Китая [24]. Соответственно, многие государственные и частные агенты создают собственные программы, способствующие развитию и реализации инновационных проектов предпринимательской деятельности.

¹⁰ National Assembly of the PRC. Deepening the System Reform to Accelerate the Rate of Implementation on Innovation-Driven Development Strategy. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-03/23/content_2837629.htm.

¹¹ National Assembly of the PRC. Opinions on Policy Measures for Vigorously Promoting Public Innovation. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-06/16/content_9855.htm.

Первым и основным драйвером развития социальных инноваций на высшем уровне являются КПК и Госсовет КНР. Так, на XIX Национальном конгрессе КПК было подчеркнуто большое значение активизации социальных инноваций и социального управления. В докладе продвигается идея «ускорения строительства инновационной страны» и уточняется, что «инновации являются основной движущей силой развития и стратегическим сподвижником современной экономической системы» [25]. Центральные органы власти также уделяют особое внимание созданию системы социального управления и обслуживания на низовом уровне. Партия и правительство обязывают местные органы власти расширять функции по обслуживанию городских и сельских общин и усиливать ответственность предприятий, государственных учреждений и общественных организаций в области социального управления и услуг. Кроме того, правительство обязано координировать деятельность общественных организаций в интересах их нормального развития и поощрять людей к участию в социальном управлении, с тем чтобы они играли ключевую роль в социальных инновациях.

Второй движущей силой социальных инноваций в Китае выступают потребности населения, которые изменяются с развитием экономики и общества. Например, демографическое старение, низкий уровень рождаемости, загрязнение окружающей среды, а также диспропорции развития городских и сельских районов являются наиболее значимыми социальными проблемами. Они стимулируют запросы в социальном равенстве и услугах ухода за пожилыми, присмотра за детьми, служб занятости для женщин. Если эти потребности не будут удовлетворены, то возникнут более серьезные проблемы, которые приведут к острым социальным конфликтам. Преодоление новых вызовов возможно за счет социальных инноваций, особенно в нынешней диверсифицированной, открытой и динамичной социальной среде, в которой легко распространяются социальные конфликты, активизируются протестные действия и нарушается общественное согласие. Например, 21 апреля 2016 г. более 10 тысяч человек вышли на улицы города Цзясин в знак протеста против строительства мусоросжигательной

электростанции¹². Поэтому общественные потребности заставляют правительство рассматривать социальные инновации как средство ослабления противоречий.

Не менее важным фактором развития социальных инноваций в Китае являются технологии, особенно информационные технологии, которые постоянно применяются в повседневной жизни. Это предоставляет новую платформу для реализации социальных инноваций. Например, развитие коммуникационных технологий служит основой содействия электронному управлению, которое является активно распространяющейся и типичной социальной инновацией. Ханчжоу — это один из лучших примеров, который с 2016 г. функционирует в рамках программы «Умный Город»¹³. Жители этого города могут воспользоваться своими мобильными телефонами для получения более чем 60 видов услуг, например услуг органов местного самоуправления, медицинских услуг и оплаты проезда в общественном транспорте. Таким образом, непрерывный технологический прогресс становится важной движущей силой социальных инноваций.

Еще один драйвер социальных инноваций в Китае — некоммерческий сектор. Поскольку основной функцией правительства является управление, ему сложно брать на себя все вопросы социального характера, включая социальные инновации. В данном случае для создания и реализации социальных инноваций необходимо привлечение третьего сектора. Более того, некоммерческий сектор подталкивает правительство к поддержке социальных инноваций, исходя из собственных интересов. Этот фактор находит отражение в сотрудничестве между правительством и НКО, т.е. добровольческими и академическими организациями. Например, на общинном уровне добровольческие организации часто осуществляют исследования спроса населения и составляют планы инновационной деятельности. При этом пра-

¹² Netease. The Problem of Pollution in Changzhou Has not yet Been Solved, Haiyan town of Jiaxing City Has another Accident. URL: <http://help.3g.163.com/0409/16/0423/10/BLB56MNB040900M7.htm>.

¹³ Li B. White Paper on «New China's Smart City»: Hangzhou is the Smartest City. URL: <http://money.163.com/16/1227/13/C9A0KR67002580S6.html>

вительство предоставляет финансирование для деятельности некоммерческого сектора. Функции и влияние третьего сектора, в частности, весьма значительно в провинциях Чжэцзян и Цзянсу [26].

Первым и главным барьером социальных инноваций в Китае является затратность и связанные с ней риски. Инновация – это своего рода системная программа, требующая определенного количества человеческих ресурсов, финансирования и времени, и местные органы власти должны учитывать свои возможности. Некоторые региональные правительства вынуждены отказаться от реализации инноваций из-за бремени расходов. Кроме того, барьер стоимости всегда идет рука об руку с риском. Поскольку рационализм лиц, принимающих решения, и участников инновационной деятельности ограничен, а окружающая обстановка варьируется от региона к региону, то в такой большой стране, как Китай, риск инновационной деятельности трудно прогнозируем и последствия неудачи являются более серьезными, чем в менее крупных странах. Поэтому в текущих условиях, характеризующихся многообразием и неопределенностью, основными барьерами представляются издержки и риски.

Вторым барьером социальных инноваций в Китае является сопротивление заинтересованных групп. Хотя некоммерческий сектор играет важную роль в стимулировании социальных инноваций, одновременно он может выступать и барьером, поскольку инновации – это перемены, которые нарушают прежний баланс сил. Для нового этапа развития социальных инноваций необходимо наличие ранее сформировавшихся устойчивых взаимоотношений между третьим сектором и правительством. Властные структуры боятся потерять собственные права и интересы, стремятся сохранить существующую организационную структуру и противостоять любым формам инноваций. Более того, перераспределение ресурсов может вызвать сопротивление, поэтому заинтересованные акторы часто относятся к инновациям, как к ограничивающим их интересы, или как к угрозам. В целом этот процесс часто оказывает большее влияние на представителей правительственных учреждений и общественности в связи с тем, что он в основном связан с перераспределением власти и ресурсов, что служит почвой для

возникновения конфликтов. Следовательно, инновационный процесс может нанести ущерб интересам третьего сектора, и тогда он будет сопротивляться социальным инновациям и образовывать потенциал протеста.

Третий барьер социальных инноваций в Китае исходит из культуры. Существующая идеология и организационная культура влияют на мотивацию к развитию социальных инноваций, что, как правило, отражается в идеологии местного самоуправления, а также местного сообщества. Консервативная идеология оказывает огромное влияние на социальные инновации и развитие социального менеджмента. Вместе с тем организационная культура – это гибкая система, которая может эффективно контролировать и координировать действия акторов. Однажды сформированная, независимо от ее достоинств или недостатков, она создаст своего рода импульс, препятствующий развитию новой организационной культуры, которая может эффективно способствовать росту и развитию организации в существующих условиях, но сама по себе будет препятствовать инновациям. В настоящее время «официальная» идеология оказывает особенно обструкционистское воздействие на социальные инновации.

В качестве успешного примера социальных инноваций в Китае рассмотрим проект «сотоподобных» офисных зданий для предпринимателей, созданный в 2015 г. в одном из основных центральных деловых районов города Ханчжоу. Программа расширила возможности для молодых предпринимателей и обеспечила благоприятные условия для развития бизнес-проектов¹⁴. Инициатором проекта выступила компания Zhedawangxin совместно с несколькими университетами и колледжами, такими как Международный колледж инноваций (International College of Innovation), Чжэцзянский колледж молодого предпринимателя (Zhejiang College of Young Entrepreneur), Cloud Coffee и т.д. Компания предлагает предпринимателям офисные помещения для работы, дешевую аренду жилья, материально-техническую базу и оборудование.

¹⁴ INSIGMA. Wangxin entrepreneurship honeycomb-like building Settled in Qiantang Smart City. URL: <http://www.insigmagroup.com.cn/news/%E7%BD%91%E6%96%B0%E5%88%9B%E4%B8%9A%E8%9C%82%E6%88%BF%E5%85%A5%E9%A9%BB%E9%92%B1%E5%A1%98%E6%99%BA%E6%85%A7%E5%9F%8E>.

Цель программы – предоставить молодым специалистам пространство для ведения бизнеса, особенно тем, у кого есть свои небольшие предприятия.

При подаче заявки на участие в данной программе компания оценивается по различным аспектам, затем отбираются организации, работающие в области Интернет-технологий, онлайн-образования и интернет-продаж. Система управления проектом приняла бизнес-модель, применяемую в жилищно-строительных компаниях с акцентом на улучшении условий жизни людей и хорошей коммунальной инфраструктуре для привлечения арендаторов. В ходе работы этой программы менеджер компании отбирает претендентов путем оценки потенциала их бизнеса [27].

Таким образом, проект показывает хорошие результаты, поскольку закладывает основу для развития бизнеса, что подтверждается показателями успешности программы (доля арендаторов, которые успешно создали новые, стабильно развивающиеся компании, составила 20%) [28]. Программа получила финансовую и политическую поддержку местных органов власти, а также сотрудничает со средствами массовой информации и организует промоушн для привлечения большего числа представителей бизнес-структур¹⁵. В настоящее время обсуждается вопрос повышения устойчивости программы в контексте ее автономизации с целью предоставить молодежи больше возможностей для трудоустройства и создания инновационных проектов.

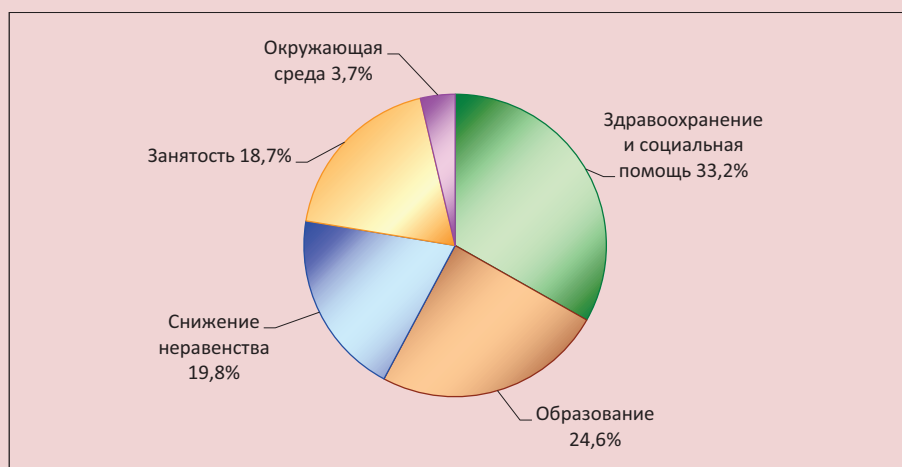
Опыт России. В России социальные инновации – относительно новое явление, и, в отличие от развитых стран Европы, где ключевую роль играет гражданское общество, в РФ особое значение в распространении социальных инициатив придается органам власти, которые, понимая важность их развития, стимулируют процессы социальной активности в приоритетных для государства направлениях. Данная ситуация объясняется рядом причин. Во-первых, это существование административных, законодательных, финансовых и иных барьеров для внедрения социальных инноваций [6]. Приме-

ром таких преград являются научно-техническая направленность инновационной политики России и отсутствие законодательства, регулирующего развитие социальных инноваций. Во-вторых, низкая социальная активность россиян, которая, согласно экспертному опросу, проведенному РАНХиГС, представляет собой главную проблему, с которой сталкиваются общественные организации [29, с. 11]. В-третьих, ментальные барьеры населения, которое с осторожностью относится к нововведениям и изменению привычной социальной реальности [30].

Первая крупная инициатива поддержки социальных инноваций, и в т.ч. социального предпринимательства, принадлежит частному бизнесу – президенту компании ЛУКОЙЛ В. Алекперову, основавшему в 2007 г. Фонд региональных социальных программ (ФРСП) «Наше будущее». В рамках поддержки деятельности некоммерческих организаций (НКО) в 2011 г. Правительством России было инициировано создание автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив» (АСИ), одна из функций которой заключается в выявлении перспективных инициатив в сфере социального предпринимательства в регионах России. С 2013 г. АСИ начало работу по созданию центров инноваций социальной сферы (ЦИСС), и в настоящее время насчитывается порядка 23 ЦИСС в регионах РФ. Данная структура ориентирована на поддержку социального предпринимательства, однако, как свидетельствует практика, приоритет в оказании помощи отдается организациям малого и среднего бизнеса, а поддержка социально ориентированных НКО не осуществляется. Аналогичная ситуация эксклюзии НКО отмечается и в деятельности фонда «Наше будущее», что экспертами связывается с ориентированностью интересов государства на социальный бизнес, а не на социально ориентированные НКО и отождествление социального предпринимательства с малым и средним бизнесом [31]. В то же время исследование Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ показало, что в России присутствует выраженная социальная потребность в деятельности НКО в сфере социальных услуг, но это сдерживается неразвитостью инфраструктуры [32].

¹⁵ Wang X. «Dr. William F. Miller Visits Entrepreneurial Honey-comb like Building». URL: <http://news.163.com/15/0630/04/ATB5TASJ00014AEF.html>

Распределение реализуемых на территории России проектов социальных инноваций по сферам деятельности

Источник: составлено авторами на основе данных фонда «Наше будущее».

Несмотря на определенные трудности, процесс внедрения социальных нововведений получил всероссийское распространение. Согласно данным ФРСП «Наше будущее», с 2007 по 2016 г. в рамках деятельности организации на территории страны было реализовано 187 инновационных проектов¹⁶. Тем не менее согласно данным Агентства стратегических инициатив, только 1% предпринимателей осуществляет свою деятельность в социальной сфере¹⁷. В 2017 г. на II Форуме социальных инноваций регионов России был презентован первый в России кластер социальных инноваций, созданный в Омской области¹⁸ и включающий в себя первую в России Школу социального предпринимательства, «Клуб менторов и инвесторов», центры инноваций социальной сферы, предприятия и бизнес-структуры. Преимуществами кластера являются возможность минимизации затрат и мобилизации ресурсов, расширения

масштабов бизнеса, более высокая устойчивость на рынке и т.д.

Среди основных драйверов развития социальных инноваций в России, помимо активного участия государства в поддержке социальных инновационных проектов, можно выделить активный спрос населения, растущий сектор социально ориентированных некоммерческих организаций, развитие негосударственных фондов поддержки социальных инициатив.

Социальные инновации в России чаще всего применяются в сферах, в основном относящихся к непосредственным функциям социального государства, таких как здравоохранение и социальная помощь, образование, снижение неравенства в доступе к услугам в сфере досуга, занятость и окружающая среда (*рисунок*).

Ярким примером российского проекта социальных инноваций выступает проект «Мама работает», направленный на решение проблемы совмещения трудовой деятельности и семейных обязанностей женщин [33, с. 138]. Вопрос занятости женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, стоит достаточно остро, поскольку государство не справляется с задачей их трудоустройства [6, с. 73-77].

История проекта начинается с возникновения идеи открытия в Москве социального фонда «Дорога в жизнь». Основатель проекта

¹⁶ Годовой отчет / Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». Режим доступа: http://www.nb-fund.ru/about-us/about_annual_report_t/

¹⁷ Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. Режим доступа: <https://asi.ru>

¹⁸ Губернатор Виктор Назаров презентовал первый в России кластер социальных инноваций / Министерство экономики Омской области. Режим доступа: <http://www.mec.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/MEC/news/2017/06/08/1496930259246.html>

«Мама работает» – Олеся Кашаева на своем опыте столкнулась с проблемой молодых мам, которые ищут работу, и попыталась найти решение, создав проект, реализующийся в нескольких направлениях (получение образования, поиск работы, открытие своего бизнеса, психологическая поддержка, создание рабочих мест). Основная цель проекта «Мама работает» состоит в оказании помощи многодетным матерям, матерям-одиночкам, а также женщинам с детьми, попавшим в трудную жизненную ситуацию, в получении образования, поиске работы или открытии своего бизнеса (социальные цели). «Мама работает» оказывает психологическую поддержку молодым мамам, дает возможность отвлечься от домашних дел. Кроме того, проект создает рабочие места для женщин, находящихся в декретном отпуске, как на дому, так и на производстве (*экономические цели*). Под эгидой проекта «Мама работает» функционирует швейная мастерская «МамыСами», которая выпускает эко-сумки, выполненные из хлопка¹⁹.

Проект создавался на альтруистических началах, поэтому на начальных этапах развития была очень важна поддержка, которая была получена в создании сайта от «Теплицы социальных технологий», в финансовой поддержке – от Комитета общественных связей города Москвы, Общественной палаты РФ и Губернатора Московской области (затем – получение Президентского гранта, победа в конкурсе «Социальный предприниматель – 2014»). На сегодняшний день финансирование проекта во многом осуществляется за счет собственных средств, что позволяет заниматься микрофинансированием бизнес-проектов молодых мам (поддержано более 120 бизнес-проектов), помогает мамам с маленькими детьми стать успешными в бизнесе. Кроме того, «Мама работает» сотрудничает с Российским новым университетом в рамках программы «Мама-гистр». При этом для молодых мам-студенток составляется индивидуальная программа очного обучения по 11 направлениям, позволяющая совмещать учебу и уход за ребенком. Прошедшим обучение молодым матерям оказывается помощь в трудоустройстве по приобретенной

специальности²⁰. За время работы получено более 3500 заявок от молодых матерей из 64 регионов РФ, проведено более 2400 часов консультаций и тренингов. Проект «Мама работает» заинтересован в расширении географии, чтобы в любом регионе желающие мамы также могли открыть его. Это стало поводом для разработки социальной франшизы.

Исследование современного состояния и наиболее успешных практик социальных инноваций в Испании, Китае и России позволило выявить общее и особенное в развитии социальных инновационных проектов (*таблица*). Спектр основных социальных проблем в рассматриваемых странах, на решение которых направлены социальные инновации, во многом схож. Это содействие трудоустройству (в т.ч. социально уязвимым категориям населения) и повышению квалификации, создание новых рабочих мест, повышение предпринимательской активности и стимулирование развития самозанятости и гибких форм занятости, развитие локальных сообществ, активизация гражданского участия, повышение качества жизни населения и т.д. В то же время существуют и некоторые различия. К примеру, в России в связи с низким престижем рабочих профессий ряд инициатив направлен на повышение их престижа.

Актеры социальных инноваций в Испании, Китае и России включают большое количество различных стейкхолдеров от компаний и банков до некоммерческих организаций, образовательных и научно-исследовательских учреждений, бизнес-инкубаторов, государственных организаций, коворкингов и т.д. При этом в Китае и России сильные позиции в данном вопросе занимает государство. В России большинство социальных инновационных проектов исходят от государства (механизм «сверху-вниз»), в то же время присутствуют некоторые успешные практики, инициированные отдельными гражданами. В Испании в некоторых регионах существуют более давние традиции социальных инноваций, привносимые энтузиастами и лидерами, работающими в сотрудничестве с различными государственными и частными заинтересованными сторонами.

¹⁹ О нас // «Мама работает». URL: <http://mamaw.ru/>

²⁰ Там же.

Основные характеристики
проектов социальных инноваций в Испании, Китае и России

Характеристика	Испания	Китай	Россия
Социальные потребности и проблемы, на которые направлены социальные инновации	– помощь в трудоустройстве (особенно социально уязвимым категориям населения); – старение населения; – продвижение бизнеса и повышение предпринимательской активности; – образовательная деятельность; – бедность и уязвимость или подверженность риску эксклюзии; – существование неблагополучных районов; – миграция (особенно низкоквалифицированной рабочей силы); – активизация гражданского участия и др.	– помощь молодым предпринимателям в открытии своего дела; – трудоустройство; – содействие развитию самозанятости, гибких форм занятости; – повышение качества жизни населения; – проблемы окружающей среды; – предоставление образовательных и медицинских услуг; – старение населения; – снижение социального неравенства и др.	– помощь в трудоустройстве (особенно социально уязвимым категориям населения); – старение населения; – создание новых рабочих мест для социально уязвимых категорий населения; – подготовка кадров по востребованным профессиям; – проблемы окружающей среды; – содействие социальной инклюзии; – повышение качества жизни населения; – предоставление образовательных и медицинских услуг; – снижение социального неравенства и др.
Акторы	– государственный сектор; – частный сектор; – некоммерческие организации; – образовательные организации; – научно-исследовательские организации; – отдельные индивидуумы	– государственный сектор; – частный сектор; – образовательные организации; – научно-исследовательские организации; – СМИ; – некоммерческие организации	– государственный сектор; – частный сектор; – общественные организации; – профессиональные сети и объединения; – СМИ; – благотворительные, социальные фонды; – образовательные организации; – научно-исследовательские организации; – отдельные индивидуумы
Драйверы	– активная гражданская позиция; – харизматичное самоотверженное руководство; – благоприятная правовая база; – взаимодействие с социальными партнерами; – активный спрос	– стимулирующая политика со стороны органов власти; – финансовые ресурсы; – человеческие ресурсы; – внимание СМИ; – активный спрос;	– поддержка федеральных и региональных органов власти, общественных организаций; – активное включение в профессиональные и общественные объединения; – активный спрос; – финансовая поддержка; – харизматичное руководство; – информационно-коммуникационные технологии; – стратегическое планирование деятельности.
Барьеры	– финансовые барьеры и необходимость поиска новых моделей финансирования; – недостаточная освещенность деятельности в СМИ	– затратность и риски; – сопротивление заинтересованных групп; – культурный фактор (идеология и организационная культура)	– административные, правовые и бюрократические барьеры; – отсутствие финансирования; – отсутствие государственной поддержки; – недостаток компетенций персонала и нехватка квалифицированных кадров; – недостаточная освещенность деятельности в СМИ; – недоверие и стереотипы, существующие в обществе

Окончание таблицы

Характеристика	Испания	Китай	Россия
Механизмы социальных инновационных процессов	Экономический кризис способствовал мобилизации сил гражданского общества на решение социальных проблем. В то же время традиции социальной экономики и приверженность органов власти к инновационным подходам в решении социальных проблем также благоприятно сказываются на развитии социальных инноваций	Внешний механизм: социальная ответственность органов местного самоуправления, университетов и некоторых предприятий; Внутренний механизм: трудность поиска работы также заставляет людей самостоятельно решать проблему (к примеру, молодежь начать собственное дело).	В основном распространены инициативы со стороны государства («сверху-вниз»), однако есть примеры успешных практик низовых социальных инноваций, связанных с проектами отдельных граждан
Роль политики	– политика имеет большое значение, поскольку развитие социальных инноваций является частью многих национальных и региональных нормативно-правовых документов инновационной политики.	– политика, особенно на национальном уровне, играет важную роль. На высшем уровне центральное правительство поощряет инновационное предпринимательство, и это заставляет органы власти провинций и муниципалитетов реализовывать эту идею. По причине политической поддержки нет никаких финансовых сложностей и барьеров со стороны средств массовой информации.	– поддержка органов власти существенна, но во многих случаях ограничивается политической составляющей, реже используются финансовые инструменты. Тем не менее, существует возможность получения грантов, премий, субсидий.

Источник: составлено авторами.

Как показывает практика, одной из движущих сил развития социальных инноваций является государственная политика. К примеру, в Испании, несмотря на то что концепция развития инноваций в основном имеет технологическую направленность, в последние годы в свете ориентации на общую стратегию «Европа-2020» отмечается включение социальных вопросов в число основных направлений развития. Так, «Стратегия в области науки, технологии и инноваций на 2013–2020 годы» в качестве одного из подразделов содержит пункт, посвященный социальным инновациям, что определяет стратегию укрепления потенциала различных субъектов в области содействия социальному прогрессу и конкурентоспособности с учетом наиболее сложной экономической ситуации и необходимости проведения структурных реформ, направленных на содействие созданию рабочих мест и укрепление основ социального, экономического и предпринимательского развития. Кроме того, в Испании существует и ряд региональных планов по развитию социальных инноваций (в Каталонии, Мадриде, Андалусии,

Стране Басков) [34, с. 48–49]. Таким образом, общая социальная направленность инновационных стратегий на европейском уровне и традиции социальной экономики способствуют продвижению социальных инноваций в Испании.

В Китае также осуществляется определенная государственная политика для поддержки стратегии развития социальных инноваций, в частности создается благоприятная среда для творческой деятельности. Правительство расширило доступ к регистрации некоммерческих и социальных предприятий, обеспечив более широкие возможности для реализации социальных инноваций (в том числе за счет предоставления различной информации, возможности получения образования и профессиональной подготовки) [35, с. 99].

Кризисные явления в экономике также выступают своеобразным катализатором социальных инноваций, что характерно для всех стран. В данном случае они стимулируют гражданское общество и отдельных индивидуумов взяться за решение тех или иных социальных проблем,

когда государство не может справиться с данной задачей. Зачастую (к примеру, в России), столкнувшись лицом к лицу с той или иной проблемой, люди начинают самостоятельно искать ее решение, с тем чтобы помочь и другим людям, оказавшимся в подобной ситуации. Активный запрос общества на решение социальных проблем тоже способствует развитию социальных инноваций.

Еще одним благоприятным фактором для развития социальных инноваций является создание сетей, партнерств и отношений сотрудничества, а также взаимодействие акторов в их рамках. В Китае и России из-за сильного влияния государства на процесс развития социальных инноваций возникают некоторые сложности во взаимодействии государственных и частных акторов [35, с. 99-100]. Поэтому мероприятия, направленные на содействие сотрудничеству различных сторон, будут способствовать дальнейшему продвижению социальных инноваций. Кроме того, исследования показывают, что в России значительную роль в развитии и продвижении социальных инноваций играют харизматичное руководство и позиция лидера проекта. Появление конкурентов также стимулирует проекты к дальнейшему развитию.

В перечень существенных барьеров развития социальных инноваций может входить и отсутствие финансирования. Даже в Испании и Китае, где социальные инновации включены в различные стратегические и иные нормативно-правовые документы, финансовая поддержка со стороны государства недостаточна. Во многом это связано, с одной стороны, со сложившимся обществом мнением, что деятельность в социальной сфере должна осуществляться именно государством, а не третьими лицами. С другой стороны, в настоящее время у органов власти отсутствует четкое понимание сущности и результатов социальных инноваций, что препятствует расширению государственного финансирования. В России есть возможность получения государственных субсидий и грантов на различные социальные инновационные проекты, однако на практике это далеко не всегда осуществимо. В Испании и ряде стран Южной Европы появляются новые модели финансирования (социальная биржа, микрокредитование, краудфандинг, социаль-

ные инвестиции и облигации развития), но этого все еще недостаточно для удовлетворения текущего спроса [34, с. 53]. Некоторые из этих моделей развиваются также в России и Китае. Кроме того, для России характерна проблема разработки нормативно-правовой базы для развития социальных инноваций и социального предпринимательства, совершенствования компетенций персонала и повышения квалификации кадров в целях развития социальной инновационной активности.

Ограниченное внимание общественности и СМИ к социальным инновациям служит одной из возможных причин ограниченности привлечения финансирования. Во многом различные аспекты социальных инноваций могут рассматриваться в свете технологических инноваций, а не как самостоятельное явление. В связи с этим необходимо дальнейшее развитие и уточнение концепции социальных инноваций для достижения понимания органами власти потенциальных выгод от их реализации. Еще одним направлением развития социальных инноваций в данном контексте выступает активное освещение СМИ результатов наиболее успешных социальных инновационных проектов.

Заключение

Поддержка государством социального предпринимательства как одного из основных проводников социальных инноваций может стать значимым компонентом общего социального развития. Это особенно актуально для России, где модели поддержки социального предпринимательства находятся в стадии становления. При этом необходимо ориентироваться на потребности населения, содействовать повышению мотивации гражданского участия в решении социальных проблем. В то же время в России и Китае существует необходимость более гибкого государственного регулирования социальных инноваций, формирования благоприятных условий для их развития. Создание центров инноваций социальной сферы, центров социальных инициатив, центров социального предпринимательства позволяет более эффективно аккумулировать ресурсы для развития социальных инноваций.

В соответствии с Опорой социальных прав ЕС [36], в Испании основной задачей на ближайшие годы является содействие созданию системы устойчивых гибридных ценностей

(Hybrid Value Systems), которые должны основываться на прочном союзе между общественными организациями, частными компаниями и государственными учреждениями и способны оказывать значительное социальное воздействие, обеспечивать экономическую отдачу для все вовлеченных в процесс реализации социальных инноваций сторон.

Для России ключевым направлением представляется формирование экосистемы социальных инноваций: совершенствование взаимодействия между всеми стейкхолдерами, мобилизация и эффективное использование ресурсов для развития социальных инноваций, разработка нормативно-правового обеспечения, развитие гражданской активности, форм финансовой и нефинансовой поддержки социальных инициатив и т.д. [37, с. 100].

В Китае дальнейшие действия правительства в области социальных инноваций должны заключаться в следующем. Прежде всего, правительство должно инвестировать больше ресурсов в общество, чтобы стимулировать развитие социальных инноваций. Во-вторых, правительство должно играть роль распространителя идей социальных инноваций. В-третьих, следует поощрять участие общественности в социальных инновациях. Кроме того, необходимо разработать и усовершенствовать законодательство в области инноваций для защиты и регулирования отношений инновационных секторов, например разработать новую налоговую политику для стимулирования корпоративных инноваций и закон, защищающий интеллектуальную собственность.

Литература

1. Klimczuk A. Comparative analysis of national and regional models of the silver economy in the European Union // *International Journal of Ageing and Later Life*. 2016. №10(2). pp.31-59.
2. Hansson J., Björk F., Lundborg D., Olofsson L.E. An Ecosystem for Social Innovation in Sweden – A Strategic Research and Innovation Agenda. Lund: Lund University, 2014. 44 p.
3. Чувакова С.Г. Инновации в социальной сфере и сфере занятости как базовые предпосылки модернизации отечественной экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2010. №17(74). С. 75-79.
4. The Young Foundation Social Innovation Overview: A deliverable of the project: «The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe» (TEPSIE), European Commission – 7th Framework Programme. Brussels: European Commission, DG Research, 2012. Part 1. 43 p.
5. Owen R. A new view of society. Essays on the formation of human Character, and the Application of the Principle to Practice. London: Cadell & Davies, 1813. URL: http://www.open.edu/openlearn/ocw/pluginfile.php/607280/mod_resource/content/2/a207_12_essay1.pdf.
6. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. I: The Process of Capitalist Production / Trans. from the 3rd German edition, by S. Moore & E. Aveling, ed. F. Engels. Chicago: C.H. Kerr and Co., 1909. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/marx-capital-a-critique-of-political-economy-volume-i-the-process-of-capitalist-production>.
7. Weber M. The theory of social and economic organization. Martino Fine Books, 2012. 450 p.
8. Durkheim E. The Rules of Sociological Method. NY: The Free Press, 1982. 264 p.
9. Drucker P.F. Social innovation, management, new dimension // *Long Range Planning*. 1987. №20(6). pp. 29-34.
10. Young M. The Social Scientist as Innovator. Cambridge, Mass: Abt Books, 1983. 265 p.
11. Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? // *The Journal of Socio-Economics*. 2009. №38. pp. 878-885.
12. Соловьева Т.С., Попов А.В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный аспект // *Arg Administrandi (Искусство управления)*. 2015. № 2. С. 65-84.
13. Richez-Battesti N., Vallade D. ESS et innovations sociales: quel modèle socio économique d'incubateur? // *Revue d'innovation*. 2009. № 30. pp. 41-61.
14. Bouchard M.J., Klein J.L., Harrisson D. L'innovation sociale en économie sociale // *L'innovation sociale émergence et effets sur la transformation des sociétés*. Montréal : Université du Québec à Montréal, 2006. pp. 121-138.

15. Osborne S., Brown K. *Managing change and innovation in public service organizations*. London : Routledge, 2005. 273 p.
16. Fernandez M.T., Pineda O.M., Chaves R.A. *La innovación social como solución a la crisis: hacia un nuevo paradigma de desarrollo // XIII Jornadas de Economía Crítica*. 2012. 9-11 February. pp. 1084-1101.
17. European Commission. *Social innovation research in the European Union Approaches, findings and future directions. Policy Review*. – Brussels: Directorate-General for Research and Innovation, Socio-economic Sciences and Humanities, 2013. URL: http://www.net4society.eu/_media/social_innovation.pdf
18. Monzón Campos J.L., Chaves Ávila R. *The Social Economy in the European Union. Report drawn up for the European Economic and Social Committee by the International Centre of Research and Information on the Public, Social and Cooperative Economy (CIRIEC)*. Brussels: Visits and Publications Unit, 2012. URL: <http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/qe-30-12-790-en-c.pdf>
19. Bernaola G., Atxutegi G. *La innovación social en el País Vasco. De la teoría a la práctica*. Revista Española Del Tercer Sector, 2017. – Pp. 183-188.
20. Innobasque. *Informe Opentric, nuestro modelo de innovación*. Bilbao, 2011. URL: https://www.elkarbide.com/sites/default/files/innobasque_1_tr_2011.pdf
21. Caro-Gonzalez A. PhD Thesis «Las Empresas de Inserción y sus Entidades Promotoras: tejido social para la inclusión social en el País Vasco». *Las Empresas de Inserción y su papel en el proceso de inclusión de la población inmigrante en el País Vasco*. University of Deusto, 2015.
22. *Integrated approaches to combating poverty and social exclusion. Best practices from EU Member States*. Hague: Ministry of Social Affairs and Employment, 2016, pp. 32-33. URL: http://www.effectiefarmoeedebeleid.nl/files/3614/6668/9668/WEB_93954_EUNL_Brochure_A4.pdf
23. Lin K., Dan B., Yi L. *An Exogenous Path of Development: Explaining the Rise of Corporate Social Responsibility in China // International Journal of Social Quality*. 2016. № 6(1). pp. 107-123.
24. Xue J. *Perating the Strategy of Employment First*, People's Tribune // People's Tribune. 2017. №(13). pp. 86-87.
25. Feng L., Yuan B. *Innovation How the First Impetus Leads the Development (Focusing on the Nineteenth Congress Report and Changing to the High Quality Development Stage 3)*. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/1102/c1001-29621827.html>.
26. Liao X., Qiu A. *The Study of Dynamic and Resistant Factors in Social Management Innovation and Its Countermeasures // Chinese Public Administration*. 2013. №03. pp. 62-65.
27. Wang C. *Zhejiang University Wangxin Science and Technology Park: Becoming a Partner of Time // Zhejiang Online*. 2015. 7 May. URL: <http://biz.zjol.com.cn/system/2015/05/07/020639709.shtml>
28. Chen T. *Honeycomb-like Houses Are Creating Double Ecological Mass Entrepreneurship Room // Zhejiang Daily*. 2015. 28 May. URL: http://news.xinhuanet.com/local/2015-05/28/c_127849737
29. Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г. *Гражданское общество в России в контексте трансфера инноваций // Власть*. 2016. № 5. С. 5-15.
30. Фарахутдинов Ш.Ф. *исследование готовности к инновациям сельских территорий Тюменской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2016. № 4 (48). С. 357-365.
31. Московская А.А., Соболева И.В. *Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования*. 2016. Т. 27. № 6. С. 701-706. DOI: 10.1134/S1075700716060113
32. Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. *Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015. № 2. С. 29-52.
33. Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С. *Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т.10. №1. С. 124-144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7
34. Enciso M., Soinu O., Henry G. *Southern Europe // Social innovation strategies – regional report*. TUDO: Technische Universität Dortmund, 2015. pp. 42-57.
35. Lin K. *East Asia // Social innovation strategies – regional report*. TUDO: Technische Universität Dortmund, 2015. pp. 95-101.
36. *European pillar of Social Rights 2017 // European commission*. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-summit-european-pillar-social-rights-booklet_en.pdf.
37. Соловьева Т.С. *Роль социальных инноваций в решении социальных проблем: опыт России и Беларуси // Белорусский экономический журнал*. 2017. № 3(80). С. 92-103.

Сведения об авторах

Татьяна Сергеевна Соловьева – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Андрей Васильевич Попов – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Антония Каро-Гонсалес – Ph.D., научный сотрудник, руководитель Отдела международных проектов, Университет Деусто (24, Avenida de las Universidades, 48007, г. Бильбао, провинция Бискайя, Испания; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Хуа Ли – аспирант, Чжэцзянский университет (Mengminwei Building, room 257, Zijingang Campus, Zhejiang University, г. Ханчжоу, провинция Чжэцзян, Китай; e-mail: lilylovesresearch@163.com)

Статья поступила 09.01.2018.

Solov'eva T.S., Popov A.V, Caro-Gonzalez A., Hua Li

Social Innovation in Spain, China and Russia: Key Aspects of Development

Abstract. At present, when the socio-economic situation is continuously changing, it becomes crucial to maintain social stability and promote the reproduction of high-quality human capital for national and regional development. In pursuit of this goal, it is important to create favorable conditions for effective implementation of human potential. At the same time, world practice shows that regions and countries face a number of challenges which state institutions often fail to cope with, and it leads to “government failures”. The paper uses comparative analysis to consider the opportunities to use social innovation in addressing social issues on the example of Spain, China and Russia. We present major directions of development for the concept of social innovation in these countries, show the current state of affairs in this sphere, highlight the role of state policy in promoting social innovation in the countries under consideration, and define the main features and trends in this sphere. We analyze successful examples of social innovation (Pe ascas Foundation (Spain), honeycomb-like office buildings (China), Project “Mama Works” (Russia)) in order to show how different actors find solutions to concrete social problems. In particular, we prove that social innovation is an effective tool to promote employment of vulnerable population groups. In conclusion, we provide a comparative analysis of major features in the development of social innovation in Spain, China and Russia (focus, actors, drivers, barriers, and mechanisms of social innovation changes, and the role of policy); on this basis we propose key measures to promote the development of social innovation in the countries under consideration.

Key words: social innovation, social policy, drivers, barriers, social entrepreneurship, management, social development.

Information about the Authors

Tat'yana S. Solov'eva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

Andrei V. Popov – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Antonia Caro-Gonzalez – Ph.D., Researcher, Director of International Research Project Office, University of Deusto (24, Avenida de las Universidades, 48007, Bilbao, Bizkaia, Spain; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Hua Li – Ph.D. Student, Zhejiang University (Mengminwei Building, room 257, Zijingang Campus, Zhejiang University, Huangzhou, Zhejiang, China; e-mail: lilylovesresearch@163.com)

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.5

УДК 311.3/.4, 316.422.44, ББК 60.6; 60.56

Архипова М.Ю., Кучмаева О.В.

Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования)*

**Марина Юрьевна
АРХИПОВА**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация, 101000, ул. Мясницкая, д. 20
E-mail: archipova@yandex.ru

**Оксана Викторовна
КУЧМАЕВА**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация, 101000, ул. Мясницкая, д. 20
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Аннотация. Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Инновационная деятельность в современной России: тенденции развития и влияние на уровень жизни населения» (проект 16-02-00561). Выбор населением ценностных приоритетов в использовании цифровых технологий зависит от целого комплекса факторов, среди которых экономические, политические, социальные, межличностные и другие. Одинаково ли отношение респондентов к происходящим изменениям? И если да, то от каких факторов зависит выбор той или иной поведенческой траектории с точки зрения использования инновационных товаров и услуг? В статье приведены данные исследования, целью которого стал анализ социальных характеристик респондентов в зависимости

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №18-010-00564 «Современные тенденции и социально-экономические последствия развития цифровых технологий в России».

Для цитирования: Архипова М.Ю., Кучмаева О.В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 69-83. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.5

For citation: Arkhipova M.Yu., Kuchmaeva O.V. Social demand of Russians for innovation (according to a sample survey). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 69-83. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.5

от их отношения к инновационным новинкам. В качестве информационной базы использованы результаты выборочного исследования, проведенного авторами весной 2017 г. в Москве и Московской области. В выборку исследования вошли 1115 человек в возрасте от 15 до 86 лет, в том числе 55,5% женщин и 44,5% мужчин, что в целом соответствует пропорциям половозрастного состава обследуемых регионов. Проведенное исследование было призвано в определенной мере ликвидировать недостаток количественных данных, позволяющих подтвердить гипотезы о воздействии инноваций на образ и качество жизни российского населения, определить наиболее перспективные с точки зрения населения сферы использования инноваций, выявить группу респондентов, более восприимчивых к новым информационным технологиям. Полученные в ходе исследования результаты помогут осмыслить инновационные преобразования в России, позволяют оценить запросы и удовлетворенность населения России в инновационных товарах и услугах. Применение метода классификационных деревьев дало возможность определить основные факторы, оказывающие влияние на инновационную активность россиян, — это отношение к инновациям как таковым, наличие опыта использования образовательных онлайн услуг и возраст. Перспективы исследования видятся в разработке методики формирования интегральных индикаторов инновационной активности населения на основе качественных и количественных характеристик, а также использовании на этом пути методов статистического моделирования.

Ключевые слова: инновации, развитие общества, социальный запрос, опрос населения, дерево классификаций, инновационное поведение.

Введение

Бурный рост современных технологий и порождаемое ими развитие цифровой экономики открывают новые возможности для индивидов, наций, корпораций и бизнес-среды в целом, способствуют экономическому росту, улучшают качество жизни больших групп населения, ускоряют информационные потоки, что кардинальным образом сказывается на образе жизни населения и т.д. Тем не менее появляются и новые вызовы и угрозы развитию общества. Меняется привычная среда жизнедеятельности людей, происходит трансформация рынка труда, меняются социальные отношения. Информация становится не просто средством производства, но и оказывает влияние на мировоззрение людей, становится мощным средством политического воздействия. Происходящие изменения затрагивают не только устойчивое общество, но и оказывают влияние на каждого его жителя. Инновации, с одной стороны, приводят к повышению возможностей человека и повышению уровня жизни, с другой стороны, расширяется неравенство, выражающееся в асимметричном доступе к современным информационным технологиям для различных слоев населения. Дифференциация по количеству и качеству получаемых инновационных

услуг перерастает в дисбаланс в возможностях по реализации профессионального и личного потенциала.

Несмотря на достаточно большое количество публикаций, посвященных роли инноваций в современном обществе, ощущается недостаток работ, посвященных количественной оценке распространенности инновационных технологий в социуме, их влияния на качество и образ жизни людей. Происходящие в обществе изменения недостаточно изучены и требуют своевременного анализа с использованием адекватного инструментария, включая разработку нового статистического инструментария.

Проведенное исследование было призвано в определенной мере ликвидировать недостаток количественных данных, позволяющих подтвердить гипотезы о воздействии инноваций на образ и качество жизни российского населения, выявить факторы, определяющие потребность в инновациях, определить наиболее перспективные с точки зрения населения сферы использования инноваций.

Полученные в ходе исследования результаты помогут осмыслить инновационные преобразования в России, оценить запросы и удовлетворенность населения России в инновационных товарах и услугах.

Результаты исследования позволят определить перспективы инновационного развития России во взаимосвязи с развитием потребностей общества и спроса со стороны населения на инновационные товары и услуги.

Влияние инновационных технологий на уровень жизни населения в современных исследованиях

Инновации являются предметом широкого круга исследований, однако в большинстве случаев оценивается экономическая эффективность распространения инноваций, их роль в экономическом развитии стран. Нельзя не отметить, что инновации коренным образом меняют образ повседневности, этот феномен является предметом дискурса во многих культурологических исследованиях.

Giovany Cajaiba-Santana [1, p. 42-51] в своей работе рассматривает социальные инновации как «социальные изменения, которые они порождают». В работе утверждается, что отличительной чертой этого типа инноваций является в первую очередь новизна, а во-вторых, целенаправленный социальный результат. Dawson and Daniel изучают социальные инновации в контексте улучшения коллективного благосостояния [2]. Понятие качества жизни является составной частью социальных инноваций. Их социальный эффект относится к удовлетворению потребностей на микроуровне, повышению возможностей человека и улучшению уровня жизни отдельных людей вместе с устойчивым развитием общества в целом.

Влияние инноваций, различного рода технологий на образ и уровень жизни населения невозможно без принятия новых технологий и инноваций среди потребителей. Существует множество теорий распространения и принятия инноваций населением. Моделирование и прогнозирование распространения инноваций стало популярным с 1960-х годов, в этот период вышли в свет первые работы по этой тематике.

Целый ряд работ посвящен взаимосвязи науки, технологии и инноваций, выявлению их роли в качестве двигателя экономического развития и общественного благосостояния. Значительный пласт работ посвящен изучению влияния ИКТ на мировое развитие и отдельных стран мира [3; 4, с. 117-129; 5, с. 27-35; 6, pp. 1271-1282]. R.D. Atkinson и D.D. Castro в сво-

ей монографии [7, pp. 1-14] приводят доводы о том, как ИТ-технологии влияют на развитие населения мира. Также в работе описываются базовые принципы, которым государственная политика должна следовать, чтобы стимулировать «цифровой» уровень жизни. В аналитических обзорах и статьях рассмотрены некоторые аспекты развития новых формы занятости под влиянием информационно-коммуникационных технологий и ИКТ-компетенции как фактора социально-экономического развития России (например, [8]). Отдельное направление исследований связано с выявлением специфики инновационного поведения российских предприятий [9].

Эбби Джозеф Коэн в статье «Инновации и экономический рост» [10] доказывает с помощью статистических данных влияние инноваций на уровень жизни населения и экономику Америки. Также подтверждается, что научные и технические достижения стимулируют появление новых продуктов и изобретений. С точки зрения автора главными задачами по улучшению уровня жизни являются: увеличение затрат на разработку и развитие новых инновационных технологий, повышение численности населения с высшим образованием, развитие технопарков.

Среди российских исследователей качества жизни населения можно выделить С.А. Айвазяна, Н.М. Римашевскую, В. Коссова, Т. Яковец и др. А в работах С.А. Айвазяна [11] предложен интегральный показатель, который представляет собой модифицированную первую компоненту различных категорий данного показателя, в свою очередь образованных путем свертки статистически-регистрируемых показателей методом главных компонент. Такая методика позволяет производить межрегиональные сравнения уровня и качества жизни населения, исследовать возможности регионального роста, а также оценивать изменение показателя во времени. В. Коссов [12] разработал методику для оценки изменения качества жизни в регионах РФ во времени. Так, согласно предложенной методике, формируются результирующие показатели для негативных и позитивных процессов в регионе, по характеристике динамики (темпах прироста) которых можно судить о динамике качества жизни населения. Значитель-

ный вклад и существенное влияние на изучение проблем качества жизни и социальной ориентации экономики оказали работы Н.М. Римащевской [см., например, 13, 14], Т.Ю. Яковца [15] и др.

В работе [16] авторы описывают 12 фактов инновационного развития, влияющих, по их мнению, на разные сферы жизни населения в США. Например, инновации увеличивают продолжительность жизни, делают технологии более доступными, а также оставляют больше времени на семью и хобби.

Отдельное место в исследованиях занимает проблема влияния инноваций на демографические процессы, в частности уровень смертности, заболеваемости и продолжительность жизни [17; 18, pp. 2388-98; 19, pp. 1-34; 20, 871-904]. Связь между инновациями и развитием общества, которые измерялись на основе Глобального Инновационного Индекса (GII) и Индекса развития человека (HDI) для 108 стран, была объяснена с помощью логистической кривой в работе М. Архиповой и В. Сиротина [21]. Эмпирических исследований взаимосвязи этих направлений для России на данный момент недостаточно. Однако было установлено, что оценки уровня жизни в стране, как объективные (на основе ИРЧП), так и субъективные, во многом зависят от основных показателей научной и инновационной активности [22, с. 45-53].

Проведением опросов, связанных с инновационным климатом и инновационным поведением россиян, с 2009 года занимается ИСИЭЗ НИУ ВШЭ¹. Мониторинг инновационного поведения населения затрагивает некоторые вопросы восприятия российским обществом инноваций, а также распространения инновационных практик в домохозяйствах. Исследования позволяют говорить, что именно развитие инструментов стимулирования пользовательских инноваций способствует вовлечению населения в инновационные процессы, существенному повышению качества продуктов и услуг и расширению новых и традиционных рынков [23, с.16-32]. С одной стороны, потребительское поведение населения остается достаточно устойчивым, несмотря на увеличе-

ние распространенности различных технологий в быту [24, pp. 32-37]. Однако, наряду с этим, особенностью поведения россиян выступает тот факт, что зачастую инноваторы-пользователи в домашних хозяйствах не стремятся коммерциализировать свои инновации, в силу чего их идеи остаются практически нетронутыми [25, pp. 392-402].

В проводимых социальных мониторингах затрагивается проблема необходимости учета при анализе качества жизни и соблюдении прав доступности современных информационных технологий [26, с. 38-52]. На данный аспект, в частности, обращают внимание при мониторинге положения детей в странах мира, соблюдения прав, изложенных в Конвенции о правах детей [27, с. 507-520].

Также стоит отметить доклад Д. Стиглица и др. «Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла?» [28], в котором высказываются рекомендации относительно измерения некоторых экономических показателей. Работа продолжает дискурс о некорректности оценки уровня и качества жизни на основе общеэкономических показателей. В частности, материальное благосостояние людей рекомендуется оценивать с помощью показателей дохода и потребления, а не с помощью ВВП и других производственных показателей. Также отдается предпочтение подходу к статистическому анализу с точки зрения населения и домохозяйства, а не производителей товаров и услуг. Качество жизни в данном докладе рекомендуется измерять исходя из объективных условий и способностей людей, причем высказывается недовольство существующей системой показателей оценки безопасности общества, плотности социальных связей и политической сферы жизни страны. Помимо этого, должны максимально полно учитываться масштабы социального неравенства.

Обзор проводимых исследований позволяет сделать вывод, что влияние инноваций и различного рода новых технологий на образ и качество жизни населения не будет происходить без принятия новых технологий и инноваций среди непосредственных потребителей. Учет социально-экономических и социально-психологических характеристик в анализе позволяет дать более объективную оценку.

¹ Институт статистических исследований и экономики знаний – ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 17.08.2017).

Формирование и дескриптивный анализ выборки

В мае–июне 2017 г. в рамках реализации гранта РФФИ «Инновационная деятельность в современной России: тенденции развития и влияние на уровень жизни населения» (проект 16-02-00561) было проведено выборочное обследование среди домохозяйств, проживающих в г. Москве и Московской области. Целью проведения исследования выступал анализ распространенности использования инновационных товаров и услуг в повседневной жизни домохозяйств и влияния этих процессов на качество жизни. Объем выборки составил 1115 человек в возрасте 15–86 лет, в том числе 55,5% женщин и 44,5% мужчин, что в целом соответствует пропорциям половозрастного состава этих регионов. Предельная ошибка выборки по полу составила 2,7%. В структуре опрошенных представлены жители различных населенных пунктов. Доля респондентов, постоянно проживающих в московском регионе, составила 51,9%, 17,8% опрошенных постоянно проживают в крупном городе (свыше 1 млн. жителей), 22,7% – жители среднего города (от 100 до 1 млн. жителей), 5,5% – малого города и 1,0% проживают в селе, деревне. Предельная ошибка выборки по типу поселения не превышает 3,5%.

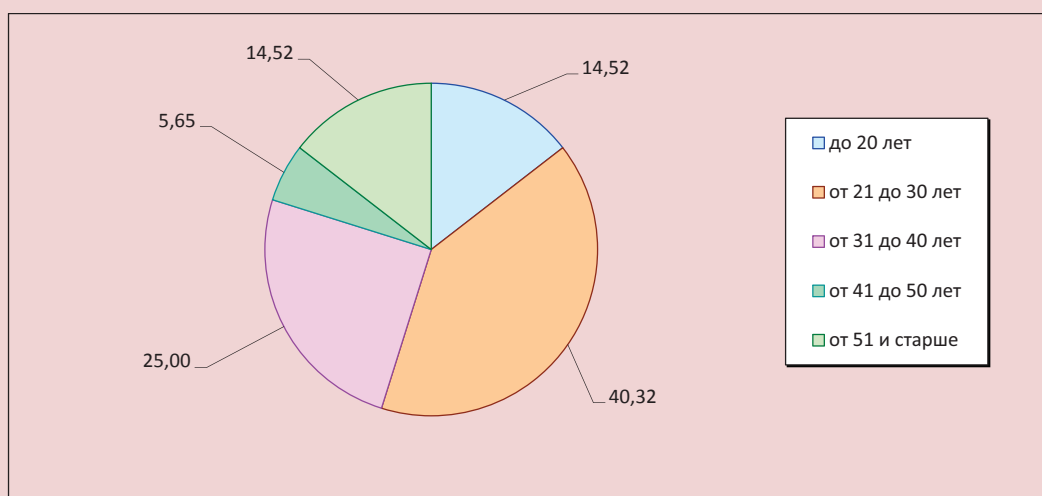
Распределение респондентов по возрасту (рис. 1) свидетельствует о превалировании молодежной аудитории в возрасте от 21 до 39 лет среди опрашиваемых респондентов. На следующем месте респонденты в возрасте от 31 до 40 лет. Наименее представленными в выборке оказались респонденты в возрасте от 41 до 59 лет.

Среди опрошенных представлены различные социально-демографические группы. Большинство респондентов получили высшее образование (специалитет), окончили магистратуру или бакалавриат (рис. 2).

Изучение распределения респондентов по сферам занятости позволило увидеть, что большинство из них трудится в промышленности, энергетике, транспорте и строительстве, около 25% респондентов заняты в торговле и жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ), т.е. сферах, в которых активно внедряются новые информационные технологии и услуги. Наименьшая доля респондентов приходится на сельское хозяйство, а также армию, правоохранительные органы и другие силовые структуры (рис. 3).

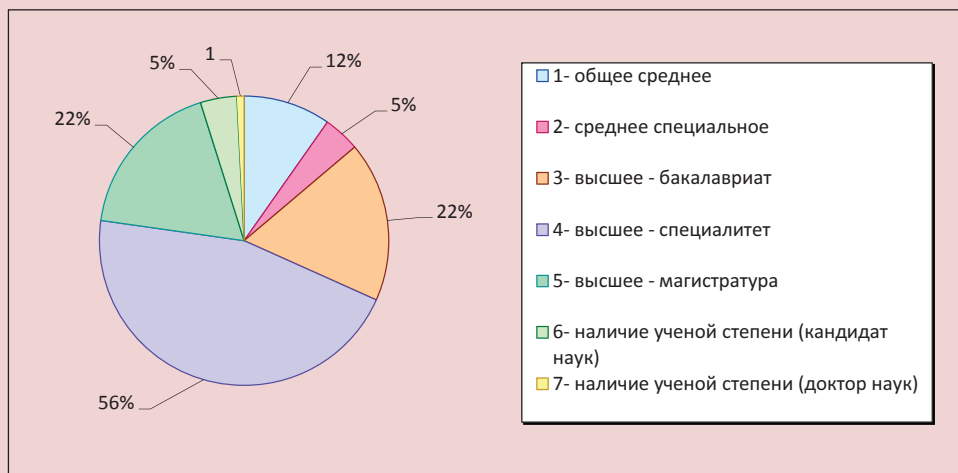
Среди респондентов 52,9% сами зарабатывают себе на жизнь, 40,9% находятся на иждивении у родных и родственников (в значительной степени, это несовершеннолетние и студенты), остальные – пенсионеры и получатели социальных пособий.

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту, %

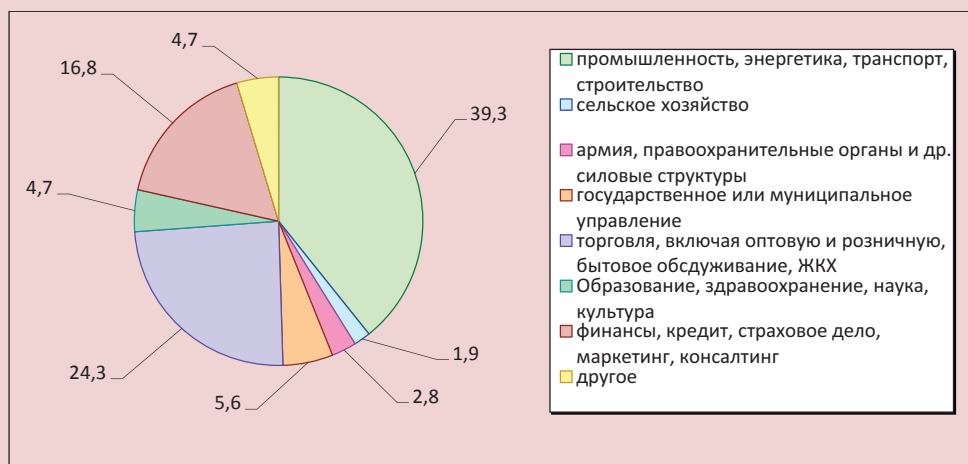
Источник: составлено авторами по данным опроса.

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню образования, %

Источник: составлено авторами по данным опроса.

Рис. 3. Распределение респондентов по сферам занятости, %

Источник: составлено авторами по данным опроса.

То, что среди респондентов в основном люди с высшим образованием, сказывается и на их материальном положении (табл. 1). Так, большая часть респондентов оценила материальное положение своей семьи как «хорошее» или «среднее» (78,9%).

Среди характеристик, отражающих образ жизни современных россиян, стоит отметить тот факт, что россияне довольно мобильны. Лишь 38% опрошенных никогда не меняли своего места жительства, а 5,2% переезжают на новое место жительства каждые 2–3 года.

68,8% опрошенных позитивно относятся к инновациям и стараются использовать их в повседневной жизни. Лишь 5,5% охарактеризовали свое отношение к инновациям как негативное, «стараюсь использовать старые проверенные годами товары, услуги» (остальные охарактеризовали свое отношение к инновациям словами «с осторожностью»). Практически половина (49,7%) респондентов следит за появлением и разработкой новых товаров или услуг.

Результаты опроса свидетельствуют, что опыт использования инновационных товаров

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи?», % к числу ответивших

Вариант ответа	Доля ответивших, %
Очень хорошее	10,7
Хорошее	30,5
Среднее	48,4
Плохое	7,5
Очень плохое	1,0
Затрудняюсь ответить	1,9

Источник: составлено авторами по данным опроса.

и услуг есть у большинства респондентов. Хотя распространенность в повседневной жизни тех или иных инноваций значительно различается. Чаще всего россияне отмечали опыт использования различных гаджетов (более $\frac{3}{4}$ респондентов). Достаточно часто респонденты используют в повседневной жизни различного рода «умные» приборы в быту и энергосберегающие технологии. Масштабен опыт использования различного рода медицинских приборов и товаров, электронных табло, спортивных товаров (табл. 2).

Среди инновационных услуг в безусловных лидерах Интернет, прежде всего, как способ поиска необходимой информации (76,9%). На втором месте по популярности и значимости – социальные сети (69,2%), затем следуют различного рода мобильные приложения, в том числе сайт госуслуг, электронная продажа билетов, образовательные услуги, заказ туров, дистанционная занятость. Все эти инновации связаны с глобальной сетью Интернет. Несколько

особняком стоят «автоматы по продаже товаров» и медицинские услуги. Интересно, что возможностями дистанционной занятости воспользовалось 17,5% россиян (табл. 3).

При этом 53,8% респондентов ответили положительно на вопрос: «Оказал ли какой-либо инновационный продукт существенное влияние на Вашу жизнь или образ жизни?» Отвечая на вопрос в свободной форме, россияне отмечали здесь прежде всего Интернет, домашний компьютер, различные гаджеты и мобильную связь.

Ответы респондентов на вопрос: «Какие сферы жизни общества, на Ваш взгляд, больше всего нуждаются в инновациях?» показали, что общество больше всего заинтересовано в распространении инноваций в образовании и медицине (табл. 4). Россияне полагают также необходимым развитие инноваций в сфере транспорта, экологии, туризма, оказания государственных услуг, производстве электрооборудования, туризме.

Таблица 2. Опыт использования инновационных товаров, % к числу ответивших

Инновационные товары	Доля респондентов, использовавших те или иные товары в своей жизни
Гаджеты	78,6
Умные приборы (холодильник, пылесос, телевизор...)	55,5
Энергосберегающие технологии	48,7
Медицинские приборы, товары	46,4
Электронные табло на автобусных остановках	43,8
Спортивные товары и продукты	32,8
Солнечные батареи	11,0
Умный дом	8,8
Электромобили	8,1
Ветрогенераторы	4,2
Другое	0,6

Источник: составлено авторами по данным опроса.

Таблица 3. Опыт использования инновационных услуг, % к числу ответивших

Инновационные услуги	Доля респондентов, использовавших те или иные услуги в своей жизни
Интернет – поиск необходимой информации	76,9
Социальные сети	69,2
Мобильные приложения	61,0
Сайт гос. услуг	60,1
Электронная покупка билетов	56,2
Автоматы по продаже товаров	40,3
Образовательные онлайн услуги	31,8
Заказ туров через интернет	29,5
Медицинские услуги	19,5
Дистанционная занятость	17,5
Другое	0,6
Источник: составлено авторами по данным опроса.	

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие сферы жизни общества, на Ваш взгляд, больше всего нуждаются в инновациях?», % к числу опрошенных

Сфера деятельности	Доля ответивших, %
Образование	49,0
Производство медицинских изделий	41,9
Производство фармацевтической продукции	40,6
Транспорт	39,0
Медицина	35,1
Экология	34,7
Производство летательных аппаратов, включая космические	30,5
Оказание государственных и социальных услуг	27,6
Производство электрических машин и электрооборудования	26,0
Туризм	26,0
Химическое производство	24,0
Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, кино, телевидения и связи	21,8
Производство машин и оборудования	21,4
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	19,2
Производство пищевых продуктов, включая напитки и табак	17,9
Производство офисного оборудования и вычислительной техники	16,2
Строительство	16,2
Производство железнодорожного подвижного состава; производство мотоциклов и велосипедов	15,6
Текстильное и швейное производство	13,6
Производство кокса и нефтепродуктов	12,7
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	8,8
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	7,8
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	7,5
Другое	14,3
Источник: составлено авторами по данным опроса.	

Ответы респондентов на вопросы анкеты в свободной форме позволили составить определенный рейтинг наиболее значимых инноваций последних десятилетий. Среди них: 3D принтер, GPS-навигатор, pay-pass, wi-fi, Wikipedia, атомная энергетика, беспилотники, гаджеты, карманные компьютеры, iPad, электромобили, дистанционная занятость, иммунотерапия в онкологии, интернет-магазины, социальные сети, медицинские аппараты для сложнейших операций, онлайн-сервисы, электронные книги, электронные платежи. На формирование данного перечня оказали влияние опыт использования в быту тех или иных технологий, их распространенность и желание решить существующие проблемы путем применения современных технологий.

Респонденты также дали ответ на вопрос о том, появления каких инноваций или инновационных услуг они хотели бы в ближайшее время. Среди них: создание магнита с одним полюсом; создание миниатюрного сердца без отторжения организма; 3D-печать органов; автоматизация гос. услуг; автомобиль, который можно заправлять водой; бесконтактные банковские карты; беспилотные автомобили; бесшумный транспорт; более активное использование вторичного сырья; возможность дистанционно получать лечение через Интернет; выращивание и пересадка органов; изобретение нового скоростного вида транспорта; лекарство от неизлечимых болезней; машина времени; мгновенная доставка товаров; мобильные приложения для совершенствования произношения при изучении иностранных языков; наночистители; роботы-помощники по дому; создание альтернативного вида топлива помимо уже имеющихся; телепорт; таблетка «от всего»; экологически чистые виды общественного транспорта.

Нетрудно заметить, что в этом перечне подавляющее большинство инноваций, которые могут быть при необходимости использованы в жизни обычного человека, повысит качество жизни.

Выявление факторов, оказывающих влияние на инновационную активность респондентов

При сегментировании рынка инновационных товаров и услуг значительный интерес представляет выделение групп респондентов, наиболее открытых инновационным практикам. Решение данной задачи возможно с помощью классификационных деревьев.

При построении деревьев решений в качестве целевой использовалась переменная «Как Вы относитесь к инновациям?» (среди всей совокупности респондентов 69,1% относятся к инновациям позитивно и стремятся использовать их в повседневной жизни).

Изначально в качестве предикторов были отобраны следующие переменные, которые, как представляется, могут оказывать влияние на отношение респондентов к инновациям и позволят сформировать отдельные социально-демографические группы респондентов: пол, возраст, уровень образования, сфера деятельности, опыт использования различных инновационных товаров и услуг (представлены в табл. 2, 3), внимание к инновациям («Следите ли вы за появлением и разработкой новых товаров или услуг?»; «Какая сфера деятельности, на Ваш взгляд, испытывает недостаток в инновациях?» — представлены в табл. 4). Однако в итоговые модели вошли лишь следующие независимые переменные: возраст, использование образовательных онлайн услуг, внимание к инновациям. Тем самым гипотеза о влиянии на отношение инноваций целого ряда факторов не подтвердилась.

В табл. 5 представлено описание используемых для построения классификационного дерева переменных.

После проведенного анализа были выбраны модели, полученные с помощью метода CHAID. Среди всех возможных вариантов построения деревьев решений были выбраны два, наиболее точно описывающих имеющиеся данные. Наилучшим предиктором для целевой переменной «Как Вы относитесь к инновациям?» были признаны такие переменные, как «использование образовательных онлайн услуг» и «отношение к появлению новых товаров или услуг».

Оба из построенных деревьев состоят из трех уровней и содержат по 3 терминальных узла. Корневой узел включает 307 наблюдений, из которых 212 наблюдений соответствует респондентам, которые позитивно относятся к инновациям, 78 — «с осторожностью» и 17 — «негативно».

Отметим, что нечисловая природа используемой информации, полученной в результате социологического опроса, накладывала определенные ограничения на используемый инструментарий. Однако анализ результатов

Таблица 5. Предикторы, выбранные для создания классификационного дерева

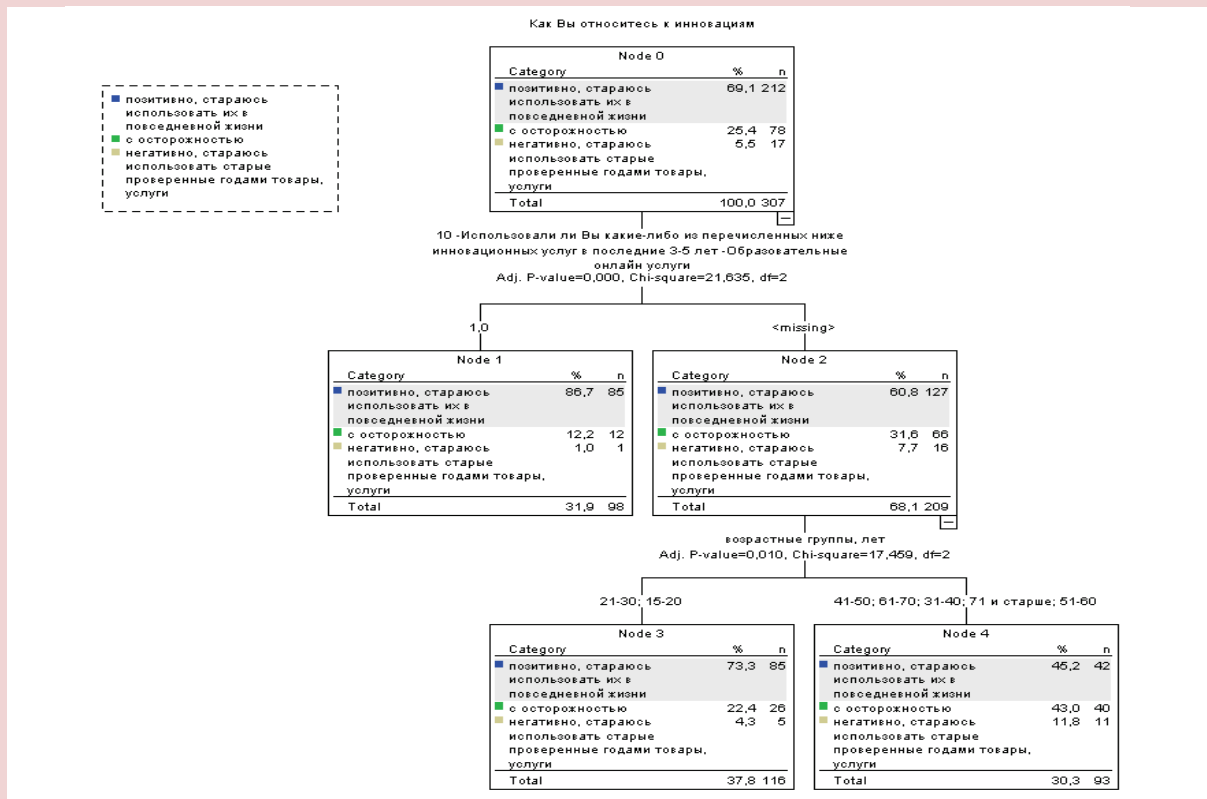
Переменная	Характеристика переменной
X ₁	Пол
X ₂	Возраст, лет
X ₃	Уровень образования
X ₄ -X ₂₄	Опыт использования различных инновационных товаров и услуг
X ₂₅	Следите ли Вы за появлением и разработкой новых товаров или услуг?
X ₂₆ -X ₄₉	Какая сфера деятельности, на Ваш взгляд, испытывает недостаток в инновациях?
X ₅₀	Сфера профессиональной деятельности

позволил сделать вывод о возможности использования выбранных моделей для ответа на поставленные вопросы. Так, с помощью процедуры кросс-проверки, позволяющей оценить использование классификационного дерева на более крупной совокупности, было показано, что модели устойчивы и являются достаточно общими для всех наборов данных: значения риска для модели без проверки и с проверкой практически не различались.

Матрица предсказаний, содержащая процент корректно предсказанных значений, позволила сделать вывод об устойчивости построенной модели (классификационного дерева), приемлемой точности, что позволяет использовать построенные деревья классификаций для других наборов данных.

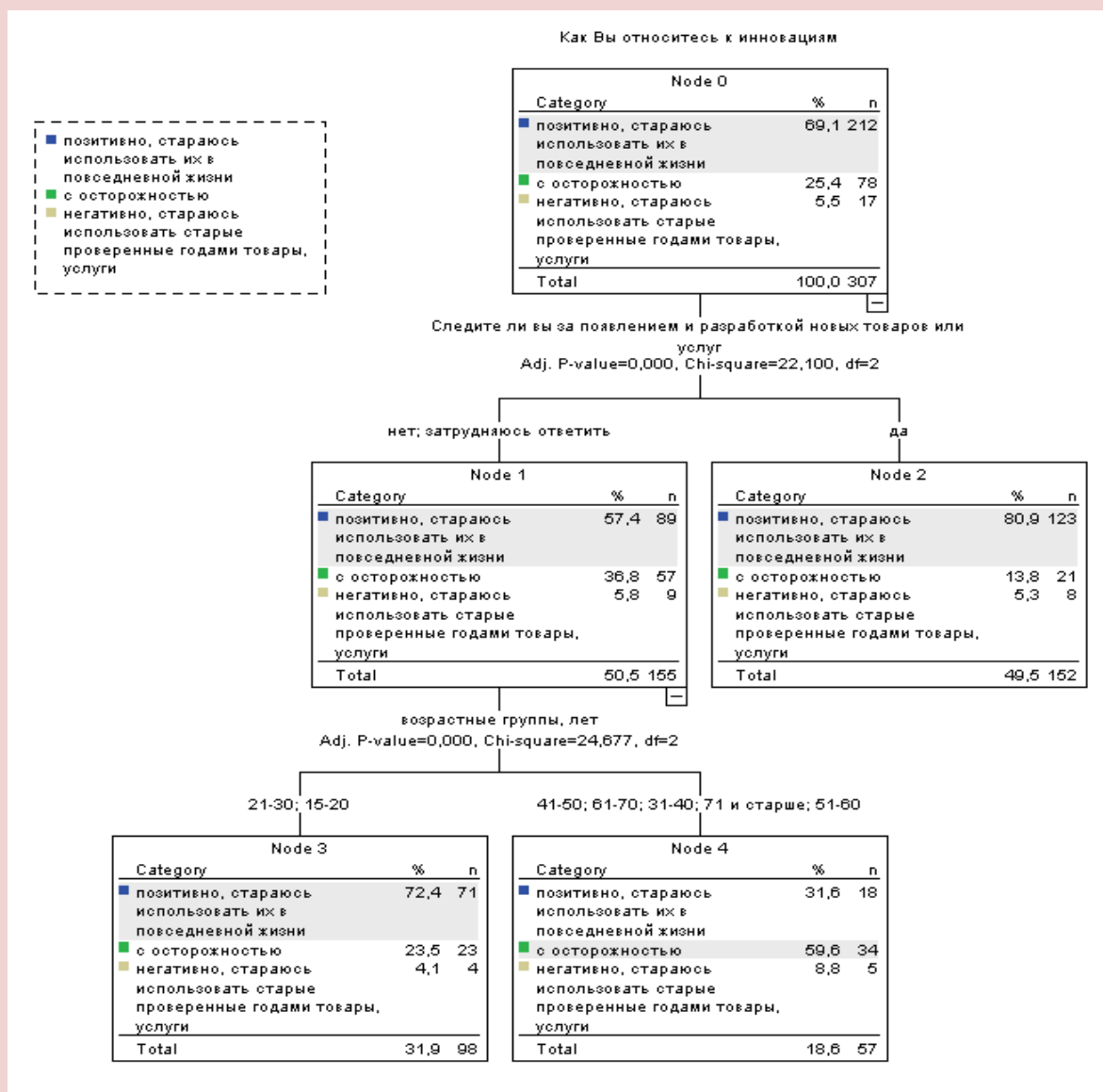
На рис. 4 представлено первое из построенных деревьев, которое является наилучшим среди построенных моделей.

Рис. 4. Дерево классификации для выявления отношения к инновациям с учетом опыта использования образовательных онлайн-услуг

Источник: составлено авторами по данным опроса.

Рис. 5. Дерево классификации для выявления отношения к инновациям в зависимости от внимания к инновациям

Источник: составлено авторами по данным опроса.

Оценка риска составляет 0,167 (с 5% уровнем значимости ошибка модели лежит в диапазоне от 15% до 17%). О приемлемом качестве модели свидетельствует достаточно высокий процент респондентов, классифицированных верно. Так, согласно построенной модели, 83,3% респондентов отнесены к одной из выделенных групп правильно.

В первую группу попали респонденты, имеющие опыт использования образовательных

онлайн услуг, среди них доля позитивно относящихся к инновациям составляет 86,7%. Среди тех, кто не использовал в недавнем прошлом онлайн образование, выделяются две группы в зависимости от возраста. Среди тех, кто моложе 30 лет, доля позитивно относящихся к инновациям составляет 73,3%; среди респондентов старше 30 лет – 45,2%.

Для второго классификационного дерева оценка риска выше – 0,257, т.е. 74,3% наблю-

дений было классифицировано правильно (рис. 5). В случае, если мы не учитываем опыт использования услуг онлайн-образования, основным предиктором для выявления отношения респондентов к инновациям выступает факт заинтересованности респондента в использовании инноваций и его осведомленность о новых видах инновационных товаров и услуг. То есть те респонденты, которые активно следят за распространением инноваций, позитивно к ним относятся (среди них доля позитивно относящихся к инновациям и стремящихся использовать их в повседневной жизни составляет 80,9%).

Среди тех, кто не интересуется инновациями (не следит за появлением новых товаров или услуг), отношение к инновациям зависит от возраста: среди более молодых респондентов (в возрасте до 30 лет) доля позитивно относящихся к инновациям составляет 72,4%; среди лиц старше 30 лет – 31,6%. Среди лиц зрелого возраста, не интересующихся инновациями, гораздо больше тех, кто относится к инновациям с осторожностью (59,6%).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что среди многообразия экономических, социальных и экономических характеристик трудно выделить те, которые однозначно влияют на отношение россиян к инновациям.

Можно сказать, что в основном позитивное отношение к инновациям и готовность их использовать в обыденной жизни определяется возрастом респондента, наличием опыта использования современных технологий в образовательном процессе и вниманием к инновациям, которое зависит от многих социально-психологических и культурологических факторов. Попытки построить классификационные деревья, учитывающие в качестве предикторов отношения к инновациям такие параметры (достаточно часто рассматриваемые среди совокупности факторов, формирующих отношение к инновациям), как сфера деятельности, уровень образования, место жительства, уровень жизни, мобильность человека, не увенчались успехом. В современных российских условиях складывается ситуация, когда отношение к инновациям определяется во многом психологическими характеристиками респондента, его готовностью воспринимать инновации. Воз-

раст, как важный предиктор, начинает играть свою роль в том случае, если человек не слишком восприимчив к инновациям: среди совокупности респондентов, достаточно равнодушных к инновациям, молодой возраст начинает играть определенную роль.

Нельзя не отметить роль сферы образования в формировании отношения к инновациям. Распространение образовательных онлайн-услуг на различных ступенях образования, начиная с дошкольного и заканчивая системой непрерывного образования, наличие у респондента опыта их использования формирует позитивное отношение к инновациям в целом, убеждает в их полезности в повседневной жизни.

Заключение

В целом результаты проведенного исследования показали, что современные россияне весьма восприимчивы к инновациям, что сопровождается достаточно высоким уровнем мобильности. 2/3 респондентов позитивно относятся к инновациям и стараются использовать их в повседневной жизни, примерно столько же опрошенных неоднократно меняли свое местожительство в течение жизни.

Подавляющее большинство респондентов уже имеют значительный опыт использования инноваций в своей повседневной жизни, следят за инновациями, что позволяет определить желаемые (по мнению самих респондентов) перспективы развития инновационных технологий, которые могут повлиять на их образ и качество жизни.

Исследование показало, что молодые респонденты заинтересованы в получении работы, связанной с использованием современных ИКТ технологий и разработкой инновационных технологий, даже если это не связано с ростом их материального положения. Это подчеркивает ту роль, которые играют инновации в формировании не только уровня, но и образа жизни россиян.

Россияне четко осознают, насколько широко в их жизни уже представлены различного рода инновационные товары и услуги, имея в виду различные гаджеты, «умные приборы» в быту, роль Интернета в обеспечении дистанционной занятости и получения образования, различного рода услуг, электромобили. При

этом респонденты выделяют широкий спектр инновационных товаров и услуг, появление которых (или большее распространение) они хотели бы увидеть и использовать на практике в ближайшее время. В большинстве случаев эти инновации связаны с распространением интернет-технологий и медициной, а также развитием средств транспорта, защитой окружающей среды. В значительной степени россияне возлагают на инновации решение существующих бытовых проблем, в том числе связанных со здоровьем, нехваткой времени, общением.

С целью выделения факторов, оказывающих решающее влияние на использование респондентами инноваций и новых технологий, использовались методы, основанные на построении классификационных деревьев. В результате было показано, что среди респондентов, позитивно относящихся к инновациям, 86,7% составляют респонденты, имеющие положительный опыт использования образовательных онлайн услуг. Следующим по значимости фактором выступает факт заинтересованности респондента в использовании инноваций и его осведомленность о появлении новых видов инновационных товаров и услуг.

Среди тех, кто не интересуется инновациями, отношение к инновациям в определенной степени зависит от возраста: в этом случае среди более молодых респондентов (в возрасте до 30 лет) доля позитивно относящихся к инновациям составляет 72,4%, в то время как среди лиц старше 30 лет – 31,6%.

Сложность выявления факторов, однозначно определяющих отношение к инновациям и их распространению, позволяет говорить о необходимости поиска путей использования в моделировании качественных переменных, отражающих социально-психологические и культурологические характеристики респондентов, и разработки новых интегральных индикаторов, использовании на этом пути методов статистического моделирования и снижения размерности.

Реализация государственной стратегии, направленной на расширение спроса на инновационные технологии среди различных социально-демографических групп населения, должна учитывать роль сферы образования и специфику отношения к инновационным товарам и услугам лиц старших возрастов. Это потребует разработки специальных методик, обучающих программ, социальной рекламы.

Литература

1. Cajaiba-Santana, G. Social Innovation: Moving the Field Forward. A Conceptual Framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 2014, vol. 82, pp. 42-51.
2. Dawson, P., Daniel, L. Understanding social innovation: a provisional framework. *International Journal of Technology Management*, 2010, 51 (1), pp. 9-12. Available at: <http://www.inderscience.com/info/inarticle.php?artid=33125>.
3. Абдрахманова Г.И., Ковалева Г.Г., Коцемир М.Н. Россия в рейтинге развития ИКТ // Информационный бюллетень. 2016. № 2(7).
4. Архипова М.Ю., Хавансков В.А. Информационно-статистический мониторинг изобретательской активности РАН на основе патентных информационных ресурсов // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С 117-129.
5. Миночкин А.Л. Информационное неравенство в современной политической системе: природа и сущность // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 3. С. 27-35.
6. Mačiulytė-Šniukienė, A., Gaile-Sarkane, E. Impact of Information and Telecommunication Technologies Development on Labour Productivity. *Social and Behavioral Sciences*, 2013, Vol. 110, pp. 1271-1282.
7. Atkinson R.D., Castro D.D. *Digital Quality of Life: Understanding the Personal and Social Benefits of the Information Technology Revolution*. 2008.
8. Шапошник С.Б. Человеческий капитал как фактор развития информационного общества в странах СНГ // Информационное общество. 2016. № 4-5. С. 72-80.
9. Инновационное поведение российских предприятий / Г.А. Грачева, Т.Е. Кузнецова, В.А. Рудь, А.Б. Сулов; под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
10. Cohen A.J. *Innovation and economic growth*. Available at: <http://www.progressivepolicy.org/>.

11. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. Эконометрический подход. М.: Наука, 2012. 432 с.
12. Коссов В.В. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России. 2001. № 2.
13. Римашевская Н.М. Здоровье российского населения в условиях социально-экономической модернизации // Народонаселение. 2015. № 4. С. 33-42.
14. Римашевская Н.М. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / ред.-сост.: Н.М. Римашевская, Л.Г. Луныкова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. М. : Наука, 2009. 273 с.
15. Яковец Т.Ю. Демографические проблемы прогнозирования и моделирования глобального устойчивого развития // Партнерство цивилизаций. 2013. № 3. С. 220-225.
16. Greenstone M., Looney A. *A Dozen Economic Facts about Innovation*. POLICY MEMO. 2011. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/08_innovation_greenstone_looney.pdf
17. Lichtenberg, F. R. *Pharmaceutical Innovation and Longevity Growth in 30 Developing and High-income Countries, 2000–2009*. NBER Working Papers 18235, National Bureau of Economic Research, Inc. 2012.
18. Ford E.S., et al. Explaining the Decrease in U.S. Deaths from Coronary Disease, 1980–2000. *New England Journal of Medicine*, 2007, Vol. 356(23), pp. 2388-2398.
19. Lichtenberg F.R. (2011), The quality of medical care, behavioral risk factors, and longevity growth. *International Journal of Health Care Finance and Economics*, 2011, Vol. 11(1), pp. 1-34.
20. Murphy K.M, Topel R.H (2006), The Value of Health and Longevity. *Journal of Political Economy*, 2006, Vol. 114 (4), pp. 871-904.
21. Arkhipova, M., Sirotin, V. Innovative Development and Quality of Life Interaction. *Science, Technology and Innovation in the Emerging Markets Economy Proceedings of The 22th International Conference on Management of Technology (IAMOT 2013)*, Brazil, Porto Alegre, 2013.
22. Архипова М.Ю. Инновации и уровень жизни населения: исследование взаимосвязи и основных тенденций развития // Вопросы статистики. 2013. № 4. С. 45-53.
23. Зайцева А.С., Шувалова О.Р. Новые акценты в развитии инновационной деятельности: инновации, инициируемые пользователями // Форсайт. 2011. № 2. С. 16-32.
24. Chernovich E., Miles I. D., Polyakova V. Household Technology and the Sustainability of Consumer Behavior in Moscow. *Sustainability*, 2015. Vol. 8 (1), pp. 32-37.
25. Fursov K., Thurner T. Make it work! – A study of user-innovation in Russia. *Science and Public Policy*, 2017. Vol. 44 (3), pp. 392-402.
26. Шувалова О.Р. Индикаторы инновационного климата в России (по итогам массовых опросов населения) // Форсайт. 2010. № 1. С. 38-52.
27. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 4. С. 507-520.
28. Стиглиц Д., Сен.А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Институт Гайдара, 2016.

Об авторах

Марина Юрьевна Архипова – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: archipova@yandex.ru); ведущий научный сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Статья поступила 27.10.2017.

Arkhipova M.Yu., Kuchmaeva O.V.

Social Demand of Russians for Innovation (According to a Sample Survey)

Abstract. This article was supported by the Russian Foundation for the Humanities under the grant “Innovations in modern Russia: development trends and impact on the standard of living of the population” (project 16-02-00561). The population’s choice of values in the use of digital technologies depends on a whole range of factors, including economic, political, social, cultural, and psychological ones. Is the attitude of the respondents to the innovation-driven changes in their lives the same? If it is so, then what factors determine the choice of a particular behavioral pattern in terms of using innovative products and services? This article provides the data of a survey designed to analyze the social characteristics of respondents depending on their attitude to innovative products. The results of a sample survey carried out by the authors in the spring of 2017 in Moscow and the Moscow Oblast were used as an information basis. The surveyed sample comprised 1,115 individuals aged 15 to 86 years, including 55.5% of women and 44.5% of men, which generally corresponds to the age and gender structure of the population in the regions surveyed. The survey was designed to eliminate to some extent the lack of quantitative data supporting the hypotheses about the impact of innovation on the way and quality of life of the Russian population, identify the areas of using innovations, which are the most promising from the point of view of the population, and also identify a group of respondents who are most susceptible to new information technologies. The survey results will help understand the innovative transformations in Russia, assess the demands of the population for, and its satisfaction with, innovative products and services, and determine the prospects for their dissemination. An application of the classification trees method allowed us to identify the main factors that influence innovation activity of Russians: the attitude toward innovation, the experience of using online educational services, and people’s age. Perspectives of the research consist in the definition of integrative indicators of innovation activity of the population on the basis of qualitative characteristics and the application of statistical modeling methods.

Key words: innovation, society development, social demand, population survey, classification tree, innovative behavior.

Information about the Authors

Marina Yu. Arkhipova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, National Research University “Higher School of Economics” (20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: archipova@yandex.ru); Leading Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences

Oksana V. Kuchmaeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, National Research University “Higher School of Economics” (20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Научно-инновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития*

**Алексей Александрович
РУМЯНЦЕВ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: aarum1@yandex.ru

Аннотация. В условиях нестабильной экономической среды идет поиск усиления экономической устойчивости регионов. К долговременному фундаментальному фактору решения этой задачи можно отнести развитие научно-инновационной деятельности. Цель исследования – выявить тенденции производства и распространения инновации в макрорегионе: создание и развитие в регионах полицентрической структуры научно-инновационной деятельности, возможные формы ее усиления с позиции экономической устойчивости регионов. В качестве метода исследования принят структурно-функциональный анализ научно-инновационного пространства макрорегиона, его состояния, направленность развития. В результате исследования обоснована тенденция к формированию полицентрической структуры научно-инновационной деятельности. Приведены данные, характеризующие ее в пространстве макрорегиона Северо-Запада России: размещение в регионах научных организаций, занятых в них сотрудников, внутренних затрат, направляемых на исследования и разработки, количество созданных в регионах вузов и филиалов вузов, способных готовить кадры высшей квалификации, в том числе для собственной научной базы, и быть источником местных инноваций. Создание в регионах научных комплексов нацеливает местные власти на сотрудничество с бизнес-структурами по использованию местных ресурсов, реализации научных достижений. В качестве организационной

* Статья подготовлена в рамках исследования темы «Развитие теоретико-методологических основ управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов», №179-2014-0004 по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Для цитирования: Румянцев А.А. Научно-инновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 84-99. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.6

For citation: Rumyantsev A.A. Research and innovation activity in the region as a driver of its sustainable economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 84-99. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.6

формы сотрудничества по доведению крупного научного результата до практического применения предложен и раскрыт программный метод, содержащий интеграцию деятельности научных, производственных предприятий, региональных органов управления, реализацию условий для коммерциализации научных результатов. Обращено внимание на развитие сетевой формы организации взаимодействия науки и бизнеса. Результатом работы являются предложения по усилению координирующей и стимулирующей функций органов власти субъектов РФ в повышении результативности созданных в регионах научно-инновационных комплексов с ориентацией на использование местных ресурсов, потенциала территории, по разработке и выполнению специализированной целевой научно-производственной программы реализации крупного научного результата, по развитию в регионах информационного взаимодействия предприятий региона в разработке и реализации инноваций. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами управления при разработке и принятии нормативных актов по регулированию инновационной деятельности: стратегий, программ, привлечения бизнес-структур. Дальнейшее исследование может быть связано с разработкой организации пилотных проектов по программированию инноваций и научным обоснованием мер по расширению информационного взаимодействия предприятий и организаций в регионе.

Ключевые слова: регион, научно-инновационная деятельность, модель центр-периферия, полицентрическая структура, собственная научная база, реализация научных результатов, научно-производственная программа, сетевая организация работ.

Введение

В теории и на практике идет поиск новых путей достижения экономической устойчивости административно-территориальных образований в условиях повторяющихся внешних возмущений в области международной кооперации, кредитных отношений, конъюнктуры мирового рынка, валютных изменений, а также внутренних проблем в связи с дисбалансом отраслевой структуры спроса и предложения, негативными климатическими воздействиями.

Близким к экономической устойчивости понятием является «стабильность экономики». Суть стабильной экономики – ее равновесное состояние. Тенденции к равновесному состоянию частей, компонентов экономики – стержень исследования многих проблем в экономической науке. В качестве иллюстрации можно привести некоторые основополагающие тенденции к равновесию: спроса товаров и их предложения [1, 2], производства товаров и их потребление [3], сбережения и инвестиций [4].

В системной экономической теории разносторонний анализ экономической устойчивости представлен по стадиям кризисного цикла с возможными рычагами их регулирования по обеспечению сбалансированного развития экономики. При этом анализ сбалансированности должен носить иерархический характер. Макроэкономическая сбалансированность

анализируется на основе исследования сбалансированности макросекторов; мезоэкономическая – мезосекторов в региональном и отраслевом разрезах; микроэкономическая – предприятий и домашних хозяйств [5].

В нашем исследовании к его предмету относится тот аспект экономической устойчивости системы, который определяется как способность функционировать в состоянии, близкой к сбалансированной в условиях внутренних и внешних возмущений, и принимать новое сбалансированное состояние после прекращения возмущающих воздействий.

Имеются различные подходы к определению и характеристике экономической устойчивости региона, ориентированные на сохранение или восстановление условий жизнедеятельности людей [6]. К существенной особенности экономической системы региона можно отнести ее направленность на повышение качества жизни населения. Поэтому экономическую устойчивость региона можно определить как его сбалансированность при увеличении потенциала для удовлетворения возрастающих потребностей проживающих на его территории граждан. В экономической литературе подчеркиваются две ее характеристики – стабильный экономический рост и трансформация его результатов в социально значимый эффект для населения [7]. Эко-

номическая устойчивость региона может означать стабильный рост экономики при повышении благодаря ему качества жизни населения. Устойчивый рост экономики региона возможен при ее развитии – качественном изменении. Поэтому здесь термин «рост» включает и понятие «развитие».

Среди факторов развития экономической устойчивости регионов (ресурсного, использование современных технологий и др.) к фундаментальному, долговременному фактору можно отнести научно-инновационную деятельность, разработку и распространение инноваций как главного источника повышения конкурентоспособности продукции и услуг, удержания и возрастания рынка сбыта, роста прибыли, отчислений от нее в бюджет. Обеспечение научно-инновационной деятельностью экономической устойчивости регионов может быть признаком устойчивости самого научно-инновационного развития. Чем больше это участие, тем устойчивее научно-инновационная деятельность. Статья посвящена некоторым аспектам ее развития в регионе в свете образования в них научно-инновационных комплексов. Цель статьи – выявить тенденции формирования в регионах Северо-Запада России научно-инновационных комплексов – полицентрической структуры производства и распространения инноваций – возможных в них направлений преодоления барьеров, сдерживающих трансфер научных результатов в экономику регионов.

Можно выделить два основных подхода в теории производства и распространения инноваций в пространственном аспекте: модель «центр-периферия», первоначально разработанная как теоретическое обоснование международной торговли промышленно развитых и отсталых стран, перенесенная затем на региональный уровень, и модели «полюсов роста» и поляризованных ядер производства, применения и распространения инноваций. Суть модели «центр-периферия» [8] состоит в том, что центр, концентрируя ресурсы: научный, инжиниринговый, производственный потенциал, создает инновации, которые затем распространяются на периферию по теории диффузии инноваций Т. Хегерстеранда: сначала на ближайшие к центру территории, то есть на полупериферию, затем далее – на периферию,

постепенно заполняя все пространство. По модели «центр-периферия» центр, имея развитый научно-инновационный потенциал, выпускает одно новшество за другим. Периферия по причине замедленной передачи и их освоения постоянно отстает от центра в научно-инновационном развитии, отдавая свои ресурсы центру [10].

Под моделью «полюсов роста», предложенной Ф. Перру, понимаются компактно размещенные на территории, стране динамично развивающиеся отрасли или отдельные предприятия (машиностроение, химическая промышленность и т.д.), которые оказывают влияние на окружающую территорию в результате концентрации вокруг них нововведений. Быстро растущая отрасль или предприятие становится полюсом роста, порождая цепную реакцию возникновения и роста промышленных предприятий, вызывая общее индустриальное развитие территории страны [11].

Примыкающая к модели «полюсов роста» модель поляризованных ядер, как эволюция модели «центр-периферия», представляет собой выделение районов-ядер на территории, стране, в которых концентрируются передовые отрасли экономики с высокими потенциальными возможностями для внедрения нововведений. Они имеют определенную зону влияния, формируя вокруг себя поляризованный регион. Вследствие их роста моноцентрическая территориальная структура трансформируется в полицентрическую [12].

Полицентрическая структура научно-инновационной деятельности в пространстве макрорегиона

В макрорегионе Северо-Запад России наблюдается процесс, когда производство и распространение инноваций эволюционирует от модели «центр-периферия» (Санкт-Петербург по отношению к регионам СЗФО) к модели полицентрического научно-инновационного развития, созданию региональных научных комплексов экономической устойчивости регионов. Полицентрическая модель макрорегиона будет состоять из центрального места – Санкт-Петербурга и из региональных ядер научно-инновационной деятельности – субъектов РФ. Гипотеза становления полицентрической модели подтверждается следующими основаниями.

1. Развитие сети научных организаций в регионах округа (табл. 1).

Данные табл. 1 свидетельствуют о росте в большинстве регионов научного потенциала – тенденции развития созданной в регионах научной базы. Санкт-Петербург, несмотря на снижение количества организаций, выполняющих исследования и разработки, и численности персонала, занятого исследованиями и разработками, остается крупнейшим научным центром, сосредотачивая у себя свыше 60% научных организаций и более 80% численности занятых в научной сфере и затрат, направляемых на научные исследования и разработки в макрорегионе. Тем не менее, он не единственный источник нового знания. В регионах создается собственный научный потенциал, который трансформирует научное пространство в направлении полицентрической структуры, расширяя возможности экономической устойчивости регионов.

2. В регионах создана разветвлённая сеть объектов инновационной инфраструктуры, призванная создать благоприятные условия для продвижения результатов научных исследований в практику (табл. 2).

В настоящее время развитие инновационной инфраструктуры в регионах связано не столько с ее расширением, сколько с необходимостью повышения качества функционирования ее составляющих, в том числе особой экономической зоны технико-внедренческого типа, технопарков, бизнес-инкубаторов.

3. В крупных, больших и средних городах макрорегиона функционируют вузы, а в ряде малых городов – филиалы вузов (табл. 3).

Как следует из табл. 3, наука в регионах имеет мощную образовательную подпитку со стороны местных вузов в лице молодых специалистов. Миграция их в Санкт-Петербург ограничена социальными барьерами – невысокой (для них) заработной платой и проблемой жилья.

Таблица 1. Динамика развития научных организаций в регионах Северо-Запада России

Регион (субъект Федерации)	Организации, выполняющие исследования и разработки, ед.			Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.			Внутренние затраты на исследования и разработки в постоянных ценах (2010г.), млн. руб.		
	2010 г.	2015 г.	Темп роста снижения, %	2010 г.	2015 г.	Темп роста снижения, %	2010 г.	2015 г.	Темп роста снижения, %
Республика Карелия	16	22	137,5	934	1202	128,7	568,1	838,5	147,6
Республика Коми	23	28	121,7	1806	1981	109,7	1577,7	1655,2	104,9
Архангельская область	33	36	109,1	1148	1107	0,9	724,5	936,9	129,3
Вологодская область	17	18	105,9	482	541	112,2	286,8	291,6	101,7
Калининградская область	11	16	145,4	1859	2128	114,5	1184	721,2	0,6
Ленинградская область	14	13	0,9	6477	7229	111,6	4400,2	5497,9	125,0
Мурманская область	25	31	124,0	2097	2342	111,7	2006,6	1514,1	0,7
Новгородская область	12	17	141,7	892	1638	183,6	708,6	998,6	141,0
Псковская область	13	13	0,0	318	818	257,2	57,1	239,0	418,6
г. Санкт-Петербург	338	299	0,9	7983	79076	0,9	59222,8	74129,4	125,2
СЗФО	502	493	0,9	95826	98062	102,3	70737,3	87199,1	123,3
Россия	3492	4195	120,1	736540	738857	100,3	593377,2	639628,4	122,2

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 996, 998, 1008, 1290; расчеты автора по упомянутому сборнику.

Таблица 2. Инновационная инфраструктура в регионах СЗФО

Регион	Объекты инновационной инфраструктуры
Республика Карелия	Бизнес-инкубатор, IT-парк Петрозаводского государственного университета, инновационный центр «Укко», Карельский центр технологий и инноваций, центр научно-технической информации.
Республика Коми	Бизнес-инкубатор, технопарк, центр поддержки инноваций, центр научно-технической информации.
Архангельская область	Бизнес-инкубатор, инновационно-технологический парк, центр инноваций, центр научно-технической информации.
Мурманская область	Бизнес-инкубатор, технопарк, центр трансфера технологий, центр научно-технической информации.
Вологодская область	Бизнес-инкубатор, инновационно-технологический центр, центр научно-технической информации, научно-координационный центр.
Калининградская область	Технополис GS, инновационный парк, научно-технический центр, инновационно-технологический центр, центр трансфера технологий, центр научно-технической информации.
Ленинградская область	Бизнес-инкубатор, технопарк, центр трансфера технологий, инновационно-технологический центр.
Новгородская область	Бизнес-парк, технопарк, инновационно-технологический центр, научно-координационный центр, центр научно-технической информации.
Псковская область	Центр научно-технической информации.
Санкт-Петербург	ОЭЗ технико-внедренческого типа, бизнес-инкубаторы, технопарк, инновационно-технологический центр, центр трансфера технологий, центр научно-технической информации.

Источник: составлено автором по данным интернет-сайтов: инновационная инфраструктура регионов (2016).

Таблица 3. Размещение вузов и филиалов вузов в регионах СЗФО

Регион	Город	Численность населения по переписи 2010 г., чел. Масштаб города	Вузы	Регион	Город	Численность населения по переписи 2010 г., чел. Масштаб города	Вузы
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Карелия	Петрозаводск	263 540 Крупный	Петрозаводский гос. ун-т, Карельская гос. педагог. академия, Петрозаводская гос. консерватория. 11 филиалов вузов Москвы, Санкт-Петербурга	Ленинградская область	Всеволожск	59 689 Средний	Филиал Рос. гос. гуманитарного университета
Республика Коми	Сыктывкар	235 006 Большой	Сыктывк. гос. ун-т, Коми гос. педагог. ин-т, Коми республ. акад. гос. службы, 9 филиалов вузов Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ухты		Гатчина	92 566 Средний	Лен. областной ин-т экономики и финансов. 2 филиала: Санкт-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, Санкт-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права
	Ухта	99 642 Средний	Ухтинский гос. техн. ун-т управления, информации и бизнеса, 4 филиала моск., петерб. вузов		Сосновый Бор	65 901 Средний	4 филиала: Санкт-Петерб. гос. политехн. ун-т, Санкт-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, Санкт-Петерб. ин-т машиностроения, Сев-Зап. академия гос. службы при Президенте РФ
	Воркута	70 551 Средний	Воркут. ин-т бизнеса и права. 5 филиалов вузов Москвы, СПб., Сыктывкара, Ухты		Кингисепп	48 667 Малый	2 филиала: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, Санкт-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей экономики и права
	Печора	43 459 Малый	Филиал Гос. акад. водного транспорта	Ивангород	9 797 Малый	Филиал Санкт-Петерб. гос. ун-та аэрокосмического оборудования	

Регион	Город	Численность населения по переписи 2010 г., чел. Масштаб города	Вузы	Регион	Город	Численность населения по переписи 2010 г., чел. Масштаб города	Вузы
1	2	3	4	5	6	7	8
Архангельская область	Архангельск	356 051 Крупный	Северный федеральный ун-т, Сев.гос. мед. ун-т, Сев. ин-т предпринима-тельства, Ин-т управления, 8 филиалов моск. и петерб. вузов	Мурманская область	Мурманск	307 664 Крупный	Мурм. гос. техн. ун-т, Мурм. гос. гуманит. ун-т, Мурм. акад. экономики и управления, Балтийский ин-т экологии, политики и права. 13 филиалов вузов Москвы, Санкт-Петербурга
	Северодвинск	193 519 Большой	4 филиала петербургских и архангельских вузов		Апатиты	56 690 Средний	3 филиала: Петрозав. гос. ун-т, Мурм. гос. техн. ун-т, Петерб. гос. ун-т информац. технологий, механики и оптики
	Котлас	60 562 Средний	2 филиала: Арх. гос. техн. ун-т, Петерб. гос. ун-т водных коммуникаций	Новгородская область	Великий Новгород	218 724 Большой	Новгород.гос. ун-т, 9 филиалов моск. и петербург. вузов
	Мирный	30 135 Малый	4 филиала: Томский политехн. ун-т, Якутский гос. ун-т, Арханг. гос. техн. ун-т, Новосиб. гос. арх.-строит. ун-т.		Старая Русса	31 809 Малый	Филиал Новгород. гос. ун-та
Вологодская область	Вологда	301 642 Крупный	Вол. гос. технический ун-т, Вол. гос. педагог. ун-т, Вол. гос. мол-лочнохоз. академия, Вол. ин-т бизнеса, Вол. ин-т права и экон., 6 филиалов моск. и петерб. вузов	Новгородская область	Боровичи	53 699 Средний	Филиал Новгород. гос. ун-та
	Череповец	312 311 Крупный	Череповец. гос. ун-т, 10 филиалов моск., петерб. и вологод. вузов		Псковская область	Псков	203 281 Большой
Калининградская область	Калининград	431 491 Крупный	Калинингр. гос. ун-т, Балт. гос. акад. рыбопромыслового флота, Балт. федер. ун-т, Балт. ин-т экономики и права, Ин-т Европ. бизнес-школа, Калинингр. ин-т управления, Калинингр. юрид. ин-т. 19 филиалов вузов Москвы, Санкт-Петербурга	Псковская область		Великие Луки	98 778 Средний

Источник: составлено автором по [13] и интернет-ресурсам.
Примечание. Крупный город – население от 250 тыс. до 500 тыс. жителей; большой – от 100 до 250 тыс. жителей, средний – от 50 до 100 тыс. жителей, малый – менее 50 тыс. жителей.

Сформировавшийся образовательный потенциал демонстрирует способность регионов готовить кадры высшей квалификации, в том числе для собственной научной базы. Кроме кадрового обеспечения, размещение вузов по территориям регионов становится источни-

ком местных инноваций. Географическая близость фирм и университетов рассматривается как ключевой элемент доступности компаний к университетским исследованиям, появления пространственных каналов создания и распространения знаний [14, p. 117].

Таблица 4. Основные направления научно-инновационной деятельности в регионах Северо-Запада России (отрасль «наука и научное обслуживание»)

Регион	Проектирование	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Рыбное хозяйство	Экономические исследования	Информатика	Медицина	Ресурсы янтаря	Пищевая промышленность	Проблемы Севера	Газодобыча	Геология	Биология	Океанология	Геофизика	Судостроение	Ракетно-космические исследования	Приборостроение	Энергетика	Электроника	Телевидение	Автоматизация	Гидрология	Гидрометеорология	Программное обеспечение
Республика Карелия	+	+		+	+	+						+	+												+
Республика Коми	+		+		+				+	+	+	+	+		+							+			
Архангельская область	+	+	+	+	+		+			+	+			+		+	+								
Мурманская область	+			+	+	+				+		+	+	+	+		+	+							
Вологодская область	+		+	+	+							+							+	+					+
Калининградская область	+					+		+						+											
Ленинградская область	+		+	+			+					+		+			+	+	+	+					
Новгородская область	+			+									+								+		+	+	+
Псковская область	+		+																						

Источник: составлено автором по данным интернет-сайтов: Отрасль наука и научное обслуживание – регион; наука – регион; научные исследования – регион.

Научная деятельность в регионах — это исследования, направленные на получение нового знания об окружающем нас мире. Они могут быть фундаментальными, поисковыми, прикладными. Особенностью полицентрической структуры научной деятельности является то, что в регионах, наряду с выполнением фундаментальных, поисковых исследований, ведутся прикладные исследования, направленные на решение социально-экономических задач территории: использования местных ресурсов, развития производительных сил, социальной сферы. Если инновация из центрального места адаптируется к местным условиям, то благодаря созданию в регионах собственной научной базы появляется возможность инициировать и выполнять НИОКР, исходя из потребностей региона. На базе собственного потенциала проектируются производственные, социальные, административные и другие объекты, ведутся исследования по использованию местных ресурсов в области лесного, сельского, озерного, речного рыбного хозяйства, горнопромышленного комплекса (геология и др.), ресурсов моря (биология) и др. (табл. 4).

Созданная в регионах проектно-конструкторская и научно-исследовательская база, характеризуя пространственный аспект НИОКР, все в большей степени становится значимым фактором экономического и социального развития территорий.

Вместе с тем остается проблема повышения общего уровня инновационности регионов. В табл. 5 приведены показатели инновационной результативности по регионам.

Как видно из таблицы 5, результативный показатель инновационной деятельности —

деятельности по доведению научного результата до практического использования — недопустимо низкий, имеется в виду курс перехода к инновационной экономике. Даже в Санкт-Петербурге, центральном месте, он в два раза ниже, чем в индустриально развитых странах (14–15%)¹. Созданный в регионах научный потенциал недостаточно задействован в инновационной деятельности. Основная причина невысокого уровня инновационной деятельности — неразвитость взаимодействия между компаниями и научными организациями, недостаточное развитие научно-производственных связей в российской экономике [15, с. 10]. Организационное технологическое объединение научной и инновационной деятельности характеризуется понятием «научно-инновационная деятельность», означая соединение, продолжение одного вида деятельности другим, ориентированным на достижение реального результата — инновации.

Возможности развития в регионах инновационной деятельности

Формирование научных комплексов в регионах актуализирует задачу усиления инновационной деятельности, преодоление препятствий на ее пути. Барьеры научно-производственной кооперации проанализированы в экономической литературе на конкретных примерах взаимоотношений научных организаций и бизнес-структур. Повторяющиеся в исследованиях разных авторов препятствия эффективному взаимодействию научных организаций и бизнеса могут быть идентифицированы как типовые:

— недостаточная ориентация исследовательской организации на потребности

Таблица 5. Удельный вес инновационной продукции, %

Регион	2010 г.	2015 г.	Регион	2010 г.	2015 г.
Республика Карелия	1,3	0,2	Мурманская область	0,5	1,7
Республика Коми	3,2	3,3	Новгородская область	6,9	3,9
Архангельская область	0,4	2,7	Псковская область	2,7	1,1
Вологодская область	1,6	21,6	г.. Санкт-Петербург	8,0	7,3
Калининградская область	0,1	0,4	СЗФО	4,1	6,3
Ленинградская область	2,4	2,0	Россия	4,8	8,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 1048.
Примечание. «Всплеск» показателя по Вологодской области в 2015 году может быть связан со сдачей в эксплуатацию крупного инновационного проекта.

¹ Индикаторы инновационной деятельности. 2015: стат. сб. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 308-309.

компаний, её неспособность предложить надлежащим образом оформленные научные результаты, готовые к практическому применению;

- слабая восприимчивость компаний к инновациям;

- режимы конкуренции не стимулируют напрямую трансфер научно-технологических разработок, нехватка финансовых средств у промышленных предприятий;

- высокие экономические риски внедрения технологий;

- неэффективный менеджмент в научных организациях, недостаточная осведомленность производственных предприятий о перспективных разработках: наличие результатов, которые можно коммерциализовать;

- несопряженность мотиваций участников инновационного процесса, неразвитость институтов совместного создания и распространения знаний, слабость инструментов поддержки кооперации между бизнесом, научными организациями и высшим образованием, неосвоенность государством мягких инновационных инструментов, кроме прямых финансовых, которыми государство пытается восполнить недостаточные сигналы рыночной среды.

В сложившихся экономических, технологических и инфраструктурных условиях суженный масштаб коммерциализации не может кардинально изменить технологическое состояние экономики. Многим процессам коммерциализации присущи небольшие объемы выпуска продукции, инвестиций и срок окупаемости – 2-3 года. Прорыв в технологии можно осуществить, если в большей степени будет реализовано то, что уже наработано фундаментальной наукой хотя бы в качестве нового теоретического знания с перспективой решения важнейших технологических проблем.

В российских условиях коммерциализацией как формой трансфера научных результатов в практическую деятельность далеко не исчерпывается потенциал достижений фундаментальной науки. Наряду с существующей практикой коммерциализации, может быть задан импульс технологического прорыва на основе гораздо большего пласта фундаментального научного задела, чем тот относительно тонкий слой научных результатов, используемый в настоящее время.

Реализация технологического прорыва ставит вопрос о развитии теории инновационного процесса, который был бы в большей степени направлен на радикальное изменение технологий, приобрел бы стратегическую устремленность с выходом на принципиально новые инновации, то есть речь может идти о понятии стратегической инновации. Опорой ее могут быть фундаментальные научные результаты, достигнутые к настоящему времени, способные кардинально изменить в перспективе технологические основы и иметь масштабные последствия для предприятия, отрасли, региона. Сущностью или ключевым признаком стратегической инновации являются лежащие в ее основе фундаментальные научные заделы. Доведение их до инновации образует инновационный процесс, включающий все необходимые этапы и работы, как продолжение в случае необходимости фундаментальных исследований, так и прикладные исследования, инженерные разработки, промышленное производство.

Основываясь на приведенных выше признаках стратегической инновации, можно дать следующее ее определение. Стратегическая инновация – это результат ориентированных фундаментальных исследований, прикладных исследований, инженерных разработок, воплощенных в материальном объекте или услуге, реализованных на практике. Высший уровень новизны могут иметь стратегические инновации, которые нацелены на создание прорывных, «закрывающих» технологий, когда может отпасть надобность в отдельных производствах. В общем случае речь может идти о результатах фундаментальных исследований в сфере критических технологий и разработке высокотехнологичной продукции по меркам мирового уровня в будущем.

Термин «стратегическая инновация» не нов. Он применяется как средство достижения стратегических целей корпорации, в концепции стратегического инновационного потенциала фирмы по обеспечению конкурентного превосходства [16]. Стратегическая инновация представляется в качестве подрывной по созданию нового рынка [17], в технологической гонке стран [18]. Встречается близкий по смыслу термин «радикальная инновация» в стратегической ориентации фирмы [19], в отношениях с конкурентом [20]. Общим свойством этих

терминов с используемым в статье термином «стратегическая инновация» является устремленность в будущее, решение перспективных задач. Отличие: термин, используемый в статье, «привязан» к фундаментальному исследованию, отражает инновацию фундаментального исследования.

Организационной формой стратегической инновации может быть разработка по крупному (значительному для предприятия, группы предприятий, региона, страны) результату фундаментального или прикладного исследования специализированной научно-производственной программы. Если в организации имеются научные результаты, которые могут быть ядром крупномасштабного проекта, имеющего перспективу на внутреннем и внешнем рынках, согласованную и принятую бизнесом оценку вероятного спроса, то они могут стать объектом для разработки научно-производственной программы. Перечень научных результатов для программной реализации может быть представлен в орган государственного управления (федеральный, региональный уровень), под эгидой которого может быть осуществлена разработка и выполнение программы.

Программно-целевой метод решения сложных научно-производственных задач обусловлен необходимостью организации междисциплинарного и межфирменного взаимодействия многих предприятий, привлечения финансовых ресурсов из разных источников. В формате целевой программы может быть реализован взаимозависимый нелинейный инновационный процесс, характеризующийся более стабильными, основанными на доверии, отношениями с возможностью перетока неявного знания, заключенного в специалистах, рабочей силе, навыках, умениях или в организационной практике, которые здесь можно получить через совместную деятельность². В программе могут быть предусмотрены условия, стимулирующие участие в ней бизнес-структур, когда затраты и риски начальных стадий инновационного процесса, имеющих высокую степень неопределенности, государство берет на себя.

² Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры, перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 449.

Вложение частного капитала, подстрахованное государственным участием, может рассматриваться как резервное с возможностью получения немалой прибыли в связи с появлением новых рынков и за счет присутствия в цене новой продукции интеллектуальной ренты. При ее разработке может быть реализован сетевой процесс организации работ, партнерства участников, нацеленного на общий результат – инновацию рыночного спроса. Разработка программы должна включать два условия: выявление научной организацией совместного с бизнес-структурами потенциального рынка сбыта новой продукции и мобилизацию инструментов государственного стимулирования инноваций, ориентированных на развитие научно-производственной кооперации, а также ресурсов институтов развития и специального инвестиционного контракта. Пока бизнес неохотно идет в инновационную сферу. Рыночные отношения непосредственно здесь в полной мере «не срабатывают», нужны совместные действия с органами власти. Такую возможность предоставляет программный метод выполнения всего комплекса работ с координирующей функцией государственных органов управления. В программе может быть реализован принцип равновесия между спросом и предложением инноваций, достигаемый участием в ней как научных организаций, так и предприятий – производителей новшества, ориентированных на выявленный рынок сбыта новой продукции.

Программа, нацеленная на реализацию конкретного научного результата, может быть одним из инструментов инновационного развития региона, поскольку она объединяет такие факторы, как:

- интеграция научных и производственных предприятий, партнерство науки, бизнеса и государства;
- создание программным методом условий для коммерциализации научных результатов;
- введение системы поощрения участников инновационного процесса: субсидии по созданию высокотехнологических производств, налоговых льгот, ускоренной амортизации и др., привлечение льготных кредитных ресурсов институтов развития, компенсирующие недостаточное влияние рыночных стимулов.

В табл. 6 приведены примеры проектов как возможных объектов разработки специализированных научно-производственных программ.

Наряду с инициативой научных организаций по реализации крупных научных результатов в обеспечение устойчивого экономического развития регионов, основная роль в этом процессе может принадлежать местному бизнесу как главному инвестору и интегратору инноваций и инвестиций. Однако вклад его в инновационное развитие не высок: он ограничен малым числом инновационно активных предприятий.

Вместе с тем, в регионах имеются возможности заинтересовать бизнес в инновационной деятельности, обеспечении устойчивого экономического развития. Во-первых, как свидетельствует опыт, бизнес может быть ориентирован на использование местных ресурсов в кооперации с научными организациями. Главное, чтобы все участники были ориентированы на общий результат – коммерциализацию инноваций на основе научного результата, включение в экономический оборот местных ресурсов. Пока же эти возможности используются не полностью. Так, Калининградская область

даже на пике своего развития (2000-е годы, создание особой экономической зоны) не смогла в полной мере использовать свой потенциал [21]. В Республике Коми созданная научная база не в полной мере используется для удовлетворения потребностей в развитии приоритетных направлений экономики региона [22]. Во-вторых, успех может быть достигнут, если местная власть осознает себя как равноправного партнера с наукой и бизнесом в решении инновационных задач, если будет вести постоянный диалог с наукой и бизнесом, будет способствовать формированию сетевой конструкции инновационной деятельности в регионе – совместной деятельности научных организаций, вузов, инжиниринговых центров, инновационных компаний, созданию стимулирующих условий по использованию ресурсов региона, обеспечению устойчивого экономического развития регионов. В-третьих, одним из компонентов участия местной власти в инновационной деятельности явилось бы определение потребностей в участии научного и бизнес-общества в реализации местных ресурсов, развитии устойчивого экономического развития. Будучи объектом поддержки местной властью,

Таблица 6. Примеры проектов для возможной разработки научно-производственных программ

Регион	Проект	Срок реализации	Требуемый объем финансирования, млн руб.	Участники реализации проекта
Республика Карелия	Промышленные технологии комплексного обогащения минеральных компонентов горных пород	2030	100	Институт геологии Карельский НЦ РАН, Горнопромышленные компании Карелии, ОАО «Костомукшский ГОК»
Санкт-Петербург	Создание комплекса новых материалов и технологий для обеспечения изготовления серии реакторов на быстрых нейтронах большой мощности	2020	1200	ЦНИИ КМ «Прометей», «ОАО ОКБ Африкантов», ОАО ОКБ «Гидропресс», НИИАР, ГНЦ РФ ФЭИ, РНЦ «КИ»
	Новая технология изготовления наноструктурных кристаллических термоэлектрических материалов	2025	240	ФТИ им. А.Ф. Иоффе РАН, ГНЦ РФ «Гидромет», ФГУ Технологический институт сверхтвердых и новых углеродных материалов, Предприятие «Криотерм», НИТУ «МИСиС»
	Создание новых типов мощных генераторов и плазмохимии и получение новых материалов	2020	4500	Институт электрофизики и энергетики РАН, ОАО «Силовые машины», ОАО НПО «Искра», ЗАО «Союзтеплострой»
	Создание промышленных установок по переработке органосодержащих веществ с целью генерации синтетического газа для производства электроэнергии, а также жидких топлив	2025	7500	Институт электрофизики и энергетики РАН, ОАО НПО «Искра», НПО ЦКТИ им. Ползунова, ОАО «Силовые машины», ОАО «Металлический завод»

Источник: Приоритеты научно-технологического развития Северо-Запада России. СПб.: ИПРЭ РАН, 2016. С. 277, 270, 212, 210.

они мотивировали бы бизнес принять участие в их удовлетворении. Программный метод и сетевая организация инновационной деятельности могут быть активированы в решении задач устойчивого экономического развития территорий. Используя возможности инновационного развития, «регионы и муниципальные образования могут претендовать на возрастающее участие в инновационном обновлении экономики» [23, с. 287].

Наряду с традиционными однолинейными связями технологических инновационных цепочек, появилась возможность использовать информационные ресурсы, связанные с инновационной деятельностью других организаций. В новых условиях «инновационный процесс стали рассматривать шире — как процесс, основанный на взаимодействиях»³. Он возможен при условии определенного осознания компаниями необходимости сотрудничества, налаживания контактов, доверительных отношений на основе принципа добровольности. «Необходимой предпосылкой становится способность компании находить подходящих партнеров и использовать внешние знания»⁴. В табл. 7 приведены данные об использовании фирмами в России отдельных источников информации в своей деятельности.

Данные таблицы отражают структуру информационных ресурсов и удельный вес их использования в инновационной деятельности.

Помимо неформальных сетей, применяются организационные формы инновационной деятельности с внутренним сетевым потенциалом: стратегии, программы инновационного развития, кластеры, технологические платформы.

Считается, что «сетевая форма управления, включающая отношенческие контакты между компаниями, может способствовать преодолению недостатков рынка и негибкости вертикальных иерархий»⁵. Сетевая форма может, например, складываться в процессе выполнения «Комплексной научно-технической программы Северо-Западного федерального округа РФ на 2010–2030 годы», проекты, которой объединяют действия и отношения многих научных и производственных предприятия. Удельный вес организаций, участвовавших в совместных проектах в 2014 году, был равен в СЗФО 30,8%⁶.

Благоприятные условия для сетевого характера инновационной деятельности создаются для предприятий в составе кластера и технологической платформы. В Санкт-Петербурге к приоритетным отнесены восемь территориальных кластеров [24]. По структуре производственных связей кластеры делятся на горизонтальные: схожие компании по выпуску разнородной продукции одной отрасли, например, автомобильный и фармацевтический кластеры, и вертикальные: дополняющие друг друга компании, например, энергомашиностроительный кластер. Взаимодополняемость

Таблица 7. Удельный вес организаций, оценивших отдельные источники информации как основные в общем числе организаций, осуществлявших технологические инновации, %

Источники информации					
Поставщики оборудования, материалов, комплектующих изделий, программных средств	Конкуренты в отрасли	Консалтинговые, информационные фирмы	Вузы	Научно-техническая литература	Профессиональные ассоциации (объединения)
13,5	9,6	2,6	3,2	15,2	5,5
Источник: Индикаторы инновационной деятельности. 2015: стат. сб. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 315-316.					

³ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры, перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 90.

⁴ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры, перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 348.

⁵ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры, перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 95.

⁶ Индикаторы инновационной деятельности. 2015: стат. сб. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 263.

является предпосылкой информационных каналов связи и выпуска успешных инноваций. Механизм увеличения знания здесь включает взаимодействие, обмен, координацию, сотрудничество. В кластерах с горизонтальной структурой новое знание фирмы могут получать путем наблюдения, сравнения, отбора, соперничества. Технологическая платформа по определению является коммуникационным инструментом, направленным на активизацию усилий по созданию перспективных технологий, объединяет родственные предприятия многих регионов России. Технологическая платформа образует сеть информационного взаимодействия предприятий.

В организации и развитии инновационной деятельности все большую значимость приобретают «мягкие» компоненты. В регионах пространственная близость между предприятиями может играть особую роль в получении полезной информации. Стимулирующий эффект может дать:

- информация о спектре научных знаний региональных организаций НИОКР;
- информация о возможных партнерах по сотрудничеству;
- информация о технологических разработках;
- инициация сетей и посредничество в их формировании⁷.

Информационный аспект в инновационном процессе дает возможность выявить и использовать дополнительные ресурсы в создании инноваций.

Выводы

1. Научно-инновационное пространство макрорегиона – не ограниченное административно-территориальными образованиями размещение на территории объектов научно-инновационного комплекса с внутри- и межрегиональными взаимодействиями, опосредованными экономическими отношениями, функционирующих в социальной среде и ориентированных на достижение целей социально-экономического развития – постепенно преобразуется в полицентрическую структуру. В регионах создается собственная научно-обра-

зовательная база – потенциал устойчивого экономического развития: совокупность научных организаций, вузов, объектов инновационной инфраструктуры.

2. Исследование раскрывает новый аспект в производстве и распространении инноваций в пространственном аспекте – формирование в регионах собственной научной базы, что является значимым фактором развития региональных производительных сил, мобилизации использования местных ресурсов, в том числе в проектировании новых производственных объектов, обновлении производственных технологических процессов.

Исследование подтверждает гипотезу о трансформации научно-инновационного пространства: переход от моноцентрической структуры к полицентрической, предусматривающей развитие формата управления наукой, ориентированного не только на центральное место, но и на решение федеральных и местных научных задач в регионах.

3. Вводится понятие «стратегическая инновация» как результат использования ориентированных фундаментальных исследований.

4. Обосновывается необходимость усиления роли региональной власти в координации и стимулировании в регионе инновационных процессов с ориентацией на иницирование инноваций по использованию местных ресурсов, потенциала, компетенций, создание приемлемых условий для бизнес-структур, привлечение инвестиций, обусловленной тенденцией формирования полицентрической структуры в научно-инновационном пространстве.

5. Предлагается ввести в практику реализации крупного научного результата (для предприятия, группы предприятий, региона, страны) разработку и выполнение специализированной целевой научно-производственной программы при совместном сотрудничестве научной организации (научное достижение), инжиниринговой компании (доведение научного результата до вида, пригодного для практического использования), бизнес-структур (выявление рынка сбыта, производство), государственных структур (организация, координация деятельности, привлечение к участию в финансировании проекта институтов развития, специального инвестиционного контракта).

⁷ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры, перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 356.

6. Обращается внимание на развитие в регионах нефинансовых методов усиления инновационной деятельности, в том числе ее сетевой организации под эгидой региональных органов управления, когда предприятия в коммуникационно-информационных сетях получают опыт и новые знания для усовершенствования и создания новых изделий, технологий. В сетевой организации инновационной деятельности появляется возможность использования информации от других организаций. В регионах пространственная близость, а в кластерах и технологических платформах технологическая близость усиливают возможность получения полезной информации для инновационной деятельности. Информационное взаимодействие предприятий может стать дополнительным ресурсом в разработке и реализации инноваций.

Литература

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука. 1993. 570 с.
2. Маршалл А. Принципы экономической науки. П. М.: Прогресс, Универс, 1993. 310с.
3. Сей Ж-Б. Трактат по политической экономии. Бастиа Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000. 232 с.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Т. Мальтус, Д. Кейнс, Ю.М. Ларин: «Эконов» – «Ключ». 1993. 486 с.
5. Клейнер Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. 1 // Вопросы экономики. 2015. №12. С.107-123; Ч. 2 // Вопросы экономики. 2016. №1. С. 117-138.
6. Меньшикова В.И. Факторы экономической устойчивости региона // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 133-146.
7. Подгорный В.В. Устойчивое развитие: трансформация парадигмы в условиях глобальных изменений // Экономика и управление. 2016. № 7. С. 10-19.
8. Krugman P. Increasing Returns Economic Geography. Journal of Political Economy, 1991.Vol. 99 (3), p. 483-499.
9. Манаков А.Г. «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: естественные и физико-математические науки. 2012. № 1. С. 84-90.
10. Папиорковский В.В. Человек и инновационно-технологическое: от территориальной к пространственной организации общества // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации инновационно-технологического развития и сотрудничества: труды Первой международной науч.-практич. конф., 4-5 июля 2013 г. Ч. 1. М., 2013. С. 152-158.
11. Носонов А.М. Теория пространственного развития социально-экономической географии // Псковский регионологический журнал. 2011. № 11. С. 3-16.
12. Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press. 1966. 279 p.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. URL: <http://www.gks.ru> Рубрика «Официальная статистика», раздел «Публикации».(Дата обращения 12.02.2015).
14. Capello R., Varga A. Knowledge creation and knowledge diffusion on space and regional innovation performance introductory remarks. TheAnnalsofRegionalScience, 2013. Vol. 51 (1), p. 113-118.
15. Симачев Ю. Кузык М. Фейгина В. Взаимодействие российских компаний и исследовательских организаций в проведении НИОКР: третий не лишний? // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 4-34.
16. Kodama M., Shibata T. Strategy transformation through strategic innovation capability – a case study of Fanuc. R&D Management, 2014. Vol. 44 (1), p. 75-103.
17. Voigt K. Special topic: strategic innovations. Review of Managerial Science, 2011, 5 (4), pp. 263-264.
18. Taco C.R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. Yow to Win the battle on Innovation?Available at:http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-36237-8_6.

19. Troile G., Deluca M.L., Atuahene-Gima K. More Innovation with Less? A strategic Contingency View of Slack Resources, Information Search and Radical Innovation. *Journal of Product Innovation Management*, 2014, vol. 31 (2), pp. 259-277.
20. Turut O., Ofek E. Innovation Strategy and Entry Deterrence. *Journal of Economics & Management Strategy*, 2012. Vol. 21 (2), p. 583-631.
21. Горохов А. Как сделать Калининград российским выходом в Европу // *Эксперт*. 2017. №8. С. 46-48.
22. Напалков А.А. Структурный анализ инновационных проектов Республики Коми // *Региональная экономика: теория и практика*. 2013. Вып. 34. С. 16-22.
23. Татаркин А.И., Новикова К.В. Инновационный потенциал территории в поведенческих оценках населения // *Экономика региона*. 2015. № 3. С. 279-292.
24. Бабкин А.В., Новиков А.О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2016. № 1. С. 9-29.

Сведения об авторе

Алексей Александрович Румянцев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: aarum1@yandex.ru)

Статья поступила 27.11.2017.

Rumyantsev A.A.

Research and Innovation Activity in the Region as a Driver of Its Sustainable Economic Development

Abstract. In the unstable economic environment there is an ongoing search for ways to strengthen economic stability in the regions. The development of research and innovation activities can be considered a long-term fundamental factor in solving this problem. The aim of the study is to identify the following trends in the production and distribution of innovation in the macro-region: creation and development of a polycentric structure of research and innovation activities in the regions and possible forms of its strengthening from the standpoint of economic stability in the regions. As the method of research we use structural and functional analysis of the research and innovation space of the macro-region, its current status and development trend. In the course of our research we substantiate the tendency toward the formation of a polycentric structure of scientific and innovation activity. We provide the data characterizing it in the macro-region of the North-West of Russia: location of scientific organizations in the region, their employees, internal costs allocated to research and development, amount of higher education institutions and branches of higher education institutions established in the regions, which train highly qualified personnel for various sectors, including region's own scientific base, and serve as a source of local innovation. The fact that research complexes are being established in the regions promotes cooperation between local authorities and business structures on the use of local resources and implementation of scientific achievements. We put forward and describe a program method as an organizational form of cooperation to bring major research findings to practical application. The method integrates the work of scientific organizations, industrial enterprises, and regional authorities, and the implementation of conditions for commercialization of scientific results. Attention is paid to the development of the network form of organization of interaction between science and business. The results of our work include proposals for strengthening of the coordinating and stimulating function of authorities of subjects of the Russian Federation in enhancing the performance of research and innovation systems created in the regions with a focus on the use of local resources potential of the territory; for the development and implementation

of a specialized scientific and production program for implementation of major scientific results; for the development of regional information interaction between enterprises of the region in the development and implementation of innovation. The results of the study can be used by regional governments in the development and adoption of legislation on regulation of innovation: strategies, programs, attracting business structures. Further research may be related to the development of pilot projects on programming innovations and scientific substantiation of measures to expand the information interaction between enterprises and organizations in the region.

Key words: region, research and innovation activity, center-periphery model, polycentric structure, own scientific base, implementation of research findings, scientific and production program, network organization of works.

Information about the Author

Aleksei A. Rumyantsev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: aarum1@yandex.ru).

Проблемы формирования регионального бюджета в условиях бюджетной консолидации

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aip150663@yandex.ru

Аннотация. Разработка основного финансового плана Вологодской области на период 2018–2020 гг. осуществлялась в условиях стагнации темпов роста валового регионального продукта, резкого падения инвестиционной активности, дальнейшего снижения реальных денежных доходов населения. В этой связи возрастает актуальность концептуальных подходов к формированию бюджета, которые должны быть определяемы с учетом его направленности на обеспечение создания условий для устойчивого развития в перспективе. Однако, как показали результаты исследования, в основе концепции нового финансового цикла лежит бюджетная консолидация, получившая отражение в некомпенсирующих инфляцию крайне низких среднегодовых темпах роста собственных доходов и расходов бюджета. Такие подходы к формированию регионального бюджета предопределены федеральными ориентирами, возводящими в абсолют принцип достижения профицита ценой сокращения финансирования будущего развития территории. Год за годом упускаются возможности использования бюджета в качестве инструмента активизации инвестиционной политики, не случайно в 2018–2020 гг. темпы роста капиталовложений будут околонулевыми, что не позволяет говорить о накоплении доходного потенциала. В статье приведены результаты анализа регионального бюджета Вологодской области на 2018–2020 гг., основная цель которого заключалась в оценке соответствия бюджетных параметров задачам развития региона. Научная новизна работы определяется комплексным исследованием, позволившим дать оценку влияния заданной Минфином РФ бюджетной консолидации на формирование бюджетной политики региона во взаимоувязке с макроэкономическим прогнозом и выработать

Для цитирования: Поварова А.И. Проблемы формирования регионального бюджета в условиях бюджетной консолидации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.7

For citation: Povarova A.I. Problems related to regional budgeting amid fiscal consolidation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.7

конкретные предложения по мобилизации немногих оставшихся внутренних резервов повышения бюджетной обеспеченности. Главный вывод состоит в том, что новый бюджет продолжает линию на имитацию стабильности без реального преодоления стагнации бюджетных доходов и увеличения финансирования значимых сфер жизни общества. Материалы статьи могут быть использованы органами публичной власти при разработке бюджетной политики, специалистами в сфере финансов, научными работниками.

Ключевые слова: бюджетное планирование, региональный бюджет, бюджетная консолидация, профицит, собственные доходы, расходы, долговая нагрузка, межбюджетная политика.

Региональные бюджеты являются важнейшим инструментом экономической политики государства. В ходе рыночных преобразований, осуществляемых в России с 1991 г., значительная часть функций регулирования социально-экономических процессов перешла от федерации на субфедеральный уровень, в связи с чем роль региональных бюджетов повысилась. С 2000 по 2016 год их объем увеличился в тринадцать раз – с 0,7 трлн. руб. до 9,4 трлн. руб. На долю региональных бюджетов приходится около 40% бюджетных ресурсов страны. Из этих бюджетов финансируется 70% расходов на жилищно-коммунальное хозяйство и здравоохранение, 60% – на образование и агропромышленный комплекс, 50% – на дорожное хозяйство.

Составление проекта регионального бюджета – это первая стадия бюджетного процесса, от качества которой зависит стабильность его исполнения. О важности надлежащего составления проектов бюджетов свидетельствует закрепленный в бюджетном законодательстве принцип достоверности бюджета, предполагающий надежность показателей прогноза социально-экономического развития соответствующей территории и реалистичность расчета доходов и расходов бюджета¹.

Следует признать, что, несмотря на существующие фундаментальные труды в области исследования бюджетной системы, в настоящее время вопросы формирования бюджетов, особенно на уровне регионов, в отечественной экономической литературе освещены фрагментарно. Авторы в основном рассматривают проблемы, связанные с функционированием федерального бюджета и межбюджетными отношениями между федерацией и ее субъектами.

¹ Статья 37 Бюджетного кодекса РФ.

В то же время достаточно дискуссионным является вопрос первичности доходов или расходов при формировании бюджетов. Так, например, основоположник науки финансового права французский ученый П.М. Годме отмечал, что «зависимость государственных расходов от возможностей, определяемых имеющимися ресурсами, является, по существу, принципом элементарного благоразумия» [1].

Российский классик экономической науки И.Т. Тарасов высказывал другое мнение: «В государственном хозяйстве преобладают такие потребности, которые непременно должны быть удовлетворены, а потому правильнее определить сначала эти потребности и затем указать средства удовлетворения их» [2].

Давая оценку проекта федерального бюджета на 2018–2020 гг., ученые Института экономики РАН делают вывод о том, что существенная разница между ростом доходов и расходов бюджета в пользу первых и является главной концепцией государственной бюджетной политики – использовать как прирост доходов, так и экономию не на развитие, а на снижение дефицита [3].

Этой же точки зрения придерживаются и ученые ВолНЦ РАН. По нашему мнению, одной из системных ошибок бюджетной политики, проводимой Правительством РФ на современном этапе, следует считать превалирование бюджетных доходов над расходами, предопределяющее ограничение государственных расходов формируемым объемом доходов вне зависимости от уровня состояния экономики. Такой подход не позволяет в должной мере использовать расходы как инструмент воздействия на решение задач развития [4].

Вопросы составления региональных бюджетов, в частности бюджета Вологодской области, являются предметом исследований ученых

ВолНЦ РАН. Начиная с 2009 года проводятся ежегодные экспертизы проекта областного бюджета, на базе которых подготовлен цикл научных публикаций. В своих работах сотрудники центра отмечали следующие недостатки процесса формирования бюджета:

- ✓ отсутствие системы индикативного планирования, снижающее качество управления ходом исполнения бюджета (в 2014–2016 гг. среднегодовая сумма неосвоенных средств областного бюджета составляла около 2 млрд. руб.);

- ✓ несвоевременное распределение и перечисление безвозмездной финансовой помощи регионам из федерального бюджета, влекущее существенное занижение объема доходов на стадии проектирования областного бюджета и затрудняющее решение основной задачи бюджетной политики – обеспечение макроэкономической стабильности (в 2014–2016 гг. погрешность прогнозов доходов регионального бюджета Вологодской области составляла в среднем более 4 млрд. руб., или 10%);

- ✓ отсутствие инструментов воздействия на взаимоотношения с крупнейшими налогоплательщиками, налоговое администрирование которых локализовано в пределах отдаленных межрегиональных инспекций, оставляющее вне досягаемости региональных органов власти финансовые показатели работы крупных компаний, что отражается на полноценном планировании доходной части бюджетов (так, например, Правительство Вологодской области не рассматривает бюджетообразующее предприятие «Северсталь» в качестве основного катализатора финансовых ресурсов экономики региона и не включает показатели его прибыли в прогноз социально-экономического развития, а проект бюджета формируется с учетом поступлений от «Северстали», не подкрепленных каким-либо экономическим обоснованием).

Таким образом, одной из актуальных задач бюджетной политики становится разработка такого механизма формирования бюджетов субъектов РФ, который бы обеспечивал региональные власти законотворческой инициативой и большей прозрачностью по вопросам формирования своих бюджетов. Однако пока основные элементы доходов и расходов субъектов РФ определяются федеральным законодатель-

ством, оставляя регионам узкий сегмент для маневра [5].

Настоящая статья продолжает цикл публикаций ВолНЦ РАН по формированию регионального бюджета Вологодской области. В данной работе мы не претендовали на развитие теоретико-методологических основ формирования региональных бюджетов. Основная цель исследования преследовала рассмотрение научно-практических аспектов и заключалась в анализе параметров бюджета, а также оценке его роли в социально-экономическом развитии региона на перспективу 2018–2020 гг.

Теоретической базой исследования явились труды отечественных и зарубежных экономистов в области государственных финансов. В работе использовались законодательные акты РФ, указы Президента РФ, законодательные и подзаконные нормативные акты Вологодской области и субъектов Северо-Западного округа РФ (СЗФО), а также публикации в периодических изданиях.

Информационно-статистическую базу исследования составили данные отчетности Росстата, Министерства финансов РФ, Министерства экономического развития РФ, Федеральной налоговой службы, Федерального казначейства, департамента стратегического планирования и департамента финансов Вологодской области.

Базой планирования регионального бюджета Вологодской области в соответствии с нормами бюджетного законодательства послужил прогноз социально-экономического развития региона на 2018–2020 гг., подготовленный на основе сценарных условий и прогноза социально-экономического развития РФ. Областной бюджет проектировался на базовом варианте прогнозных параметров (*табл. 1*).

Правительством Вологодской области позиционируется, что данный вариант построен на поступательных темпах экономического роста и сохранении благоприятного инвестиционного климата, что явно переоценено.

Во-первых, среднегодовые темпы прироста ВРП, составляющие 1,2%, дают основание констатировать стагнацию экономического роста.

Во-вторых, базовый сценарий прогноза не содержит импульсов инвестиционного развития: фактически нулевые среднегодовые темпы

Таблица 1. Основные показатели прогноза социально-экономического развития Вологодской области в 2018–2020 гг., в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Показатели	Фактически		Прогноз			В среднем за 2018–2020	В среднем за 2018–2020 по РФ
	2016	2017	2018	2019	2020		
ВРП	100,1	100,1	102,1	100,9	100,7	101,2	(ВВП) 102,2
Промышленное производство	99,8	101,0	101,8	101,2	100,9	101,3	102,5
Инвестиции в основной капитал	128,4	108,3	100,2	100,0	100,1	100,1	105,3
Оборот розничной торговли	95,6	104,5	101,4	100,7	100,5	100,9	102,7
Реальная заработная плата	99,8	103,0	101,6	100,4	100,1	100,7	102,3
Реальные располагаемые денежные доходы населения	100,9	98,3	101,2	100,2	100,2	100,5	101,5

Источники: данные Росстата; Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/prognoz/>; О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на среднесрочный период 2018–2020 годов: постановление Правительства Вологодской области от 30.10.2017 № 961; расчеты автора.

роста капиталовложений отражают неудовлетворительное состояние делового климата и возможностей органов власти и корпоративного сектора по финансированию инвестиций.

В-третьих, напряженная динамика розничного товарооборота, реальных денежных доходов населения и реальной заработной платы не дает повода рассчитывать на быстрое восстановление внутреннего потребительского спроса и увеличение его вклада в подъем региональной экономики.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все макроэкономические показатели, заложенные в прогноз социально-экономического развития Вологодской области, в разы ниже средних значений по Российской Федерации.

Вялый экономический рост в условиях инвестиционного дефицита не мог не спроецироваться на динамику доходов областного бюджета (табл. 2).

В плановом периоде совокупные доходы бюджета будут иметь понижающий тренд, при этом в реальном измерении они сократятся на 7,5 млрд. руб., или на 11% к уровню 2017 г.

Прогноз безвозмездной финансовой помощи в виде трансфертов из федерального бюджета отражает общероссийские неблагоприятные тенденции²: ее объем как в номинальном, так и в реальном выражении уменьшится на треть. Такая ситуация только на примере одной территории означает не что иное, как очередное переложение финансирования дефицита федерального бюджета на региональный уровень.

Таблица 2. Доходы регионального бюджета Вологодской области в 2017–2020 гг.

Доходы	2017, факт	2018, план		2019, план		2020, план		2020 к 2017, %
		Млн. руб.	К 2017, %	Млн. руб.	К 2018, %	Млн. руб.	К 2019, %	
Всего	60134	57946	96,4	57442	99,1	58849	102,4	97,9
В реальном выражении*	66268	62582	94,4	59740	95,5	58849	98,5	88,7
Налоговые и неналоговые	50598	49168	97,2	50750	103,2	52050	102,6	102,9
В реальном выражении*	55759	53101	95,2	52780	99,4	52050	98,6	93,3
Межбюджетные трансферты	9536	8778	92,1	6692	76,2	6798	101,6	71,3
В реальном выражении*	10509	9480	90,2	6960	73,4	6798	97,7	64,7

* В данной статье все реальные бюджетные показатели рассчитаны в ценах 2020 г.
Источники: здесь и далее фактические данные об исполнении бюджета приведены из отчетности Федерального казначейства, плановые – из закона Вологодской области от 15.12.2017 № 4261-03 «Об областном бюджете на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов».

² В течение 2018–2020 гг. сокращение межбюджетных трансфертов субъектам РФ составит 4% к уровню 2017 г. При этом на момент утверждения закона о федеральном бюджете более 70% суммы трансфертов не было распределено между регионами, что указывает на неопределенность межбюджетной политики, проводимой федеральным центром.

В условиях ограничения поддержки из федерации областному бюджету потребуются существенное наращивание собственной доходной базы. Планируется, что абсолютный объем налоговых и неналоговых (далее – собственных) доходов бюджета увеличится на 3%, однако его инфляционное обесценение составит 7%, что не дает основания рассчитывать на значимое пополнение собственных ресурсов.

В плановом периоде среднегодовой прирост собственных доходов будет отставать от прироста ВРП. Более того, ожидается уменьшение собственных источников бюджета по отношению к ВРП с 9,7% в 2017 г. до 8,7% в 2020 г. (рис. 1). Такая динамика свидетельствует о низкой результативности экономической и бюджетной политики, отсутствии точек роста в перспективе.

Структура налоговых доходов областного бюджета претерпит некоторые изменения, связанные с трансформацией профилирующих налогов: налог на прибыль переместится с первой на третью позицию, а роль налогов на имущество будет повышаться. В совокупности имущественные платежи и налог на доходы физических лиц (НДФЛ) будут генерировать около 60% налоговых доходов (табл. 3). Таким образом, структура налоговой базы областного бюджета становится более гибкой, что важно, поскольку по сравнению с налогом на прибыль налоги на имущество и НДФЛ обладают более высокой циклической устойчивостью.

Отдельного внимания заслуживает планирование поступлений налога на прибыль. Вновь приходится предъявлять претензию, связанную с отсутствием обоснования того, почему про-

Рис. 1. Темпы прироста ВРП и собственных доходов регионального бюджета Вологодской области в 2017–2020 гг., %

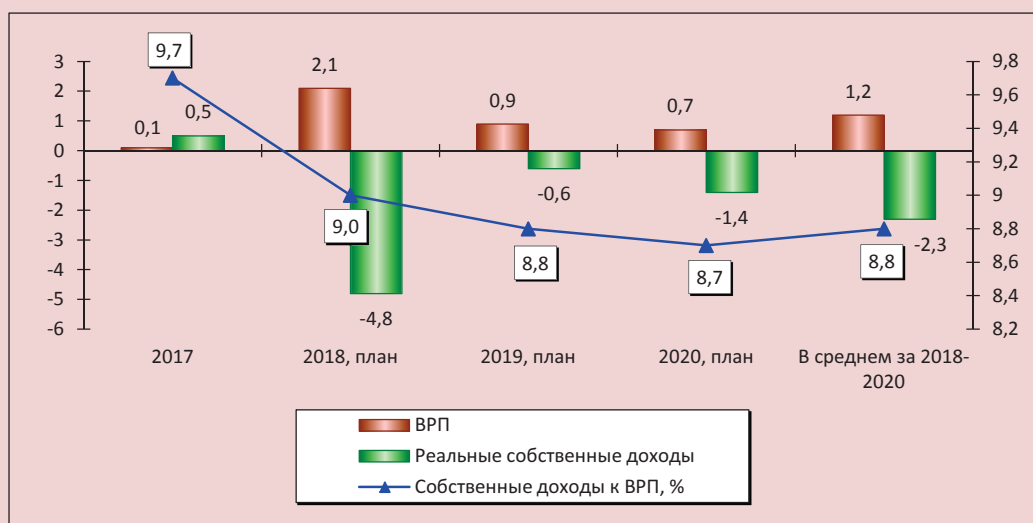

Таблица 3. Структура налоговых доходов регионального бюджета Вологодской области в 2017–2020 гг.

Налоговые доходы	2017, факт		2018, план		2019, план		2020, план	
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%
Всего	48731	100,0	47546	100,0	49107	100,0	50410	100,0
- НДФЛ	13722	28,2	13523	28,4	14140	28,8	14762	29,3
- налоги на имущество	11447	23,5	12432	26,1	13554	27,6	14153	28,1
- налог на прибыль	15453	31,7	13063	27,5	13005	26,5	13445	26,7
- акцизы	6335	13,0	6700	14,1	6496	13,2	6071	12,0
- прочие налоги	1774	3,6	1729	3,9	1912	3,9	1979	3,9

Таблица 4. Поступления налога на прибыль в региональный бюджет Вологодской области в 2017–2020 гг., млн. руб.

Показатели	2017, факт	2018, план	2019, план	2020, план	2020 к 2017, %
Прибыль до налогообложения	16041	16782	17846	19067,5	118,9
Поступления налога на прибыль	15452,5	13063	13005	13444,5	87,0
В том числе от ПАО «Северсталь» и АО «Апатит»	7299	5939,5	5420	5383	73,7
Уд. вес в общих поступлениях налога на прибыль, %	47,2	45,5	41,7	40,0	-7,2 п.п.

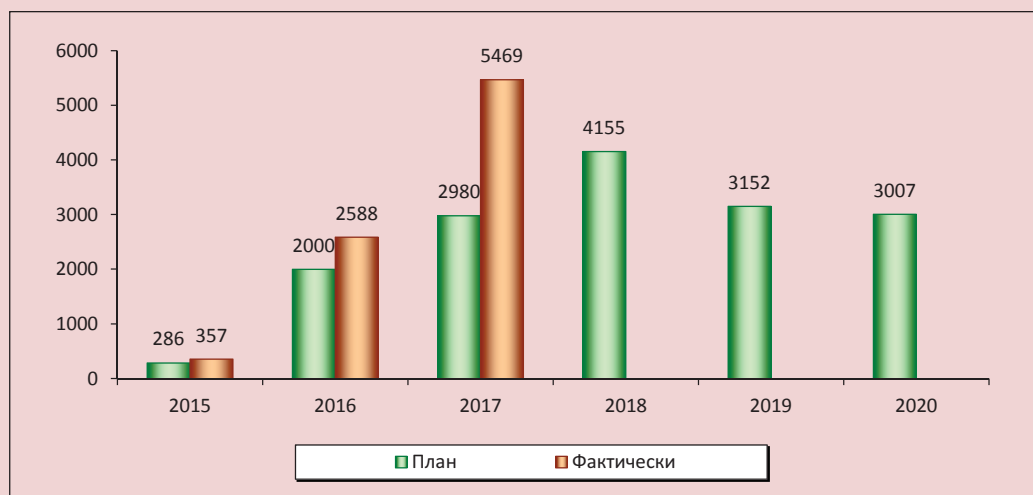
гноз прибыли не включает показатели двух крупнейших налогоплательщиков Вологодской области – ПАО «Северсталь» и АО «Апатит»³, а объемы поступлений налога на прибыль проектируются с учетом этих компаний. В 2020 г. при росте налоговой базы на 19% сборы налога на прибыль сократятся на 13% к уровню 2017 г. Судя по прогнозным параметрам, падение налоговых платежей произойдет за счет уменьшения отчислений бюджетобразующих предприятий на 26% (табл. 4).

Положительным моментом можно было бы считать уменьшение доли поступлений от

ключевых поставщиков налога на прибыль с 47 до 40%. Но это пока не может существенно изменить зависимость бюджета от двух крупнейших налогоплательщиков и требует значительных сдвигов в структуре промышленности.

Кроме того, на наш взгляд, ожидания по мобилизации налога на прибыль, в частности от ПАО «Северсталь», могут оказаться заниженными, на что указывает динамика плановых и фактических показателей: в 2015–2017 гг. фактические поступления платежей в 1,2–1,8 раза превышали плановые (рис. 2).

Рис. 2. Поступления налога на прибыль в региональный бюджет Вологодской области от ПАО «Северсталь» в 2015–2020 гг., млн. руб.

Источник: данные отчетности Федеральной налоговой службы (ФНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn35/related_activities/statistics

³ Начиная с формирования областного бюджета на 2014 г., прибыль металлургического и химического производства не прогнозируется, на что обращалось внимание в экспертных заключениях и публикациях ВолНЦ РАН. Только за 2016 г. объем прибыли металлургической и химической промышленности составил 131 млрд. руб., что в семь раз больше объема, указанного в прогнозе (18,7 млрд. руб.). По данным Вологдастата, металлурги и химики обеспечили 83% совокупной прибыли в экономике Вологодской области.

По прогнозу Минэкономразвития РФ, в 2018–2020 гг. в черной металлургии сохранится устойчивая позиция: среднегодовые темпы роста производства составят 101,3% против 97,8% в среднем за 2015–2017 гг. Всемирная ассоциация стали прогнозирует рост мирового потребления на 1,6%. Не менее оптимистичны надежды и ПАО «Северсталь» в части повышения спроса на металл в России на уровне 3%.

Сборы НДФЛ планируются с ростом 7,6% к уровню 2017 г., что ниже ожидаемого роста средней заработной платы в экономике региона. При этом поступления НДФЛ в реальном измерении будут падать, что обусловлено опережающим повышением инфляции по сравнению с реальной заработной платой (табл. 5).

В отличие от налогов на прибыль и доходы еще один профилирующий источник доходов областного бюджета – налог на имущество организаций будет динамично увеличиваться не только в текущих, но и в сопоставимых ценах, обеспечив основную прибавку собственных доходов. Вместе с тем малозаметное повышение остаточной стоимости основных средств указывает на то, что рост данного платежа в бюджете обусловлен не столько факторами экономического роста (инвестициями в основной капитал, модернизацией основных фондов и т.п.),

сколько изменениями фискального администрирования налога на имущество в отношении субъектов естественных монополий (табл. 6).

В предстоящей трехлетке обеспеченность вологжан бюджетными доходами сложится ниже среднего уровня по стране в среднем на 20 тыс. руб., или на четверть, поэтому регион будет продолжать получать выравнивающие дотации⁴. Добавим, что за три года размер подушевой бюджетной обеспеченности увеличится менее чем на 1%, а выделение дотаций области сократится на 53% (табл. 7).

Завершая анализ доходной части областного бюджета, отметим, что в условиях сдержанной динамики региональной экономики скорее всего следует согласиться с осторожным планированием собственных доходов бюджета. Вместе с тем обеспокоенность вызывает то обстоятельство, что по примеру 2015–2017 гг. превышение фактических доходов над плановыми будет изъято из экономического оборота и использовано на достижение профицита.

Одной из основных задач бюджетной политики заявлено ограничение роста расходов. Вместе с тем из содержательной части закона о бюджете следует, что фактически ставится задача не ограничения, а бюджетной консолидации. Это с очевидностью показывает уменьше-

Таблица 5. Налоговая база и поступления НДФЛ в региональный бюджет Вологодской области в 2017–2020 гг.

Показатели	2017, факт	2018, план	2019, план	2020, план	2020 к 2017, %
Среднемесячная номинальная зарплата, руб.	31636	32935	34380	35808	113,2
Поступления номинального НДФЛ, млн. руб.	13722	13523	14140	14762	107,6
Реальная заработная плата, % к предыдущему году	103,0	101,6	100,4	100,1	102,1
Поступления реального НДФЛ	15122	14605	14705	14762	97,6
Индекс потребительских цен, %	102,2	104,0	104,0	104,0	112,5

Таблица 6. Поступления налога на имущество организаций в региональный бюджет Вологодской области в 2017–2020 гг., млн. руб.

Показатели	2017, факт	2018, план	2019, план	2020, план	2020 к 2017, %
Всего					
- в текущих ценах	10083	11055	12105	12666	125,6
- в сопоставимых ценах	11111	11939	12589	12666	114,0
Остаточная балансовая стоимость основных фондов, млрд. руб.	582	588	593	595	102,2
Ставки для трубопроводов, %	1,6	1,9	2,2	2,2	+0,6 п.п.
Ставки для железнодорожных путей, %	1,0	1,3	1,3	1,6	+0,6 п.п.

⁴ В 2000–2010 гг. Вологодская область имела статус региона-донора и не получала из федерального бюджета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Таблица 7. Обеспеченность населения бюджетными доходами, руб. на человека

Показатели	2017, факт	2018, план	2019, план	2020, план	2020 к 2017, %
Вологодская область	61095	59577	59886	61671	100,9
Российская Федерация	73264	76439	79603	83936	114,6
Разрыв в уровне бюджетной обеспеченности между областью и РФ					
тыс. руб.	-12169	-16862	-19717	-22265	183,0
%	-16,6	-22,1	-24,8	-26,5	+9,9 п.п.
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, млн. руб.	2884	2734	1345	1370	47,5

ние расходов как доли от ВРП до 9,2% в 2020 году против 10,1% в 2017 г. За три года прирост номинальных расходов составит 4,8%, что не компенсирует инфляцию, реальные же расходы уменьшатся на 5% (табл. 8).

О жесткой экономии расходов свидетельствует динамика их основных видов (табл. 9). В реальном выражении сократятся все расходы, за исключением непроизводительных издержек на обслуживание госдолга и управление. Рост расходов на здравоохранение будет обусловлен преимущественно повышением зарплаты в соответствии с майскими указами Президента РФ, а не модернизацией отрасли.

Сильнейший секвестр коснется таких важных сфер жизнеобеспечения населения, как ЖКХ, спорт, сельское хозяйство. Особенно настораживает ситуация с финансированием ЖКХ по той причине, что в условиях стагнации доходов населения региональные власти перекладывают содержание этой отрасли на граждан.

Отношение бюджета к решению задач создания условий для роста региональной экономики и повышения качества жизни вологжан в значительной мере определяется распределением ассигнований по государственным программам (ГП).

Таблица 8. Расходы регионального бюджета Вологодской области в 2017–2020 гг.

Расходы	2017, факт	2018, план	2019, план*	2020, план*	2020 к 2017, %
Номинальные	52679	57111	55325	55208	104,8
К ВРП, %	10,1	10,4	9,6	9,2	-0,9 п.п.
Реальные	58052	61680	57538	55208	95,1
Индекс потребительских цен, %	102,2	104,0	104,0	104,0	112,5

* В целях сопоставимости расходы за 2019–2020 гг. приводятся без условно утверждаемых расходов, которые заложены в бюджет без распределения по направлениям финансирования.

Таблица 9. Динамика основных видов расходов регионального бюджета Вологодской области в 2017–2020 гг., млн. руб.

Расходы	2017		2020	2020 к 2017, %	
	Номинальные	Реальные		Номинальные	Реальные
Обслуживание госдолга	692	763	993	+43,5	+30,1
Здравоохранение	3771	4156	4985	+32,2	+19,9
Общегосударственные вопросы	2440	2689	2744	+12,5	+2,0
Образование	11776	12977	12759	+8,3	-1,7
Дорожное хозяйство	5700	6281	5990	+5,1	-4,6
Социальная политика	18422	20301	19143	+3,9	-5,7
Культура	667	735	680	+1,9	-7,5
Сельское хозяйство	1900	2094	1692	-10,9	-19,2
Физкультура и спорт	196	216	167	-14,8	-22,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	2155	2375	566	-73,7	-76,2

Структура ГП в долгосрочной перспективе сохранит социальную направленность бюджета: на выполнение социальных обязательств будет использовано более 75% программного финансирования (табл. 10), что в принципе соответствует цели накопления человеческого капитала, поставленной в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года⁵.

Вместе с тем реализация политики народосбережения невозможна без формирования условий для развития человеческого капитала, что предопределяет стабильный экономический рост. Однако доля государственных расходов на поддержку отраслей экономики уменьшится с 19% в 2017 г. до 17,5% в 2020 г. Так, например, и без того незначительное финансовое обеспечение ГП «Экономическое развитие» сокращается в два раза. Более чем двукратно урезаются расходы на ГП «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства», что противоречит заявленным в Стра-

тегии приоритетам экономической политики. Добавим, что только в 2018 г. из 9,5 млрд. руб. общего объема ассигнований, предусмотренных на выполнение программ экономического подъема, 2,5 млрд. руб., или четверть, предназначены для финансового обеспечения деятельности госучреждений и управленческих функций в отраслях национальной экономики.

При общем увеличении программного финансирования на 9% расходы на реализацию программ в сфере государственного управления увеличатся почти на 30%. Сумма средств на одну ГП «Управление региональными финансами Вологодской области» составит ежегодно в среднем 3,5 млрд. руб., а на три вместе взятые программы в сфере экономики (развитие АПК, экономическое развитие и поддержка малого и среднего бизнеса) – 2,5 млрд. руб.

Повышение доли инвестиционных затрат в структуре бюджета объявлено одной из основных задач в новом цикле бюджетной политики. Однако при ограниченных финансовых ресур-

Таблица 10. Расходы регионального бюджета Вологодской области на реализацию государственных программ в 2017–2020 гг., млн. руб.

Наименование программ	2017, факт	2018, план	2019, план	2020, план	2020 к 2017, %
Программные расходы, всего	49189,5	54917	53422	53481	108,7
<i>Развитие человеческого потенциала и повышение качества жизни населения</i>					
Социальная поддержка граждан	11548	11867	11600	11650	100,9
Развитие образования	11056	11849	11933	11933,5	107,9
Развитие здравоохранения	8782	10463,5	10292,5	10572	120,4
Обеспечение населения доступным жильем	2452	1855	1745	2098	85,6
Итого	36977	41568,5	40902,5	40406,5	109,3
Удельный вес в программных расходах, %	75,2	75,7	76,6	75,6	+0,4 п.п.
<i>Повышение устойчивости и модернизация приоритетных секторов экономики</i>					
Развитие транспортной системы	5652	5737	5477	5737	101,5
Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка	2161	2153	2215	2365	109,4
Экономическое развитие	362,5	272	176	176	48,6
Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства	156	75	56,5	68,5	43,9
Итого	9326,5	9472	8944,5	9367,5	100,4
Удельный вес в программных расходах, %	19,0	17,2	16,7	17,5	-1,5 п.п.
<i>Совершенствование системы государственного управления</i>					
Совершенствование государственного управления	208	281	237	237	113,9
Управление региональными финансами	2676,5	3595	3337	3470	129,6
Итого	2884,5	3876	3574	3707	128,5
Удельный вес в программных расходах, %	5,8	7,1	6,7	6,9	+1,1 п.п.
Источник: составлено автором по данным департамента финансов Вологодской области.					

⁵ Постановление Правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920 «О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период 2030 года».

сах уровень социальных расходов придется поддерживать, поэтому капитальные вложения сохраняют статус балансирующего источника: их удельный вес в расходах областного бюджета за три года уменьшится с 7,2 до 4,5% (рис. 3), что явится одним из факторов общего торможения инвестиционной активности в регионе и не позволит решить вышеуказанную задачу.

По мнению ряда ученых, именно государственные капиталовложения в условиях снижения деловой активности способны взять на себя антициклическую роль, поддерживая уровень занятости и совокупного спроса [6; 7].

Результатом бюджетной консолидации станет профицитное исполнение областного

бюджета. Формирование и исполнение профицита — одно из основных условий соглашений о предоставлении бюджетных кредитов⁶, заключенных Правительством Вологодской области с Минфином РФ в 2014–2017 гг.

В соответствии с условиями соглашений наибольшая часть профицита в 2016–2017 гг. направлялась не на дополнительное финансирование экономики и социальной сферы, а на погашение государственного долга области. К сожалению, данный подход, продиктованный центральным финансовым ведомством, пролонгируется и в ближайшей трехлетке, о чем свидетельствует динамика ожидаемых сумм профицита и возврата долговых обязательств (рис. 4).

Рис. 3. Расходы регионального бюджета Вологодской области на капитальное строительство в 2017–2020 гг.

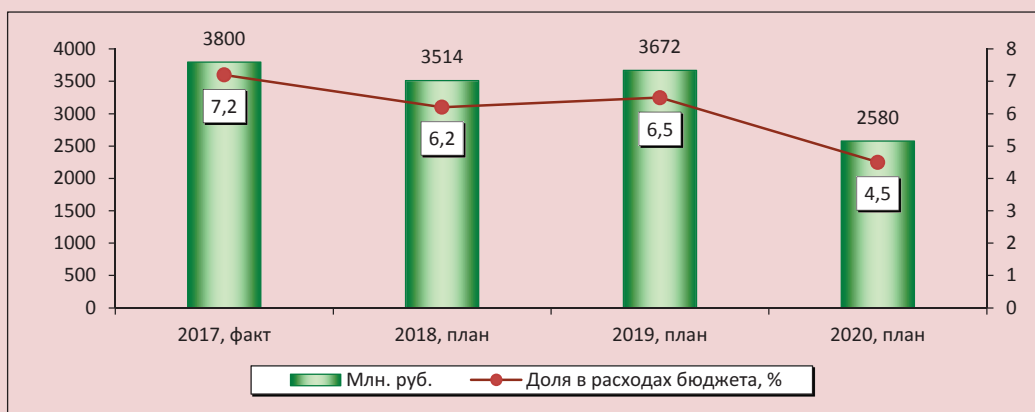
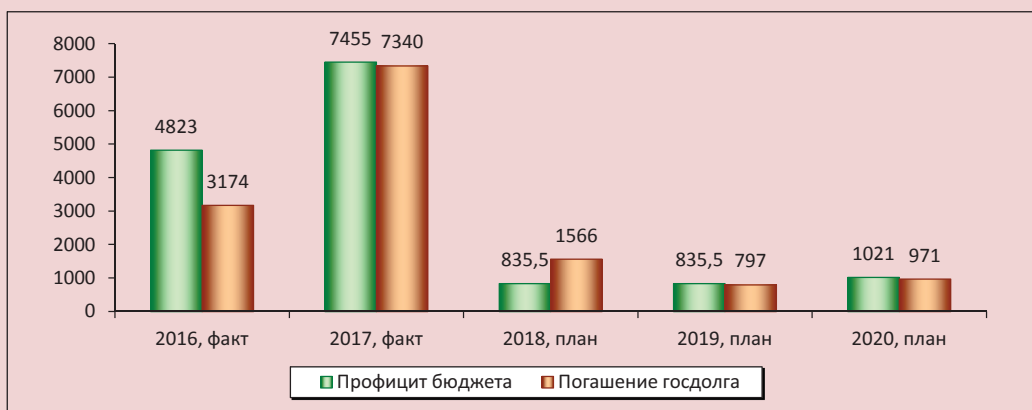

Рис. 4. Профицит регионального бюджета и погашение государственного долга Вологодской области в 2016–2020 гг., млн. руб.

⁶ В течение 2014–2017 гг. Вологодская область получила 26,7 млрд. кредитов из федерального бюджета (процентная ставка — 0,1%) на замещение банковских кредитов (средневзвешенная процентная ставка — 9,1%).

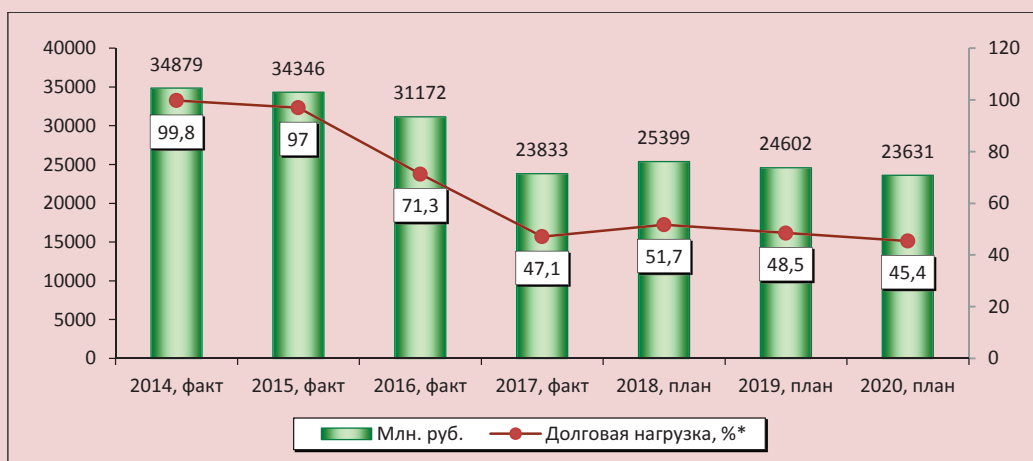
Замещение рыночного долга кредитами, полученными из федерального бюджета, и использование профицита на ликвидацию задолженности ощутимо ослабило долговую нагрузку региона – со 100% в 2014 г. до 47% в 2017 г. Вместе с тем ее заметного снижения в предстоящем финансовом цикле не ожидается, напротив, в первые два года долговая нагрузка несколько повысится (рис. 5).

Причиной фактической стагнации величины государственного долга, как в абсолютном, так и удельном выражении, станет постепенное наращивание кредитов коммерческих банков: в 2020 г. их доля в структуре задолженности бу-

дет сопоставима с показателем 2014 г. (рис. 6). В случае отсутствия заимствований из федерального бюджета, которые на этапе планирования и утверждения областного бюджета не предусмотрены, могут возникнуть риски возобновления роли рыночных кредитов как основного инструмента долговой политики региона.

Необходимо признать, что после 2012 г., в связи с необходимостью выполнения указов Президента РФ, долговой кризис большинства российских регионов вступил в острую фазу, создавая непосредственные угрозы для финансирования первоочередных расходных потребностей. С 2012 по 2017 г. объем задолженности

Рис. 5. Государственный долг Вологодской области в 2014–2020 гг.

* Долговая нагрузка рассчитана как отношение объема госдолга к объёму собственных доходов бюджета.

Рис. 6. Структура государственного долга Вологодской области в 2014–2020 гг., %

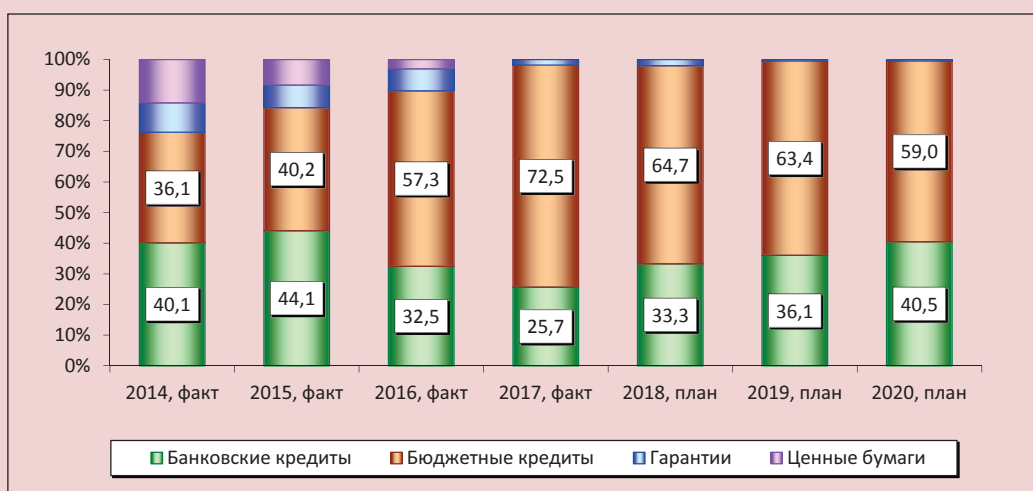

Таблица 11. Основные показатели государственного долга субъектов РФ в 2011–2017 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2011, %
Госдолг, млрд. руб.	1154,0	1334,3	1719,2	2061,2	2285,7	2352,9	2315,1	200,6
Долговая нагрузка, %	24,7	25,7	32,6	34,9	36,2	33,8	30,5	+5,8 п.п.
Количество регионов с долговой нагрузкой свыше 50%	23	33	46	55	57	55	48	208,7
Бюджетные кредиты, %*	36,3	31,9	27,4	31,4	35,4	42,1	43,6	+7,3 п.п.
Банковские кредиты, %*	24,5	31,1	39,2	41,7	40,8	34,4	28,9	+4,4 п.п.

* Удельный вес в структуре государственного долга.
Источник: расчет автора по данным Минфина РФ и Федерального казначейства.

вырос в два раза, на эту же величину возросло количество регионов, в бюджетах которых долговая нагрузка превысила половину собственных доходов. В 2013–2015 гг. дорогие коммерческие кредиты стали превалировать в структуре государственного долга субъектов РФ, и только в 2016 г. удалось переломить эту тенденцию путем замещения рыночных займов кредитами из федерального бюджета. По итогам 2017 г. доля банковских кредитов не составляла и 30% против 40% в среднем за 2013–2015 гг. (табл. 11). Тем не менее уровень субфедерального долга остается существенным: более 30% собственных ресурсов регионы вынуждены отдавать на погашение долгов.

Еще одна новация в сфере долговой политики на региональном уровне, о необходимости которой давно говорили представители экспертно-научного сообщества [8; 9; 10], связана с принятием решения о реструктуризации бюджетных кредитов⁷, полученных в 2015–2017 гг. Ожидается, что в течение 7–12 лет реструктуризация затронет все субъекты РФ и позволит уже в первые два года сэкономить 438 млрд. руб. По данным департамента финансов Вологодской области, в 2018–2020 гг. предполагается высвободить более 4 млрд. руб. и направить дополнительные средства на решение значимых проблем социально-экономического развития.

Подводя итоги выполненного анализа, резюмируем, что региональный бюджет Вологодской области на 2018–2020 гг. ориентирован на закрепление достигнутого в 2016–2017 гг. профицита, что в целом будет способствовать эко-

номической стабильности. Вместе с тем важно понимать, что в основе профицита лежит недостаточное налогово-бюджетное стимулирование экономики, на поддержку которой планируется использовать в среднем 20% бюджетных средств⁸. Следствием ограничения возможностей для проведения стимулирующих мер станет замедление темпов экономического роста региона до 0,7% в 2020 г. против 2,1% в 2018 г.

Издержками бюджетной консолидации явятся потери, которые выразятся в снижении не только экономического роста, но и доходов населения. Декларируемое повышение расходов на оплату труда не позволит обеспечить улучшение материального состояния вологжан: темпы роста реальных денежных доходов за три года упадут с 1,2 до 0,2%, а численность вологжан с доходами ниже величины прожиточного минимума к 2021 г. составит около 150 тыс. человек, или 12,6% от общей численности населения области при среднем показателе по стране 11,2%.

Нацеленность бюджетной политики на профицитность заставляет осторожно подходить к планированию расходов. При этом обращают на себя внимание существенные колебания динамики темпов роста расходов. Так, если в 2018 г. они планируются на уровне 108,4%, то в 2019 и 2020 гг. – соответственно на уровне 99,1% и 102,2%. Тем самым среднегодовой рост расходов в 2019–2020 гг. составит 100,6%, что не ком-

⁷ Данное решение было инициировано В. Путиным на заседании президиума Госсовета РФ 22.09.2017 г.

⁸ При расчёте данного показателя относительно 2018 года учитывались планируемые расходы по статье «Национальная экономика» (за исключением расходов на управленческие функции в сфере экономики) и бюджетные инвестиции в строительство объектов государственной и муниципальной собственности.

пенсирует инфляцию, а значит, не позволит в достаточной степени задействовать бюджет как инструмент развития.

На наш взгляд, расходная часть бюджета должна прирастать с учетом инфляции не ниже чем на 4% в год, даже за счет увеличения дефицита. Следовательно, проектируемые расходы должны были бы составить: в 2019 году — 59 млрд. руб.; в 2020 году — 62 млрд. руб. Это дало бы возможность дополнительно направить на социально-экономические нужды 7 млрд. руб. При этом дефицит бюджета находился бы на экономически безопасном уровне 3–6% относительно собственных доходов⁹.

Тем не менее в бюджетной политике, проводимой финансово-экономическим блоком Правительства РФ, дефицит расценивается исключительно негативно, отсюда и вытекает консервативный подход к формированию бюджетов всех уровней на принципе сбалансированности, который, по мнению академика РАН В.В. Ивантера, «не стоит возводить в абсолют... Если государство повышает пенсии, зарплаты работникам бюджетного сектора, то в экономике появляется дополнительный спрос, и это еще один сигнал для бизнеса инвестировать в производство...» [11].

Американские экономисты К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю отмечали, что «сбалансированный бюджет несовместим с активным применением фискальной политики в качестве антициклического стабилизирующего инструмента. Для принятия сбалансированного бюджета правительство должно либо повысить ставки налогов, либо сократить расходы. Каждая из этих мер еще сильнее подавляет, а не стимулирует совокупный спрос. Ежегодное принятие сбалансированного бюджета — это проциклическая, а не антициклическая политика» [12].

Практический опыт развитых стран подтверждает выводы ученых о роли бюджетного дефицита в системе государственного регулирования спроса. С помощью дефицита во многом удалось преодолеть негативные последствия кризиса 2008–2009 гг. И в настоящее время государственные расходы большинства

⁹ В соответствии со ст. 92.1 Бюджетного кодекса РФ дефицит бюджета субъекта РФ не должен превышать 15% утвержденного общего годового объема доходов без учета безвозмездных поступлений.

стран мира имеют в своей основе дефицитное финансирование: в 2016 г. только в 30 из 220 стран бюджеты были сбалансированными¹⁰.

Вопреки международной практике бюджетная политика Российской Федерации на предстоящую трёхлетку не предполагает каких-либо серьезных изменений, ее основной концепцией остается финансовая консолидация, консервирующая низкие темпы экономического роста.

На наш взгляд, несмотря на неопределенность задач пространственного регулирования, остаточный потенциал мобилизации внутренних резервов региональных бюджетов, в том числе и бюджета Вологодской области, все же имеется.

Во-первых, не снимается с повестки дня вопрос повышения уровня собираемости налогов. По данным департамента финансов, задолженность по уплате платежей в областной бюджет на начало 2018 г. составила 1323 млн. руб., сократившись всего на 5% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. Погашение задолженности позволило бы пополнить собственные доходы областной казны на 3%.

Во-вторых, стремительными темпами идет накопление дебиторской задолженности главных распорядителей бюджетных средств: за 9 месяцев 2017 г. она выросла почти в пять раз и достигла 1,2 млрд. руб. На эту сумму могли бы быть дополнительно профинансированы расходы в случае взыскания имеющихся долгов.

В-третьих, теневой бизнес продолжает обеднять бюджет. По данным департамента стратегического планирования, на 01.04.2017 г. численность неофициально работающих в Вологодской области составляла 99,8 тыс. человек, или 15% трудоспособного населения. По самым грубым расчетам, потери бюджета от нечисленного с «серых» зарплат НДФЛ оцениваются около 5 млрд. руб. в год.

Таким образом, борьба с нелегитимной оплатой труда, ликвидацией долгов перед бюджетом не теряет актуальности в ближайшей перспективе.

В-четвертых, нельзя забывать о качестве управления бюджетными расходами. По данным департамента финансов, в 2013–2017 гг.

¹⁰ Официальный сайт Центрального разведывательного управления США. — Режим доступа: <https://www.cia.gov/>

среднегодовая сумма нарушений, установленных в ходе контрольных мероприятий по исполнению областного бюджета, составила 1,7 млрд. руб. Наши расчеты показали, что в условиях проводимой бюджетной консолидации ежегодно не осваивалось 1,5 млрд. руб. выделенных ассигнований. Все эти факты говорят о низкой ответственности распорядителей по эффективному использованию бюджетных средств.

В-пятых, не будет лишним повториться, что важнейшим резервом укрепления бюджетной обеспеченности региональных бюджетов следует считать отмену льгот по налогу на имущество организаций, предоставляемых федеральным законодательством без соответствующей компенсации выпадающих доходных источников. Так, в 2016 г. в целом по субъектам РФ 50% плательщиков налога на имущество организаций пользовалась налоговыми преференциями (в СЗФО – 55,5%, в Вологодской области – 35,6%), из них 82,4% получали льготы по федеральному законодательству. В Вологодской, Архангельской, Новгородской областях и Республике Коми практически весь объем налоговых преимуществ был установлен федерацией. В результате действия льготных режимов налогообложения региональные бюджеты недополучили в среднем треть налога на имущество организаций (табл. 12). В Вологодской области потери платежей в два раза меньше, поскольку

благодаря усилиям региональных властей удалось добиться отмены ряда льгот для естественных монополий.

Совершенно очевидно, что необходимо проведение инвентаризации действующих налоговых льгот. К сожалению, пока отсутствует публичная информация по объему льгот, количеству их получателей в разрезе хозяйствующих субъектов, нет методического обеспечения по оценке эффективности льгот с точки зрения влияния на динамику отраслей экономики.

В-шестых, результаты многолетних исследований ВолНЦ РАН по вопросам деятельности крупнейших налогоплательщиков [13; 14; 15] доказали, что огромный урон бюджетам регионов с моноструктурной налоговой базой наносит крайне непрозрачный механизм администрирования прибыли крупных корпораций. Использование различных способов минимизации налогообложения подробно отражено в ряде публикаций сотрудников центра. В продолжение темы приведем недавно опубликованные данные финансовой отчетности за 2017 год ключевого поставщика налога на прибыль в бюджет Вологодской области – ПАО «Северсталь» (табл. 13).

Как можно увидеть, имея прибыль до налогообложения по итогам 2017 г. в сумме 146 млрд. руб., корпорация должна была бы отчислить в региональный бюджет 25 млрд. руб. платежей. Фактически в бюджет поступило 5,5 млрд. руб.,

Таблица 12. Льготы по налогу на имущество организаций, предоставленные по федеральному законодательству в субъектах СЗФО в 2016 г.

Субъект	Количество налогоплательщиков	Из них применяющих льготы	В том числе федеральные	К общему числу льготников, %	Сумма льгот, млн. руб.	К исчисленной сумме налога, %
Республика Коми	3790	1705	1665	97,7	1848	12,8
Ленинградская область	7827	4772	2396	50,2	2197	14,2
Вологодская область	6740	2397	2286	95,4	1397	14,3
Псковская область	2819	1327	1180	88,9	346	24,8
Архангельская область	3793	1814	1789	98,6	1542	26,2
Новгородская область	2949	1203	1147	95,3	830	27,2
Мурманская область	2851	2031	912	44,9	1162	28,4
Республика Карелия	2726	1750	977	55,8	844	43,2
г. Санкт-Петербург	32215	19889	16597	83,4	15822	50,6
Калининградская область	3935	1772	1608	90,7	2273	64,1
СЗФО	69645	38660	30557	79,0	28261	31,1
Российская Федерация	605932	303374	255573	84,2	225318	28,7

Источник: расчет автора по данным ФНС.

Таблица 13. Поступления налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в региональный бюджет Вологодской области в 2015–2017 гг., млрд. руб.

Показатели	2015	2016	2017	В среднем за 2015–2017
Прибыль до налогообложения	44,3	106,5	146,0	98,9
Расчётный налог на прибыль *	8,0	19,2	24,8	17,3
Фактически уплаченный налог на прибыль	0,4	2,6	5,5	2,8
Разница	-7,6	-16,6	-19,3	-14,5
Дивиденды собственника ПАО «Северсталь»	39,1	53,5	54,6**	49,1
К уплаченному налогу на прибыль, раз	97,7	20,6	9,9	17,5
* В 2015–2016 гг. по ставке 18%, в 2017 г. – по ставке 17%.				
** За 9 месяцев 2017 г.				
Источники: данные ФНС; финансовой отчетности ПАО «Северсталь»; расчеты автора.				

то есть в 4,5 раза меньше. Надо отметить, что это самое существенное рассогласование величины налоговой базы и поступлений налога на прибыль за три последних года. Причины таких диспропорций предстоит выяснить в ходе изучения процесса формирования финансовых результатов и базы налогообложения. Однако практический опыт ранее проведенных исследований дает основание предполагать, что ключевые факторы лежат в правовой плоскости, позволяющей максимально учитывать затраты налогоплательщиков и исключать из налогообложения ряд доходов, а оптимизированную таким образом прибыль выводить из хозяйственного оборота в виде огромных дивидендов. Классик экономической теории Дж. Гэлбрейт справедливо считал, что «сократить высокий уровень доходов олигархов можно путем отмены налоговых льгот и ликвидации «лазеек» в налоговых законах» [16].

Фиксируя определенные изъяны нового бюджета Вологодской области, мы исходим из понимания того, что в настоящее время возможности самоуправления региональных властей ограничены централизованной моделью бюджетного устройства, которая уже привела к деградации налоговой базы большинства территорий. Вместо формирования экономически мотивированной системы разграничения полномочий между уровнями публичной

власти федеральный центр предпринимает не всегда продуманные, а порой парадоксальные решения по перераспределению доходов¹¹, ведущие к потере самодостаточности региональных бюджетов. По оценкам департамента финансов Вологодской области, в 2018–2020 гг. в результате изменений федерального законодательства ежегодные потери налогов регионального бюджета превысят 4 млрд. рублей.

Необходимость разработки альтернативной межбюджетной политики высвечивается все более многоаспектно. Представителями экспертно-научного сообщества неоднократно высказывались конкретные предложения в этом направлении, в частности:

- ✓ инвентаризация доходных и расходных полномочий субъектов РФ: с 2000 г. не было случая делегирования федерацией полномочий регионам с полной финансовой обеспеченностью [17];

- ✓ не снижение доли отчислений налога на прибыль в региональные бюджеты, а зачисление в полном объеме его сборов [18], тем более что в формировании доходов федерального бюджета доля этого платежа не превышает 3%;

- ✓ введение прогрессивной шкалы НДФЛ, которая, не говоря о развитых государствах, работает во всех странах БРИКС, кроме России. По мнению академика РАН Б.С. Кашина, главная причина, которая мешает введению этой

¹¹ К примеру, 30.11.2016 г. был принят Федеральный закон № 401-ФЗ, вносящий изменения в Налоговый кодекс РФ, в соответствии с которыми ставка налога на прибыль, зачисляемого в бюджет субъекта РФ, снижена с 18 до 17%. Основной мотивировкой данной новации явилось увеличение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов. Закономерно встает вопрос: зачем отнимать у регионов эту долю налога, а затем компенсировать ее дотациями? О неэффективности подобного механизма межбюджетного регулирования можно говорить на примере Вологодской области: в течение 2018–2020 гг. потери налога на прибыль оцениваются 2 млрд. руб. (13%), а снижение выравнивающих дотаций вместо их увеличения – 1,5 млрд. руб. (53%).

справедливой меры в нашей стране, – непомерная жадность олигархов и плотный контроль с их стороны за органами власти [19].

Словом, управление бюджетом в системе государственного регулирования нуждается в

существенной корректировке и переориентации в сторону регионов. Продолжение политики бюджетной консолидации неизбежно приведет к затяжному долговому кризису и дестабилизации экономики территорий [20].

Литература

1. Годме П.М. Финансовое право. М.: Прогресс, 1978. 428 с.
2. Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права // Финансы и налоги: очерки теории и политики. М.: Статут, 2004. С. 211.
3. Экспертное заключение Института экономики РАН на проект федерального бюджета РФ на 2018–2020 гг. / Официальный сайт Института экономики РАН. Режим доступа: <https://inecon.org/demo/ekspertno-analiticheskaya-deyatelnost/>
4. Ильин В.А., Поварова А.И. Эффективность государственного управления 2000–2015. Противоречивые итоги – закономерный результат. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 304 с.
5. Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы / Институт экономики РАН; Центр экономики федеративных отношений; отв. ред. С.Д. Валентей. СПб.: Алетейя, 2008. 320 с.
6. Dequech D. Post Keynesianism, Heterodoxy and Mainstream Economics // Review of Political Economy. April 2012. Vol. 24. No. 2. P. 353-368.
7. Lerner A.P. Functional Finance and the Federal Debt // Social Research. 1943. Vol. 10. P. 38-51.
8. Бирюков А.Г. О практике предоставления бюджетных кредитов бюджетам субъектов РФ // Власть. 2012. № 1. С. 12-21.
9. Из регионов пришел долговой «SOS»!: интервью с д.э.н. О.Г. Дмитриевой [Электронный ресурс] // Мир новостей. 2013. № 2092. Режим доступа: <https://mirnov.ru/ekonomika/>
10. Простят на семь лет: интервью с д.э.н. В.В. Климановым // Российская газета. 2018. № 7464. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/01/08/>
11. Ивантер В.В. О чем расскажет бюджет // Российская газета. 2017. № 7394. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/09/>
12. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы, политика. М.: ИНФРА-М, 1999. 974 с.
13. Поварова А.И. Взаимоотношения металлургических комбинатов с бюджетом: долги растут, налоги падают // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 159-182.
14. Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на результаты деятельности головного предприятия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5. С. 36-51.
15. Поварова А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 180-195.
16. Galbraith J. Th New Industrial State. Boston, 1967, p. 227.
17. Татаркин А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. 2014. № 1. С. 9-30.
18. Зубаревич Н.В. Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2014. № 3. С. 158-161.
19. Кашин Б.С. Выступления в Думе. М., 2016. 192 с.
20. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3. С. 48-63.

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: air150663@yandex.ru)

Статья поступила 29.03.2018.

Povarova A.I.

Problems Related to Regional Budgeting amid Fiscal Consolidation

Abstract. The development of the major financial plan of the Vologda Oblast for 2018–2020 was carried out amid stagnating GRP growth rates, a sharp decline in investment activity, further decrease in population's real money incomes. In this regard, conceptual approaches to budgeting, which should be determined in view of its orientation on providing conditions for future sustainable development, is becoming more relevant. However, according to the study, the concept of a new financial cycle is based on fiscal consolidation, which is reflected in extremely low average annual growth rates of own revenues and budget expenditure which do not compensate for inflation. Such approaches to regional budgeting are predetermined by federal guidelines, which absolutize the principle of achieving surplus at the cost of reducing the funding of the territory's future development. Year after year, the opportunities of using budget as a tool for triggering the investment policy are being missed. It is not by accident that in 2018–2020, the growth rate of investment will be near-zero, which does not indicate the income generation potential. The article presents the results of analysis of the regional budget of the Vologda Oblast for 2018–2020, the main purpose of which is to assess the compliance of budget parameters with the objectives of the region's development. The research novelty of the work is determined by a comprehensive study which made it possible to assess the impact of budget consolidation set by the Ministry of Finance on the regional budget policy in conjunction with macroeconomic forecast and develop specific proposals to mobilize the few remaining domestic reserves to increase fiscal capacity. The main conclusion is that the new budget continues to simulate stability without actually overcoming the stagnation of budget revenues or increasing funding for significant spheres of the society. The materials of the article can be used by public authorities in the development of the budget policy, experts in finance, and researchers.

Key words: budget planning, regional budget, fiscal consolidation, budget surplus, own revenues, expenditure, debt load, inter-budget policy.

Information about the Author

Anna I. Povarova – Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aip150663@yandex.ru)

Задачи и методы анализа энергоэффективности экономики

**Лариса Викторовна
ЧАЙКА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982, ГСП-2,
ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: chayka@energy.komisc.ru

Аннотация. Повышение энергоэффективности производства и энергосбережение входит в число приоритетных задач развития экономики России и ее регионов. Проблемам энергоэффективности уделяется немало внимания в научных исследованиях взаимосвязей развития экономики и энергетики. С целью выбора методического инструментария для региональных исследований выполнен обзор научных публикаций по тематике анализа и оценивания энергоэффективности экономики. В результате обзора выделены актуальные исследовательские задачи: 1) выяснение тенденций и факторов изменений энергоэффективности выбранных объектов; 2) сравнение энергоэффективности однотипных объектов, определение причин различий и возможного потенциала роста; 3) выявление пространственно-временных свойств энергетических переменных и причинно-следственных взаимосвязей между энергопотреблением и экономическим ростом. В соответствии с выделенными исследовательскими задачами обобщены применяемые для их решения подходы и методы статистического анализа, оценивания и эконометрического моделирования. Практические выводы исследований, проводимых для разных стран в разные временные периоды, неоднозначны. В большей части применяемый аналитический инструментарий требует наличия подробной статистической базы данных энергетических и экономических показателей, специального программного обеспечения. Не все выделенные в этом обзоре задачи являются одинаково актуальными в региональных исследованиях. В свете реализации энергосберегающей политики России к первоочередным вопросам следует отнести анализ энергоэкономических трендов регионального развития и факторов, оказывающих наибольшее влияние на их формирование, с использованием методов декомпозиционного, регрессионного и граничного анализа. Межрегиональное сравнение методами кластерного и граничного анализа применимо для целей выяснения картины пространственной дифференциации энергоэффективности

Для цитирования: Чайка Л.В. Задачи и методы анализа энергоэффективности экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 117-126. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.8

For citation: Chaika L.V. Objectives and methods of analyzing energy efficiency in the economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 117-126. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.8

и тенденций ее временной трансформации. Наибольшее внимания заслуживают задачи комплексного эконометрического моделирования региональной экономики с детализацией зависимостей энергетических переменных для создания в каждом регионе России единой системы мониторинга, анализа и прогноза ключевых показателей развития.

Ключевые слова: энергоэффективность экономики, энергоемкость, энергопотребление, анализ, эконометрическое моделирование.

Введение. Вопросам анализа энергоэффективности (или энергоемкости) уделяется немало внимания в исследованиях тенденций развития экономики и энергетики. Это обусловлено актуальностью взаимосвязанных энергетических и экологических проблем роста экономики, пониманием важности оптимизации энергопотребления и необходимостью выбора эффективных мер управления этим процессом. Для экономики России и ее регионов повышение энергоэффективности производства и энергосбережение входит в число приоритетных задач развития. Для правильного управления необходимо знание общих закономерностей и взаимосвязей энергетики и экономики, учет их региональных, структурных и отраслевых особенностей, также важен мониторинг и анализ происходящих изменений, последствий реализации проводимой энергетической политики.

С целью выбора подходящих инструментов для региональных исследований был проведен обзор научных публикаций по тематике анализа и оценивания энергоэффективности различ-

ных объектов макро- и мезоэкономики. Наличие большого количества зарубежных научных публикаций по вопросам эконометрических методов оценивания энергоэффективности экономики и сравнительно малого числа подобных исследований применительно к российской экономике потребовало обобщений и систематизации направлений и методов, а также критического анализа возможности их применения в исследованиях российской региональной экономики.

Результаты обзорного исследования. Актуальные задачи и методы эконометрических исследований уровня и динамики энергоэффективности концентрируются по трем основным направлениям (*таблица*).

К одному из основных направлений исследований относится задача анализа тенденций и оценки влияния факторов динамики энергоэффективности экономики. Известно, что динамика энергоэффективности совокупного производства определяется качеством экономического роста – его темпами, структурными изменениями, технологическим прогрессом.

Задачи и методы анализа энергоэффективности экономики

Задачи исследований	Методы исследований	Публикации
Анализ динамики энергоемкости (энергоэффективности), оценка влияния факторов	Корреляционно-регрессионный анализ	[1–7]
	Декомпозиционный анализ: - индексные методы (IDA – index decompositions analysis), - структурные балансовые модели (SDA – structural decomposition analysis)	[7–13]
Сравнительное оценивание: межстрановые и межрегиональные сравнения; оценка и анализ относительной энергоэффективности	Методы кластерного анализа Граничные методы: Stochastic Frontier Analysis (SFA) – анализ стохастической границы (модель граничного производственного потенциала) Data Envelopment Analysis (DEA) – анализ среды функционирования (анализ оболочки данных, метод огибающих)	[3; 14–20]
Анализ причинно-следственной взаимосвязи между энергопотреблением и производством валового продукта; оценивание свойств и зависимостей энергетических переменных	Методы коинтеграционного анализа временных рядов и панельных данных: тестирование стационарности, коинтеграции, причинности по Грэнджеру, моделирование коинтеграционных зависимостей	[21–31]
	Эконометрическое моделирование производственной функции, включающей энергоресурный фактор $P = f(K, L, E)$	[31; 32]

В международной практике для оценивания влияния факторов снижения энергоемкости валового продукта стран широко используются индексные методы декомпозиционного анализа. Как правило, выделяют три основных фактора, влияющих на энергопотребление: совокупные объемы деятельности, секторальная структура и значения удельной энергоемкости по видам деятельности (товарам и услугам) [10]. Очевидно, что результат оценки вкладов факторов зависит от детальности декомпозиции экономики и энергопотребления. Трудность применения индексных методов декомпозиционного анализа – в наличии подробной статистической базы исходных данных (описание которой представлено в [33]). Еще более детальная информация о производстве, промежуточном и конечном потреблении энергоресурсов необходима для построения таблиц межотраслевого топливно-энергетического баланса («the input–output model»). Отсутствие необходимой региональной статистики обуславливает ограниченное использование индексных методов в исследованиях энергоэффективности региональной экономики России: либо применительно только к анализу потребления электроэнергии ([9]), либо при самостоятельных разработках топливно-энергетических балансов регионов ([8]). Таким образом, использование методов декомпозиционного анализа для оценивания динамики и факторов энергоэффективности экономики регионов РФ возможно, но трудоемко на первичных этапах сбора данных, особенно достоверных сведений о структуре и динамике использования топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в привязке к изменениям экономических показателей по выделяемым направлениям производственного и коммунально-бытового энергопотребления.

В большей степени задаче мониторинга региональных тенденций энергоэффективности на основе доступной статистической базы отвечают возможности корреляционно-регрессионного анализа, который также широко применяется в исследованиях энергоэкономической динамики. «Эконометрические характеристики модели позволяют удостовериться в том, что построенная модель адекватна и значима, и дают возможность хотя бы приблизительно оценить вклад каждого из рассматриваемых

факторов модели в итоговый результат – вариацию объясняемой переменной» [34, с. 15]. Наиболее практичным подходом в эмпирических исследованиях энергоэффективности экономики регионов России является регрессионный анализ динамики энергопотребления. Такие свойства общего регионального энергопотребления, как относительная стабильность и значительная доля базовых энергетических потребностей (условно-постоянных), невысокие коэффициенты межгодовой вариации и эластичности к темпам роста объемов валового производства, позволяют аппроксимировать зависимость динамики расхода энергетических ресурсов от основных макроэкономических переменных (периода 5–15 лет) линейными или приближенными к линейным моделями. Если при этом набор объясняющих переменных учитывает особенности структуры энергопотребления и развития экономики региона в рассматриваемый период, то содержательная интерпретация регрессионных моделей позволяет объяснить тенденции и основные факторы динамики энергоэффективности региональной экономики [35].

Другим масштабным направлением исследований является задача сравнения энергоэффективности однотипных объектов с анализом причин различий и оценкой возможного потенциала улучшений. В мировой практике сравнительного анализа экономической эффективности для оценивания границ производственных возможностей используются: непараметрический метод огибающих (DEA – Data Envelopment Approach) и параметрический метод стохастической границы (SFA – Stochastic Frontier Analysis). В зависимости от постановки задачи эти методы позволяют сравнивать относительную эффективность нескольких аналогичных объектов или же оценивать изменения в функционировании одного выбранного объекта в разные моменты времени. Оба метода граничного анализа находят применение в решении задач бенчмаркинга для сравнения энергетической эффективности объектов различного уровня (стран, отраслей, фирм, технологий) [36]. В плане исследовательских возможностей и содержательного анализа результатов предпочтение может быть отдано параметрическому SFA-подходу [37]. Трудность его при-

менения заключается в обоснованном выборе наилучшей спецификации производственной функции для конкретной задачи. Слаборазвитый pre- и post-анализ не позволяет формализовать должным образом необходимость и корректность использования SFA-моделей в каждом конкретном случае, поэтому продолжают исследования средств диагностики моделей и критериев их качества [38].

В то же время методология DEA в практике сравнительного оценивания энергетической эффективности становится все более востребованной. Это убедительно демонстрируют подробные обзоры [39; 40], в которых обобщены тематические направления, рассмотрены основные приложения, варианты моделей, отмечены преимущества и недостатки. Модели DEA не требуют задания вида производственной функции, допускают многофакторные входные и выходные данные, оптимизацию по затратам или результатам деятельности. Метод позволяет сравнивать разномасштабные объекты, определять потенциал и направления улучшения эффективности, учитывать её многокритериальность, что важно для комплексного анализа энергетических и экологических аспектов развития экономики [17] или производственных объектов. К недостаткам непараметрического метода относятся чувствительность результатов к ошибочным данным, проблематичность статистического тестирования гипотез, значимости переменных [36]. Одним из факторов популярности DEA как исследовательского метода является наличие доступного программного обеспечения, позволяющего свести сложность решения реальных практических задач к минимуму [41]. Наличие двух конкурирующих методов граничного анализа (DEA и SFA) предоставляет возможность их совместного использования для решения одной задачи с целью проверки согласованности получаемых результатов.

В региональных исследованиях методы граничного анализа могут применяться для оценивания относительных изменений энергоэффективности конкретного региона в рассматриваемый период времени. При сравнении эффективности экономики разных регионов целесообразно проводить их кластеризацию на однородные группы, учитывающие специфику

регионального энергопотребления и производственную специализацию [3; 15]. Затем, с применением граничных методов, для выделенных «гомогенных» групп регионов может выполняться оценка относительной производственной эффективности, достижимого потенциала и факторов её роста. Однако результаты такого сравнительного анализа будут представлять собой весьма абстрактные заключения из-за условной сопоставимости объектов исследования – объективной нетипичности, уникальности экономики каждого региона России.

Еще одним важным тематическим направлением в исследованиях энергоэффективности выступает задача выявления пространственно-временных закономерностей в свойствах энергетических переменных и их взаимосвязях с параметрами экономики.

Целями исследований нестационарности и коинтеграции временных рядов энергетических и неэнергетических переменных являются выводы о возможном (перманентном или временном) влиянии на экономический рост активной политики энергосбережения (введения мер, ограничивающих использование углеводородного топлива, атомной энергии, стимулирование использования возобновляемых источников энергии), оценивание последствий каких-либо кризисных условий (ограничений в энергообеспечении, ценовых шоков), а также прогнозирование перспективной динамики развития энергетики и экономики [42]. В этом блоке исследований изучаются особенности динамики потребления и производства энергоресурсов для групп и отдельных стран, в разные временные периоды, на агрегированных и дезагрегированных данных (по видам топливно-энергетических ресурсов, секторам). При этом сравниваются результаты различных статистических методов, выявляются методические особенности и надежность тестов применительно к временным рядам различной детализации, со структурными сдвигами и без, чувствительность результатов к учету дополнительных переменных [30; 42]. Как правило, результаты тестирования демонстрируют, что экономический рост и потребление энергии – интегрированные временные ряды первого порядка, между которыми существует долгосрочная коинтеграционная зависимость [31].

В обзорах литературы по тематике взаимосвязи энергопотребления и экономического роста [21; 28; 42; 43] обобщаются главные особенности выполненных эмпирических исследований: в них тестируется роль энергии в стимулировании экономического роста для различных стран и временных периодов, с применением различных методов и моделей; проверяются четыре гипотезы причинно-следственной взаимосвязи (*conservation, growth, feedback, neutrality hypotheses*), имеющие значение для правильного выбора направления энергетической политики; результаты в большей части подтверждают существование статистически значимой взаимосвязи, но выводы относительно направленности этой связи различаются; не наблюдается консенсуса относительно существования и направления причинно-следственных связей между энергопотреблением и экономическим ростом. Из смешанных результатов многочисленных исследований следует важный вывод, что причинно-следственная связь между потреблением энергии и другими переменными со временем изменяется и зависит от локализации и уровня развития экономики [21; 28; 42]. Иными словами, отсутствие согласованных результатов исследований обусловлено перманентной эволюцией самой экономической системы, структурной разнородностью энергетики и экономики как в географическом, так и отраслевом разрезе [44].

Действительно, нет каких-либо оснований ожидать однозначных выводов об энергоэкономических закономерностях в сильно различающихся условиях различных стран и в разные временные периоды. Не требует подтверждения существование в долгосрочном периоде прямой зависимости роста экономики и потребления энергии – необходимого ресурса жизнедеятельности. В мировой экономике положительная взаимосвязь между ростом объема производства и потреблением энергоресурсов сохраняется, хотя эластичность спроса на энергию по показателю выпуска претерпевает изменения [44] в зависимости от стадии развития, специализации и регионализации экономики. Обратное влияние, энергопотребление экономический рост, также объективно в силу действия временных и межотраслевых взаимосвязей, хотя и не однозначно, в большей части проявляется опосредованно, с временными лагами, зависит

от стадии развития и специфики национальной экономики (страна-экспортер/импортер энергоресурсов, структура экономики, темпы роста и взаимосвязи энергоемкого и малоэнергоемкого производства в рассматриваемый период времени). В условиях опережающего развития сферы энергоэффективного производства и услуг, активного внедрения новых технологий реальным становится переход к энергонезависимому росту экономики. Проявления декаплинга (*decoupling* или *neutrality hypotheses*) роста экономики и энергопотребления также находят подтверждение в эмпирических исследованиях новейших тенденций развития мировой экономики [21; 28].

В рассматриваемой тематике изучения энергоэкономических взаимосвязей следует также выделить актуальные задачи анализа динамики энергетических цен, в частности, их влияния на экономический рост, энергопотребление и межтопливную конкурентоспособность. В выводах этого блока исследований, как правило, на уровне национальных экономик отмечается влияние энергетических цен на экономический рост, невысокая ценовая эластичность энергопотребления, низкий уровень взаимозаменяемости основных видов ископаемых топливных ресурсов и значимые ценовые взаимосвязи [24; 27; 44].

Распространенным подходом в исследованиях взаимосвязей экономики и энергетики является построение производственных функций. При моделировании долгосрочных макроэкономических зависимостей стало нормой представление производственной функции валового продукта как функции капитала, труда и потребления энергии [42]. В рамках так называемого KLEMS-подхода [*Capital, Labor, Energy, Materials, Services*] формируются базы данных и проводится анализ тенденций развития мировой экономики [37]. Нередко в исследованиях влияния энергетического фактора спецификацию модели производственной функции дополняют аргументами, уточняющими особенности экономического развития стран (международная торговля, иностранные инвестиции, политическая нестабильность, затраты на НИОКР). Моделирование взаимосвязей факторов производства применяется для выявления экономических и экологических последствий роста энергоэффективности. В том числе уделяет-

ся внимание возможному «эффекту рикошета» от реализации масштабных мер энергосбережения, в результате которых могут формироваться условия, стимулирующие рост потребления энергоресурсов [45]. В региональных исследованиях моделирование производственных функций может применяться для оценивания качественных признаков и параметров экономического роста и среднесрочного прогноза макроэкономической динамики.

Заключительные замечания. В обобщение обзора публикаций следует подчеркнуть их преимущественно методическую направленность. Эту особенность проводимых исследований взаимосвязи энергопотребления и экономики отметили Л.М. Григорьев и А.А. Курдин: «Дискуссия ... в значительной мере перешла в спор об эконометрических методах, и этот явный уклон сохраняется до сих пор, в том числе в „отраслевых“ научных журналах по экономике энергетики. При этом концептуальные изменения, касающиеся формирования новых точек зрения непосредственно на предмет исследования, в частности в связи с принципиальными изменениями самого объекта – мировой энергосистемы, – не так часто фигурируют в цитируемых статьях по тематике взаимовлияния экономического роста и динамики потребления энергии» [44, с. 393]. Можно добавить, что выводы по результатам анализа экономических процессов нередко являются аксиоматическими. К таковым, в частности, можно отнести утверждения о том, что энергия – такой же значимый фактор экономического роста, как труд и капитал; развитие экономики в долгосрочной перспективе приводит к росту потребления энергии; нелинейность взаимосвязи энергопотребления и валового производства связана с влиянием структурных сдвигов (экзогенных шоков, технологического прогресса, экономических циклов), а различного рода кризисы на энергетических рынках негативно влияют на экономику. Также нередко заключается, что технологически развитые страны могут реализовывать политику энергосбережения без опасения навредить долгосрочному устойчивому росту экономики, что с ростом энергоэффективности снижаются издержки – это повышает производительность и стимулирует экономическое развитие, а рост цен на энергоресурсы активизирует энергосбережение. В

общем, содержательные выводы выполняемых исследований не всегда адекватны сложности и трудоемкости применяемого методического инструментария. К тому же следует иметь в виду, что выводы, полученные формальными процедурами статистического анализа, не обязательно достоверны, ошибки могут быть вызваны неверной спецификацией модели или погрешностями базы эмпирических данных.

Авторы обзора публикаций по методам анализа энергоэкономических взаимосвязей [42] высказывают озабоченность избыточностью прикладных исследований, не добавляющих нового к тому, что уже известно: «Наш ключевой посыл состоит в необходимости недопущения «избыточности» исследований в этих областях, поскольку большинство прикладных исследований больше не добавляют ничего нового к тому, что уже известно» [42, с. 351]. Наряду с этим пожеланием, следует согласиться и с утверждением, что результаты исследований в этой области, полученные «пусть даже и с помощью наиболее отточенного эконометрического инструментария.. требуют перманентного обновления» [44, с. 405] из-за происходящих структурных сдвигов в экономике, новых тенденций в сфере повышения энергетической эффективности, предложения энергоресурсов и цен на них, факторов энергетической политики.

Выводы. В заключение резюмируем востребованность рассмотренных поисковых задач и методов анализа в региональных исследованиях энергоэффективности российской экономики. Как было отмечено, применение большей части методических подходов для анализа и моделирования экономики регионов России затруднительно ввиду недостаточной базы данных статистических наблюдений за энергопотреблением как во временной, так и в структурной детализации. Поэтому важно создание полноценной и надежной информационной базы данных по топливо- и энергопотреблению регионов – необходимой основы для анализа показателей энергоемкости, оценки потенциала и движущих факторов роста энергоэффективности. Не все выделенные выше задачи являются одинаково актуальными в региональных исследованиях. В свете реализации энергосберегающей политики России к первоочередным вопросам следует отнести анализ энергоэкономических

трендов регионального развития и факторов, оказывающих наибольшее влияние на их формирование, с использованием методов декомпозиционного, регрессионного и граничного анализа. Межрегиональное сравнение методами кластерного и граничного анализа полезно для целей выяснения картины пространственной дифференциации энергоэффективности, факторов и тенденций ее временной трансформации. Наибольшего внимания заслуживает задача комплексного эконометрического моделирования региональной экономики с детализацией зависимостей энергетических переменных для создания в каждом регионе России единой системы мониторинга, анализа и прогноза ключевых показателей развития.

Представленная статья носит обзорный характер. Обращает на себя внимание обширный

пласт публикаций зарубежных исследований в области научного анализа энергоэкономических взаимосвязей и относительно низкая активность российских исследователей при несомненной актуальности данной тематики для отечественной экономики. Это обстоятельство послужило обоснованием выполненного обзорного исследования. Анализ тематических публикаций позволил обобщить и систематизировать актуальные задачи и основные методы проводимых эконометрических исследований энергоэффективности экономики. Научной новизной выполненного обзора, по мнению автора, является конкретизация проблемного поля и возможностей выбора методического инструментария применительно к исследованиям энергоэффективности региональной экономики России.

Литература

1. Кузовкин А.И. Прогноз энергоемкости ВВП России и развитых стран на 2020 г. // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 144-148.
2. Орлов А.В., Юрлов Ф.Ф. Эконометрическое моделирование электроемкости промышленности России // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы, управление производством. 2012. № 2. С. 129-133.
3. Управление энергоэффективностью в контексте новой климатической политики / Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер, В.М. Жигалов, А.С. Малова // Экономика региона. 2017. Т.13. Вып.1. С. 183-195. DOI 10.17059/2017-1-17
4. Ратнер С.В. Факторы снижения энергоемкости экономики России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 25(262). С. 2-9.
5. Самарина В.П. Оценка энергоэффективности экономики России в сравнении с другими странами мира и направления ее повышения // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3(16). С. 178-182.
6. Kepplinger D., Templ M., Upadhyaya S. Analysis of energy intensity in manufacturing industry using mixed-effects models. *Energy*, 2013, vol.59, pp. 754-763. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360544213005768>
7. Löschel A., Pothén F., Schymura M. Peeling the onion: Analyzing aggregate, national and sectoral energy intensity in the European Union. *Energy Economics*, 2015, vol.52, supplement 1, pp.S63-S75. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988315002571?via%3Dihub>
8. Башмаков И. А., Мышак А. Д. Факторный анализ эволюции российской энергоэффективности // Вопросы экономики. 2012. № 10. С.117-131.
9. Богачкова Л.Ю., Хуршудян Ш.Г. Декомпозиционный анализ динамики электропотребления и оценка индексов энергоэффективности регионов РФ // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. № 1. С. 8-21. DOI: 10.17308/meps.2016.1/1347
10. Показатели энергоэффективности: основы формирования политики // Международное энергетическое агентство (IEA). 2014. 181 с. URL: <https://www.iea.org/russian/publications>
11. Su B., Ang B.W. Structural decomposition analysis applied to energy and emissions: Some methodological developments. *Energy Economics*, 2012, vol. 34, pp. 177-188. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988311002374?via%3Dihub>
12. Voigt S., Cian E.D., Schymura M., Verdolini E. Energy intensity developments in 40 major economies: Structural change or technology improvement? *Energy Economics*, 2014, vol. 41, pp. 47-62. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988313002405>

13. Zeng L., Xu M., Liang S., Zeng S., Zhang T. Revisiting drivers of energy intensity in China during 1997–2007: A structural decomposition analysis. *Energy Policy*, 2014, vol. 67, pp. 640–647. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151301183X?via%3Dihub>
14. Клименко В.В. Оценка оптимального энергопотребления России и ее федеральных округов с учетом природно-географических условий // Энергосбережение в зеркале промышленной политики. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2012. С. 5–16. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/3017.pdf> (дата обращения 11.09.2016)
15. Хуршудян Ш.Г. Типология регионов РФ по структуре ВВП как фактору энергоемкости экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2016. № 3(36). С. 66–78. DOI: 10.15688/jvolsu3.2016.3.7.
16. Vampatsou C., Papadopoulos S., Zervas E. Technical efficiency of economic systems of EU-15 countries based on energy consumption. *Energy Policy*, 2013, vol. 55, pp. 426–434. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151201066X?via%3Dihub>
17. Bian Y., He P., Xu H. Estimation of potential energy saving and carbon dioxide emission reduction in China based on an extended non-radial DEA approach. *Energy Policy*, 2013, vol. 63, pp. 962–971. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421513008550?via%3Dihub>
18. Jebali E., Essid H., Khraief N. The analysis of energy efficiency of the Mediterranean countries: A two-stage double bootstrap DEA approach. *Energy*, 2017, vol. 134, pp. 991–1000. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360544217310575?via%3Dihub>
19. Zhou D.Q., Wua F., Zhou X., Zhou P. Output-specific energy efficiency assessment: A data envelopment analysis approach. *Applied Energy*, 2016, vol. 177, pp. 117–126. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306261916306961?via%3Dihub>
20. Zhou P., Ang B.W., Zhou D.Q. Measuring economy-wide energy efficiency performance: A parametric frontier approach. *Applied Energy*, 2012, vol. 90, issue 1, pp. 196–200. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306261911001243?via%3Dihub>
21. Ahmed M., Azam M. Causal nexus between energy consumption and economic growth for high, middle and low income countries using frequency domain analysis. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2016, vol. 60, pp. 653–678. DOI: 10.1016/j.rser.2015.12.174. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032115015579?via%3Dihub#>
22. Baranzini A., Weber S., Bareit M., Mathys N.A. The causal relationship between energy use and economic growth in Switzerland. *Energy Economics*, 2013, vol. 36, pp. 464–470. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988313000935?via%3Dihub>
23. Burakov D. Elasticity of Energy Intensity on a Regional Scale: An Empirical Study of International Trade Channel. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2016, vol. 6 (1), pp. 65–75. Available at: <http://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/1565/1007>
24. Costantini V., Martini Ch. The causality between energy consumption and economic growth: A multi-sectoral analysis using non-stationary cointegrated panel data. *Energy Economics*, 2010, vol.32, pp. 591–603. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988309001790/pdf?md5=04d8cb1e76ffb0ba6606e10c3a33806f&pid=1-s2.0-S0140988309001790-main.pdf>
25. Farhani S., Solarin S.A. Financial development and energy demand in the United States: New evidence from combined cointegration and asymmetric causality tests. *Energy*, 2017, vol.134, pp. 1029–1037. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360544217311180?via%3Dihub>
26. Li K., Lin B. The nonlinear impacts of industrial structure on China's energy intensity. *Energy*, 2014, vol. 69, pp. 258–265. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360544214002564?via%3Dihub>
27. Miljkovic D., Dalbec N., Zhang L. Estimating dynamics of US demand for major fossil fuels. *Energy Economics Volume*, 2016, vol. 55, pp. 284–291. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988316300330?via%3Dihub>
28. Narayan S. Predictability within the energy consumption–economic growth nexus: Some evidence from income and regional groups. *Economic Modelling*, 2016, vol.54, pp. 515–521. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264999316300062>
29. Omay T., Hasanov M., Uçar N. Energy consumption and economic growth: Evidence from nonlinear panel cointegration and causality tests // Прикладная эконометрика. 2014. № 34 (2). С. 36–55.

30. Stern D.I., Enflo K. Causality between energy and output in the long-run. *Energy Economics*, 2013, vol. 39, pp.135-146. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988313000935?via%3Dihub>
31. Streimikiene D., Kasperowicz R. Review of economic growth and energy consumption: A panel cointegration analysis for EU countries. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2016, vol.59, pp.1545-1549. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S136403211600071X?via%3Dihub>
32. Cantore N., Cali M., Velde D.W.T. Does energy efficiency improve technological change and economic growth in developing countries? *Energy Policy*, 2016, vol. 92, 2016, pp. 279-285. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421516300404?via%3Dihub>
33. Показатели энергоэффективности: основы статистики // Международное энергетическое агентство (IEA). 2014. 408 с. URL: <https://www.iea.org/russian/publications/> (дата обращения 21.04.2017)
34. Нижегородцев Р.М., Горидько Н.П., Хакимов З.Р. Принципы построения эконометрических моделей в макроэкономике // Вестник ЮРГТУ(НПИ). 2011. № 2. С. 14-27.
35. Чайка Л.В. Тренды энергоэффективности регионального развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4. С. 159-169.
36. Li M.-J., Tao W.-Q. Review of methodologies and polices for evaluation of energy efficiency in high energy-consuming industry. *Applied Energy*, 2017, vol.187, pp.203-215. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306261916316245?via%3Dihub>
37. Подходы к оценке факторов производства и технологического развития национальных экономик: обзор мировой практики / М.Е. Мамонов, А.А. Пестова, Е.М. Сабельникова, А.Ю. Апокин // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6. С. 45-57.
38. Малахов Д.И., Пильник Н.П. Методы оценки показателя эффективности в моделях стохастической производственной границы // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 4. С. 660-686.
39. Mardania A., Zavadskas E.K., Streimikiene D., Jusoha A., Khoshnoudia M. A comprehensive review of data envelopment analysis (DEA) approach in energy efficiency. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2017, vol.70, pp. 1298-1322. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032116310875?via%3Dihub>
40. Sueyoshi T., Yuana Y., Goto M. A literature study for DEA applied to energy and environment. *Energy Economics*, 2017, vol. 62, pp. 104-124. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988316303139>
41. Ратнер С.В. Динамические задачи оценки эколого-экономической эффективности регионов на основе базовых моделей анализа среды функционирования // Управление большими системами. 2017. Вып. 67. С. 81-106. URL: http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=ubs&paperid=918&option_lang=rus (дата обращения 26.10.2017)
42. Smyth R., Narayan P.K. Applied econometrics and implications for energy economics research. *Energy Economics*, 2015, vol. 50, pp. 351-358. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988314001856?via%3Dihub>
43. Ozturk I. A literature survey on energy-growth nexus. *Energy Policy*, 2010, vol. 38, issue 1, pp. 340-349. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421509007071#!>
44. Григорьев Л.М., Курдин А.А. Экономический рост и спрос на энергию // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 3. С. 390-405.
45. Zhang J., Lawell C.-Y. C.L. The macroeconomic rebound effect in China. *Energy Economics*, 2017, vol. 67, pp. 202-212. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140988317302761?via%3Dihub>

Сведения об авторе

Лариса Викторовна Чайка – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: chayka@energy.komisc.ru)

Статья поступила 26.02.2018.

Chaika L.V.

Objectives and Methods of Analyzing Energy Efficiency in the Economy

Abstract. Energy saving and improving energy efficiency of production are among economic development priorities in Russia and its regions. Energy efficiency issues are given a lot of attention in scientific research on the interrelation of economic and power engineering development. In order to select the methodological tools for regional studies, we have reviewed scientific publications that analyze and evaluate energy efficiency in the economy. As a result of the review, we highlight the relevant research objectives: 1) to clarify the trends and factors leading to changes in energy efficiency of the objects under consideration; 2) to compare the energy efficiency of similar objects, to determine the causes of differences and possible growth potential; 3) to identify the spatiotemporal properties of energy variables and causal relationships between energy consumption and economic growth. In accordance with these research objectives we summarize the approaches and methods of statistical analysis, evaluation, and econometric modeling used to address them. The practical results of the studies carried out for different countries in different time periods are ambiguous. For the most part, the analytical tools used require a detailed statistical database of energy and economic indicators and special software. Not all of the tasks highlighted in this review are equally relevant in regional studies. In the light of the implementation of energy-saving policy in Russia, we consider the following issues to be of top priority: analyzing energy and economic trends in regional development and the factors that have the greatest impact on their formation, using the methods of decomposition, regression and boundary analysis. Interregional comparison with the use of the cluster and boundary analysis is used to clarify the pattern of spatial differentiation of energy efficiency and trends in its temporary transformation. The problems of complex econometric modeling of the regional economy with the detailed description of the dependence of energy variables deserve the greatest attention since they can help create a unified system of monitoring, analyzing and forecasting the key indicators of development in each region of Russia.

Key words: energy efficiency of economy, energy intensity, energy consumption, analysis, econometric modeling.

Information about the Author

Larisa V. Chaika – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: chayka@energy.komisc.ru).

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.9

УДК 336.64 ; ББК 06.35.35

© Малышенко В.А., Малышенко К.А.

Моделирование комплексной финансовой устойчивости корпорации в эпоху глобальных экономических кризисов

**Вадим Анатольевич
МАЛЫШЕНКО**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Ялта, Республика Крым, Российская Федерация, 298635, ул. Халтурина, д. 14
E-mail: Malyshechenko1973@inbox.ru

**Константин Анатольевич
МАЛЫШЕНКО**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Ялта, Республика Крым, Российская Федерация, 298635, ул. Халтурина, д. 14
E-mail: docofecon@mail.ru

Аннотация. В настоящее время социально-экономическое содержание концепции устойчивого развития по отношению к предприятию и корпорации фактически подменено системой управления финансовым риском капиталовложений, действие которой направлено на предотвращение финансового кризиса. Главные финансовые стратегии вышли из разряда функциональных, получив роль, сопоставимую с общекорпоративной экономической стратегией, и стали контролировать установление критериев риска и целесообразности существования предприятия. Цель исследования – методически обеспечить подготовку процесса возврата приоритета финансовой концепции устойчивого развития из сферы финансового роста (перманентного приращения капитала) в сферу финансово-экономического развития, предложив новый аналитический инструмент стратегического уровня, не противоречащий в своем применении интересам крупно-

Для цитирования: Малышенко В.А., Малышенко К.А. Моделирование комплексной финансовой устойчивости корпорации в эпоху глобальных экономических кризисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 127-143. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.9

For citation: Malyshechenko V.A., Malyshechenko K.A. Modeling complex financial sustainability of a corporation in the age of global economic crises. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 127-143. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.9

го бизнеса. С учетом большого вклада транснациональных корпораций в инициирование глобальных кризисов, реализуемых с помощью инструментов фондового рынка, представляемый вариант финансово-аналитического метода (визуального моделирования) снижает зависимость корпоративного управления от оценки финансового рынка и направляет процесс управления рисками в сферу управления реальным капиталом объединений предприятий. Стабильность развития на основе модели достигается программируемостью процесса смены особых типов в развитии комплексной финансовой устойчивости, что является ключевым отличием от известных разработок. Целевым ориентиром для формирования стратегически-программируемых последовательностей наступления комплексных профилей финансовой устойчивости является не общий критерий приращения капитала, а поэтапное качественное развитие корпорации с контролируемыми дестабилизациями. Областью применения полученных результатов можно считать сферу корпоративного финансового управления предприятий сферы услуг. При дальнейшей адаптации полученных результатов моделирования возможно его применение в управлении крупными корпоративными объединениями практически любой отраслевой (межотраслевой) принадлежности. С масштабом применения разработанной модели связаны и перспективы развития научно-исследовательской работы в данном направлении.

Ключевые слова: финансовый кризис, экономический рост, экономическое развитие, финансовая устойчивость, финансовое моделирование, финансовое состояние.

Основы теории экономического роста и развития создал Йозеф Шумпетер в начале XX века [1]. Вклад в теорию роста и развития внесли также Саймон Кузнец, Фернан Бродель, Теодор Шульц, Гэри Беккер, Майкл Портер, Николай Кондратьев и другие учёные [2]. Йозеф Шумпетер первым ввёл различия между ростом и развитием экономики, определил сущность инноваций, как главной движущей силы роста экономики. Также он определил экономический рост как количественные изменения, а именно увеличение производства и потребления со временем одних и тех же товаров и услуг. Экономическое развитие Йозеф Шумпетер сформулировал как положительные качественные изменения, новшества в производстве, в продукции и услугах, в области управления и в других сферах жизнедеятельности и видах экономической деятельности [1]. В смешивании понятий роста и развития чаще всего состоит ошибка менеджеров любого уровня при формировании комплекса мер противодействия экономическому кризису, то есть происходит фактическая подмена развития обычным ростом (наращиванием объемов), который может быть достигнут временными и незначительными для развития мероприятиями.

Аналитик Алан Рейнолдс дает такое определение кризисов: «...они являются логичными, неотвратимыми следствиями взаимодействия определенной комбинации факторов. Результат

данного взаимодействия сам по себе не является ни плохим, ни хорошим. Негативную коннотацию слову «кризис» дают те люди, которые неправильно оценили (переоценили, недооценили) последствия данной комбинации факторов, или те, которые вынуждены платить по счетам неудачного (нереалистичного) плана». Рейнолдс подчеркивает: «Неожиданность того или иного кризиса объясняется недостатком информации и знаний происходящих процессов в той или иной области» [3].

По мнению О.Ю. Маслова, «кризис является непреднамеренным последствием продолжительного взаимодействия частично контролируемых или вообще не контролируемых факторов и явлений, которые приводят к ситуации, когда продолжение управления существующими факторами для реализации поставленных целей и задач дисижнмейкерами становится невозможным» [4].

Эксперты и аналитики называют следующие причины мирового кризиса:

1. Исчерпанность доминирующей мировой парадигмы или кризис капитализма (цивилизационный аспект).
2. Классический кризис перепроизводства (аспект физической экономики).
3. Загнивание глобальных монополий (эволюционный аспект).
4. Мировые дисбалансы (аспект глобализации).

5. Исчерпанность мировой валютно-финансовой системы, построенной на ссудном проценте (цивилизационный аспект).

6. Циклический кризис: переход от деловых циклов к циклам пузырей.

7. Вхождение мировой экономики в понижающую фазу цикла Кондратьева (аспект цикличности).

8. Непомерный рост финансовой сферы (финансовый аспект) и т. д. [4].

Приведенные причины мирового кризиса на самом деле можно считать преддверием наступления всего одного события – наступления в глобальной экономике фазы «суперфинансов» на этапе все более часто возникающих кризисов. Под «суперфинансами» в данном контексте следует понимать ситуацию, когда финансы перестали просто обслуживать экономику и стоимость активов практически перестала жестко увязываться с величиной фиктивного капитала. Важность развития финансовой сферы получила максимальный приоритет и финансы стали сами устанавливать стоимость того или иного актива через систему финансовых рынков (спроса и предложения на финансовые инструменты, а не на продукт). Признаком вступления общества в фазу чистых финансов (назовем ее «суперфинансией») как обособленной и главной доктрины экономической жизни можно считать возникновение высоко-инновационных финансовых инструментов, на которые перестают действовать внешние факторы, более того закономерности их жизнедеятельности сами генерируют конъюнктуру внешней среды – что фактически означает достижение ими системно-стратегической роли (взаимное проникновение и влияние внешней и внутренней среды). На это должно указывать практически слияние в методическом и содержательном аспекте активов и пассивов баланса предприятия, когда каждый актив будет привязан к финансовому инструменту соответствующей специализации и приведет к максимально удобному вовлечению в сферу финансового оборота любого типа активов с учетом синергетического эффекта сочетания всех ресурсов предприятия и среды. Усложнение категории гудвилла привело к получению им свойства гаранта конкурентоспособности, одновременно отдаляя суммарную стоимость активов от рыночной

стоимости компании. Данное гипотетическое утверждение для текущего исторического этапа развития финансов основывается на системных закономерностях развития объекта «финансы-система», которые, выделившись в подсистему экономики, сформировали свою обособленную и высокоорганизованную систему высшего приоритета, и динамизм данного процесса не ослабевает и приводит к возникновению новых эффектов (криптовалюты и диверсивы на них и т.п.). Проблема управления устойчивостью как противодействие кризису складывается из двух аспектов. Первый: экономический кризис – неотъемлемая часть развития экономического субъекта любого уровня в долгосрочной (стратегической) перспективе. Второй аспект: прямой учет множества кризисных факторов фактически не возможен для реального антикризисного управления вследствие их мало прогнозируемого действия при их сочетании. Проблема замыкается сама на себе – кризисов не избежать, но управлять ими практически невозможно. Если обратиться к системному анализу, сложившаяся ситуация представляет собой системное явление хаоса как противоречие порядку. По положениям изучения системности – хаос также систематизирован, однако наука просто не имеет инструментов для описания какого-либо процесса, из-за чего его признают хаотичным.

Можно заключить, что требуется многоаспектный, системный метод финансового управления развитием. Он должен быть представлен в арсенале рядового финансового менеджера в форме простого аналитического инструмента, однако по своей сути быть достаточным для обеспечения учета глубинных процессов финансово-экономической формации, одновременно трансформируя по мере своего распространения всю сферу оценки факторов риска стратегически устойчивого развития современного предприятия.

Формирование основных положений преодоления последнего тукового «кризиса-уничтожителя» глобальной экономики.

Обобщая вышесказанное, можно перейти к формулированию концептуальных положений для обоснования методической системы разрушения общего генератора глобального финансово-экономического кризиса. Прежде

всего, необходимо дать определение самого «генератора», который будет выступать объектом применения комплексов формируемых воздействий и инструментов.

Генератор глобального финансово-экономического кризиса — системное явление мирового масштаба, представляющее собой совокупность методических искажений политэкономического соотношения между реальным и финансовым капиталом (заведомая вторичность, производность второго). При его активации происходит полная потеря доверия (при конечном кризисе) или частичная (при временных кризисах) к любой инвестиционной ценности. Развертывание действия «генератора» реализуется вследствие игнорирования принципа невозможности полного предсказания будущего и перманентного наличия вероятного риска (как неблагоприятного исхода) любого финансово-экономического решения. Данный факт должен находить свое отражение в скорректированной рентабельности как соотношения финансового результата с математическим ожиданием потери прибыли во время кризисов и даже базисной собственности (активов). Вследствие чего к рискам вложения в реальный капитал следует добавлять риски финансовой сферы, возникающие из-за ее обособления и создания системы финансовых институтов, чьи механизмы защиты от рисков перестают работать при системном, глобальном экономическом кризисе (это означает их ограниченность, большую уязвимость, которые и должны быть отражены в формируемой привлекательности вложений в реальный капитал). Единицами развития финансового кризиса, между которыми происходит цепной обвал стоимости, можно считать крупные корпорации. Системный переход на более низкий уровень (средних предприятий) не позволит региональному или отраслевому кризису перерасти в глобальный. Обязательным условием является сплав финансового, банковского и реального капитала, что на международном уровне не реализуемо.

Для понимания ситуации достижения главенствующей роли финансового управления среди остальных экономико-управленческих сфер корпорации была построена схема свя-

зи объектов управления на отдельных уровнях общей управленческой стратегии с объектами на иерархических уровнях финансовой стратегии (рис. 1). Наибольший интерес в соответствии с выбранной темой исследования имеет категория «Главная финансовая стратегия». Именно в сфере взаимодействия ее и корпоративной стратегии (II) возникают основные нарушения приоритета и возникают принципиальные противоречия. Финансовая миссия и философия носят обобщенный характер и не формируют четкие целевые программы, не координируют приоритет между финансовой и общеэкономической сферами. По определению главная финансовая стратегия (ГФС) — это стратегически ориентированная системно-упорядоченная программа управления процессом трансформации стратегической финансовой устойчивости предприятия, осуществляемая в соответствии с целями общеэкономической стратегии, поддерживающей устойчивый рост и ограничениями финансовой политики и тактики при достижении их взаимной долгосрочной актуальности в развивающихся условиях внешней среды.

Стратегическое управление все более переходит в сферу управления инновациями, где полученное преимущество работает сразу против всех конкурентов (что было проблемой в 1980—1990 гг.), выводит на лидирующие позиции на рынке (проблема 1970—1980 гг.), подчиняет себе эффективность корпоративного планирования и контроль над расходами (проблема управления 1950—1970 гг.) [5, с. 147].

Нагляднее этапы эволюции стратегического менеджмента представлены в табл. 1. Новые функции ГФС в основном проявляются в получении ею не свойственной ранее роли главного, а не паритетного инициатора целей общеэкономического развития корпорации. Всякая инновация требует инвестиций, что сразу же сдвигает основной управленческий приоритет в сферу финансов.

Инновации достаточно удобный инструмент получения конкурентного преимущества, негативным же является необходимость более частых стратегических дестабилизаций всего предприятия при его перезапуске на новый виток кривой жизненного цикла организации (ЖЦО) [5, с. 37].

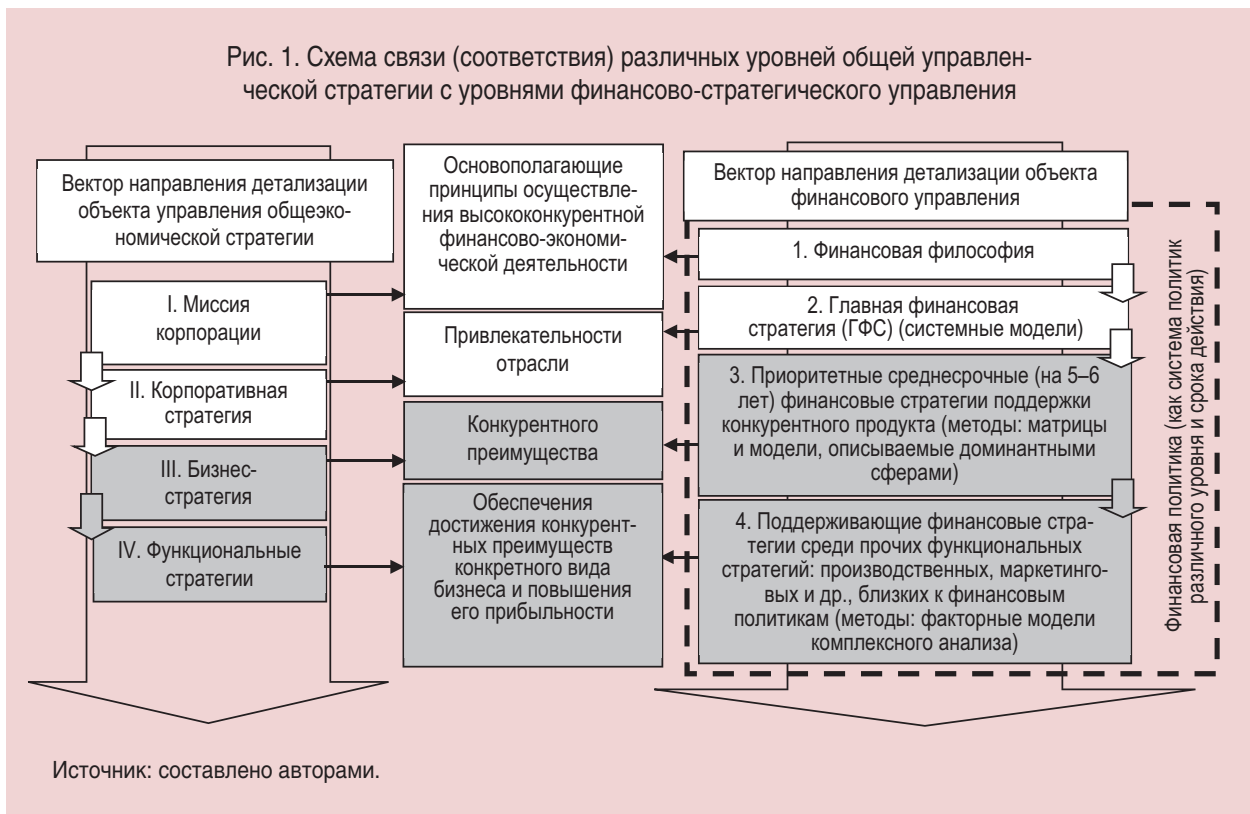

Таблица 1. Эволюция стратегического менеджмента [6, с. 34]

Период	1950 г.	1950-е – ранние 1970-е гг.	Поздние 1970-е – середина 1980-х гг.	Поздние 1980-е и 1990-е гг.	2000-е гг.
Преобладающая тема	Бюджетное планирование и контроль	Корпоративное планирование	Позиционирование	Конкурентное преимущество	Стратегическая и организационная инновация
Основные проблемы	Финансовый контроль	Планирование роста, особенно диверсификация и портфельное планирование	Выбор отраслей и рынков. Позиционирование лидера на рынке	Фокусировка стратегии на источниках конкурентного преимущества. Развитие нового бизнеса	Согласование размера компании с гибкостью и способностью к реагированию
Основные концепции и методы	Составление финансового бюджета. Планирование инвестиций. Оценка проектов	Прогнозирование на длительные и средние периоды. Методы корпоративного планирования. Синергия	Анализ отрасли. Сегментирование. Кривые опыта. PIMS-анализ. SBU (стратегические бизнес-единицы). Портфельное планирование	Ресурсы и способности. Стоимость акций. Управление знаниями. Информационные технологии	Кооперативные стратегии. Конкуренция за стандарты. Сложность и самоорганизация. Корпоративная социальная ответственность
Организационные следствия	Система составления операционного бюджета и капитальных смет становятся ключевыми механизмами координации и контроля	Создание отделов корпоративного планирования и долгосрочное планирование процессов. Слияние и поглощение	Мультидивизионные и мультинациональные структуры. Большая отраслевая и рыночная селективность	Реструктуризация и реинжиниринг. Изменение направления. Аутсорсинг. Электронный бизнес	Альянсы и сети. Новые модели лидерства. Неформальные структуры. Меньшая зависимость от направления и большая – от тенденций

Методики стратегического управления также развивались, стремясь обеспечить достаточное обеспечение для новых тенденций в управлении и анализе. Их усложнение практически завершилось на моделях многофакторного дискриминантного анализа по типу Z-счета Э. Альтмана [7, с. 241]. Либо акцент сделан на развитии логики процедуры анализа устойчивости. Чтобы оценить объективные процессы, происходящие в методологии стратегического менеджмента, можно воспользоваться классификацией научных школ стратегического менеджмента Генри Минцберга (рис. 2).

Наиболее актуальная школа конфигурации (нижний блок) пока не вошла ни в одну из групп и, скорее всего, предвещает формирование нового класса школ стратегического менеджмента. Школа конфигурации описывает последовательную реализацию стратегии как трансформацию или адаптацию предприятия к новым условиям [8, с. 27]. Данная школа анализирует взаиморасположение различных состояний организации в определенных условиях, что позволяет определять «структуры», «модели», «идеальные типы» ор-

ганизации. Школа также рассматривает временную последовательность смены различных состояний с целью определения «стадии», «периода» или всего жизненного цикла организации [9]. Разработка стратегии представляется как своеобразный процесс дисбаланса имеющихся схем (устойчивых элементов), с тем чтобы организация получила возможность перехода в новое состояние. Школа конфигурации рассматривает данный процесс как драматическую трансформацию, как, например, ревитализацию (перерождение), «поворот кругом». Основные недостатки подхода школы конфигурации заключаются, во-первых, в рассмотрении квантовых скачков в развитии организации. В реальных условиях большинство организаций следуют модели поэтапных изменений (инкриментализм). Во-вторых, обобщения конфигурационного подхода являются несколько произвольными [10]. Указанные недостатки в большей мере компенсированы использованием системных моделей (к которым, например, относится авторская «Фрегат»-модель, описание которой будет приведено далее), с помощью которых можно

Рис. 2. Классификация научных школ стратегического менеджмента Генри Минцберга

Школы предписывающего характера					
1. Школа дизайна (проектирования, моделирования): Ф. Селзник, А. Чандлер и К. Эндрус, 50–60 гг. Стратегия как достижение соответствия внутренних и внешних возможностей		2. Школа планирования: И. Ансофф, Дж. Штейнер и П. Лоранж. Концепция стратегического планирования развития организации		3. Школа позиционирования: М. Портер, Бостонская консалтинговая группа (БКГ). Матрица «рост – доля рынка»; модель конкурентного анализа М. Портера	
Школы, изучающие специфические аспекты реального процесса формирования стратегии					
4. Школа предпринимательства: О. Коллинс и Д. Мур, Б. Берд, Г. Минцберг, П. Друкер, Д. Макклеланд, И. Шумпетер. Центральное понятие – видение, т.е. мысленное представление стратегии	5. Когнитивная (познавательная) школа: А. Дюгейм, Г. Саймон, К. Швенк, П. Корнер и др. (с 80-х гг. XX в.). Исследование процесса формирования стратегии	6. Школа обучения: Дж. Куинн, Г. Сью, Р. Паскаль, Дж. Марч и др. Предмет исследования – технология разработки стратегии, а не ее формулирования	7. Школа власти: А. Макмиллан, Г. Минцберг, Дж. Пфедфер, и Г. Салансик и др. Построение стратегии как переговорный процесс	8. Школа культуры: Э. Петтигрю, Дж. Джонсон, С. Фельдман, Дж. Лорш, Т. Питерс, Р. Уотерман, Б. Вернерфельт (с 80-90 гг. XX в.). Построение стратегии как коллективный процесс; модель управления «7-С»	9. Школа внешней среды: Д. Миллер, Г. Минцберг, М. Хананн, Дж. Фриман (с 90 гг. XX в.). Стратегия как реактивный процесс, пассивная роль организации
10. Школа конфигурации: Д. Миллер, П. Хандавалл, М. Бир (с 90 гг. XX в.). Построение стратегии как процесса поэтапной и целевой трансформации корпорации или предприятия					

Источник: составлено авторами.

пропустить несколько этапов, заведомо имея определенное представление о состоянии системы финансовой устойчивости (совокупности рисков) на том или ином этапе развития предприятия (например, по стадиям жизненного цикла организации). Управление профилями (конфигурирование последовательности сочетаний состояний внутренней и внешней среды) – подход системного моделирования, который стал необходимостью именно вследствие постоянного требования в инновационной перезагрузке (скачка) целевого стратегического типа. Стратегические трансформации лидера рынка (потенциального или реального) меняют внешнюю среду всей конкурентной среды, для санаторных предприятий, обычно в пределах региона. Такая ситуация уже выходит за рамки традиционного понимания обособленности внешней и внутренней среды предприятия и подготавливает появление методов, по сути, описывающих «систему-универсум» (единую категорию взаимодействия среды и системы).

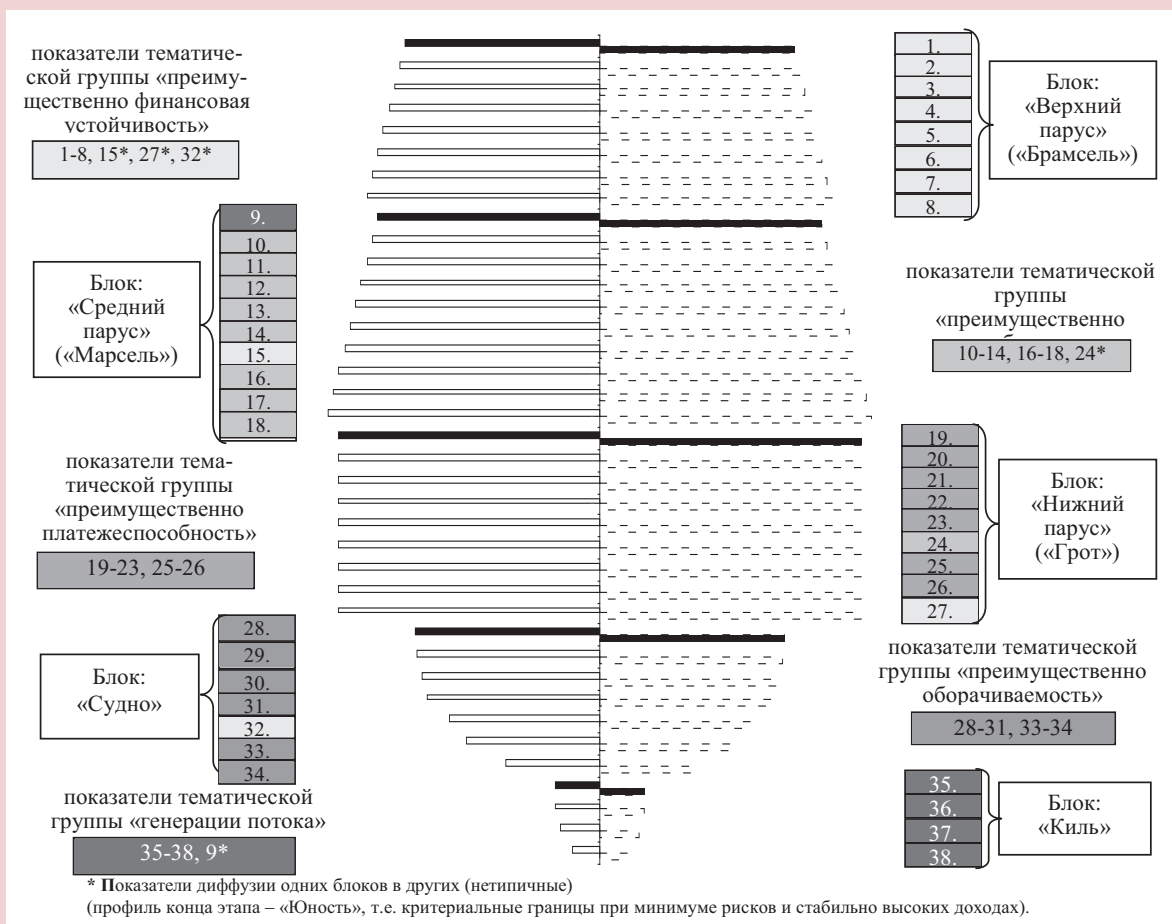
Моделирование финансовой устойчивости в преддверии эпохи «суперфинансии» как первичный вариант метода для постоянного откладывания ее наступления на неопределенный срок.

Сразу надо оговориться, что диалектически откладывать объективный процесс глобального масштаба, в том числе и в области финансов, на неопределенный срок невозможно – неминуемо произойдет переполнение количественных изменений и наступит качественный скачок. Однако системный анализ оперирует такими понятиями, как кризис и точка бифуркации, при которых исключается неопределенность в дальнейшем развитии системы и одновременно обосновывается существование двойственности ее исходов. Цель представленного ниже моделирования состоит в получении второй альтернативы разрешения кризиса путем постепенного исправления ситуации и развития глобальной экономики в противоположную сторону от «суперфинансии» на уровне основных игроков-элементов экономики кризисов, а именно корпоративных объединений. Под комплексным моделированием устойчивости корпорации, обозначенным в названии настоящей статьи, понимается обеспечение ис-

пользования модели в двух взаимосвязанных вариантах применения. Первый вариант на уровне финансового управления предприятием (микроэкономический), второй вариант предполагает построение системы стратегического управления устойчивостью корпоративных объединений предприятий отрасли, отдельного государства, региона или курортной дестинации (учитывая особенность выбранной базы эмпирического исследования) [11]. То есть сверхсложных систем, требующих административного аппарата, контролирующего нормативное обеспечение моделирования. До того как произошло коренное изменение (отмена) традиционных форм финансовой отчетности, упомянутая ранее «Фрегат»-модель основывается на общепринятых формах отчетности (балансе и отчете о финансовых результатах как источнике информации о произведенных затратах и полученных финансовых результатах в разрезе основных видов деятельности). Модель позволяет идентифицировать приближение бифуркационного момента (в определениях школы конфигурации так называемого переломного «квантового скачка») в общей последовательности жизненного цикла организации и подготовиться к необходимой трансформации. Либо выбрать путь пассивного следования по этапам цикла и установить момент наиболее эффективных дезинвестиций (санации или ликвидации предприятия). Практическая часть исследования проведена на основе предприятий, расположенных в регионе Большой Ялты. На начало анализируемого периода (2004 г.) было зарегистрировано 144 предприятия санаторно-курортного комплекса. Большинство предприятий в выборке входило в корпоративное объединение «Укрпрофздравница» [12]. В результате экспериментов с различными видами визуального моделирования была разработана комплексная визуальная модель («Фрегат»-модель) оценки устойчивости финансового состояния предприятия. Она имеет вид, представленный на *рис. 3*.

Модель построена на относительных показателях с нормированными по визуальному профилю критериальными границами, чем обеспечивается относительная сравнимость предприятий [15]. Динамика вошедших

Рис. 3. Структура внутреннего профиля визуальной модель-системы («Фрегат»-модели) оценки финансового состояний в стратегических целях

Источник: составлено авторами.

в модель показателей соотносилась с изменениями международных макроэкономических показателей (с 2004 по 2013 г.). Группы показателей представлены областями, например группа «Брамсель» (коэффициенты финансовой устойчивости, зона – «Б»), и для них установлены три ширины блока: «узкий», в пределах 0,2–0,4 единицы нормы, «нормальный»: 0,4–1,0 и т.д. С учетом данного формата и на основе статистических данных санаторных предприятий построены типичные визуальные профили внутренней среды «Фрегат»-модели. Они представлены на *рис. 4 (а)* и *рис. 4 (б)*.

Первая часть для отдельных предприятий, вторая – для корпорации в целом - «Дерево стратегической диверсификации капитала

корпорации» (далее ДСДК). Скорость реакции отдельных показателей на кризисы глобальные и индивидуальные легла в основу их градации в визуальной модели. Дополнительным критерием был признанный отдельными учеными уровень устойчивости во времени [13]. В верху профиля помещены показатели, наиболее оперативно реагирующие, любой кризис начинается с «вершины», однако глубина прохождения по отдельным уровням и время возврата к нормальному уровню указывает на степень внутреннего кризиса.

Описание визуальных профилей модели, соответствующих каждому новому типу финансовой устойчивости внутренней среды, приведено в *табл. 2*.

Рис. 4. а) Внутренние профили «Фрегат»-модели по типам стратегического финансового состояния санаторных предприятий Б. Ялты;
 б) «Дерево стратегической диверсификации капитала корпорации» (зонирования размещения капитала в корпорации, на примере «Ялтакурорт»)

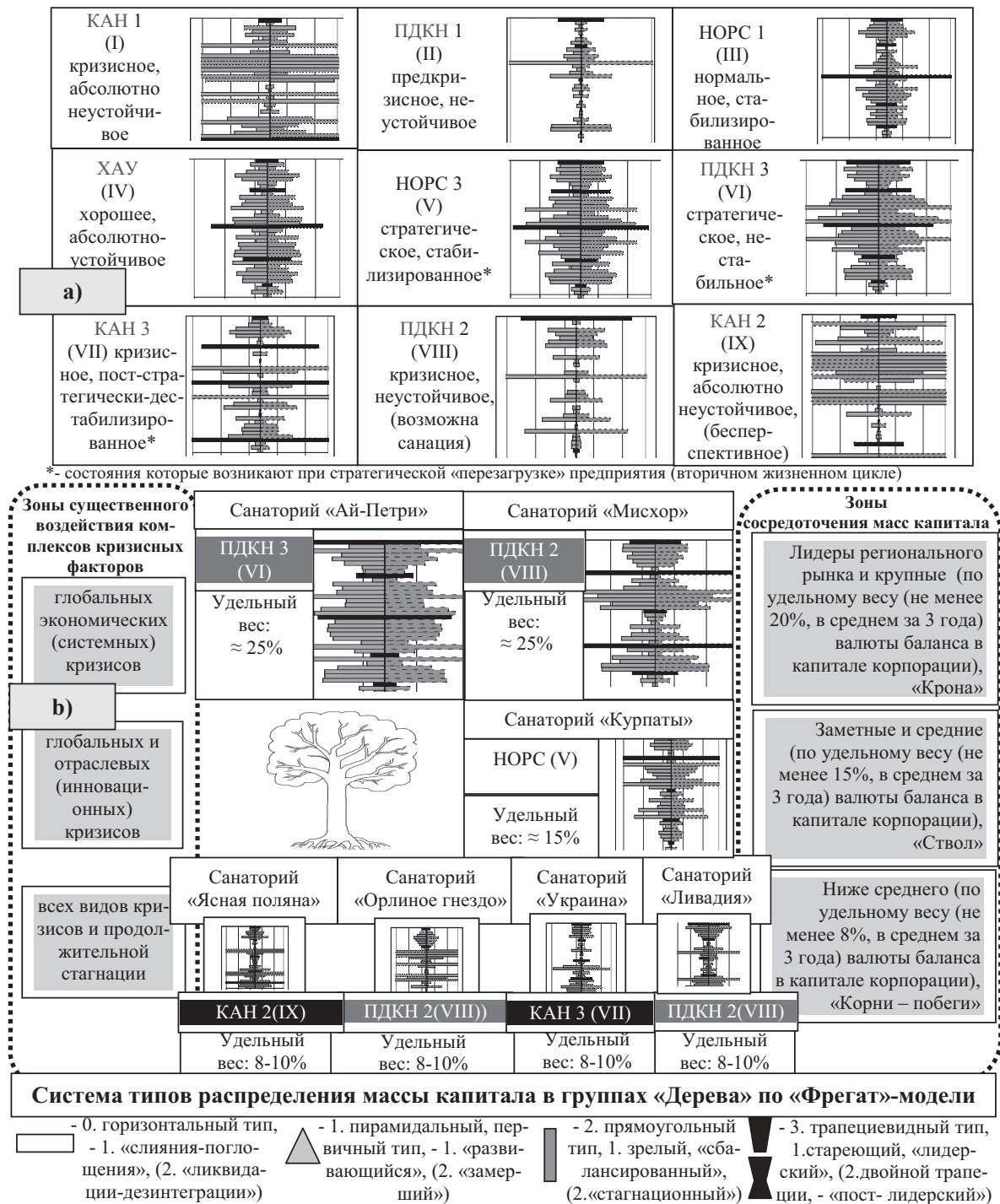

Таблица 2. Характеристика типов визуальных профилей оценки внутренней финансовой среды «Фрегат»-модели санаторных предприятий

№	Тип	Условная характеристика состояния «Фрегат»-модели и краткое раскрытие кода его описания на основе масштабирующих величин блоков с закреплением типичных для их проявления на укрупненных этапах жизненного цикла
1.	КАН1(I), кризисное, абсолютно неустойчивое	Состояние «судна»: «корпус почти построен, на верхних ряях трепещутся паруса», («Зарождение» «Смерть во младенчестве»). «БЗ--» – блок «широкий» - присутствуют «пробои» (выходят за значение шкалы 1,2), из-за несформированного до конца капитала, величина собственных оборотных средств может иметь отрицательное значение; «МЗ-» – блок «отрицательно-широкий», отдельные виды рентабельности нестабильны (отрицательные «пробои»); «Г1-» – блок «узкий» - практически без пробоев, неоднородный; «С2+» – блок в основном близок к состоянию «норма» но одновременно нестабильный, допускается множество «пробоев»; «К1-» – блок «узкий» - прирост потока сдержан или отсутствует (с пробоями) и т.д.

Для установления связи внешней и внутренней сферы предприятия каждый из показателей в пяти группах был переведен в процентную форму по отношению к их сумме за

2005–2013 гг. Результаты в графической форме представлены на рис. 5. Для анализа использовались данные макроэкономического анализа [14].

Рис. 5. Средние значения показателей пяти отдельных блоков внутренней среды предприятия «Фрегат-модели» по предприятиям корпорации «Ялтакурорт» в 2005–2013 гг., в % к сумме лет [15]

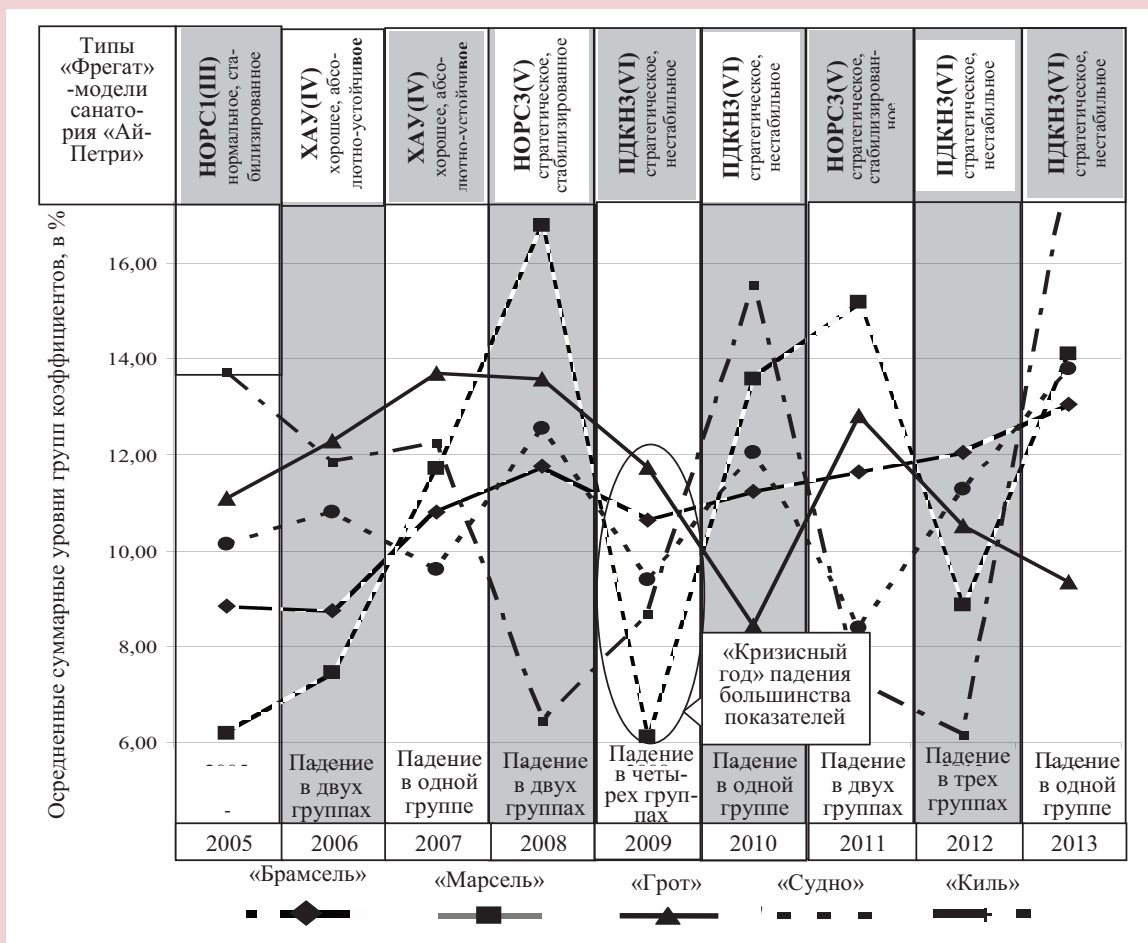
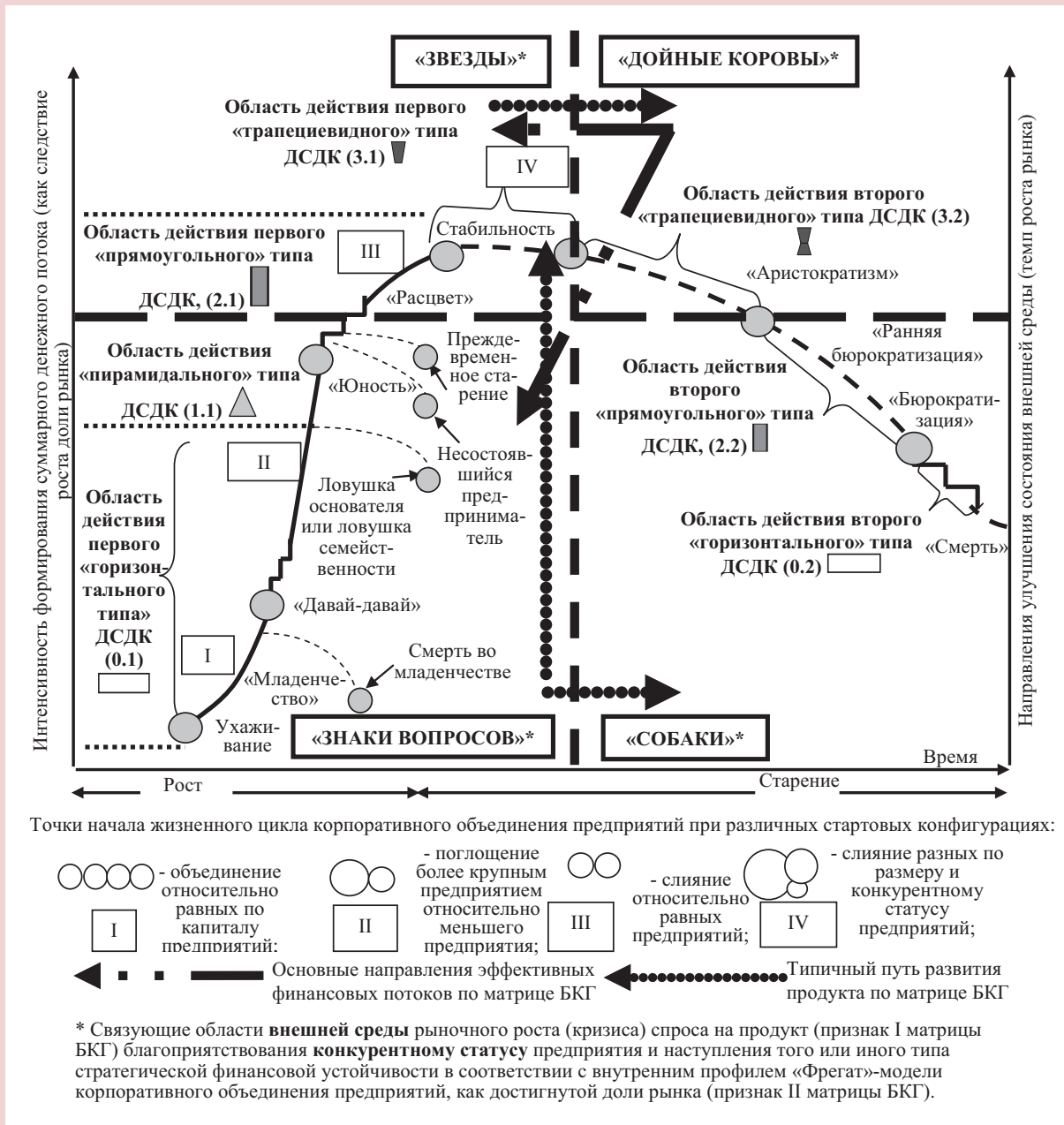

Рис. 6. Концептуальная схема жизненного цикла корпоративного объединения предприятий в обозначениях системы дерева стратегической диверсификации капитала при наложении классификации типов стратегических хозяйственных подразделений (матрицы БКГ)

Источник: составлено авторами.

На фоне общей динамики группы предприятий успехи или неудачи в стратегическом развитии конкретного предприятия позволяют идентифицировать его специфический индивидуальный профиль, сложившийся под действием как общего кризиса (во внешней среде), так и его внутренних кризисных тенденций.

Вторая часть модели определяется матричным позиционированием к условиям внешней среды (форма представляет собой достаточно простую матрицу для соотношения типов среды и состояний предприятия, подробно в [15]). При формировании системы типов комплексного профиля вторая часть (с учетом внешней среды) сформулирована как набор типов по характеру воздействия на финансовое положение предприятия: усугубляющий, нейтральный, улучшающий [16; 17, с. 39]. Позиционирование к типу внешней среды позволяет локализовать причины кризиса (внешние, внутренние) и провести прогнозирование развития устойчивости предприятия в виде последовательности смены типов модели с учетом тенденций развития экономики на макроуровне.

Результат применения визуального моделирования в поиске путей возврата главной финансовой стратегии паритетной роли в обосновании необходимости стратегических преобразований корпорации

Диверсификация как основной системный инструмент противодействия негативным сочетаниям состояний внутренней и внешней среды может быть построена в соответствии с тремя возможными главными финансовыми стратегиями корпорации: агрессивной стратегией (расширенного роста), сбалансированной (с ориентацией на равномерное распределение капитала и представления всего спектра типов комплексной устойчивости, обеспечивающих возможность поддержки мало-рискового конкурентного статуса или его возврата или перезагрузки); стратегии антикризисной мобилизации (поэтапного выведения отдельных предприятий из зоны катастрофического риска, со сдерживанием развития кризиса у остальных). Приведенная система типов стратегий и дерева стратегической диверсификации капитала позволяет обосновать концепцию всего жизненного цикла корпоративного объединения

предприятий (ЖЦКОП) как диверсификацию риска размещения капитала в предприятиях с тем или иным финансовым состоянием, рыночной позицией и стратегическими целями (схематично представлена на *рис. 6*). Первичные условия для вновь сформированных корпоративных объединений очень разнятся, что влияет на вводный тип дерева стратегической диверсификации капитала (ДСДК).

Новые системные правила управления устойчивостью следующие:

1. Необходимая поддержка мобильности средней группы предприятий для дерева стратегической диверсификации капитала (зона «Ствол»), объединение предприятий должно обеспечивать постоянную дислокацию капитала в средней группе потенциальных предприятий-лидеров (на уровне 25% и более), что позволяет диверсифицировать общекорпоративный профиль и в сжатые сроки заменять прошедшие свой жизненный цикл бывшие предприятия-лидеры новыми лидерами из средней группы, типы 2.1; 3.1;

2. Поддержка активного и гибкого (адаптивного) процесса перелива капитала между участниками корпоративного объединения в целях обеспечения стратегической диверсификации как управляемой деятельности по выдвиганию предприятий-лидеров из числа предприятий-участников объединения (защита от конкуренции, повышение устойчивости в неблагоприятных условиях и т. п.).

Обсуждение

Предложенная визуальная модель нового типа как финансово-аналитический инструмент позволяет применить финансово-управленческое воздействие на объект «устойчивость развития предприятия» как на уровне корпорации, так и в макроэкономическом масштабе.

В первом случае понимается возможность программирования профиля модели как отдельного предприятия, так и групп (уровней) предприятий в корпоративном объединении.

Возможен также расчет смены профилей модели по всей корпорации:

- в целом по консолидированному капиталу и финансовым результатам;
- путем осреднения типов устойчивости модели отдельных предприятий.

На основе отдаленности (приближения) внутрикорпоративного консолидированного и осредненного типов возможно установление степени интеграционной эффективности корпорации. При большем обособлении предприятий внутри корпорации (финансовом, организационном, рыночном) такие типы будут значительно отличаться. То есть успех отдельного предприятия является индивидуальным результатом, как и его кризис.

Во втором случае речь идет о макроэкономическом использовании модели как инструмента координации определенного количества предприятий, объединенных по какому-либо признаку, например специфическому территориально-ограниченному уровню экономики таких, как курортная дестинация, отрасль экономики, территория государства, и даже мировой экономики.

Главное достоинство модели состоит в том, что она возвращает главную финансовую стратегию в сферу финансового обеспечения наиболее эффективного реального приложения капитала с оправданным целевым риском путем привязки последовательности развития финансовых возможностей предприятия на этапах жизненного цикла организации и достигаемой им стратегической рыночной позиции (в определениях *BCG matrix*). При этом за главной финансовой стратегией устанавливается паритетная (а не основная) роль в иницировании экономических преобразований корпорации. В данном случае влияние принципа всемерного приращения капитала, рентабельности совокупного капитала и воздействие фондового рынка ограничено [18; 19]. Даже области, которые с ними напрямую связаны, во «Фрегат»-модели имеют равноправное значение среди всех остальных сфер комплексной финансовой устойчивости, в отличие от наиболее популярных подходов к построению системы стратегического контроллинга (в котором модели рентабельности из системы показателей *DuPont* установлены центрирующими).

Модель достаточно наглядно показывает, что в преддверии реализации крупного стратегического проекта вся система комплексной финансовой устойчивости входит в состояние дестабилизации и при финансировании

таких изменений извне (за счет дополнительной эмиссии акций, долгосрочных кредитов) риски будут только усугублены, так как производственные мощности, в лучшем случае, остаются на том же уровне. Также необходимо принимать во внимание то, что несовершенство системы регулирования фондового рынка стран с развивающейся экономикой позволяет использовать её для получения монопольной власти и сверхдоходов [20]. В данном случае преимущество санаторных предприятий Крыма (база исследования) состоит в том, что они практически не пользуются эмиссией акций или банковским кредитованием предприятия (исторически) и реализуют стратегические проекты за счет собственных средств (чем была обеспечена чистота реакций модели).

Заключение

На первый взгляд представленный вариант обоснования системных преобразований корпоративного объединения предприятий на основе «Фрегат»-модели выглядит недостаточно сильным по сравнению с мотивациями глобальных корпораций в построении целей своей деятельности. Однако ее роль состоит в презентации варианта постепенного перестроения системы мировоззренческих ценностей корпоративного управления, значительно отделившихся от правильного понимания миссии корпорации, заключающейся в системе целей помимо заработка денег. Для этого в большинстве случаев достаточно роста компании (приращения капитала), и если поставить во главу угла именно такой подход, то все управление жизненным циклом будет направлено на наращивание объемов денежных средств, достигаемое как экстенсивными, так и интенсивными методами. Возвращаясь к положениям Йозефа Шумпетера, — развитие компании не должно иметь основной целью ее рост, иначе все преобразования будут поставлены в зависимость от целей РОСТА (с большой буквы — как философии). А достичь РОСТА проще всего именно методами финансового характера. И данное свойство финансов послужило основой для приобретения ими исключительной важности во всей глобальной экономике. РОСТ должен служить РАЗВИТИЮ, а не наоборот. Диалектически всякое развитие происходит

скачкообразно, на основе накопления экстенсивных результатов РОСТА (что поддерживает в методическом плане школа конфигурации как самая актуальная из школ стратегического менеджмента). Избежать «медленных» подготовок реализации стратегического проекта возможно за счет привлечения средств извне, из сферы финансовых рынков. То есть кредита и эмиссии, которые сами включают специфические риск-факторы, выступающие платой за преимущества во времени. В противном случае развитие будет однобоко оцениваться в показателях фондового рынка, которые в свою очередь строятся с учетом реального приращения капитала и спроса на его инструменты, стоимость и эффективность которых поставлены в зависимость от инструментов того же фондового рынка (например, средневзвешенная стоимость капитала рассчитывается в разрезе групп капитала с учетом затрат на его привлечение). Вместе с тем общество давно поняло, что единственный путь глобального развития состоит в устойчивом развитии, подробно разработав всю концепцию в смежных сферах.

Преимуществом в выборе финансового управления глобальными корпорациями должно стать не указание на социальные или экологические проблемы, что, как показала история, практически для них не имеет особого значения, а получение большей финансовой власти и снижения рисков их существования. «Фрегат»-модель при глобальном (имеется в виду достаточный уровень транснациональных корпораций) применении не ограничивает конкуренцию, хотя и меняет условия внешней среды, инновационный акцент сдвигается в сферу соперничества в обеспечении оборачиваемости активов и эффективности денежного потока (последние два уровня в структуре модели — их трансформации связаны с истинно стратегическими преобразованиями). Их величины невозможно «разогнать» инструментами фондового рынка (в них доходы соотносятся с оборотными активами), что создает залог и одновременно стимул построения устойчивой базы развития в будущем, со значительным осложнением действия инструментов фондового рынка. Имея в своем распоряжении базис РАЗВИТИЯ, предприятие ситуационно

может получить РОСТ в достаточно сжатые сроки, что в обратную сторону (наращивание капитала для развития) может занять значительно больший период времени, несмотря на ускорение научного прогресса. И понимание этого процесса во многом связано с «Фрегат»-моделью и особенностями ее комплексного применения в оценке устойчивости. Модель четко отделяет промежуточные и бифуркационные этапы в развитии предприятия, используя простой механизм ранжирования комплексной финансовой устойчивости, и оперирует, соответственно, финансовыми показателями. Это в свою очередь обосновывает систему критериев по отделению РОСТА от РАЗВИТИЯ. Особенностью предприятий санаторной и курортной сферы является зависимость (приближенность) жизненного цикла товара и организации (что помогает наложить матрицу БКГ на график кривой ЖЦО), а увеличение размера и почти соответственно доли рынка снижают зависимость от кризисов.

Инвестирование в стратегические инновации, как главную движущую силу роста экономики, должно приобрести роль финансирования инструмента достижения РАЗВИТИЯ, отдельные инновации, даже успешно внедренные, далеко не всегда ведут к стратегическим результатам (переходу на новый качественный уровень) и истинной стратегической, высокорисковой мобилизации всех ресурсов предприятия. Именно такие переходы четко идентифицирует модель.

Важнейшим свойством новой модели также можно считать исключение ситуации, когда лидерами рынка планируется подготовить все предприятия корпоративного объединения одновременно, что невозможно без экстремального роста риска недофинансирования, особенно в условиях низкой интеграционной эффективности санаторных предприятий в объединении. Однако в реальной жизни риск компенсируется инструментами рынка финансовых услуг (кредитованием, эмиссией и т. п.) путем выведения риска из корпоративной системы в глобальную финансовую систему, где он не может быть до конца распределен и погашен банкротствами других субъектов рынка, что и ведет к накоплению силы риск-

факторов. Именно они возвращаются корпорации в виде глобального и системного кризиса, трансформируясь из кризисов, поддающихся диверсификации (на основе модели), к кризисам внешней среды, которые предприятию остается только принять и пережить (или не пережить).

Достижение цели исследования определяется получением нового финансово-аналитического инструмента (модели) идентификации типа финансовой устойчивости как системной последовательности смены комплексных профилей (при оценке внутренней и внешней среды) отдельных предприятий и их корпоративных объединений. На уровне финансового управления корпорацией модель позволяет координировать процесс размещения капитала в соответствии с целевыми установками типа стратегического развития (подготовки финансового базиса для избранной главной финансовой стратегии) с учетом требуемого и достигнутого типа финансового состояния каждого предприятия и всей корпорации в целом (отдаленность между которыми составляет финансовый риск стратегической деятель-

ности). Фактически это означает, что массы капитала возможно структурировать по системе типов стратегической финансовой устойчивости (ДСДК) и данный процесс подчинить цели поддержки стратегической конкурентоспособности основного продукта (услуги) на рынке, что не обеспечивает ни один из известных методов. В результате предложенного подхода достигается выполнение основных условий устойчивого развития – экономии ресурсов и снижения общего риска функционирования единой экономической системы путем снижения риска деятельности каждого ее участника, формируя единую и малорисковую внешнюю среду жизнедеятельности. В условиях затрудненного привлечения ресурсов фондового рынка (вследствие слабой его развитости и санкционных ограничений Крыма) для финансирования внедрения инновационных продуктов и услуг региональным предприятиям остается рассчитывать, в большей мере, на собственные силы, что в свою очередь создает специфический вариант самодостаточного и успешного существования предприятия в эпоху глобальных экономических кризисов.

Литература

1. Schumpeter Joseph A. "A theorist's comment on the current business cycle". *Journal of the American Statistical Association*. Taylor and Francis. 1935. vol. 30 (189), pp. 167–168. DOI: 10.2307/2278223.
2. Kondratieff Waves: *Dimensions and Prospects at the Dawn of the 21st Century Bibliography*: Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, 2012. 224 p.
3. Reynolds Alan. "No Housing Bubble Trouble." *Washington Times*, 2005, January 9.
4. Маслов О.Ю. 23 причины глобального кризиса (хроника текущего мирового кризиса – 36) // Еженедельное независимое аналитическое обозрение. 2009. Вып. 36. URL: [http:// www.polit.nnov.ru/2009/10/13/crisisology23cause36/](http://www.polit.nnov.ru/2009/10/13/crisisology23cause36/).
5. Ансофф И. Стратегическое управление : [пер. с англ.]. Москва: Экономика, 1989. 358 с.
6. Грант Р.М. Современный стратегический анализ. СПб. : Питер, 2008. 560 с.
7. Altman E. *Corporate Financial Distress and Bankruptcy*. 3rd edition. John Wiley and Sons, 2005. 354 p.
8. Mintzberg H., Lampel L., Quinn, J. & Ghoshal S. *The Strategic Process*, 4th edition. New Jersey: Prentice Hall publishing, 2003. 489 p.
9. Black E. L. Life-Cycle Impacts on the Incremental Value-relevance of Earnings and Cash Flow Measurers. *Journal of Financial Statement Analysis*, 1998, vol. 4, No. 1, pp. 40-56.
10. Chambers A.D. New guidance on internal audit – an analysis and appraisal of recent developments. *Managerial Auditing Journal*, 2014, vol. 29, pp. 196-218. DOI: 10.1108/MAJ-08-2013-0927.
11. Butler R.W. The concept of a tourist area cycle of evolution: implications for management of resources. *Canadian Geographer*. 1980, vol. 24, pp. 5-12. DOI: 10.1111/j.1541-0064.1980.tb00970.x.

12. А. с. 2016620078 РФ «База финансовых коэффициентов стратегического финансового анализа предприятий санаторно-курортного комплекса ЮБК (Южного берега Крыма)» / Малышенко В.А. (РФ); заявлено 6.10.2015; Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 19.01.2016.
13. Копачева Е.И. Основные процессы стратегического управления финансовой устойчивостью туристических предприятий // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2011. № 2. С. 86-97.
14. Robert J. Shiller *Stock Market Data Used in "Irrational Exuberance"*. Princeton University Press, 2000, 2005, updated. 296 p.
15. Малышенко В.А. Модель системно-стратегического финансового анализа санаторных предприятий Крыма // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 510-525. DOI: 10.17059/2016-2-16.
16. Гениберг Т.В., Иванова Н.А., Полякова О.В. Сущность и методические основы разработки финансовой стратегии фирмы // Научные записки НГУЭУ. 2009. № 4. С. 68-88.
17. Ruth Bender, Keith Ward. *Corporate financial strategy*. ButterworthHeinemann, 2010. 395 p.
18. Fama E.F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *Journ. Finance*, 1970, May, pp. 383-417. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1970.tb00518.x.
19. Nance J.P., Roemmich R.A. Are Financial Statements Meaningful under Exchange Rate Fluctuations. *Journal of financial management and analysis*, 2008, vol. 2. pp. 65-74.
20. Малышенко К.А. Исследование фондового рынка Украины на основе применения событийного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1. С. 235-253. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.13.

Сведения об авторах

Вадим Анатольевич Малышенко – кандидат экономических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (298635, Российская Федерация, Республика Крым, г. Ялта, ул. Халтурина, д. 14, e-mail: Malyschenko1973@inbox.ru)

Константин Анатольевич Малышенко – кандидат экономических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (298635, Российская Федерация, Республика Крым, г. Ялта, ул. Халтурина, д. 14, e-mail: docofecon@mail.ru)

Статья поступила 28.08.2017.

Malyshenko V.A., Malyshenko K.A.

Modeling Complex Financial Sustainability of a Corporation in the Age of Global Economic Crises

Abstract. Currently, the socio-economic content of the concept of sustainable development in relation to enterprises and corporations is actually replaced by a system of managing financial risks of investment, the effect of which aims to prevent a financial crisis. Major financial strategies ceased to be functional; they acquired a role comparable to the corporate economic strategy, and began to control the establishment of criteria of risks and the feasibility of enterprise's existence. The goal of the present research is to provide methodological support to the process of returning the priority of the financial concept of sustainable development from the sphere of financial growth (permanent capital growth) to the sphere of financial and economic development, by offering a new analytical tool of strategic level that does not contradict the interests of large businesses in its application. Taking into account the great contribution of transnational corporations to the initiation of global crises implemented with the help of stock market tools, the version of the financial-analytical method (visual modeling), which we present in the paper, reduces the dependence of corporate governance on the financial market assessment and directs risk management process in the field of real capital management of associations of enterprises. Stability of development

based on the model is achieved by the programmability of the process of changing the special types in the development of complex financial stability, which is a key difference from the existing developments. Gradual qualitative development of a corporation with controlled destabilization rather than the general criterion of capital growth is the target for the formation of strategic and programmable sequences of the onset of complex profiles of financial stability. The sphere of corporate financial management of service enterprises can be considered as the scope of application of the results obtained. At further adaptation of the modeling results it is possible to use the modeling in the management of large corporate associations of practically any branch. The scale of application of the model is connected with the prospects of development of research in this direction.

Key words: financial crisis, economic growth, economic development, financial stability, financial modeling, financial condition.

Information about the Authors

Vadim A. Malysenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (14, Khalturin Street, Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russian Federation; e-mail: Malysenko1973@inbox.ru)

Konstantin A. Malysenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (14, Khalturin Street, Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russian Federation; e-mail: docofecon@mail.ru)

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.10

УДК 338.436.3; ББК 65.325.2

© Родионова Е.В.

Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития*

**Елена Витальевна
РОДИОНОВА**

Поволжский государственный технологический университет
Йошкар-Ола, Российская Федерация, 424000, пл. Ленина, д. 3
E-mail: rodionovaev@volgatech.net

Аннотация. Отечественный АПК характеризуется разнообразием интеграционных процессов, сложностью их форм, противоречивым характером результатов интеграции, усилением ее влияния на темпы экономического роста и развитие экспортного потенциала страны. В связи с этим изучение агропромышленной интеграции в различных отраслях АПК, определение социально-экономической роли интеграционных формирований, научное обоснование перспектив дальнейшего развития интеграционных процессов приобретают высокую актуальность. Целью данной работы является комплексное изучение процессов агропромышленной интеграции в мясопродуктовом подкомплексе АПК России, выявление их особенностей и направлений дальнейшего развития. При выполнении исследования в рамках системного подхода к изучению социально-экономических явлений использовались абстрактно-логический, исторический, экономико-статистический, экспертный методы. В статье проведен анализ основных показателей развития отрасли и сделан вывод, что мясопродуктовый подкомплекс является одним из наиболее динамично развивающихся секторов отечественного АПК, в котором наблюдается тренд на рост производства, импортозамещение, увеличение экспорта мяса и мясопродуктов. Сделан вывод о преобладании в интеграционных процессах вертикальной регрессивной интеграции и организационной формы агропромышленного холдинга, а также о ведущей роли российского

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Марий Эл, проект «Стратегическое управление предприятиями агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения (на примере Республики Марий Эл)» № 17-12-12008-ОГН.

Для цитирования: Родионова Е.В. Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 144-159. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.10

For citation: Rodionova E.V. Integration processes in the meat products sub-complex of the agro-industrial complex of Russia: results, specifics and ways of development. *Economic and Social Changes; Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 144-159. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.10

капитала в производстве мяса и мясопродуктов. Выявлено, что среди отраслей мясопродуктового подкомплекса наиболее высоким уровнем концентрации производства характеризуется птицеводство, близкое к нему значение наблюдается в свиноводстве, в то время как в мясном скотоводстве уровень концентрации низкий. В последние годы крупные агрохолдинги подкомплекса проводили углубление вертикальной интеграции, продолжили экспансию в регионы, расширили производственные интересы на другие аграрные отрасли. Сделан вывод, что деятельность интегрированных формирований мясопродуктового подкомплекса АПК России в полной мере демонстрирует реализацию преимуществ крупного производства и агропромышленной интеграции, но имеет и определенные негативные социально-экономические последствия. В заключение автором предложены направления дальнейшего развития интеграционных процессов, на которых должны быть сконцентрированы усилия государства, бизнеса, отраслевых ассоциаций и научной общественности.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, мясопродуктовый подкомплекс, интеграционные процессы, интегрированное формирование, агрохолдинг.

Введение

В настоящее время вопросы формирования и развития интегрированных структур в агропромышленном комплексе являются предметом активных дискуссий среди экономистов-аграрников. Это связано с тем, что отечественный АПК характеризуется разнообразием интеграционных процессов, усложнением их форм, неоднозначностью последствий, усилением влияния интеграции на темпы экономического роста, конкурентоспособность агропродовольственной продукции и развитие экспортного потенциала отрасли.

Теоретические, методические и практические аспекты агропромышленной интеграции в современном АПК России обсуждались в трудах таких ученых, как О.Ю. Анциферова, Г.А. Баклаженко, Д.В. Богачев, Н.А. Борхунов, А.С. Бычуткин, В.В. Кудрявцев, И.А. Ильин, О.А. Макаревич, А.С. Миндрин, А.Л. Полтарыхин, Н.И. Пыжикова, О.А. Родионова, П.М. Советов, А.В. Ткач, В.Я. Узун, И.Ф. Хицков, О.П. Чекмарев, Н.И. Шагайда, И.В. Эмануэль и др. Однако исследования в данной предметной области в большинстве случаев ведутся применительно к агропромышленному комплексу в целом либо рассматривают отдельные вопросы создания интегрированных структур и управления ими, в то время как работы, посвященные анализу осуществления интеграционных процессов в различных подкомплексах и отраслях АПК, выявлению их особенностей и результатов, практически отсутствуют. Проведение таких исследований, формирующих информационную базу для обоснования

концепции использования потенциала интегрированных структур и направлений дальнейшего интеграционных процессов, принятия эффективных государственных и корпоративных управленческих решений, представляется актуальным, теоретически и практически значимым.

Предметом исследования в данной работе являются интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России. Цель проведенного исследования заключалась в комплексном изучении процессов агропромышленной интеграции в подкомплексе, выявлении их особенностей и направлений эффективного развития.

В качестве задач исследования автором работы были определены:

- 1) изучение основных показателей развития отрасли за последние годы;
- 2) выявление видов и форм интеграции, получивших наибольшее распространение в мясопродуктовом подкомплексе АПК;
- 3) выявление преимуществ и недостатков агропромышленной интеграции в подкомплексе;
- 4) обоснование направлений дальнейшего развития процессов агропромышленной интеграции в мясопродуктовом подкомплексе.

Научная новизна исследования заключается в развитии методических подходов к изучению агропромышленной интеграции; расширению и конкретизации научных представлений об интеграционных процессах в АПК в контексте отраслевой специфики мясопродуктового подкомплекса; раскрытию генезиса, особенностей, социально-экономических результатов

осуществления агропромышленной интеграции в отрасли; обосновании направлений дальнейшего эффективного развития интеграционных процессов и интегрированных структур в подкомплексе.

Термин «экономическая интеграция» появился в 1930-е гг. в работах немецких и шведских экономистов, в переводе с латыни он означает «объединение в целое». Интеграция рассматривается учеными с точки зрения различных подходов: диалектического, системного, политэкономического, институционального, которые ставят разные акценты в исследованиях, но в любом случае под ней понимается путь развития организации, осуществляемый за счет объединения с другими предприятиями. Результатом является создание интегрированного формирования (структуры), отношения между участниками которого выходят за рамки рыночных трансакций.

Интеграция выступает инструментом соединения отдельных хозяйственных субъектов, ведущего к такому их состоянию, при котором на основе различных связей образуется качественно новая совокупная система производств. При этом одним из главных факторов интеграции является стремление получить синергетический эффект от объединения [1, 2].

Обзор научной литературы по теме исследования позволяет идентифицировать виды интеграции, выделяемые большинством авторов (табл. 1).

Интеграция путем объединения предприятий может реализовываться в различных организационных формах, к которым относят холдинги, консорциумы, концерны, синдикаты, финансово-промышленные группы, группы компаний, альянсы и др. Исследователи отмечают постоянную эволюцию и увеличение многообразия форм объединения компаний, стирание границ между ними и усложнение характера взаимоотношений между участниками интегрированных структур [3-5].

При этом одной из актуальных и уже длительное время требующих своего решения проблем является отсутствие в российском праве прямых законодательных норм, регулирующих создание и функционирование интегрированных формирований. Единственным действующим документом, который имеет непосредственное отношение к интегрированным структурам, выступает «Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества»¹. В Гражданском кодексе РФ не упоминается ни одна из названных выше форм интеграции, а положений статей о дочерних и зависимых обществах федеральных законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» явно недостаточно для регулирования сложных связей между интегрированными предприятиями.

Таблица 1. Виды интеграции

Наименование	Описание
Вертикальная регрессивная	Интеграция с поставщиками с целью стабилизации или защиты стратегически важного источника сырья, материалов, других материально-технических ресурсов.
Вертикальная прогрессивная	Интеграция с потребителями и покупателями с целью обеспечения контроля над выходными каналами.
Отраслевая (горизонтальная)	Поглощение или контроль конкурентов с целью усиления позиции на рынке.
Диагональная	Объединение с предприятием, находящимся на другом уровне вертикального производственного цикла и выпускающим параллельные виды продукции.
Конгломератная	Объединение предприятия по технологической цепи с одновременным укрупнением одного из уровней вертикали либо объединение предприятий, представляющих разные продуктовые рынки.

¹ О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий: указ Президента РФ от 16 нояб. 1992 г. № 1392.

Методы исследования

Для достижения целей исследования в работе были использованы общенаучные и специальные методы.

Выполнение исследования строилось на гносеологических принципах диалектики как научного подхода, рассматривающего изучаемые объекты в целостной всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности: конкретного и всеобщего; историзма; объективности; системности. Мясопродуктовый подкомплекс АПК рассматривается как система: с одной стороны, состоящая из взаимосвязанных элементов, имеющих определенную организацию; с другой — выступающая как единое целое по отношению к внешней рыночной среде.

При выполнении исследования в рамках системного подхода к изучению социально-экономических явлений использовались следующие методы: абстрактно-логический, исторический, экономико-статистический, экспертный. Выбор методов и инструментария исследования осуществлялся на основе принципа необходимости и достаточности для достижения задач исследования, обеспечения требуемой глубины и детальности проработки основных аспектов поставленных задач, достоверности и надежности получаемых результатов.

Материалы исследования включали статистическую и аналитическую информацию Федеральной службы государственной статистики, Министерства сельского хозяйства РФ, материалы сайтов организаций мясопродуктового подкомплекса АПК России и консалтинговых компаний.

Следует заметить, что в настоящее время отдельное государственное статистическое наблюдение функционирования интегрированных структур не ведется. Единая система сбора и обработки статистических данных по слияниям и поглощениям также отсутствует. Круг организаций аграрного сектора, обязанных представлять консолидированную отчетность, ограничен². Наличие только фрагментарной и рассредоточенной по различным источникам информации о деятельности интегрированных формирований АПК затрудняет проведение

² О консолидированной финансовой отчетности: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 208-ФЗ.

полномасштабных количественных научных исследований в данной предметной области.

Результаты исследования, анализ полученных результатов

Мясопродуктовый подкомплекс является одним из наиболее динамично развивающихся секторов отечественного АПК. Отрасль приобрела более устойчивый характер развития по сравнению со многими другими отраслями экономики страны. В последние годы наблюдается существенное увеличение темпов восстановления объемов производства свинины, достигнуто превышение дореформенного объема производства мяса птицы. Продолжается снижение объема производства мяса КРС: сегодня это единственный из промышленных видов мяса, объемы производства которого не растут, а импорт превышает 40%. Однако наметилась положительная динамика в выращивании крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах (табл. 2).

В структуре производства ведущую роль играют сельскохозяйственные организации, доля которых в общем объеме постоянно растет, достигнув в 2016 г. 75,9%. Удельный вес сельскохозяйственных организаций по основным отраслям животноводства существенно варьируется. Если в «скороспелом» производстве мяса птицы и свиней в 2016 г. он достиг соответственно 91,6 и 80,6%, то в скотоводстве, которое начинает привлекать крупных корпоративных инвесторов только в последние два года, доля сельскохозяйственных организаций составляет лишь 33,1%. Снижение доли личных подсобных хозяйств в выращивании свиней на убой связано с распространением африканской чумы свиней (АЧС) и вытеснением продукции ЛПХ с рынка крупными агрохолдингами, наращивающими объемы производства (табл. 3).

Производство основных видов импортозамещающих продуктов мясопродуктового подкомплекса представлено в табл. 4.

В 2016 году удельный вес отечественного мяса и мясопродуктов в общем объеме ресурсов составил 89,7%, что на 2,5 п.п. выше уровня 2015 г. и на 4,7 п.п. выше порогового значения, предусмотренного Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации (85%).

Таблица 2. Объемы производства основных продуктов животноводства, экспорта и импорта мяса и мясных продуктов в РФ в 2010–2016 гг., тыс. т

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Скот и птица на убой в убойном весе:							
в хозяйствах всех категорий	7166,8	7519,5	8090,3	8544,2	9070,3	9565,2	9899,2
в сельскохозяйственных организациях	4342,3	4760,1	5414,7	6007,9	6568,8	7129,5	7515,2
в хозяйствах населения	2614,9	2532,1	2444,1	2300,2	2238,5	2156,8	2093,6
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	209,6	227,2	231,5	236,1	263,1	278,8	290,4
2. Крупный рогатый скот на убой в убойном весе:							
в хозяйствах всех категорий	1727,3	1625,5	1641,5	1633,3	1654,1	1649,4	1619,0
в сельскохозяйственных организациях	565,3	514,1	533,4	529,9	529,8	525,9	535,8
в хозяйствах населения	1080,8	1024,8	1016,1	1001,3	1004,8	993,7	948,0
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	81,2	86,5	92,0	102,0	119,5	129,8	135,1
3. Свины на убой в убойном весе:							
в хозяйствах всех категорий	2330,8	2427,6	2559,5	2816,2	2973,9	3098,7	3368,2
в сельскохозяйственных организациях	1228,0	1354,8	1593,7	1988,6	2230,2	2424,1	2716,8
в хозяйствах населения	1033,9	1003,2	903,6	775,5	697,7	631,5	605,2
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	69,0	69,7	62,1	52,1	46,0	43,1	46,2
4. Птица на убой в убойном весе:							
в хозяйствах всех категорий	2846,8	3204,2	3624,8	3830,9	4161,4	4535,5	4620,8
в сельскохозяйственных организациях	2515,7	2858,0	3254,7	3459,3	3776,5	4148,9	4232,0
в хозяйствах населения	312,6	319,1	337,2	335,7	339,0	334,3	338,0
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	18,5	27,1	32,9	35,9	45,9	52,3	50,9
5. Импорт мяса и мясопродуктов	2855	2707	2710	2480	1952	1360	1246
6. Экспорт мяса и мясопродуктов	97	76	128	117	135	143	236

Источник: Производство основных видов продуктов животноводства по категориям хозяйств. Ресурсы и использование мяса и мясопродуктов. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

Таблица 3. Структура производства основных продуктов животноводства в 2010–2016 гг., %

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Скот и птица на убой в убойном весе:							
в сельскохозяйственных организациях	60,6	63,3	66,9	70,3	72,4	74,6	75,9
в хозяйствах населения	36,5	33,7	30,2	26,9	24,7	22,5	21,2
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	2,9	3,0	2,9	2,8	2,9	2,9	2,9
2. КРС на убой в убойном весе:							
в сельскохозяйственных организациях	32,7	31,6	32,5	32,4	32,0	31,9	33,1
в хозяйствах населения	62,6	63,1	61,9	61,3	60,8	60,2	58,6
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	4,7	5,3	5,6	6,3	7,2	7,9	8,3
3. Свины на убой в убойном весе:							
в сельскохозяйственных организациях	52,7	55,8	62,3	70,6	75,0	78,2	80,6
в хозяйствах населения	44,3	41,3	35,3	27,5	23,5	20,4	18,0
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	3,0	2,9	2,4	1,9	1,5	1,4	1,4
4. Птица на убой в убойном весе:							
в сельскохозяйственных организациях	88,4	89,2	89,8	90,3	90,8	91,5	91,6
в хозяйствах населения	11,0	10,0	9,3	8,8	8,1	7,4	7,3
в крестьянских (фермерских) хозяйствах	0,6	0,8	0,9	0,9	1,1	1,1	1,1

Источник: Структура производства основных видов продуктов животноводства по категориям хозяйств. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

Таблица 4. Производство основных видов импортозамещающих продуктов мясопродуктового подкомплекса в 2010–2016 гг., тыс. тонн

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мясо КРС парное, остывшее, охлажденное	220	190	178	199	183	203	213
Мясо КРС подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное	43,0	38,6	36,0	41,6	41,1	51,7	50,3
Свинина парная, остывшая, охлажденная	755	815	942	1232	1438	1655	1875
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	57,6	61,6	58,5	67,5	87,7	108	118
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	2774	3028	3405	3610	3979	4340	4457
Мясо парное, остывшее, охлажденное и субпродукты пищевые домашней птицы	1669	1777	2097	2230	2458	2715	2857
Мясо подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное и субпродукты пищевые домашней птицы	1061	1240	1293	1368	1507	1604	1575
Изделия колбасные	2439	2486	2533	2502	2476	2445	2411

Источник: Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/#

Прирост производства в отрасли обеспечивался за счет увеличения ресурсной базы и повышения эффективности ее использования. За анализируемый период поголовье свиней возросло с 17217,9 тыс. голов до 22027,7 тыс. голов, поголовье птицы увеличилось с 449,3 млн голов до 553 млн голов (по состоянию на конец года). Однако поголовье КРС снизилось с 19967,9 тыс. голов до 18752,5 тыс. голов³.

За 2010–2016 гг. в свиноводстве введено 217 новых комплексов и ферм, 81 объект модернизирован, в птицеводстве введено 90 новых птицефабрик, 143 модернизированы⁴. Комбикормовое производство страны нарастило объем с 16,9 млн. т в 2010 г. до 25,8 млн. т в 2016 г., при этом около 75% выпуска комбикормов обеспечивается агрохолдингами [6].

³ Поголовье сельскохозяйственных животных по категориям хозяйств. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/espomou/# (дата обращения 09.11.2017)

⁴ Об утверждении национального доклада о ходе и результатах реализации в 2015 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: распоряжение Правительства РФ от 10.05.2016 № 864-р; Об утверждении национального доклада о ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: распоряжение Правительства РФ от 03.05.2017 № 850-р.

Актуальной задачей отрасли является развитие племенного дела, поскольку отечественные производители в основном используют зарубежный племенной материал, зачастую не районированный к природно-климатическим условиям России. Значительная зависимость от импорта сложилась по премиксам, аминокислотам, пробиотикам, вакцинам, пищевым кислотам, красителям и т.п., поэтому необходимы строительство и модернизация отечественных заводов по их производству.

Министерство сельского хозяйства РФ отмечает важную роль интегрированных формирований в росте объемов производства в отрасли за счет реализации ими крупных инвестиционных проектов, создания необходимой инфраструктуры, модернизации всей технологической цепочки⁵.

Во многих развитых странах, например в США и ряде государств Западной Европы, вертикальная интеграция в мясной отрасли АПК является распространенной практикой и имеет тенденцию к расширению. В развивающихся странах также наблюдается активизация агропромышленной интеграции. Однако для зарубежных интегрированных структур характерна в основном контрактная «неполная» интегра-

⁵ Об утверждении национального доклада о ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: распоряжение Правительства РФ от 03.05.2017 № 850-р.

ция, когда выращивание скота является самостоятельным бизнес-процессом, реализуемым фермерскими хозяйствами [7-10].

Деятельность крупных интегрированных формирований в отечественном мясопродуктовом подкомплексе получила наиболее активное развитие в 2010-е гг., хотя первые попытки реализации стратегий интегрированного роста предприятиями отрасли были предприняты еще в 1990-е гг., когда в ходе проведения экономических реформ они столкнулись с конкуренцией на рынках мяса и мясных продуктов и необходимостью обеспечить выживаемость в новых экономических условиях.

На начальном этапе, в переходный период российской экономики, в мясопродуктовом подкомплексе наибольшее распространение получили интеграционные процессы вертикального типа. Стимулирующими факторами такого стратегического выбора выступили разрушение межотраслевых производственных связей, сформированных в командно-административной экономике; отсутствие у мясопереработки сырьевой базы необходимого качества и гарантированного сбыта продукции; недостаточность рыночной информации; неразвитость аграрных рынков; нехватка финансовых ресурсов. Стремление к преодолению вызовов новой среды переходной экономики привело к восстановлению ранее существовавших или формированию новых объединений, но уже на основе частной собственности и рыночного организационно-экономического механизма.

Во время финансового кризиса 1998 г. в России произошла резкая девальвация рубля, которая повысила конкурентоспособность отечественного продовольствия и инвестиционную привлекательность сельского хозяйства, особенно животноводства, поэтому интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе получили значительный импульс развития именно в этот период. Развитию крупных предприятий в определенной степени способствовала Федеральная целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996–2000 гг. В конце 1990-х–начале 2000-х гг. в ряде субъектов РФ началась активная поддержка создания агрохолдингов региональными

органами власти, в агропромышленную интеграцию были вовлечены новые инвесторы.

Анализ механизмов интегрирования показал, что в рамках вертикальной интеграции преобладающим являлся регрессивный вариант, осуществлявшийся перерабатывающими предприятиями. Основным фактором, определившим данный путь развития, стал дефицит качественного сырья, сформировавшийся после проведения приватизации и сокращения производства на животноводческих предприятиях, а затем усилившийся после финансового кризиса 1998 г. Прекращение импортных поставок и недостаточность объемов и качества мяса, производимого отечественными животноводческими предприятиями, привели перерабатывающие предприятия к решению сформировать собственную сырьевую базу путем интеграции с поставщиками, которые в большинстве случаев являлись убыточными хозяйствами. Вертикальная регрессивная интеграция в дальнейшем распространилась на комбикормовое производство.

Вертикальная прогрессивная интеграция встречалась реже. Слабая финансовая позиция сельскохозяйственных производителей не позволяла им выступить в качестве полноценного интегратора. Но имелись примеры прогрессивной интеграции перерабатывающих предприятий в отношении организаций сбыта и торговли, а также производителей кормов в отношении животноводческих предприятий.

Возможности для дальнейшего развития интегрированных структур, увеличения разнообразия видов интеграции, существенного наращивания объемов производства появились в 2000-е гг. в связи с началом действия в 2007 г. федерального закона «О развитии сельского хозяйства», реализацией в 2006–2007 гг. приоритетного национального проекта «Развитие АПК», продолженного в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг., и целевых программ по развитию сельскохозяйственной отрасли, принятых во многих субъектах РФ. Росту производства способствовали и протекционистские меры, в частности квоты на ввоз сырого мяса, введенные в 2003 г. для защиты внутреннего рынка.

В этот период в деятельности интегрированных формирований началась активная инвестиционная фаза, а компании, функционирующие в других отраслях АПК, проявили интерес к диверсификации деятельности в животноводство (например, агрохолдинг «Русагро», специализировавшийся на сахарном и масложировом направлениях, начал проект по строительству свиноводческого комплекса). На рынке мяса птицы начались процессы консолидации отрасли.

В 2008–2010 гг. в связи с финансово-экономическим кризисом многие интегрированные структуры испытали серьезные сложности с финансированием и отложили реализацию ряда запланированных инвестиционных проектов. Ряд агрохолдингов обанкротился. Однако государственная поддержка в виде дотации за выращенные и проданные птицу и скот за один килограмм живой массы позволила сохранить динамику развития многим предприятиям отрасли.

В 2010-е гг. мясопродуктовый подкомплекс России находится под влиянием разнонаправленных факторов. Пул факторов, создающих новые вызовы предприятиям отрасли, включал рост импорта после вступления страны в ВТО; проблемы с поступлением в 2013–2014 гг. федеральных субсидий на погашение процентных ставок по инвестиционным кредитам; финансово-экономический кризис 2014–2015 гг., проявивший себя в девальвации рубля, росте ставок по инвестиционным кредитам, снижении платежеспособности и перераспределении потребительских предпочтений населения; резкие колебания цен на мясо; сложную эпизоотическую ситуацию по АЧС; внесение в 2016 г. изменений в Федеральный закон «О торговле» и др.

С другой стороны, уникальная возможность для прорывного развития отечественного мясопродуктового подкомплекса появилась в связи с принятием в августе 2014 г. Указа Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», которым был закрыт импорт мяса из стран ЕС, США, Австралии, Канады и Норвегии. Производители свинины получили такой шанс еще раньше, в начале года, после запрета ввоза продукции свиноводства из США и стран ЕС по ветери-

нарным причинам. Растущую государственную поддержку, предусмотренную государственными программами развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. и 2013–2020 гг., многие интегрированные структуры мясопродуктового подкомплекса использовали для реализации новых инвестиционных проектов и расширения деятельности.

В этот период интегрированные формирования подкомплекса проводили углубление вертикальной интеграции, вовлекая в процесс производственные звенья по всей технологической цепочке. Крупнейшие агрохолдинги продолжили экспансию в регионы, проводили наращивание земельных площадей. В отличие от начального этапа, в процесс поглощений включались финансово устойчивые предприятия. Наблюдались диверсификация деятельности, расширение производственных интересов на другие аграрные отрасли, в том числе другие сферы АПК, то есть осуществление конгломератной интеграции (например, «Агро-Белогорье» начал строительство завода по производству сельскохозяйственного оборудования). В результате последовательного развития и сочетания различных форм интеграции характер взаимоотношений между участниками интеграционных объединений усложнился.

Агрохолдинги мясной отрасли в условиях обострившейся внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, появления на рынке продукции перерабатывающих производств ритейлеров, падения и стагнации спроса на мясо и мясные продукты осуществляли выход на новые рыночные сегменты мяса индейки, уток, говядины и др., развивали подразделения сбыта и торговли, усиливали политику брендинга и активизировали сотрудничество с логистическими посредниками и торговыми сетями. Ведущей стратегией развития крупных интегрированных структур стала система производства и реализации продукции «от поля до прилавка».

В результате крупным производителям удалось укрепить свои позиции, в то время как мелкие компании в условиях снижающихся реальных доходов населения и роста себестоимости продукции либо заняли узкие ниши, либо потеряли финансовую устойчивость.

Большое количество разорившихся в кризис 2014–2015 гг. производителей мяса привело к активизации процессов слияния и поглощения активов с низкой ликвидностью. Более 60% предприятий, находящихся на грани банкротства, были приобретены крупными агропромышленными холдингами. Консолидация рынка стала основным трендом 2016 г. [11].

Изучение организационных форм интеграции предприятий подкомплекса позволяет сделать вывод, что наиболее распространенной структурой является агропромышленный холдинг. Как уже упоминалось, законодательные нормы о деятельности холдингов в России отсутствуют, а «Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества» определяет холдинговую компанию как предприятие, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий⁶. На практике же холдинг представляет собой группу компаний, состоящую из головного и дочерних предприятий, управляемых головной компанией через контрольный или блокирующий пакет акций (долю в уставном капитале). Правовое обеспечение деятельности холдингов, защиты интересов их участников, акционеров, кредиторов в значительной степени отстает от требований времени.

Крупнейшими агропромышленными формированиями отрасли являются такие известные во многих регионах России предприятия, как «Агро-Белогорье», «Агроком», «Агрокомплекс», «Агроэко», «БЭЗРК-Белгранкорм»,

«Великолукский агропромышленный холдинг», «Дамате», «Евродон», «Мираторг», «Останкино», «Приосколье», «Продо», «Русагро», «Сибирская аграрная группа», «Черкизово» и др. Распределение агрохолдингов мясопродуктового подкомплекса по субъектам РФ отличается существенной неравномерностью, что связано с влиянием множества факторов (природно-климатические условия, экономико-географическое положение, плотность и социально-культурные особенности населения, управленческая компетентность руководителей предприятий и региональных органов власти и др.). Лидерами по объемам производства в отрасли являются Белгородская (со значительным отрывом), Курская, Челябинская, Брянская области и Ставропольский край⁷.

Следует отметить, что в мясопродуктовом подкомплексе лидирующие позиции занимают отечественные производители, в то время как во многих других отраслях АПК преобладает иностранный капитал. Так, в целом по агропродовольственному рынку и в переработке молока доля иностранного капитала достигает 60%, на рынке соков – 70%, на рынке замороженных и консервированных овощей и фруктов – соответственно 80 и 90% [12].

Концентрация производства в мясопродуктовом подкомплексе находится на среднем уровне (табл. 5). На отечественном агропродовольственном рынке наиболее высокой консолидацией характеризуются производство сахара и растительных масел, в то время как, например, производство яиц, молока, муки фрагментированы.

Таблица 5. Концентрация производства в мясопродуктовом подкомплексе, %

Показатели	Пять крупнейших производителей			Десять крупнейших производителей		
	2012	2014	2016	2012	2014	2016
Суммарная доля крупнейших производителей мяса птицы	42	36	45	55	52	52
Суммарная доля крупнейших производителей свинины	28	34	30	39	47	44
Источник: Анализ деятельности агрохолдингов в России. Режим доступа: http://www.agricons.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/						

⁶ О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий: указ Президента РФ от 16 нояб. 1992 г. № 1392.

⁷ Производство скота и птицы на убой в убойном весе. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения 09.11.2017).

Более половины продукции мясного птицеводства сконцентрировано в 10 крупных компаниях. Крупнейшим производителем мяса птицы является «Приосколье», его доля в общероссийском объеме в 2016 г. составляет 11%. На втором месте находится «Черкизово» с долей 10%, на третьем — «Ресурс» с 6%.

В производстве свинины доля 10 крупнейших производителей не превысила 50%. С 2010 года лидером в производстве свинины является «Мираторг», в 2016 г. его доля составила 11%. Второе место принадлежит «Русагро», третье — «Черкизово» (более 5% рынка у каждой из компаний).

Концентрация на рынке продукции мясопереработки существенно ниже: на долю 5 крупнейших производителей приходится около 22%. Лидером на российском рынке мясопереработки является «Черкизово» с долей 7% [6, 13, 14].

В дальнейшем возможен рост концентрации производства в крупных интегрированных формированиях индустриального типа с усилением роли агрохолдингов национального уровня во всех трех названных отраслях [11].

Самая низкая концентрация производства наблюдается в мясном скотоводстве. Производством говядины занимается значительное число небольших предприятий, использующих, по большей части, шлейф молочного стада. На 5 ведущих производителей приходится около 3% общего объема производства. В перспективе возможно повышение степени концентрации производства мяса КРС, но в связи с технологическими особенностями ее уровень останется наиболее низким среди отраслей мясопродуктового подкомплекса [15].

В странах с транзитивной экономикой наблюдается близкий по значению уровень концентрации производства. Так, на Украине 14 крупнейших производителей отрасли мясопереработки обеспечивали 35% объема реализации; доля 30 крупнейших производителей составляла 46%. В развитых странах уровень концентрации производства также является высоким. Например, в США 4 крупнейшим производителям принадлежало 35% производства мяса и мясопродуктов, а 8 крупнейших производителей контролировали 50% рынка [16, 17].

Различия в уровнях концентрации и развития вертикальной интеграции в отраслях мясопродуктового подкомплекса России идентичны

наблюдаемым в мировой практике: наибольшая их степень характерна для птицеводства, близкая к ней — для производства свинины и низкая — для мясного скотоводства [18, 19].

О результативности реализации стратегий интегрированного роста крупных компаний мясопродуктового подкомплекса АПК России свидетельствует тот факт, что в рейтинге *Forbes* «200 крупнейших частных компаний России-2016» из 18 производителей, ведущих свою деятельность в АПК, 6 специализируются на выпуске мясной продукции и 4 имеют производство, относящиеся к мясной отрасли. Все они являются интегрированными формированиями [20].

Деятельность крупнейших производителей национального уровня вносит существенный вклад в агропромышленное производство страны и решение вопросов продовольственной безопасности. В то же время следует отметить значимость для социально-экономического развития субъектов РФ и федеральных округов интегрированных формирований регионального масштаба.

В 2015–2016 гг. в условиях сокращения импорта мяса и мясной продукции и снижения потребительского спроса в связи с падением реальных денежных доходов населения произошло насыщение внутренних рынков свинины и куриного мяса, на которых обострилась конкуренция. Рост производства начал опережать потребление, а производители стали говорить о достижении отраслью «дна рентабельности». В настоящее время импортозамещение в мясной отрасли практически закончено, а прогнозы по росту потребления на внутреннем рынке очень осторожны (в свиноводстве и птицеводстве уже существует риск внутреннего перепроизводства), тогда как, на фоне снижения роста мировой торговли в целом, объем международной торговли продуктами питания продолжает увеличиваться [21].

Таким образом, возможности дальнейшего стабильного функционирования и роста отрасли заключаются в выходе на новые, зарубежные рынки сбыта. По поставкам свинины и говядины перспективными являются рынки Индонезии, Сингапура, Саудовской Аравии, Китая, Ирана, Японии, Бразилии. Экспорт мяса птицы и субпродуктов возможен в Китай, страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Согласно приоритетному государственному проекту «Экспорт продукции АПК», объем российского экспорта мяса и мясных субпродуктов в 2017 г. должен составить 0,2 млрд. долл. США, в 2018 г. — увеличиться до 0,32 млрд. долл. США, а к 2025 г. достичь 1,75 млрд. долл. США⁸. При этом основную ставку в обеспечении объема экспортных поставок государство делает на крупнейшие агрохолдинги.

Основной задачей в развитии экспорта мяса и мясопродуктов является получение разрешений от регулирующих органов стран-импортеров на доступ российских производителей на соответствующие рынки. Определенные успехи в этом направлении уже достигнуты. В результате работы, проводимой Россельхознадзором, в 2016 г. было получено право экспорта различных видов мяса и мясной продукции в Египет, Иран, Иорданию, Ирак⁹. Группа «Черкизово» получила разрешение на экспорт мяса кур в ОАЭ. К 2019 г. группа планирует довести долю экспорта в общем объеме реализации мяса кур до 15–20%, прежде всего за счет поставок в Египет, Иран, Ирак и Китай. «Мираторг» в 2016 г. осуществлял поставки мясной продукции в Иран, Гонконг и ОАЭ. Компания планирует за три года увеличить долю экспорта с 5 до 25% главным образом за счет поставок на китайский рынок.

Одним из перспективных видов продукции в плане развития экспорта является мясо индейки. Основными рынками сбыта для него являются африканские и азиатские страны — Сьерра-Леоне, Габон, Гонконг, Вьетнам. Группа «Дамате» планирует развивать экспортные поставки мяса индейки в Сербию, другие европейские страны, ОАЭ, Саудовскую Аравию и довести долю экспорта в общем объеме производства до 25%. Крупнейший российский производитель мяса уток и индейки «Евродон» заключил контракт на поставку продукции из мяса уток в Китай [21].

⁸ Паспорт приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК». URL: <http://static.government.ru/media/files/cMQSd7VmfBXrGXLv6ncG3ZNq8QtzOvAH.pdf> (дата обращения 09.11.2017)

⁹ Об утверждении национального доклада о ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: распоряжение Правительства РФ от 03.05.2017 № 850-р.

Дальнейшее развитие конкурентоспособного на мировом уровне производства мясопродуктового подкомплекса связано с внедрением инновационных способов изготовления и упаковки продукции, в том числе биотехнологий, для выпуска качественных и безопасных, экологически чистых продуктов питания, спрос на которые растет как за рубежом, так и внутри страны. Если во второй половине XX в. основной вклад в рост продуктивности сельского хозяйства был связан с внедрением узкоспециализированных технологий, специального оборудования и т.п., то сегодня прорывы в аграрной сфере связаны с реализацией платформенных технологических пакетов¹⁰. Драйверами технологического развития в мясопродуктовом подкомплексе способны выступить именно крупные интегрированные формирования.

Полемика по поводу результатов

В современной России осуществляется модель развития мясопродуктового подкомплекса, которая основана на вертикально интегрированных промышленных комплексах с полным циклом производства от комбикормовых заводов до глубокой переработки мяса. Вертикальная интеграция характерна в основном для предприятий птицеводства, свиноводства и переработки их продукции, поскольку в этих отраслях высок уровень концентрации и механизации, способствующий достижению эффективности за счет масштабов производства в крупном бизнесе.

Развитие интеграционных процессов в отрасли, пропустив характерный для мировой практики этап контрактной формы отношений, сразу началось с наиболее «жесткого» варианта интеграции, основанного на передаче собственности и централизации управления в руках компании-интегратора.

Многие страны, например европейские государства, вертикальную интеграцию через долю в собственности практически не используют, а реализуют иной путь, основанный на самостоятельно функционирующих комбикормовых заводах и мясокомбинатах и фермерском

¹⁰ Об утверждении Прогноза научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года: приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 12 янв. 2017 г. № 3.

животноводстве, обеспечивающем мясопереработку необходимым сырьем. Интеграция фермерства в крупный бизнес происходит посредством заключения долгосрочных договоров на поставку продукции [7, 22]. В России малые формы хозяйствования не встроены в вертикальные производственные цепочки, занимая отдельные узкие ниши на продуктовом рынке.

Результаты деятельности агрохолдингов российского мясопродуктового подкомплекса в полной мере демонстрируют реализацию преимуществ крупного производства: наличие финансовых возможностей приобретения современных технологий и оборудования; повышение продуктивности сельскохозяйственного производства; получение более благоприятных условий кредитных заимствований; способность оказывать влияние на конкурентную ситуацию за счет значительной доли рынка; возможность поставок в крупные торговые сети; более высокую активность в реализации инновационного пути развития производства; возможности привлечения высококвалифицированных специалистов; наличие средств для улучшения условий труда и быта, профессионального и культурного развития работников и др.

Кроме того, вертикальная интеграция производства дает возможность обеспечить сырьевую базу мясопереработки в требуемом объеме и гарантированном качестве; сократить транзакционные издержки посредством перевода сделок из рыночных структур во внутренние подразделения компании; минимизировать затраты на логистику путем кластерного развития полного цикла производства на определенной территории; оптимизировать налоговую нагрузку за счет исключения налогов на промежуточные продукты и перемещения производств на территории с более благоприятными налоговыми условиями; снизить предпринимательские риски с помощью их распределения по различным сегментам рынка и контроля за всей производственно-сбытовой цепочкой; за счет обеспечения полного контроля качества сырья и его комплексной переработки расширить ассортимент, реагировать на меняющиеся запросы потребителей, повысить конкурентоспособность продукции, снизить себестоимость; улучшить информационную обеспеченность деятельности; решать

экологические проблемы с помощью использования безотходных технологий.

В результате сочетания названных преимуществ возникает упоминавшийся ранее синергетический эффект — появление у интегрированного формирования новых системных свойств, обеспечивающих рост общего эффекта до величины большей, чем сумма эффектов его участников, действующих отдельно. Преимущества крупного производства и его большая устойчивость к неблагоприятным либо неожиданным изменениям во внешней среде функционирования бизнеса особенно ярко проявились в кризисные для экономики страны годы.

В то же время интеграционные процессы в российском мясопродуктовом подкомплексе имели и негативные экономические и социальные последствия. Среди них можно назвать монополизацию рынка и снижение конкуренции, сужение возможностей для развития и вытеснение из отрасли малого и среднего бизнеса, создание барьеров входа на рынок; недоступность для мелких производителей и владельцев личных подсобных хозяйств плодородных земель, перешедших в распоряжение интегрированных структур и в ряде случаев образовавшихся латифундии; политическое и экономическое лоббирование, в том числе в получении господдержки; возникновение противоречий в экономических интересах участников интегрированных формирований; рост непроизводительных расходов на управление разветвленными организационными структурами агрохолдингов; резкую поляризацию сельского населения по возможностям занятости и уровню доходов, нарушение устоев традиционного сельского уклада жизни, ухудшение экологической обстановки на территориях размещения крупных животноводческих комплексов, вызывающие протестные настроения местного населения и усиливающие социальную напряженность и др.

Для предотвращения и снижения отрицательного воздействия названных явлений необходимо государственное регулирование развития интеграционных процессов на всех уровнях управления. В настоящее время государство усилило внимание к наиболее проблемной и специфичной отрасли мясопродуктового подкомплекса — мясному скотоводству. К развитию интегрированных структур в данной

отрасли необходимо применить взвешенный подход. Из-за удлиненного производственного цикла целесообразность существования в ней вертикально интегрированных формирований вызывает вопросы. С другой стороны, именно в мясном скотоводстве без эффекта масштаба производства сложно окупить инвестиционные затраты и сократить удельные издержки, являющиеся самыми высокими в мясной отрасли. В зарубежном мясном скотоводстве вертикальная интеграция не распространена, однако в нашей стране производители сталкиваются с той же проблемой отсутствия аграрного аутсорсинга, которая возникла в 1990-е гг. в свиноводстве и привела к созданию интегрированных структур в отрасли. Возможно, эффективным вариантом будет создание региональных кооперационных центров мясного скотоводства, интеграция малого и среднего бизнеса, специализация по выращиванию и переработке стандартизированного производства красной говядины [23].

Позиция автора заключается в признании необходимости разумного сочетания в подкомплексе крупных агропромышленных формирований, средних сельскохозяйственных организаций, фермерских и личных подсобных хозяйств, позволяющего обеспечить реализацию преимуществ каждой из форм хозяйствования, экономический рост в отрасли и устойчивое развитие сельских территорий.

Результаты проведенного исследования дают основания определить следующие направления эффективного развития интеграционных процессов и интегрированных структур в мясопродуктовом подкомплексе АПК, на которых предлагается сосредоточить усилия государства, бизнеса, отраслевых ассоциаций и научной общественности:

- обеспечение эффективного выхода интегрированных структур на мировой агропродовольственный рынок;
- реализация полномасштабных противоэпизоотических мер борьбы с болезнями животных, в первую очередь с АЧС, представляющей основную угрозу для развития свиноводства;
- создание правовой базы по имущественным и распределительным отношениям между участниками интегрированных структур, в том числе принятие федерального закона о холдингах;

- развитие научно-методического обеспечения в области организационно-экономического механизма деятельности интегрированных формирований с учетом интересов всех участников;

- организация государственного статистического наблюдения функционирования интегрированных структур с целью формирования системы статистических показателей, комплексно характеризующих их деятельность;

- сосредоточение инвестиционной активности интегрированных формирований на модернизации производства и сбыта, развитии селекционно-генетической и кормовой базы;

- вертикальная интеграция производителей с научно-исследовательскими структурами с созданием научно-производственных объединений с целью формирования инновационной направленности развития отрасли;

- создание и расширение контрактных форм интеграции, межорганизационных взаимодействий и институциональных формирований;

- развитие диверсификации деятельности интегрированных формирований (в сторону глубокой переработки, охвата новых регионов, проектов по мясному скотоводству), увеличение объемов выпуска для развивающихся сегментов рынка (мяса индейки, утки, кролика и др.), повышение безопасности и качества продукции;

- использование современного научно-методического обеспечения корпоративного стратегического управления, управления бизнес-процессами и качеством, маркетинга;

- регулирование государством деятельности интегрированных структур, в том числе посредством совершенствования земельного законодательства, с целью нивелирования отрицательного воздействия на конкурентную среду, экологическую ситуацию, социально-экономическую обстановку на селе;

- регионализация государственной политики по поддержке интегрированных структур с учетом особенностей субъектов РФ и текущего уровня развития вертикально интегрированных производств на соответствующих территориях;

- усиление внимания к корпоративной социальной ответственности агропромышленных интегрированных формирований, решению ими социальных задач;

– развитие механизмов государственно-частного партнерства при создании интегрированных структур в «точках роста» и реализации интегрированными формированиями крупных инвестиционных проектов.

Результаты проведенного исследования, систематизирующие и конкретизирующие содержание и генезис агропромышленной интеграции с учетом российской и отраслевой специфики, расширяют научные представления об интеграционных процессах в мясопродуктовом подкомплексе АПК, способствуют

преодолению фрагментации научного знания в данной предметной области, вносят вклад в формирование информационной базы для проведения дальнейших теоретических и прикладных исследований и могут быть использованы при разработке программ развития мясопродуктового подкомплекса АПК и сельских территорий, механизмов государственной поддержки производства мяса, подготовке предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы деятельности интегрированных структур.

Литература

1. Карелина М.Г. Комплексная оценка интеграционной активности бизнес-структур в российских регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5(47). С. 103-121. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.6
2. Скодтаева К.К. Сравнительный анализ теоретических подходов исследования интеграции хозяйствующих субъектов // Экономические и гуманитарные науки. 2016. № 5(292). С. 102-109.
3. Ильин И.А. Процессы кооперации и интеграции предпринимательских структур в аграрном секторе экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1. С. 72-77.
4. Кожевников С.А. Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6(48). С. 53-69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3
5. Чекмарев О.П. Интеграционные процессы в АПК: значение, экономика, потенциал // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2012. № 26. С. 205-211.
6. Анализ деятельности агрохолдингов в России. URL: http://www.agricons.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/ (дата обращения 09.11.2017).
7. Nayenga M.L., et al. *Meat Packer Vertical Integration and Contract Linkages in the Beef and Pork Industries: An Economic Perspective*, May 22, 2000, American Meat Institute, Arlington, VA. 99 p.
8. *Livestock Development, the Environment, Poverty and Global Food Security: A strategy paper for the World Bank*. Washington DC, World Bank, 2001. 96 p.
9. Reimer J.J. Vertical Integration in the Pork Industry. *American Journal of Agricultural Economics*, 2006, vol. 88, no. 1, pp. 234–248.
10. Some Issues Associated with the Livestock Industries of the Asia-Pacific Region / *Rap publication*, 2002, no. 6. 97 p.
11. Загоровская В. 2016 год глазами бизнеса и аналитиков // Мясная сфера. 2016. № 6. С. 12-21.
12. Osokina N.V., Kazantseva E.G. Strengthening of the Economic Power of the Dominating Entities in the Food Industry. *Foods and Raw Materials*, 2016, vol. 4, no. 2, pp. 190–200.
13. Группа Черкизово. Годовой отчет 2016. URL: http://cherkizovo.com/upload/files/Cherkizovo_AR2016_web.pdf (дата обращения 09.11.2017).
14. Загоровская В. Инвестиции в свиноводство // Мясная сфера. 2016. № 2. С. 12-17.
15. Мальшев П.В., Голохвастов А.М. Производство мяса в России – проблемы и перспективы. URL: <http://www.agricons.ru/ru/publikatsii/nashi-publikatsii/120-proizvodstvo-myasa-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения 09.11.2017).
16. Giamalva J. *Pork. Industry and Trade Summary*. Publication ITS-011. Washington, DC: U.S. International Trade Commission, September 2014. 82 p.

17. Matyukha A., Perekhozhuk O. Competition or Market Power in the Ukrainian Meat Supply Chain? *Multi-level Processes of Integration and Disintegration. Schaft Fr., Balmann A. (eds.) Studies on the Agricultural and Food Sector in Central and Eastern Europe, 2009, vol. 52, pp. 127-137.*
18. Alyson J. *Vertical Integration in the Beef Industry.* Available at: <http://smallbusiness.chron.com/vertical-integration-beef-industry-14614.html>
19. Ward C.E. Vertical Integration Comparison: Beef, Pork, and Poultry. *Current Farm Economics*, 1997, vol. 70, p. 16-29.
20. Родионова Е.В. Стратегии интегрированного роста в развитии предприятий мясопродуктового подкомплекса АПК // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 8. Ч. 2. С. 148-153.
21. Avdokushin E. F., Kudryashova I. A. Some Trends in Russian Food Product Export in the Meaning of the International Trade Development. *Foods and Raw Materials*, 2016, vol. 4, no. 2, pp. 148–156.
22. *Solutions for Sustainable Agriculture and Food Systems. Technical Report for the Post-2015 Development Agenda.* N.Y.: Thematic Group on Sustainable Agriculture and Food Systems of the Sustainable Development Solutions Network, Sept. 13. 108 p.
23. Кнут и пряник: как помочь мясному скотоводству России? // Мясная промышленность. 2017. № 2. С. 62-64.

Сведения об авторе

Елена Витальевна Родионова — кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3; e-mail: rodionovaev@volgatech.net)

Статья поступила 26.06.2017.

Rodionova E.V.

Integration Processes in the Meat Products Sub-Complex of the Agro-Industrial Complex of Russia: Results, Specifics and Ways of Development

Abstract. The Russian agro-industrial complex is characterized by a variety of integration processes, complexity of their forms, contradictory nature of integration results, strengthening of the impact of the integration on the rates of economic growth and development of export potential of the country. In this regard, it is becoming highly relevant to study agro-industrial integration in various sectors of the agro-industrial complex, to define the socio-economic role of integration units, and to substantiate scientifically the prospects for further development of integration processes. The aim of the present work is to carry out a comprehensive study of the processes of agro-industrial integration in the meat products sub-complex of the agro-industrial complex of Russia, to identify their characteristics and areas of further development. The research is carried out in the framework of the system approach to the study of socio-economic phenomena and we use abstract-logical, historical, economic-statistical, and expert methods. The article analyzes the main indicators of development of the industry and concludes that the meat products sub-complex is one of the most dynamically developing sectors of the domestic agro-industrial complex, in which there is a trend of increasing production, import substitution, and exports of meat and meat products. We conclude that integration processes are dominated by vertical regressive integration, and the prevailing organizational form is agro-industrial holding; besides, we point out that Russian capital plays a major role in the production of meat and meat products. We reveal that among the branches of meat product sub-complex, poultry farming has the highest level of production concentration, it is followed by pig farming; as for beef cattle breeding, the concentration level is low there. In recent years, large

agricultural holdings within the sub-complex deepened their vertical integration, continued expansion into the regions, and extended their production interests to other agricultural sectors. We conclude that the activity of integrated formations of the meat products sub-complex of the Russian agro-industrial complex fully demonstrates the implementation of advantages of large-scale production and agro-industrial integration, but it also has certain negative socio-economic consequences. In conclusion, we put forward the ways of further development of integration processes, on which the efforts of the state, business, industry associations and the scientific community should be focused.

Key words: agro-industrial complex, meat products sub-complex, integration processes, integrated unit, agricultural holding.

Information about the Author

Elena V. Rodionova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Volga State University of Technology (3, Lenin Square, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation; e-mail: rodionovaev@volgatech.net).

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.11

УДК 314.144, ББК 60.70

© Нацун Л.Н., Шабунова А.А.

К вопросу об экономической цене инвалидности*

Лейла Натиговна

НАЦУН

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: leyla.natsun@yandex.ru

Александра Анатольевна

ШАБУНОВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: aas@vscc.ac.ru

Аннотация. Цель настоящей работы – определение масштабов экономического ущерба вследствие инвалидизации российского населения. Исследование выполнено на основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов, официальных документов международных организаций, данных государственной статистики. Предложена концептуальная схема, раскрывающая системные связи инвалидизации населения с другими социально-экономическими проблемами. Показано, что одним из важнейших условий снижения экономических потерь от инвалидности выступает разработка и проведение социальной политики, стимулирующей реализацию трудового потенциала инвалидов. Сформулированы рекомендации, касающиеся выбора приоритетных показателей, на которые необходимо ориентироваться при выполнении программ по содействию трудоустройству инвалидов, их профессиональной реабилитации. Рассмотрены последствия инвалидности, связанные со снижением общественного здоровья, и вызванные ею

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту РНФ №16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Для цитирования: Нацун Л.Н., Шабунова А.А. К вопросу об экономической цене инвалидности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 160-174. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.11

For citation: Natsun L.N., Shabunova A.A. On the issue of economic cost of disability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 160-174. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.11

экономические потери. Экономические потери разделены нами на две группы: первая – затраты на социальную поддержку инвалидов и их семей, вторая – издержки, обусловленные незанятостью инвалидов. Потери в виде недопроизводства ВВП неработающими инвалидами составили в 2015 г. 11,3 трлн. рублей. Показано, что часть из них может быть компенсирована путём совершенствования системы содействия трудоустройству инвалидов. Подтверждена целесообразность дифференциации социальной политики в отношении инвалидов в зависимости от их возраста и состояния здоровья. Среди инвалидов 39% составляют лица в возрасте старше 60 лет. Инвалидов трудоспособного возраста больше среди мужчин. Возрастная структура группы занятых инвалидов и лиц с инвалидностью, не входящих в состав рабочей силы, смещена к старшим категориям, тогда как среди безработных распределение более равномерное. Эта особенность указывает, что не возраст является ограничением для трудоустройства инвалидов, а состояние их здоровья и готовность работать в условиях, которые предлагает работодатель. Подтверждением данного вывода служат наиболее высокая занятость среди инвалидов третьей группы (25% среди мужчин и 19% среди женщин) и слабая распространённость гибких форм трудового договора (88% занятых инвалидов в 2016 г. трудились полный рабочий день). Полученные результаты могут представлять интерес для специалистов, ведущих научные исследования воздействия инвалидности на экономическое развитие территорий, а также для специалистов в сфере социального управления. В перспективе планируется более подробное изучение воздействия инвалидизации населения на экономическое развитие на региональном уровне.

Ключевые слова: качество населения, инвалиды, экономические последствия инвалидности, социальное управление.

Актуальность

Инвалидизация населения – комплексная проблема, затрагивающая все сферы жизни общества: духовную, социальную, экономическую и политическую. Истоками инвалидизации населения выступают бедность и неравенство, ненадлежащие условия труда, некачественная медицинская помощь, травмы. В странах мира с высоким экономическим развитием наибольшую долю первичного выхода на инвалидность обуславливают длительные (хронические) заболевания. Это вызвано эпидемиологическим переходом и демографическим старением. Бедность, неравенство в доступе к медицинской помощи являются факторами инвалидизации населения бедных и развивающихся стран, где система социальной защиты находится ещё на стадии формирования. Именно в условиях слабого развития социального государства проблемы инвалидизации населения и организации социальной поддержки людей с инвалидностью приобретают особенную остроту.

Обращение к социальному компоненту конструирования инвалидности впервые законодательно зафиксировано в тексте Конвенции ООН «О правах инвалидов», принятой

резолюцией Генеральной Ассамблеи 13 декабря 2006 года¹. В настоящее время именно на преодоление социального исключения инвалидов направлены усилия гражданского общества и государства. Следует отметить, что концептуальные изменения в теории инвалидности были параллельны происшедшим историческим событиям. После оформления социальной модели инвалидности в качестве самостоятельного теоретического конструкта стали активно развиваться исследования, направленные на решение проблем социальной защиты инвалидов, создания доступной среды, обеспечения равного участия [1]. Анализ тематики 1048 работ, касающихся инвалидности, размещённых в Российской научной электронной библиотеке (e-library.ru) в 2008–2017 гг., показывает, что в рамках демографии и экономических дисциплин инвалидность рассматривалась главным образом в контексте ухудшения качества населения. Популярными направлениями стали также исследования инклюзивного образования,

¹ Конвенция ООН «О правах инвалидов». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability

формирования доступной среды, технологий реабилитации, занятости инвалидов, защиты их прав. Данная работа включает обобщение и анализ накопленного теоретического материала, выделение подходов к исследованию инвалидности, определение её места среди проблем, изучаемых в рамках экономики народонаселения.

Связь инвалидизации как одного из параметров качества населения с показателями экономического развития государства иллюстрируется в прикладной части работы, посвященной определению масштабов экономического ущерба вследствие инвалидизации российского населения. В ходе достижения цели исследования предполагается решить ряд исследовательских задач:

- 1) обзор основных концепций, затрагивающих проблемы качества населения;
- 2) определение места инвалидности в ряду понятий, характеризующих качество населения;
- 3) рассмотрение места инвалидности в системе социальных проблем;
- 4) анализ трендов показателей инвалидизации населения;
- 5) оценка экономической цены инвалидности в России;
- 6) формулировка рекомендаций по снижению экономических потерь от инвалидности населения.

Информационную базу исследования составили данные государственной статистики, работы российских и зарубежных авторов. В заключительной части статьи представлено обсуждение результатов работы, перспектив практического использования полученных выводов.

Результаты

1. Обзор основных концепций, затрагивающих проблемы качества населения, сохранения его потенциалов и развития.

Работы первых экономистов уже содержали обращение к населению как объекту научного исследования. Учёных интересовали численность населения, его возрастная и гендерная структура, рождаемость и смертность. Демография развивалась параллельно с совершенствованием системы государственного статистического учёта. Основные закономерности

динамики населения, его структуры были выявлены ещё в XIX веке. В дальнейшем происходило углубление понимания причин и факторов, определяющих характеристики народонаселения на конкретных территориях. Первые концептуальные обобщения взаимосвязи экономического развития стран и характеристик их народонаселения принадлежат таким выдающимся учёным, как А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус, К. Маркс. Многие идеи, высказанные ими, актуальны по сей день.

Помимо исследования влияния экономических факторов на воспроизводство населения учёных интересовало влияние демографических факторов на развитие экономики. Идею о том, что развитие человеческих качеств — одно из условий экономического процветания, высказали основоположники теории человеческого капитала — Т. Шульц [2] и Г. Беккер [3]. Впоследствии понимание роли человеческого фактора в экономическом развитии было расширено. Способности индивидов, которые не находят непосредственного применения в производстве в текущий момент, но могут быть активизированы в дальнейшем, стали рассматривать в рамках концепции человеческого потенциала [4]. В работах А. Сена по-новому была осмыслена связь между экономическим процветанием и становлением гражданского общества. А предложенная им концепция человеческого развития получила широкое признание среди социологов и экономистов [5].

В России систематические исследования взаимосвязей экономического развития и демографических процессов ведёт коллектив ИСЭПН РАН. Тематика работ охватывает вопросы качества социального управления, человеческого потенциала территорий, качества населения, анализ социального неравенства, качества и уровня жизни населения. Выводы исследований подтверждают глубокую связь экономических и социальных процессов, в том числе на уровне регионов [6]. Так, А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута показали, что снижение избыточного неравенства в России позволит не только остановить депопуляцию, но и обеспечит существенно более высокие темпы экономического роста [7]. Сходные по тематике исследования ведёт и коллектив ВолНЦ РАН [8; 9; 10].

2. *Определение места инвалидности в ряду понятий, характеризующих качество населения.*

Экономика народонаселения даёт возможность обратиться непосредственно к тем характеристикам общества, которые составляют основу человеческого потенциала. Одним из таких базовых компонентов служит здоровье людей [11]. Все случаи его нарушения негативно отражаются на производительности труда, влекут за собой финансовые потери для работодателей и экономики страны в целом. Здоровье индивидов, выступая драйвером экономического развития общества, обеспечивает и его воспроизводство.

Наиболее тяжёлое проявление нездоровья – инвалидизация населения. Представления о сложной природе инвалидности легли в основу Конвенции о правах инвалидов. В документе указано, что помимо медицинского фактора к формированию инвалидности приводит наличие средовых и отношенческих барьеров. Эта трактовка, в отличие от альтернативных подходов, позволяет рассматривать повышение социального участия инвалидов через устранение подобных барьеров как один из путей снижения потерь общества от инвалидизации населения. В частности, социальная инклюзия инвалидов может частично компенсировать снижение качества населения вследствие инвалидизации.

Такое понимание природы и последствий инвалидности в большей степени согласуется с комплексным подходом к её исследованию, в рамках которого инвалидность понимается как проблема деятельности в условиях ограниченной свободы выбора. Данная трактовка делает возможным обсуждение индивидуальности проявлений социально-экономических последствий инвалидности, учёт которых необходим, например, при разработке реабилитационных программ (табл. 1).

Следует согласиться с отечественными учёными, которые отмечают ключевую роль социологических исследований в формировании более глубокого представления об инвалидности. По данным Е.В. Воеводиной и Д.С. Райдугина [14], в России, с момента вступления в силу Конвенции ООН «О правах инвалидов» (2008), в период до 2013 года было защищено более 500 диссертаций, тематика которых касалась инвалидности, причём 200 работ были подготовлены в области социологических наук. Всестороннее изучение социальных аспектов инвалидности значительно расширило представления о её природе и последствиях для общества. Так, обращение к концепции социальной эксклюзии позволяет по-новому взглянуть на понимание качества жизни. В то же время вопросы, касающиеся исследования человеческого потенциала

Таблица 1. Подходы к исследованию инвалидности и некоторые примеры определений данного термина

Подход	Определение и источники
Медицинский	Инвалидность – отсутствие способности самостоятельно обеспечивать (как полностью, так и частично) потребности нормальной личной и (или) социальной жизни в силу какого-либо недостатка, будь то врождённый или приобретённый, своих физических или умственных возможностей (Декларация ООН «О правах инвалидов», 1975)
Правовой	Инвалидность – определённая «степень ограничения жизнедеятельности вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, вызывающим необходимость социальной защиты» (О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (с изм. от 01.02.2012); О порядке и условиях признания лица инвалидом : Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95).
Социологический	Инвалидность – устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать полному и эффективному участию человека в жизни общества наравне с другими [Конвенция ООН «О правах инвалидов»].
Политологический	Инвалидность – состояние ограниченности возможностей человека, которое обусловлено не столько физиологическими показателями, сколько социально-политическими условиями, которые формируются на уровне государства и напрямую зависят от государственной политики, с одной стороны, и от активности этого индивида по поводу удовлетворения своих потребностей в структурах гражданского общества – с другой [12].
Комплексный	Инвалидность – проблема деятельности человека в условиях ограниченной свободы выбора, которая включает в себя несколько аспектов: правовой, социальный, психологический, общественно-идеологический, экономический, анатомо-функциональный [13].
Источник: составлено авторами.	

инвалидов, влияния инвалидизации населения на экономическое развитие, требуют применения экономического подхода. В частности, финансирование политики в сфере социальной защиты инвалидов в свете концепции человеческого капитала предстаёт не в качестве затрат государства, а в роли инвестиций [15]. Исследовать их эффект представляется задачей первоочередной значимости для практики социального управления. Научное осмысление данной проблематики, в свою очередь, наиболее уместно в рамках экономики народонаселения.

В современных международных соглашениях и планах развития находит отражение комплексный подход к решению проблемы преодоления негативных последствий инвалидности. К примеру, в Проекте Глобального плана ВОЗ по инвалидности на 2014–2021 гг. указано, что инвалидность и бедность тесно взаимосвязаны и «увечивают друг друга», что объясняет распространение инвалидности в бедных странах [16]. В тексте документа также сделан акцент на том, что «ВОЗ признает инвалидность в качестве глобальной проблемы общественного здравоохранения, вопроса прав человека и приоритета в области развития» и что «инвалидность может привести к более низкому уровню жизни и к бедности в результате отсутствия доступа к образованию, занятости и получению дохода и в результате более высоких расходов, связанных с инвалидностью».

Всё перечисленное позволяет говорить о необходимости сочетания разных подходов при исследовании инвалидности. Причём в таком исследовании концепция качества населения становится связанной с концепцией социальной эксклюзии через понятие качества жизни. Большой круг проблем, в которые входит инвалидизация населения, можно описать следующим образом: распространение бедности вызывает снижение общественного здоровья, в том числе распространение инвалидности, это влечёт за собой снижение человеческого потенциала, производительности труда, замедление экономического развития. В ответ на замедление экономического развития происходит сокращение социальных расходов государства, что обуславливает неэффективное социальное управление, поскольку выделяемых ресурсов оказывается недостаточно для реализации системных решений. Как результат, усиливает-

ся социальное неравенство, бедность распространяется дальше. Инвалидность в условиях неготовности общества к интеграции приводит к социальной эксклюзии инвалидов. Следствием этого становится распространение бедности среди представителей данной категории граждан, закрепление их уязвимого положения. В масштабах всего общества распространение инвалидности означает увеличение доли населения, нуждающегося в особой поддержке государства, а следовательно, рост контингента получателей социальных пособий. При недостаточном финансировании мероприятий социальной политики, ориентированной на сохранение общественного здоровья и формирование равных возможностей для всех граждан, само по себе обеспечение госгарантий по выплате пособий не позволяет минимизировать негативные экономические последствия инвалидности (рис. 1).

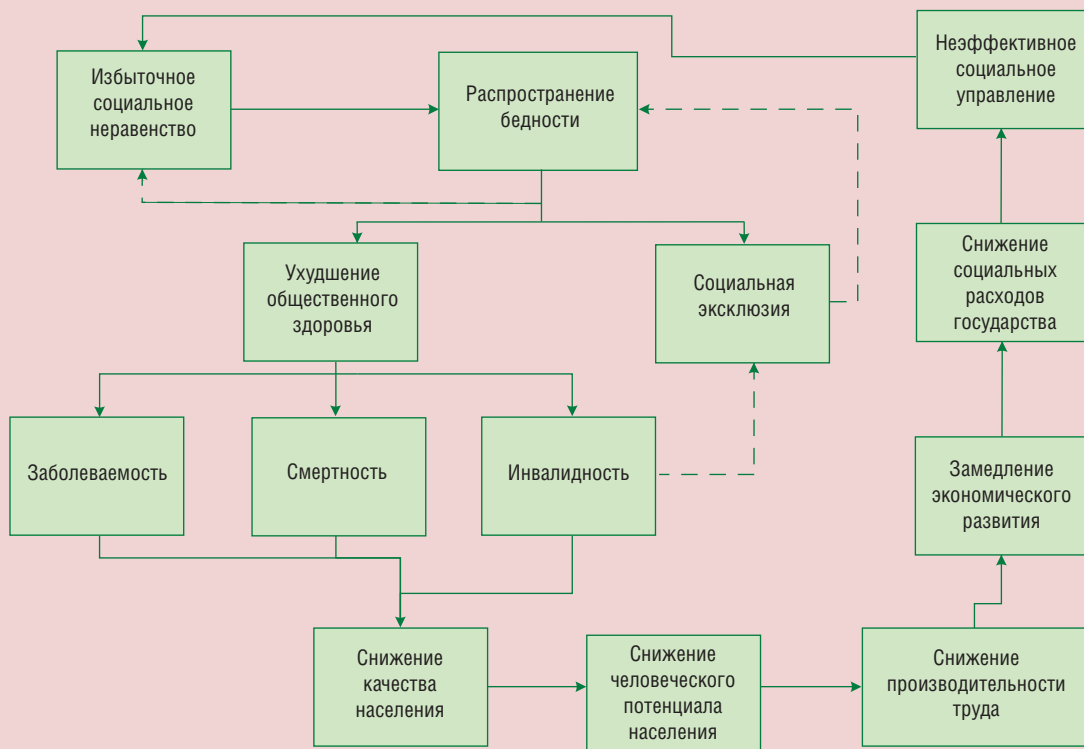
Инвалидность, с одной стороны, отражает негативные изменения в состоянии общественного здоровья, с другой стороны, её масштабы и объёмы причинённого экономического ущерба указывают на степень социально-экономического благополучия территории, характеризуют качество социального управления.

3. Анализ трендов показателей инвалидизации населения.

По данным за 2017 год число инвалидов, проживающих в России, составило 12,259 млн. человек, из которых 3,651 млн. чел. — инвалиды трудоспособного возраста. За период с 2011 по 2017 г. общая численность инвалидов в стране выросла на 1,6 млн. чел., или в 1,15 раза. Уровень инвалидизации населения, достигавший в 2017 году 8,4%, вырос по сравнению с 2001 г. на 1%. Первичный выход на инвалидность в 2016 г. составлял 666 тыс. чел., или 56,8 случая в расчёте на 10 000 населения. Динамика данного показателя в период 2001–2016 гг. была неравномерной: рост отмечен в 2003–2005 гг., снижение — в 2001–2003 и 2005–2016 гг. (рис. 2).

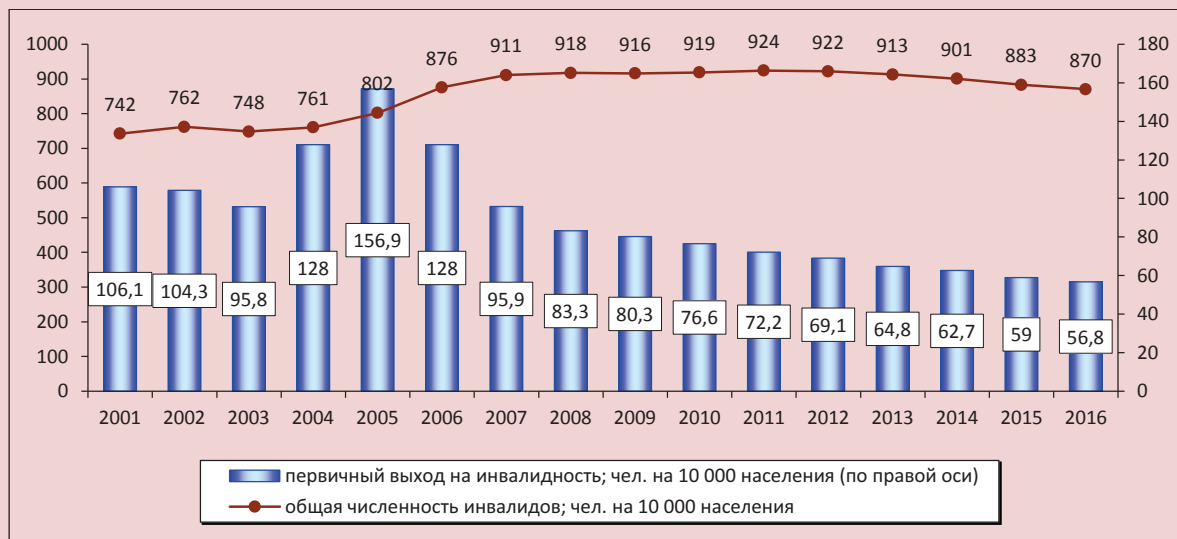
Наиболее интенсивно процесс инвалидизации населения протекает в Северо-Кавказском федеральном округе: доля инвалидов выросла с 6% в 2004 г. до 10% в 2017 г. На территории иных федеральных округов уровень инвалидизации населения менее подвержен колебаниям. В 2017 г. наиболее высокие значения данного показателя отмечены для Центрального (9%)

Рис. 1. Взаимосвязи некоторых социально-экономических проблем

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Общая численность инвалидов и первичный выход на инвалидность в 2001–2016 гг. (в расчёте на 10 000 населения)

Источники: Общая численность инвалидов // Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=9000005>; Численность населения / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls; Численность лиц, впервые признанных инвалидами / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr4-1.xls

и Северо-Западного (10%) федеральных округов, наименьшие – для Дальневосточного (6%) и Уральского (6%).

Среди регионов Северо-Западного федерального округа наиболее высокий уровень инвалидизации населения зафиксирован в 2017 г. в Республике Карелия (11%), Новгородской (11%) и Ленинградской области с городом федерального значения Санкт-Петербургом (11%; табл. 2).

Ведущими причинами инвалидизации населения России являются сердечно-сосудистые заболевания и новообразования. Причём в 2000–2016 гг. происходил постепенный рост числа случаев выхода на инвалидность, связанных с новообразованиями, и снижение числа таких случаев, обусловленных сердечно-сосудистыми заболеваниями. В результате к 2016 г. именно новообразования стали главным фактором инвалидизации взрослого населения (рис. 3).

Инвалидизация детского населения России имеет иные причины: ведущими факторами являются психические расстройства и расстройства поведения, а также врождённые аномалии, деформации и хромосомные нарушения.

Причём распространённость первых двух причин в абсолютных показателях увеличивалась в 2006–2016 гг. Однако, как необходимо отметить, в целом за тот же период доли детей, инвалидность которых была обусловлена приведёнными причинами, практически не менялись и не превышали 0,06% от общей численности детского населения (табл. 3). Поэтому можно говорить о том, что ситуация с инвалидизацией детского населения остаётся стабильной.

Среди инвалидов доля людей в возрасте старше 60 лет составляет около 39%. Численность данной возрастной группы выше среди лиц, не входящих в состав рабочей силы, – 43% и значительно ниже среди работающих инвалидов – 18% и безработных инвалидов – 6% (рис. 4). Данные особенности отражают взаимосвязь экономической активности человека с его возрастом.

В гендерном разрезе численность инвалидов выше среди мальчиков и мужчин трудоспособного возраста. Мужчины составляют 63% среди инвалидов трудоспособного возраста и 58% среди инвалидов в возрасте 18–30 лет (рис. 5). В старших возрастах обратная картина – 67% составляют женщины.

Таблица 2. Уровень инвалидизации по федеральным округам Российской Федерации (в % от численности постоянного населения)

Территория	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017
РФ	8	9	9	9	9	9	9	8
ЦФО	9	10	10	10	10	10	9	9
СЗФО	10	11	12	12	11	11	10	10
Республика Карелия	10	12	13	12	12	12	12	11
Республика Коми	6	7	8	8	9	9	8	8
Архангельская область	7	9	9	9	9	9	9	8
Вологодская область	10	11	11	11	11	11	10	9
Калининградская область	7	8	9	9	9	9	9	8
г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	12	13	14	14	14	13	12	11
Мурманская область	3	5	5	5	5	5	4	4
Новгородская область	11	13	13	13	12	12	12	11
Псковская область	10	11	10	10	9	9	9	8
ЮФО	7	8	8	8	8	8	8	8
СКФО	6	7	8	9	10	10	10	10
ПФО	7	9	9	9	9	9	9	8
УФО	6	7	7	7	7	7	7	6
СФО	7	8	8	8	8	8	8	8
ДФО	5	6	7	7	7	7	7	6
КФО							7	8

Источники: рассчитано авторами на основе данных официальной статистики; Общая численность инвалидов / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=9000005>; Численность постоянного населения на 1 января года / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2403012>

Рис. 3. Численность лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами (в расчёте на 10 000 населения)

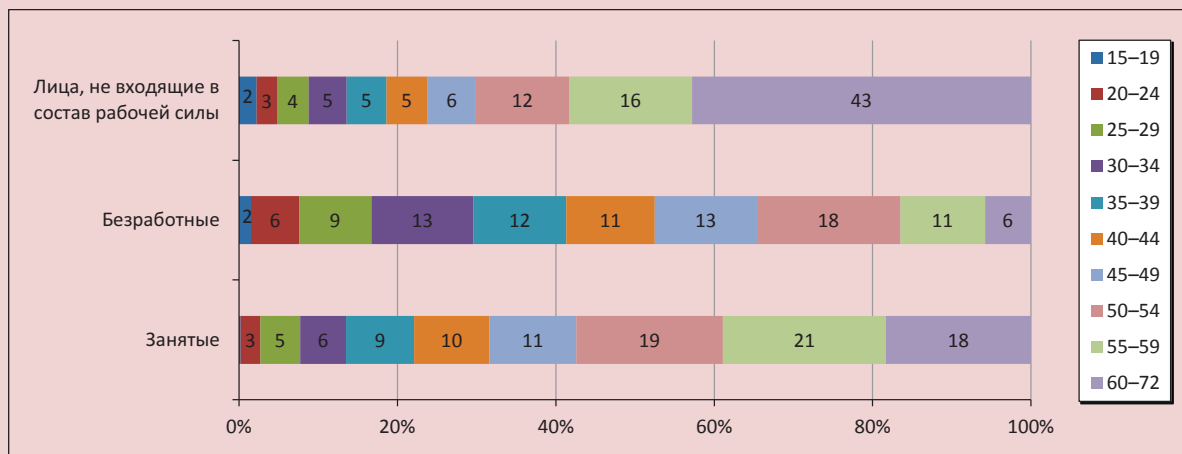
Источник: Здравоохранение / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr4-2.xls

Таблица 3. Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней (человек/доля в % от общей численности детского населения 0–17 лет)

Наименования классов болезней	2006	2008	2010	2012	2014	2016
Психические расстройства и расстройства поведения	16231/ 0,06	12800/ 0,05	14409/ 0,05	14249/ 0,05	16575/ 0,06	17825/ 0,06
Болезни нервной системы	13465/ 0,05	11853/ 0,04	13143/ 0,05	13925/ 0,05	14566/ 0,05	14465/ 0,05
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	17012/ 0,06	15271/ 0,06	16974/ 0,06	15725/ 0,06	14969/ 0,05	13108/ 0,05

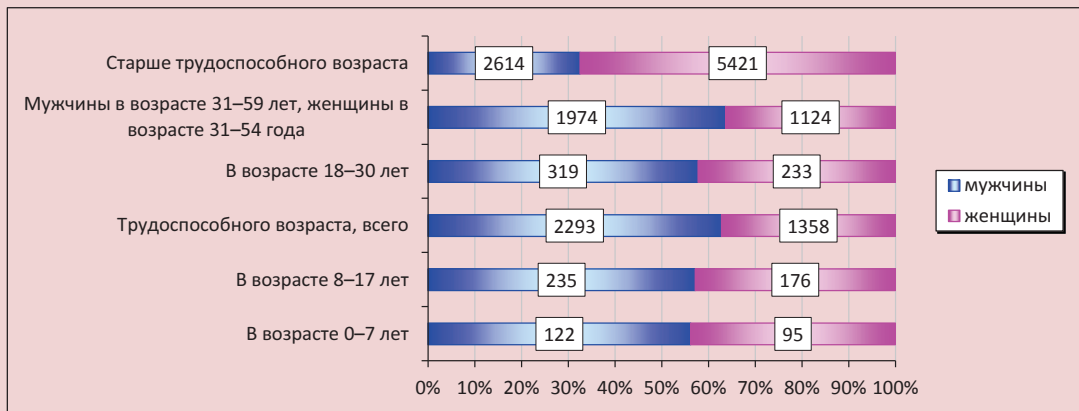
Источник: Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr4-3.xls

Рис. 4. Структура лиц в возрасте 15–72 лет, имеющих инвалидность, по возрастным группам в 2016 г. (в % от численности выделенных категорий)

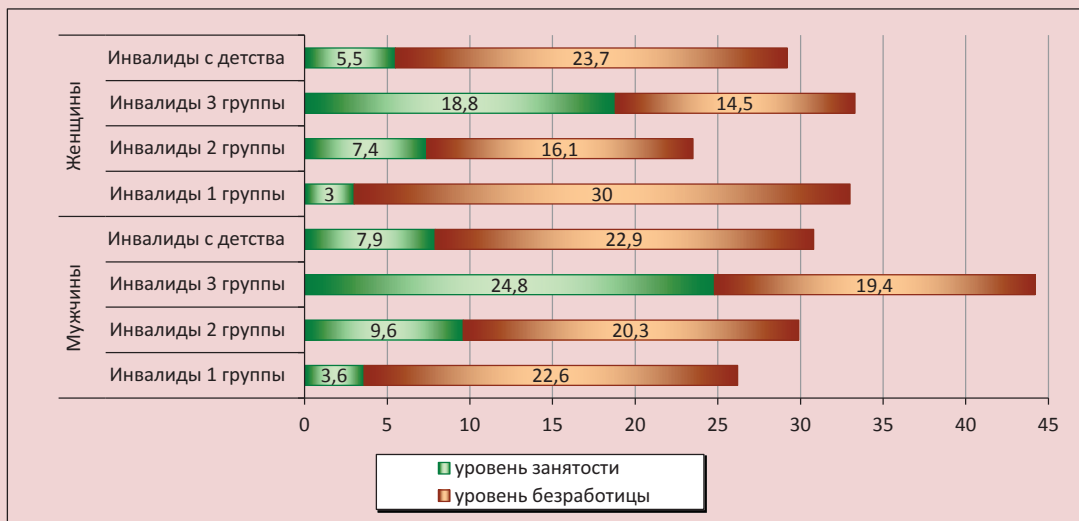
Источник: Положение инвалидов / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab4-8.htm

Рис. 5. Распределение численности инвалидов по полу и возрастным категориям (тыс. чел.)

Источник: Положение инвалидов / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

Рис. 6. Уровень занятости и безработицы среди инвалидов в 2016 г. (в % от численности каждой из выделенных категорий по полу и группе инвалидности)

Источник: Положение инвалидов / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

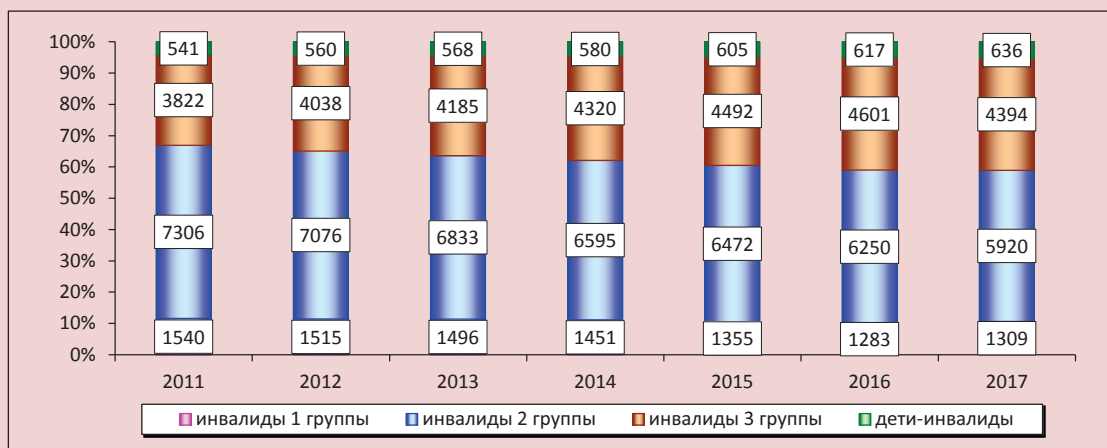
Следствием сложившихся гендерных особенностей становится и то, что в категории лиц с инвалидностью экономическая активность мужчин выше, чем женщин. В 2016 г. различие составило 4,3% в пользу мужчин. Так, среди мужчин с третьей группой инвалидности уровень занятости составляет 25%, а среди женщин с той же группой – 19% (рис. 6). Поскольку статистика по причинам инвалидности в гендерном разрезе не ведётся, достоверно установить

причины выявленных гендерных особенностей затруднительно. Однако предположительно связать более высокий уровень инвалидности мужского населения в детском и трудоспособном возрасте можно с тем, что мужчины более склонны к рискованному поведению, более чувствительны к стрессам, а на рабочем месте их организм в большей степени подвержен экстремальным воздействиям неблагоприятных факторов.

Так как разные нарушения здоровья приводят к различным ограничениям жизнедеятельности, принято выделять три группы инвалидности, среди которых самой «тяжелой» является первая, а самой «лёгкой» – третья. Отдельно учитываются дети-инвалиды. За период 2011–2017 гг. структура инвалидности изменилась: выросла доля лиц с третьей группой (с 29 до 36%) и снизилась доля лиц со второй (с 55 до 48%) и первой (с 12 до 11%) группами инвалидности (рис. 7). Доля детей-инвалидов увеличилась в этот период на 1% (или на 95 тыс. чел.).

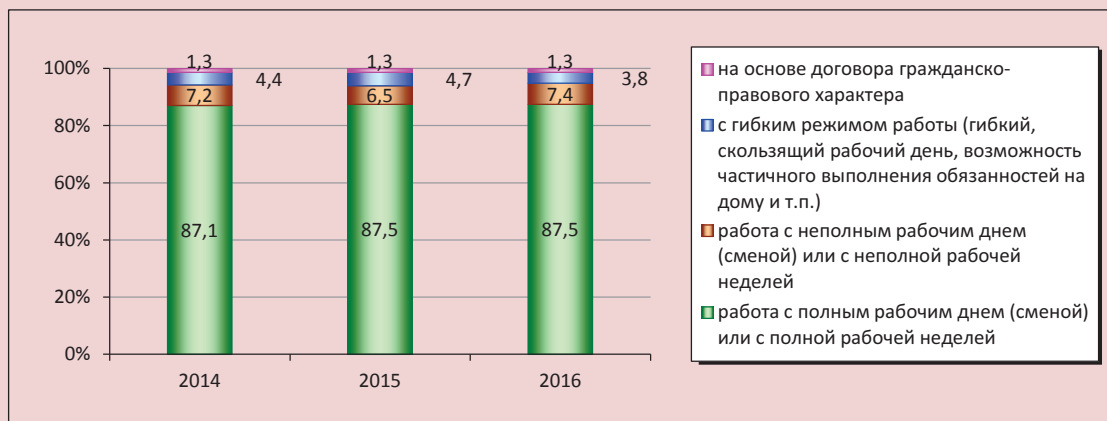
Степень готовности рынка труда к принятию работников с инвалидностью можно оценить, анализируя распространённость различных форм их трудоустройства. На протяжении 2014–2016 гг. доминирующей была форма трудоустройства инвалидов на полный рабочий день на постоянной основе (87% от числа всех занятых инвалидов). Значительно реже используются такие формы, как гибкий график (4–5%), неполный день или неполная неделя (по 7%), договор гражданско-правового характера (1,3%; рис. 8).

Рис. 7. Распределение инвалидов по группам инвалидности (тыс. чел.)

Источник: Положение инвалидов / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

Рис. 8. Распределение занятых инвалидов по типам трудового договора (в % от численности работающих инвалидов)

Источник: Положение инвалидов / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

Подобное распределение свидетельствует о недостаточном разнообразии рабочих мест, на которые могут претендовать работники с инвалидностью. С целью результативного содействия трудоустройству безработных инвалидов необходимо предусмотреть меры, стимулирующие работодателей к созданию таких рабочих мест, которые позволят в большей степени учитывать индивидуальные особенности работников с инвалидностью.

Обсуждение

Увеличение численности инвалидов и низкая востребованность в обществе их потенциала определяют возникновение негативных демографических и социально-экономических последствий. Эти проблемы требуют выработки политических стратегий их преодоления. Существующие в мире концепции политики в отношении инвалидности условно разделяют на патерналистские и инновационные. Причём исследователи указывают на принципиальные различия между ними [17]. В работе Е.А. Тарасенко (2004) показана целесообразность дифференцированного применения этих концепций на основе выделения среди инвалидов групп с разными потребностями [18]. В то же время, независимо от выбора той или иной концепции, необходимы инструменты, позволяющие оценить результативность принимаемых мер. Одним из таких инструментов могут служить расчёты экономических потерь и упущенных выгод вследствие инвалидности. Разумеется, этот подход не обеспечивает всестороннего анализа экономического эффекта социальной политики. К примеру, отдельного внимания заслуживают расчёты отдачи от инвестиций в образование инвалидов. Однако нам представляется важным оценить структуру экономического ущерба, наносимого инвалидизацией населения, чтобы точнее сформулировать приоритеты социального управления.

Переходя к вопросу *об экономической цене инвалидности*, следует отметить, что она включает прямые и косвенные потери. В докладе ВОЗ об инвалидности указано, что к прямым потерям относят дополнительные расходы, которые осуществляют люди с ограниченными возможностями и их семьи для поддержания приемлемого уровня жизни, и пособия по инвалидности в денежной и натуральной фор-

ме, оплачиваемые государствами. Косвенный ущерб от инвалидности включает экономические и неэкономические потери: недостаточную производительность труда из-за низкого инвестирования в обучение детей-инвалидов, потерю или сокращение продолжительности работы, потери налогов, социальную изоляцию и стресс [19]. Эксперты ВОЗ отмечают, что из-за существенных различий в методиках учёта инвалидов, объёмов социальных выплат и из-за иных расхождений в расчётах очень сложно проводить межстрановые сопоставления ущерба от инвалидности. Кроме того, некоторые из потерь затруднительно оценить ввиду отсутствия релевантных данных. Поэтому чаще всего используются отдельные показатели прямых и косвенных потерь, например объём затрат на выплату пособий инвалидам в процентах от объёма ВВП страны. Этот показатель в конце XX в. достигал 3,4% в Норвегии и Великобритании и только 0,5% в Японии [20].

Несмотря на то, что инвалидность рассматривается нами в рамках социальной концепции, для обращения к проблемам социального управления представляется более уместным акцентировать внимание именно на экономических потерях вследствие инвалидизации населения. Расчёты, проведённые на основе данных государственной статистики, позволяют хотя и приблизительно, но достаточно ёмко охарактеризовать эффективность социального управления в сфере обеспечения равных прав для инвалидов.

Можно условно выделить два ключевых воздействия инвалидизации населения на экономическое развитие. Первое – увеличение государственных социальных расходов. Второе – сокращение трудового потенциала населения. Экономическим выражением воздействия первого типа служит объём расходов на социальное обеспечение, лечение и реабилитацию инвалидов, оплату труда персонала, выполняющего отмеченные функции. То есть это по существу прямые экономические потери вследствие инвалидности. Относительно второго направления следует отметить, что чем выше достигнутый экономикой страны уровень развития, тем дороже ей обходится каждый дополнительный случай потери трудоспособности в результате инвалидизации. Экономическим вы-

Таблица 4. Упущенная экономическая выгода вследствие инвалидизации населения России

Год	Недопроизведённый безработными инвалидами ВВП, млн. руб.*	Упущенный доход безработных инвалидов, млн. руб.	Упущенный подоходный налог, млн. руб.	Недопроизведённый экономически неактивными инвалидами ВВП, млн. руб.**
2013	120265,4	28520,9	3707,7	10156609,7
2014	111807,9	26344,2	3424,7	10926485,3
2015	113044,2	26484,1	3442,9	11192923,8

* Для расчёта использована численность инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы, но не трудоустроенных, поскольку нет данных о численности безработных инвалидов трудоспособного возраста в 2013–2015 гг.
 ** Для расчёта использована численность неработающих инвалидов старше 18 лет, поскольку нет данных о численности неработающих инвалидов трудоспособного возраста в 2013–2015 гг.
 Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

ражением потерь такого рода выступает объём упущенной экономической выгоды вследствие инвалидизации населения. Её составляющие: объём недопроизведённого инвалидами ВВП, недополученного подоходного налога, упущенный доход самих людей с инвалидностью.

Более точной оценке экономических потерь способствует разделение группы инвалидов на тех, кто не входит в состав рабочей силы, тех, кто продолжает трудовую деятельность, и тех, кто ищет работу. Так, величина ВВП, недопроизведённого экономически неактивными инвалидами (не пытались трудоустроиться), оцениваемая нами в 11,2 трлн. руб. в 2015 г., выражает потери общества именно от процесса инвалидизации (табл. 4). В свою очередь, недопроизводство ВВП, упущенный доход безработных инвалидов и упущенный подоходный налог демонстрируют экономические последствия проблем, с которыми сталкиваются инвалиды на рынке труда.

Как показывают проведённые расчёты, объём недопроизводства ВВП безработными инвалидами – только «вершина айсберга», поскольку он составляет не более 1,2% от тех потерь, которые обусловлены экономической неактивностью инвалидов.

Заключение

Говоря о необходимости преодоления негативных экономических воздействий инвалидизации населения, не следует рассчитывать на то, что уровень занятости инвалидов будет таким же, как для людей без инвалидности. Однако целесообразно предусмотреть меры, направленные на стимулирование трудоустройства тех граждан, которые имеют трудовые рекомендации от органов медико-социальной экспертизы (МСЭ). Это направление работы предполагает

прежде всего непосредственное взаимодействие специалистов центров занятости с самими инвалидами. Цель указанной коммуникации – выяснить, есть ли у человека желание трудиться, реализовать себя в профессиональной деятельности. На подобный формат работы ориентированы инициативы Министерства труда и социального развития, касающиеся содействия трудоустройству инвалидов. Предполагается, что работа с каждым клиентом станет более адресной, что позволит увеличить её результативность. Ведомство поставило перед собой амбициозную цель – повысить уровень занятости инвалидов трудоспособного возраста в два раза к 2020 году². Безусловно, такой ориентир потребует значительных усилий. При этом главной задачей социального управления остаётся обеспечение качества жизни населения [21]. Основой достижения поставленной цели должна служить заинтересованность в трудоустройстве со стороны самих инвалидов: они должны быть уверены в том, что профессиональная деятельность улучшит их жизнь, а не добавит в неё трудностей.

В целом рассмотрение экономического ущерба от инвалидности наводит на мысль о целесообразности принятия управленческих мер, снижающих его. Это могут быть как мероприятия по трудовой реабилитации инвалидов, так и программы профилактики болезней, чаще всего приводящих к инвалидности, развитие высокотехнологичной медицинской помощи. При разработке и реализации мероприятий в

² Замминистра Григорий Лекарев: «К 2020 году доля занятых инвалидов в общей численности инвалидов трудоспособного возраста вырастет в два раза». URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/invalid-defence/335> (дата размещения 11.08.2016)

рамках первого направления политики следует внимательно изучить накопленный мировой опыт, в частности разнообразные модели содействия трудоустройству инвалидов [22; 23].

Таким образом, ключевой задачей при решении проблемы снижения потерь от инвалидизации населения является обеспечение эффективности социального управления. Параметрами, изменение которых необходимо при этом отслеживать, могут выступать доля трудоустроенных инвалидов из числа обратившихся за содействием в трудоустройстве, уровень экономической активности инвалидов, имеющих трудовые рекомендации, закрепляемость инвалидов на рабочих местах, соотношение средней заработной платы инвалидов и величины прожиточного минимума трудоспособного населения, продолжительность рабочего дня, соответствие условий труда нормам, рекомендованным органами МСЭ, число зафиксированных нарушений прав инвалидов в трудовой сфере.

Проведённое нами исследование позволяет заключить, что инвалидизация населения приносит значительный экономический ущерб российскому обществу. Отдельно рассчитаны объём недопроизводства ВВП безработными инвалидами и экономически неактивными инвалидами. На основе данных расчётов установлено, что вклад величины второго показателя в общие косвенные экономические потери от инвалидизации населения составляет 98,7%. Параметры занятости инвалидов, наблюдаемые в настоящее время, указывают на несовершенство методов содействия их трудоустройству. Развитие таких методов целесообразно для оптимизации социальных расходов государства. Представленные в заключительной части настоящей работы рекомендации могут использоваться для обоснования социальных программ в сфере профилактики инвалидизации населения, социальной интеграции инвалидов.

Литература

1. Муравьёва М.Г. Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями? Обзор истории инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 2. С. 151–166.
2. Shultz T.W. Investment in human capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 1. P. 1–17.
3. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. N.Y. : Columbia University Press for NBER, 1964. 465 p.
4. Докторович А.Б. Воспроизводство социального и человеческого потенциалов // Труд и социальные отношения. 2010. № 1. С. 11–18.
5. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М. : Новое издательство, 2004. 432 с.
6. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения: связь с экономическим развитием региона // Народонаселение. 2016. № 4. С. 68–76.
7. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН : М-Студио, 2009. 192 с.
8. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2(32). С. 18–35.
9. Устинова К.А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 252–257.
10. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
11. Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С. Человеческий и трудовой потенциал российских регионов // Народонаселение. 2014. № 3. С. 106–119.
12. Авцинова Г.И., Фурсов С.А. Международный и российский опыт интеграции в общество людей с инвалидностью: политологический анализ // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 2. С. 116–125.
13. Рузаева Е.М. Соотношение понятия «инвалид» в российском и международном праве // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 6(50). С. 242–244.

14. Воеводина Е.В., Райдугин Д.С. Инвалидность как социальная проблема и объект специальной отрасли социологии // Вестник МГГЭИ. 2013. № 3. С. 16–25.
15. Проблемы социальной консолидации: инвалиды в региональном сообществе : монография / М.В. Морев, О.Н. Калачикова, Ю.С. Шматова, Л.Н. Фахрадова, Н.А. Кондакова ; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. 134 с.
16. Инвалидность. Проект Глобального плана ВОЗ по инвалидности на 2014–2021 гг.: Лучшее здоровье для всех людей с инвалидностью. URL : http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/E134/B134_16-ru.pdf?ua=1&ua=1
17. Waddington L., Diller. M. Tensions and Coherence in Disability policy: the Uneasy Relationships between Social welfare and Civil rights models of Disability in American, European and International employment law: from principles to practice. URL : <https://dredf.org/news/publications/disability-rights-law-and-policy/tensions-and-coherence-in-disability-policy/>
18. Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 1. С. 7–28.
19. World report on disability 2011 // World health organization. The World Bank. URL : [file://fs/usefold/Inf/Downloads/9789240685215_eng%20\(1\).pdf](file://fs/usefold/Inf/Downloads/9789240685215_eng%20(1).pdf)
20. Рогов С.М. Функции современного государства: Россия и мировой опыт URL : www.iskran.ru/dacs/rogov_twzis.pdf.
21. Ивашиненко Н.Н., Мигранова Л.А., Теодорович М.Л. Изучение качества жизни населения как основы социального управления // Народонаселение. 2014. № 1. С. 101–118.
22. Sainsbury R. Labour market participation of persons with disabilities – how can Europe close the disability employment gap? // The Right to Work of Persons with Disabilities – International Perspectives University of Kassel, 8-10 March 2017. URL : http://www.the-right-to-work.com/files/2017/plenum/Tag2/Sainsbury09_03_2017_Kassel.pdf
23. Shima I., Zlyyomi E., Zaidi A. The Labour Market Situation of People with Disabilities in EU25 // European Centre. Policy Brief February. 2008. URL : http://www.euro.centre.org/data/1201610451_25081.pdf

Сведения об авторах

Лейла Натиговна Нацун – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Статья поступила 11.07.2017.

Natsun L.N., Shabunova A.A.

On the Issue of Economic Cost of Disability

Abstract. The goal of our paper is to determine the extent of economic damage caused by the extent and rate of disability in Russia. The study is based on the analysis of the works of domestic and foreign authors, official documents of international organizations, and state statistics data. We propose a conceptual scheme revealing the system links between disabled population and other socio-economic problems. We prove that one of the crucial factors in reducing economic losses from disability is appropriate social policy that would stimulate the implementation of labor potential of disabled people. We give recommendations concerning the choice of priority indicators to be used in the implementation of programs to promote employment of disabled people and their professional rehabilitation. We consider the consequences of disability associated with declining public health and the economic losses it causes. We divide economic losses into two groups: the first one includes the expenditures on social support that is provided to the

disabled and their families, the second one includes the expenditures associated with unemployment of the disabled. The losses in the form of underproduction of GDP by unemployed disabled people amounted to 11.3 trillion rubles in 2015. It is shown that part of the losses can be compensated by improving the system for promoting the employment of disabled people. We confirm the expediency of differentiation of social policy concerning disabled people depending on their age and state of health. Among the disabled, 39 percent are over 60 years of age. The number of disabled people of working age is greater among men. The age structure of the group of employed persons with disabilities and persons with disabilities who are not part of the labor force is shifted toward senior groups, while the distribution among the unemployed is more uniform. This feature indicates that the factor that hampers the employment of persons with disabilities is not their age, but their health and willingness to work in the conditions offered by employers. This conclusion is confirmed by the fact that the highest employment rate is registered among people with disability group 3 (25% among men and 19% among women) and also by a low prevalence of flexible forms of employment contract (in 2016, 88% of employed people with disabilities worked full time). The findings presented in our paper may be of interest to specialists conducting research on the impact of disability on economic development of territories, as well as to specialists in the field of social management. In the future, we are planning to study in more detail the impact of disability on economic development at the regional level.

Key words: population quality, disabled people, economic consequences of disability, social management.

Information about the Authors

Leila N. Natsun – Junior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12

УДК 331.5-053.81, ББК 65.26

© Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М.

Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда

**Любовь Борисовна
ОСИПОВА**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, д. 38
E-mail: lev1026@yandex.ru

**Елена Андреевна
КОЛЕСНИК**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, д. 38
E-mail: eakolesnik-10@mail.ru

**Ольга Михайловна
ГОРЕВА**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, д. 38
E-mail: ogoreva@yandex.ru

Для цитирования: Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М. Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 175-191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12

For citation: Osipova L.B., Kolesnik E.A., Goreva O.M. The infrastructure support for the development of the youth sector in the regional labor market. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 175-191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12

Аннотация. Молодежь есть необходимый компонент рынка труда, который способен не только занять свой сегмент в нем, но и успешно адаптироваться с перспективой расширения своей доли. В статье представлен анализ функционирования и развития молодежного сегмента рынка труда в региональном разрезе (на примере Тюменской области), который выявил свойственные ему тенденции: во-первых, демографические последствия снижения численности молодежи; во-вторых, асимметричность получаемой информации, в-третьих, институциональные диспропорции, характеризующиеся неравномерностью спроса и предложения, в-четвертых, наличие скрытой безработицы. Эти проблемы являются существенными барьерами, которые ограничивают развитие молодежного сегмента рынка труда. Гипотезой стало предположение о том, что развитию молодежного сегмента рынка труда и успешному включению молодежи в систему социально-трудовых отношений может оказать содействие развитая система инфраструктурной поддержки, способная создать благоприятные условия для профессиональной реализации молодежи. При выявлении особенностей функционирования молодежного сегмента рынка труда она структурно проиллюстрирована авторами. Результаты социологического исследования послужили основой формирования представления о существующих проблемах и возможностях развития молодежного сегмента регионального рынка труда в части гарантированного трудоустройства молодых специалистов. Научная новизна заключается в усовершенствовании системы взаимодействия субъектов институциональной структуры по регулированию рынка труда и развитию его молодежного сегмента. Практическая значимость полученных результатов основывается на модернизации механизма взаимодействия субъектов данной структуры, предоставляющего возможность всем задействованным в этом процессе социальным институтам в создании условий для эффективной занятости молодежи. При этом рекомендации, разработанные авторами, нацелены на обеспечение продуктивной занятости и формирование гибкого рынка труда, способного соответствовать постоянно меняющимся условиям его функционирования.

Ключевые слова: социальная группа; молодежь; рынок труда; сегмент рынка труда; инфраструктура рынка труда.

Введение. Глобализация мировой экономики требует нового осмысления концептуальных положений о рынке труда, роли государства в его регулировании. Особенности формирования, современное состояние и перспективы развития отечественного рынка занятости населения все острее проявляют себя в общественной жизни [9; 10; 11; 12]. В настоящее время наиболее актуальной социально-экономической проблемой продолжает оставаться проблема состояния молодежного сегмента рынка труда и гарантированного трудоустройства молодых специалистов. Вступление страны в систему рыночных отношений ужесточило условия выхода молодых специалистов на рынок труда. С одной стороны, молодежный сегмент рынка труда — элемент экономической системы, от эффективности которого зависит развитие региональной экономики. С другой стороны, он отражает влияние на благосостояние населения конкретной территории и характер происходящих социальных процессов. В связи

с этим, считаем важным проследить, как молодежный сегмент рынка труда связан с экономической конъюнктурой и социальной обстановкой в регионе.

В настоящее время активными поисками по трудоустройству охвачена треть безработной российской молодежи в возрасте 15–29 лет (39,8%) [13]. По данным портала Superjob (2016 г.) число нетрудоустроенной молодежи в возрасте до 25 лет увеличилось на 11%, среди соискателей до 30 лет — на 7%. Трудоустройству подлежит лишь половина выпускников учебных заведений. Текучесть кадров среди молодежи бьет все рекорды — 45% [14, с. 176]. С социальных позиций молодежная безработица становится источником роста преступности, наркомании, алкоголизма, что само по себе и в совокупности с другими факторами может привести к социальной напряженности в обществе. Напомним, что увеличение безработицы на 1% приводит к росту преступности на 8 % [14, с. 177].

Следует напомнить, что молодежь является основным носителем интеллектуального и трудового потенциала государства и занимает особое место в структуре общественных отношений [1; 2]. С одной стороны, она выступает фундаментом воспроизводства трудовых ресурсов, обладающим объективными предпосылками (творческий характер мышления, социально-экономическая мобильность, профессиональная мотивация, работоспособность, психологическая гибкость, стремление к продолжению профессионального обучения), а с другой стороны, является самой незащищенной социальной группой населения ввиду отсутствия производственного опыта и требуемых профессиональных компетенций. Не претендуя на широкий охват многообразия экономико-социологических трактовок научной категории «молодежь» (Иконникова С.Н., Кон И.С., Лисовский В.Т., Шабанова С.В. и др.), отметим, что нами она рассматривается как социально-демографическая группа общества, объединяемая общими возрастными характеристиками, особенностями социального положения и определенным уровнем экономического развития конкретной территории.

Успешное вхождение на рынок труда определяет активное участие молодежи в социально-экономической сфере Тюменской области. При этом она способна занять свой сегмент на рынке труда с перспективой расширения его доли за счет пополнения молодыми специалистами (табл. 1).

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» четко сформулирована задача повышения качества профессионального образования в соответствии с современными требованиями экономики и общества [3]. На современном этапе основными целями систе-

мы образования является подготовка специалистов, обладающих профессиональной компетентностью, технологической культурой, интенсивной работоспособностью. Приобретая в процессе обучения прочный багаж профессиональных знаний и сформировав определенный человеческий капитал, молодежь готова не только к его применению, но и к преобразованию, реализуя и развивая свою социальную и профессиональную перспективу [1; 4; 5]. Становится понятен смысл высказывания П. Бурдьё: «Инвестирование в человеческий капитал является необходимым условием развития социально-экономической системы государства» [6].

Однако современный демографический прогноз в отношении молодежи не утешителен – наблюдается снижение ее численности с 35,4 млн. человек (2016 г.) до 25,6 млн. человек (2025г.) или на 27,3%¹. Это четко прослеживается в анализе планового выпуска специалистов Тюменской области. Так, в 2018 году ожидается рост выпуска специалистов на 20%, но уже с 2019 года этот показатель в регионе будет постепенно снижаться. Тенденция сокращения численности молодых людей приведет к обострению противоречий на рынке труда, к росту экономической и социальной нагрузки на работающую молодежь, к снижению количества высококвалифицированных кадров, что грозит серьезным сжатием кадрового предложения и ставит под сомнение возможность дальнейшего экономического роста территории [2; 7; 8].

В настоящее время молодежный сегмент рынка труда испытывает трудности своего формирования и находится в деформированном состоянии. Это связано как с общим дефицитом кадров по отдельным профессиям, так и с недостаточным практическим опытом работы у выпускников учебных заведений. Качество и

Таблица 1. Прогноз выпуска молодых специалистов в Тюменской области на 2016–2020 гг., тыс. чел.

Выпуск специалистов	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
По программам среднего специального образования, чел.	6730	7687	8287	7914	7619
По программам высшего образования, чел.	7116	7697	8301	8155	8276
Итого:	13846	15384	16588	16069	15895
Источник: составлено по: аналитические материалы учебных заведений Тюменской области.					

¹ Демографический прогноз Росстата до 2030 года. Режим доступа: http://www_gks.ru

структура подготовки выпускников учреждений профессионального образования не отвечает в полной мере требованиям современной экономики. По-прежнему существует диспропорция между количеством обучающихся по профессиям и специальностям, реализуемым в учреждениях начального, среднего, высшего профессионального образования, и запросами региональной экономики относительно объемов и профилей подготовки, поскольку не достаточно задействована система государственного заказа на профессии и специальности на основе согласованного прогноза потребностей экономики и социальной сферы региона. Происходит постепенное перераспределение молодых людей в сторону получения высшего образования, что проявляется в переизбытке специалистов по таким направлениям подготовки, как «Экономика и управление», «Юриспруденция», «Финансы и кредит», и нехватке специалистов по направлениям «Лечебное дело», «Образование и педагогические науки», «Нефтегазовое дело», «Строительство», «Сельское хозяйство». Логично выглядит акцент на подготовке специалистов нефтегазовой и транспортной сферы, что оправдано отраслевой и инвестиционной спецификой региона. Одновременно отмечен повышенный спрос на подготовку специалистов среднего профессионального образования. Недостаток в кадровом обеспечении органы власти планируют компенсировать за счет привлечения иностранной рабочей силы.

Ситуация на рынке труда Тюменской области продолжает оставаться устойчивой, стабильной и характеризуется положительной динамикой основных показателей. На начало 2018 года количество вакантных рабочих мест составляло 22 412, что на 15,4% больше, чем

на аналогичную дату прошлого года. В органы службы занятости за содействием в трудоустройстве обратились 31 111 молодых граждан в возрасте от 14 до 29 лет, из них трудоустроены 27 309 человек. В целях трудоустройства оставшейся категории граждан органами службы занятости населения Тюменской области организована работа по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию безработных граждан.

Актуальным остается вопрос о неспособности образовательных организаций Тюменской области удовлетворить кадровый спрос работодателей. При формировании баланса спроса и предложения рабочей силы в молодежном сегменте рынка труда нами взяты за основу статистические данные мониторинга регионального рынка по составлению прогнозной потребности организаций в работниках и подготовке специалистов учебными заведениями Тюменской области. Методу обследования подлежали 4,6 тыс. организаций, расположенных на данной территории. К сожалению, полученные результаты не позволяют полностью раскрыть содержательную перспективную потребность региона в молодых кадрах, так как ее расчет достаточно сложен при прогнозировании на долгосрочную перспективу для организаций, ведущих хозяйственную деятельность на территории Тюменской области. В ближайшие годы возможно реальное повышение спроса по сравнению с прогнозом (табл. 2).

Как видим, на основании данных в таблице 2 можно сделать вывод о планомерном снижении численности экономически активного населения из числа молодежи. В течение первого года после окончания учебного заведения трудоустраиваются 70% выпускников. Наибольший удельный вес в потребности работников

Таблица 2. Баланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда Тюменской области до 2021 года, чел.

Год	Перспективная потребность в кадрах, чел.	Численность выпускников, ед.	Баланс спроса и предложения рабочей силы («-» – потребность, «+» – избыток)
2017	20742	10769	- 10011
2018	19064	11612	- 7452
2019	17418	11248	- 6170
2020	16147	11127	- 5021
2021	14986	11113	- 3874

Источник: составлено по: Данные Департамента образования и науки Тюменской области, 2017 г.

отмечается в таких сферах, как строительство, здравоохранение, образование, обрабатывающие производства. К сожалению, заявленную потребность работодателей в силу демографических показателей не удастся полностью удовлетворить за счет выпускников образовательных учреждений. Проблема стабилизации регионального рынка труда неоднократно обсуждалась на заседаниях правительства Тюменской области. Регион обладает высококвалифицированным человеческим потенциалом и благоприятным инвестиционным климатом для реализации разнообразных инновационных проектов в промышленном секторе, что содействует повышению мобильности рабочей силы, дает импульс развития действующих и организации новых производств, способствует созданию новых и модернизированных рабочих мест. Это способствовало снижению уровня безработицы в Тюменской области на 1,2% в сравнении с прошлым годом, составившего 4,8%. При этом коэффициент напряженности в молодежном сегменте рынка труда снизился на 0,1% и составил до 0,2 чел. на одну вакансию. Однако до сих пор не изучен масштаб скрытой безработицы населения в целом и молодежи в частности, полностью отсутствует статистика по трудоустройству выпускников по специальности. Это дает основание считать ситуацию, сложившуюся в молодежном сегменте рынка, непростой и нестабильной. Детальное изучение состояния регионального рынка труда позволяет констатировать, что без исследования занятости молодежи и механизма взаимодействия органов власти, системы образования и других социальных структур в обеспечении гарантированного трудоустройства молодых специалистов авторское исследование молодежного сегмента рынка труда было бы неполным.

Концептуальное уточнение понятия «молодежный сегмент рынка труда». Проведенный авторами анализ научных источников позволил констатировать, что в современной научной среде не сформировано единое мнение в отношении определения «молодежный сегмент рынка труда». Считаем, что сегментацию рынка труда следует рассматривать как процесс его естественного структурирования, при котором учитываются социально-экономические условия, демографические показатели и профессио-

нально-квалификационные характеристики населения, при этом формируются отдельные субрынки, лимитирующие движение работников своими границами.

В то же время выделение молодежного рынка труда в определеннный сегмент является актуальным. Это необходимо и для работодателей, и для наемных работников из числа молодежи. Сегментация рынка труда с выделением молодежи в отдельную группу позволяет объективно оценить тенденции развития рынка труда, оценить количественные и качественные характеристики формирующейся рабочей силы, разработать приемлемый механизм удовлетворения потребности предприятия в рабочей силе. Для молодых работников сегментация рынка позволяет оценить спрос и предложение, спрогнозировать его развитие и выделить наиболее перспективные отрасли экономики, «которые могут стать сферой приложения труда, увидеть, какими качествами будет обладать конкурентоспособный работник» [1].

Дискуссионными продолжают оставаться вопросы определения роли и места молодежи в системе социально-трудовых отношений и инфраструктурной поддержки молодежного сегмента регионального рынка труда. Трансформационные процессы и регионализация в стране обуславливают четкое выявление специфики данного рынка. Как правило, проблема занятости молодежи связана с уровнем развития промышленности страны, изменениями в социально-экономической сфере, ухудшением демографической ситуации, снижением качества жизни населения, что позволяет сделать вывод о сложности трудовой социализации молодежи, происходящей в условиях неоднозначных структурных изменений. Особое место молодежного сегмента рынка труда диктует необходимость его анализа, прогнозирования и эффективного регулирования.

Российские экономисты-трудовики сегментацию рынка труда рассматривают как объективно обусловленный процесс его структурирования и естественно возникающего разделения труда, формирующегося под влиянием политических, экономических, социальных и иных факторов развития общества и учитывающего особенности каждой категории работников. По мнению Адамчука В.В., Ромашова О.В.,

Сорокина М.Е., сегментация рынка труда — это «разделение работников и рабочих мест на устойчивые сектора, зоны, которые ограничивают мобильность рабочей силы своими границами. Она представлена чётко выделенными частями, в которых сконцентрированы определенные категории работников, конкурирующие между собой» [1]. Кривуца П.В., рассматривая рынок труда молодежи, соотносит его со всем рынком способного к труду экономически активного населения и определяет как «органическую часть рынка труда, представляющую собой комплекс социально-экономических отношений государства, работодателей и включающихся в трудовую деятельность молодых людей» [15]. Необходимо отметить, что важной чертой молодежного сегмента рынка труда является то, что он качественно обновляет потенциал общего рынка труда.

Цыганкова И.В. проводит сегментацию молодежного рынка труда по отдельным признакам: демографическим (возраст, пол, образование, профессиональная принадлежность), географическим (отраслевая специфика регионов, плотность населения), психографическим (экономические и политические институты, стиль жизни, принадлежность к социальным группам) [16]. Выражает мнение, что при учете указанных особенностей данного сегмента рынка труда необходимо осуществление эффективной политики по минимизации молодежной безработицы. Полагаем, что это и обуславливает специфичность молодежного сегмента рынка труда как товарного звена, обеспечивающего адекватные формы включения молодежи в воспроизводственный процесс.

Убеждены, что рынок труда молодежи следует рассматривать как качественно целостный и специфический сегмент общего рынка труда, выделяемый на основе функционирования в обществе молодежи как социально-демографической группы. Для детализации представления о молодежном сегменте рынка труда необходимо выяснить, какими возрастными группами может быть представлена молодежь как агент рынка труда. Различают три возрастные группы молодежи:

1. Младшая возрастная группа (15–19 лет) представлена учащимися образовательных учреждений, учреждений НПО и СПО и студен-

тами вузов. Представители этой группы принимают рыночные «условия игры» как объективные, ищут способы приспособления к ним. Не случайно авторами выявлено, что высокий уровень безработицы обусловлен именно в данной возрастной группе:

- отсутствием полученного образования и опыта работы;
- установлением для работников моложе 18 лет сокращенной продолжительности рабочего времени (ст. 91 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ ред. от 29.07.2017) и рабочей недели (ст. 92 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ ред. от 29.07.2017);
- недостаточным спросом на труд данной категории молодежи;
- молодежь получает в этот период профессиональное образование.

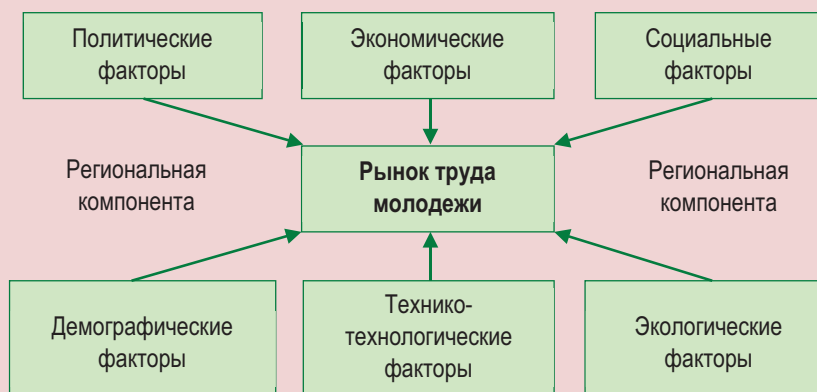
2. Возрастная группа молодежи от 20 до 24 лет — это завершающие профессиональную подготовку и впервые выходящие на рынок труда молодые люди, сталкивающиеся с проблемой трудоустройства, как не имеющие производственного стажа. Для большинства представителей этой молодежной когорты характерно противоречие между завышенными притязаниями к материальным условиям своей жизни и реальными возможностями их удовлетворения.

Молодежь в возрасте 25–29 лет уже вполне самостоятельная: обретает профессию, квалификацию, определенный статус занятости; жизненный и профессиональный опыт [17].

Авторы акцентируют внимание на том, что представители каждой молодежной группы заняты производительным трудом или готовы к нему в определенной степени. А это означает, что рынок труда молодежи может выступать в качестве самостоятельного специфического сегмента общего рынка труда. В этом как раз и заключается его сущностная особенность.

Общероссийский рынок труда состоит из множества различающихся между собой региональных рынков труда, каждый из которых сформирован и продолжает функционировать под влиянием совокупности различных факторов (рис. 1). Считаем, что это приводит к серьезной дифференциации регионов по уровню развития социальной и экономической инфраструктуры.

Рис. 1. Влияние факторов и условий на формирование рынка труда

Источник: составлено по: результаты авторского изучения литературных источников

Последствия финансовых проблем, вызванные современной геополитической ситуацией, не могли не отразиться на внутреннем развитии государства. Несмотря на их негативное влияние, приводящее к стагнации российской экономики, увеличению уровня инфляции и, как следствие, росту цен и снижению уровня жизни большей части населения страны и безработице, благодаря инфраструктурной поддержке молодежного сегмента рынка труда удается поддерживать положительную тенденцию к постепенному привлечению трудовых ресурсов в различные сферы экономики.

Инфраструктурная поддержка молодежного сегмента рынка труда. В экономической литературе нет четкого определения «инфраструктура рынка труда», отсутствует эффективный механизм инфраструктурной поддержки развития молодежного сегмента рынка труда, объективно корректируемый исходя из степени воздействия вышеуказанных факторов. Основная задача инфраструктуры рынка труда — обеспечить эффективное функционирование сферы трудоустройства, оказывая всевозможную поддержку его субъектам [18; 19]. Слово «инфраструктура» происходит от двух латинских слов *infra* — «ниже», «под» и *structura* — «строение», «расположение». Применительно к рынку труда понятие «инфраструктура» впервые было использовано американским ученым П. Розентейном-Роданом (1953), рассматривающим её как «комплекс общих условий, обеспечивающих благоприятное развитие частного предпри-

нимательства в основных отраслях экономики и удовлетворение потребностей всего населения» [20]. Аналогичное по смыслу определение инфраструктуры дает ученый-экономист Г.Я. Киперман, представляя ее как «совокупность учреждений, обеспечивающих нормальное функционирование рынка товаров, рынка капиталов и других рынков» [21]. Он считает, инфраструктура призвана формировать, регулировать, контролировать весь спектр деятельности субъектов рынков и способствовать их эффективному функционированию.

Алексеевым М.С. понятие «инфраструктура рынка труда» дополняется характеристикой её как содействие занятости населения и обеспечение эффективного взаимодействия спроса и предложения на рабочую силу [22]. Варфоломеева О.А. трактует понятие как «механизм регулирования равновесия между спросом и предложением, призванный обеспечивать экономически выгодные условия взаимодействия между субъектами инфраструктуры рынка труда» [3]. Вышесказанное послужило основой для формирования авторского определения инфраструктуры рынка труда, под которым мы понимаем комплекс отраслей национальной экономики и государственных властных структур, которые находятся в тесном взаимодействии и создают условия для эффективного функционирования как экономики в целом, так и рыночных субъектов.

Очевидно, что в современных условиях проблема молодежной занятости, выявление дис-

пропорций рынка труда и его соответствия технологическому, инновационному, структурному, социально-экономическому развитию как экономики страны, так и ее регионов являются значимыми, требующими оперативного решения. В данном процессе роль инфраструктуры рынка труда, как правило, корректируется. С одной стороны, она должна соответствовать предъявляемым требованиям, а с другой — отвечать им, а в некоторых случаях и оказывать воздействие на рынок труда всей страны и ее регионов.

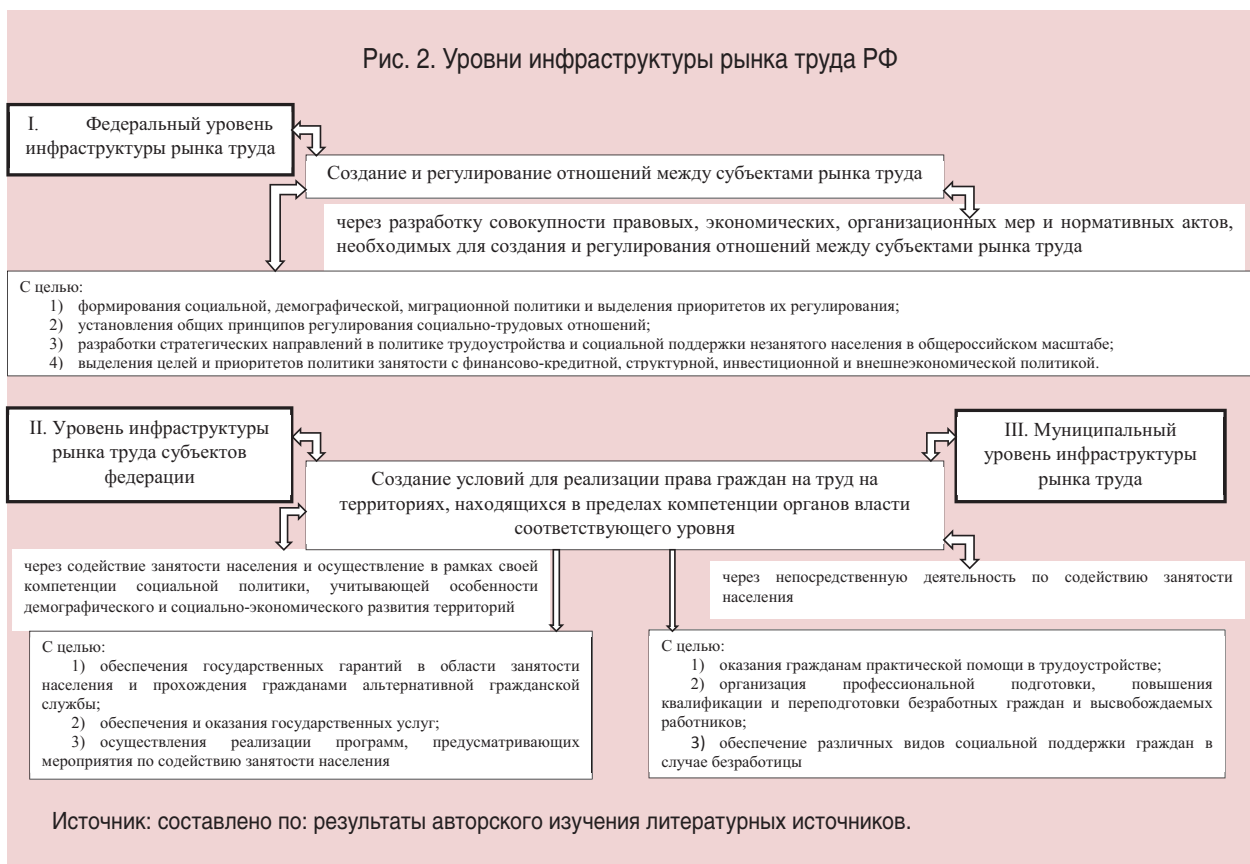
В РФ инфраструктура рынка труда учитывает особенности федеративного государственного устройства и включает несколько уровней: федеральный, субъектов федерации и муниципальный (рис. 2).

Инфраструктура рынка труда включает учреждения по профподготовке и переподготовке кадров, центры занятости населения, кадровые агентства. С одной стороны, они формируют условия трудовой реализации личности на рынке, а с другой — являются источником формирования спроса на труд определенного качества и количества. По мнению авторов статьи,

данное утверждение не в полной мере учитывает все направления государственной политики в области занятости населения, реализуемые на уровне государства со сложившейся системой учреждений, призванной анализировать и регулировать состояние рынка труда на всех уровнях системы управления, способствуя приумножению человеческого потенциала. Совершенство инфраструктуры рынка труда с реализуемыми задачами на каждом из уровней определяет эффективность функционирования рынка труда в целом. Изменения в структуре рабочих мест отражают, как упоминалось выше, действие разнообразных факторов.

Однако, с учетом сегодняшнего дня, к ним можно добавить: распространение новых технологий и переход к выпуску новых видов продукции, освоение современных форм управления и маркетинговых стратегий, усиление конкуренции на национальном и международном уровнях, корпоративная реструктуризация, что является отличительными особенностями регионов на предмет развития занятости населения.

Рис. 2. Уровни инфраструктуры рынка труда РФ

Методология исследования. Цель исследования: проанализировать состояние молодежи на рынке труда и дать оценку реализуемым мерам государственной поддержки в развитии перспектив ее занятости.

Подбор используемых методов сделан на основе междисциплинарного подхода и конкретно для цели исследования молодежного сегмента на рынке труда. Наиболее комплексно и объективно изучить проблему поведения молодежи на рынке труда помогает совокупность следующих методов:

- Статистическая информация, полученная из базы данных Федеральной службы государственной статистики в сфере труда и занятости населения Российской Федерации, Службы государственной статистики по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО.

- Метод вторичных данных (результаты исследования ВЦИОМ).

Обсуждение результатов. Как отмечалось выше, особенности функционирования молодежного сегмента рынка труда во многом определяются региональными факторами его развития, что требует его анализа, прогнозирования и эффективного регулирования. Объектом исследования авторами выбрана Тюменская область – экономически благополучный регион государства в сфере занятости населения, который равномерно представлен по видам экономической деятельности. Уровень трудоустройства в Тюменской области без автономных округов составляет 63,7%, ЯНАО – 74,5% и ХМАО – 72,4%. Они по праву признаны лидерами по уровню занятости населения, в том числе и молодежи. Долю безработных в основном составляют молодые люди, не имеющие

образования и обладающие низким уровнем профессионализма. Как говорилось ранее, возраст является фактором, определяющим положение на рынке труда. Сегодня доля экономически активной части молодежи в регионе составляет около 30 %.

На основе указанных субъектов Тюменской области (табл. 3) подробно рассмотрим процесс формирования молодежного сегмента рынка труда и оказания инфраструктурной поддержки в вопросе трудоустройства молодежи.

Экономическая направленность области формируется под воздействием развития ТЭК Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО) и Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ЯНАО). Промышленный сектор представлен широким спектром отраслей, предоставляющих рабочие места (рис. 3).

На фоне снижения числа желающих обучаться в учреждениях НПО и СПО возрастает потребность предприятий в рабочих кадрах по различным специальностям. Данное обстоятельство приводит к диспропорциям в обеспечении рынка труда квалифицированными рабочими кадрами. Профессиональный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы наиболее выражен на юге Тюменской области (табл. 4).

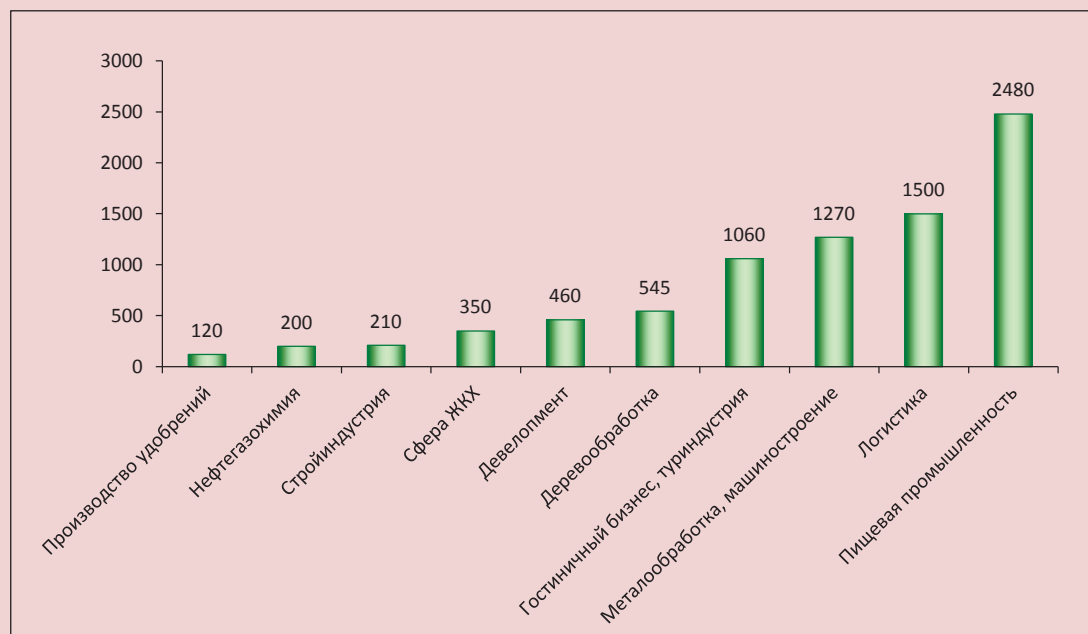
По данным службы государственной статистики по Тюменской области в 2016 году значительная часть работников востребована в строительстве (39,5%), в работе с недвижимым имуществом (11,6%), сфере торговли и общественном питании (9,2%) (рис. 4). К сожалению, около половины выпускников тюменских учебных заведений работают не по специальности.

Таблица 3. Демографические показатели молодежи Тюменской области, чел.

Субъект РФ	2017 г.			2018 г.		
	Числ-ть населения, тыс. чел.	Числ-ть молодежи, тыс. чел.	Удельный вес молодежи, %	Числ-ть населения, тыс. чел.	Числ-ть молодежи, тыс. чел.	Удельный вес молодежи, %
Тюменская область (без автономных округов)	1477900	308050	21,1	1498800	336200	24,3
ХМАО	1 646 078	477362	29,1	1 654 942	565990	34,2
ЯНАО	536000	133363	24,9	536 049	115 248	21,5

Источник: составлено по: Демографический прогноз Росстата до 2030 г. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Рис. 3. Прогноз потребности в кадрах в отраслевом секторе Тюменской области, 2017 г.

Источник: составлено по: данные Службы государственной статистики по Тюменской области. Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/>

Таблица 4. Информация о ситуации на рынке труда в муниципальных образованиях Тюменской области, 2017 г., чел.

Муниципальное образование	Численность экономически активного населения (чел.)	Численность граждан, обратившихся в органы службы занятости (чел.)	Численность безработных (чел.)	Потребность в работниках (чел.)	Численность граждан, трудоустр. при содействии органов службы занятости (чел.)	Уровень регистр. безработицы (%)
Абатский р-н	9 058	274	61	73	205	0,67
Армизонский р-н	5 002	141	35	193	107	0,70
Аромашевский р-н	5 586	185	30	77	163	0,54
Бердюжский р-н	5 631	174	33	86	135	0,59
Вагайский р-н	9 673	148	51	116	121	0,53
Викуловский р-н	7309	281	20	116	253	0,27
Голышмановский р-н	10 905	263	34	129	195	0,31
Заводоуковский ГО	21 181	620	377	368	209	1,78
г. Ишим	36 077	724	227	572	347	0,63
Ишимский р-н	15 216	288	97	174	133	0,64
Исетский р-н	11 250	381	35	478	255	0,31
Казанский р-н	11 419	600	214	291	360	1,87
Нижнетавдинский р-н	13 923	146	56	139	80	0,40
Омутинский р-н	8 389	177	46	159	88	0,55
Сладковский р-н	4 964	125	29	95	90	0,58
Сорокинский р-н	5 035	300	52	59	204	1,03
г. Тобольск	54 826	1 206	390	6 696	651	0,71
Тобольский р-н	9 729	325	69	174	209	0,71
г. Тюмень	445 960	4 832	2 855	9 486	3 161	0,64
Тюменский р-н	62 033	995	520	1402	481	0,84
Уватский р-н	13 245	241	95	263	173	0,72
Упоровский р-н	9 576	264	36	247	212	0,38
Юргинский р-н	6 372	156	50	111	116	0,78
Ярковский р-н	10 349	275	81	175	199	0,78
г. Ялуторовск	17 680	402	163	200	196	0,92
Ялуторовский р-н	9 946	100	52	56	37	0,52

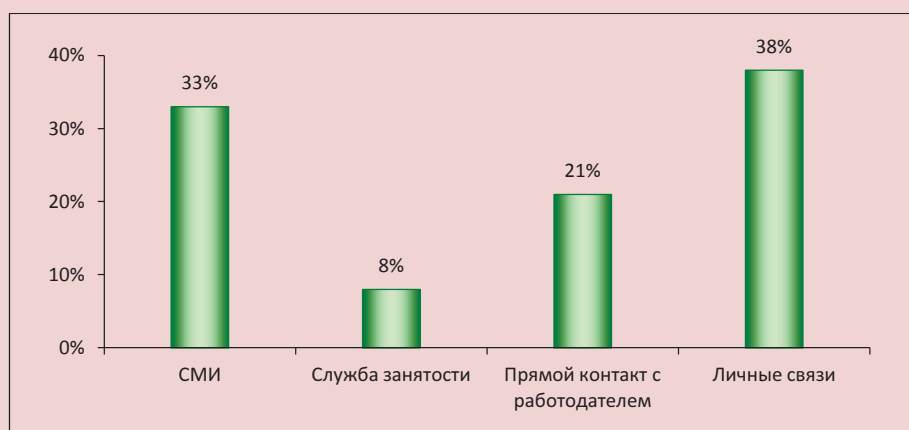
Источник: составлено по: Информация Правительства Тюменской области о состоянии рынка труда в муниципальных образованиях Тюменской области – 2017 г. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/441507160>

Рис. 4. Перечень вакансий, заявленных в центре занятости по Тюменской области, 2017 г.

Источник: составлено по: данные службы государственной статистики по Тюменской области. Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/>

Рис. 5. Неформальные каналы трудоустройства молодежи в регионе

Источник: составлено по: результаты авторского изучения статистических источников.

При поиске работы молодые люди в основном используют СМИ (33%), неформальные каналы: личные связи (38%), непосредственный контакт с работодателями (21%). Настораживает, что малоэффективным каналом в плане трудоустройства по оценкам молодежи являются службы занятости населения (8,0%) (рис. 5).

Сегодня возросла с 11 до 33% доля молодых людей, для которых образование является ценностью, а не выступает средством достижения других целей, в то время как показатели её занятости и экономической активности несколько

снизились (с 65 до 50% и с 77 до 58%, соответственно). Респонденты заявили, что им нравится их работа (87%), при этом 2/3 опрошенных недовольны своим материальным положением: 61% оценили его как среднее, 15% – как плохое, 16% назвали свой материальный достаток хорошим. Как видим, большинство граждан сегодня «удовлетворены простой возможностью быть трудоустроенными»².

² По результатам исследования ВЦИОМ. М., 2017. Режим доступа [//https://www.rbc.ru/economics/18/12/2017/5a36ca439a79475cee64de28](https://www.rbc.ru/economics/18/12/2017/5a36ca439a79475cee64de28)

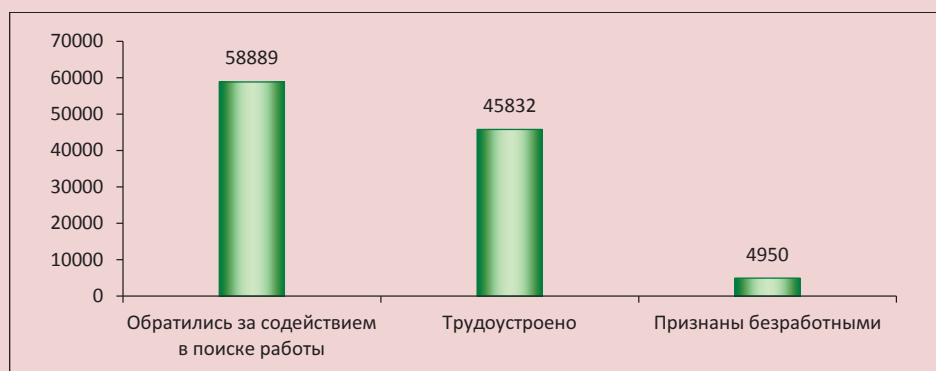
При этом у обучающейся молодежи не сформирована установка на непрерывное образование, без которого невозможно достижение высот профессионализма и построение успешной карьеры. По количеству и качеству подготовленных специалистов для различных отраслей экономики рассматриваемая территория входит в десятку регионов страны. В области создан центр профориентации, который оборудован современными электронными тренажерами, позволяющими освоить навыки электрогазосварщика, экскаваторщика, водителя, сантехника, изучить основы 3D-моделирования. За прошлый год его посетило более пяти тысяч молодых людей.

В период экономических рецессий доля тюменских предприятий, предоставляющих обучение своим сотрудникам, сократилась, но

показатели вовлеченности работников в программы дополнительного обучения практически не изменились. Более 80% программ дополнительного профессионального обучения, оплаченного работодателем, направлено на углубление содержания деятельности по основной специальности, тогда как 52% программ дополнительного обучения – на переобучение новой специальности.

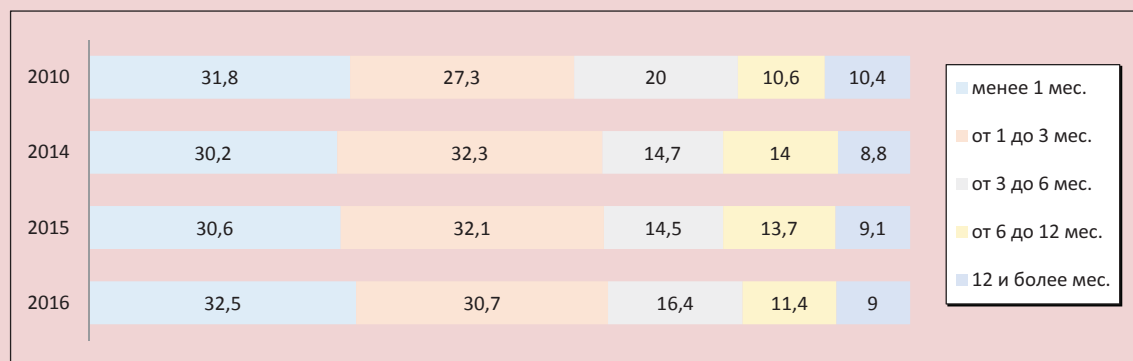
Вступление молодого человека на рынок труда в условиях возросшей конкуренции за рабочие места – сложный психологический процесс. С учетом данного обстоятельства правительство Тюменской области плотно занимается вопросами занятости молодежи, выделяя средства для организации дополнительных рабочих мест и обучения новым профессиям (рис. 6).

Рис. 6. Состояние на рынке труда в Тюменской области, чел.

Источник: составлено по: данные службы государственной статистики по Тюменской области. Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/>

Рис. 7. Структура безработной молодежи по продолжительности поиска работы, в %

Источник: составлено по: данные службы государственной статистики по Тюменской области. – Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/>

Благодаря проводимым мероприятиям происходит оздоровление ситуации на региональном рынке труда, что подтверждается снижением уровня официально зарегистрированной молодежной безработицы (0,7%). Это последствие активной работы региональных властей по выделению инвестиций в поддержание молодежного сегмента рынка труда, открытие производств с выделением квоты на рабочие места для молодых специалистов.

В этом контексте интересен опыт ХМАО и ЯНАО, где 2/3 населения заняты в топливно-энергетическом комплексе. Правительства автономных округов рассматривают разнообразные направления развития экономики, в частности развитие лесо- и агропромышленного комплекса, медицины, развитие малого и среднего предпринимательства.

Особенностью автономных округов является возрастная структура занятого населения. В ХМАО большинство мужчин с высшим образованием, занятых в промышленном секторе, находится в возрасте 26–30 лет, а женщин – в возрасте 26–28 лет, что свидетельствует о преобладании молодых возрастов в структуре занятых в экономике региона. В таблице 5 представлен в динамике прогноз кадровой потребности по отраслевой занятости в ХМАО.

На основе данных табл. 5 авторами выявлена потребность в кадрах по техническим специальностям, особенно с высшим профессиональным образованием. В 2016 году контрольные цифры приема в высшие учебные заведения были распределены согласно среднесрочному прогнозу кадровых потребностей округа. Доля поступивших в высшие учебные заведения составила 37%, в учреждения СПО – 63%. Контрольные цифры приема на 2016/2017 учебный год в вузы составляют 1057 чел. за счет бюджета РФ и 2594 чел. за счет бюджета автономного округа. Прогнозируемая численность студентов учреждений высшего образования к 2019 году составит 35,7 тыс. человек. Планируется внедрение в систему научных знаний прикладной составляющей. Актуальными направлениями подготовки обозначены прикладная геология; техника и технологии наземного транспорта; электро- и теплоэнергетика; техносферная безопасность; электроника, радиотехника и системы связи; технологии материалов и др. К 2020 году предполагается дополнительный запуск 24 программ по разным уровням профессиональной подготовки молодежи.

В учреждения СПО с учетом потребности за счет бюджета автономного округа было при-

Таблица 5. Прогноз потребности в кадрах по видам экономической деятельности в ХМАО, чел.

Виды экономической деятельности	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО
Добыча полезных ископаемых	116	680	192	1174	303	2120	454	3289	742	4599
Обрабатывающие производства	82	157	133	242	200	410	285	621	421	865
Образование	41	91	83	146	141	243	220	516	366	938
Здравоохранение	31	320	97	558	192	1117	323	1778	632	2500
Государственное управление	98	147	179	241	286	411	424	669	654	1006
Финансовая деятельность	17	26	26	44	37	81	56	128	79	184
Операции с недвижимым имуществом	154	105	263	168	415	311	616	518	914	788
Гостиницы и рестораны	7	10	7	13	9	18	11	30	12	46
Коммунально-жилищное хозяйство	35	31	61	47	87	79	125	133	192	214
Строительство	36	111	56	176	90	418	139	741	224	1097
Транспорт и связь	104	340	169	532	259	922	378	1403	554	1947
Торговля	35	104	62	178	100	333	147	523	217	764
Сельское и рыбное хозяйство	11	12	12	14	12	18	13	26	13	34

Источник: составлено по: данные федеральной службы государственной статистики по ХМАО–Югре. Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/>

нято 5705 чел., за счет бюджета РФ – 600 студентов (филиалы ЮГУ), что подтверждает повышенное внимание к подготовке рабочих кадров через реализацию образовательных программ в рамках СПО. Для удовлетворения потребности в квалифицированных кадрах функционируют 2 многофункциональных центра по прикладным квалификациям. Одновременно 6 ресурсных центров обеспечивают сетевое взаимодействие с предприятиями округа. Но даже это, по утверждению авторов, не позволит в условиях стратегического развития территории в полном объеме удовлетворить кадровые потребности.

Аналогичная социально-экономическая ситуация сложилась в ЯНАО. Уровень регистрируемой безработицы не высок (0,91%). В целях обеспечения государственных гарантий по содействию реализации прав граждан на продуктивную и свободно избранную занятость успешно реализуется государственная программа «Содействие занятости населения на 2014–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства автономного округа от 25 декабря 2013 года. По словам губернатора Д. Кобылкина, «отраслевая специфика округа оказывает непосредственное влияние на структуру рынка труда». Глава арктического региона выделил главную особенность территории – нехватку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров. По состоянию на 1 января 2017 года в региональном банке вакантных рабочих мест зарегистрировано 10356 вакансий,

из них 63,6% по рабочим профессиям (табл. 6). Наиболее востребованными являются профессии строителя, медицинских работников различной специализации, учителя и др.

Состав безработной молодежи в возрасте от 16 до 29 лет составляет 902 человека или 31,3%. В ЯНАО проблема трудоустройства молодых специалистов решается путем прямой окружной поддержки: при трудоустройстве молодых специалистов предприятиям из бюджета округа выплачивается компенсация затрат на заработную плату в размере двукратной минимальной зарплаты. Это позволяет молодому специалисту закрепиться на предприятии.

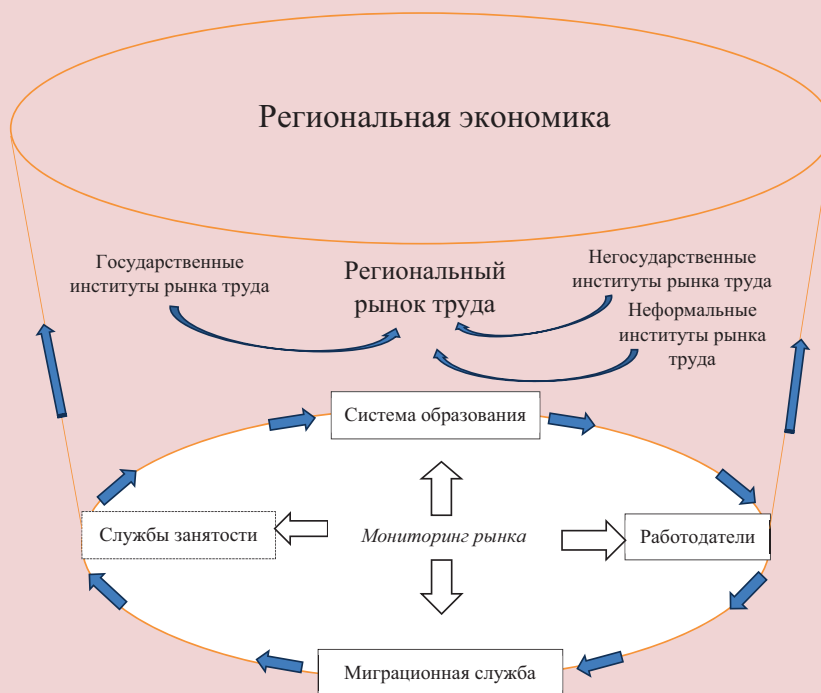
Для пополнения молодежного сегмента рынка труда рабочими кадрами региональные власти реализуют меры по переориентированию молодежи на получение рабочих специальностей. В округе работают 3 научно-образовательных комплекса в системе профобразования, 6 колледжей, осуществляющих подготовку высококвалифицированных рабочих. В образовательных учреждениях округа созданы профильные классы «Газпрома» и «Роснефти». Следовательно, можно констатировать, что научно-образовательные комплексы способствуют формированию единой инфраструктуры для устранения диспропорций на рынке труда молодежи и тем самым обеспечивают реализацию инвестиционных проектов на территории Ямала, в частности проект Уральского федерального округа «Урал промышленный – Урал Полярный».

Таблица 6. Основная доля заявленных вакансий в ЯНАО, в %

Виды экономической деятельности	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Строительство	52,2	64,4	57,8
Государственное управление	4,2	2,9	10,5
Добыча полезных ископаемых	5,0	2,7	5,3
Обрабатывающие производства	3,3	2,3	1,5
Торговля	2,0	2,6	1,6
Научная и техническая деятельность	0	0	2,4
Здравоохранение	5,8	2,9	3,5
Образование	7,2	5,8	5,4
Транспорт	6,8	4,4	4,4
Сельское хозяйство и рыболовство	0,7	1,1	0,8
Предоставление коммунальных услуг	3,9	4,6	2,2
Операции с недвижимостью	4,6	3,6	3,2
Гостиничный и ресторанный бизнес	1,1	0,9	0,4
Финансовая деятельность	0,6	0,3	1,0

Источник: составлено по: данные федеральной службы государственной статистики по ЯНАО. Режим доступа: <http://tumstat.gks.ru/>

Рис. 8. Изменение взаимодействия субъектов институциональной структуры рынка труда Тюменской области

Источник: составлено по: результаты авторского исследования.

Заключение. Проведённый авторами анализ показал, что проблемы в основном лежат в следующих плоскостях: экономической, финансовой, кадрового обеспечения и др. Данная ситуация формируется дисбалансом между спросом и предложением на рынке труда, недостатком специалистов высшего и среднего уровней квалификации, потребностью предприятий в квалифицированном и неквалифицированном труде. Развитие промышленного потенциала территории выдвигает определенные требования к количественно-качественному составу рабочей силы, который, с одной стороны, как показывает практика, сложно удовлетворить, используя имеющиеся механизмы его регулирования, а с другой – невозможно удовлетворить без должного внимания со стороны институтов рынка труда к его молодёжному сегменту.

Для того чтобы изменение сути эффективной трудовой реализации молодежи имело позитивный результат, необходимо пересмотреть систему мониторинга рынка труда, который внесет изменения в систему взаимодействия субъектов институциональной структуры рынка

труда (рис. 8). Качественный мониторинг рынка труда станет основой получения информации, способствующей эффективному регулированию регионального молодежного рынка труда, а его субъекты будут иметь возможность эффективно корректировать свою политику в отношении количества и качества трудовых ресурсов. Предоставление объективной информации о структуре существующих рабочих мест станет основой профессиональной мотивации и формирования соответствующего поведения на рынке труда для будущих работников.

Таким образом, формирование молодежного сегмента рынка труда Тюменской области будет способствовать продуктивной занятости, являющейся производной от эффективно функционирующего гибкого рынка труда. Это позволит оперативно реагировать на изменения в сложившейся структуре занятости населения, в том числе и молодежи, сокращение неэффективных рабочих мест, перераспределение работников по отраслевым секторам экономики, развитие инновационных направлений занятости.

Литература

1. Колесник Е.А. К вопросу о роли современных институтов в формировании молодежного сегмента рынка труда // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Том 1. № 4(4). С. 190-199.
2. Osipova L.B., Enveri L.A. Life strategies of young people: sociological research experience *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, № 4 (46), pp. 108-129.
3. Основные направления деятельности Правительства РФ до 2018 г. URL: <http://base.garant.ru/70309020>
4. Варфоломеева О.А. Молодёжь на рынке труда: Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2005 года: сборник докладов. СПб: Изд-во СПбУЭФ, 2005. С. 52-56.
5. Gaisina L.M., Bakhtizin R.N., Mikhaylovskaya I.M., Khairullina N.G., Belonozhko M.L. Social technologies as an instrument for the modernization of social space in the social and labor sphere *Biosciences Biotechnology Research Asia*, 2015, vol. 12, № 3, pp. 2947-2958.
6. Bourdieu P. Forms of Capital. *The Sociology of Economic Life*. P:Westview Press, 2001, 344p.
7. Колесник Е.А. Импортзамещение: функционирование и развитие рынка труда региона. Тюмень: ТИУ, 2017. 167 с.
8. Agabekyan R.L. Russian labor market: features, problems and prospects: monograph. Krasnodar: Publishing house – South, 2014, 208 p.
9. Ильшев А. Демографическая программа: приоритеты и механизм реализации // Экономист. 2008. № 6. С. 46-52.
10. Gaisina L.M., Bakhtizin R.N., Mikhaylovskaya I.M., Khairullina N.G., Belonozhko M.L. Sociological evaluation of effectiveness of labor workers' behavior *Biosciences Biotechnology Research Asia*, 2015, vol. 12, № 3, pp. 3091-3100.
11. Kislyakov P., Shmeleva E., Silaeva O., Belyakova N. and Kartashev V. *Indices of socio-emotional wellbeing of youth: evaluation and directions of improvement* Available at: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/ref/2016/06>
12. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20162801056>
13. Krinitcyna Z.V., Menshikova E.V. Discrimination Issues in the Process of Personnel Selection *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 166, pp. 12-17.
14. Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 261 с.
15. Тавокин Е.П. Российская молодежь на рынке в оценках экспертов // Мониторинг общественного мнения. 2016. №2 (132). С.176.
16. Кривуца П.В. Особенности обеспечения занятости молодежи в условиях рыночной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: защищена 18 декабря 2008 г. М., 2008. С.13.
17. Цыганкова И.В. Качество трудовой жизни молодежи России: концептуальные основы формирования: автореф. дис. ... док. экон. наук: 08.00.05: защищена 12 марта 2009 г. М., 2009. С.30.
18. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М: Голос, 2007. С. 100.
19. Алексеев М.С. Совершенствование рыночной инфраструктуры в условиях переходного процесса // Материалы научной конференции «XXI век – развитие институтов общества в РФ». М., 2007. С. 72-73.
20. Збышко Б.Г. Регулирование социально-трудовых отношений в России (международный и национальный аспекты). М.: Редакция издания «Социальное страхование», 2004. 392 с.
21. Rosenstein-Rodan P. The Notes of theory of the «Big Push» in economic development for Latin America. London-N.Y, 1961, pp.29-42.
22. Рыночная экономика: словарь / под общ. ред. Г.Я. Кипермана. М.: Республика, 1993. С. 183-184.
23. Алексеев М.С. Совершенствование рыночной инфраструктуры в условиях переходного процесса // Материалы научной конференции «XXI век – развитие институтов общества в РФ». М., 2007. С. 72-73.

Сведения об авторах

Любовь Борисовна Осипова – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: lev1026@yandex.ru)

Елена Андреевна Колесник – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: eakolesnik-10@mail.ru)

Ольга Михайловна Горева – кандидат социологических наук, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: ogoreva@yandex.ru)

Статья поступила 26.06.2017.

Osipova L.B., Kolesnik E.A., Goreva O.M.

The Infrastructure Support for the Development of the Youth Sector in the Regional Labor Market

Abstract. The youth is a necessary component in the labor market able not only to occupy one of its sectors, but also successfully adapt and further expand its share. The article presents the analysis of the youth segment of the labor market functioning and development in the regional breakdown (case study of the Tyumen Oblast), which has revealed its inherent trends: first, the demographic consequences of the decline in the number of young people; second, the asymmetry in the received information; third, institutional imbalances characterized by uneven supply and demand; and fourth, hidden unemployment. These problems are significant barriers limiting the development of the youth sector of the labor market. The hypothesis is the assumption that the development of the youth sector of the labor market and successful inclusion of the youth in the system of social and labor relations can be facilitated by the developed system of infrastructure support that can create favorable conditions for professional fulfilment of young people. It is structurally illustrated by the authors when identifying the features of the youth sector in the labor market. The results of the sociological research serve as the framework for forming an image of the existing problems and opportunities for the development of the youth sector in the regional labor market in terms of guaranteed employment for young experts. The research novelty lies in the improved system of interaction between the subjects of institutional structure on labor market regulation and development of its youth sector. The practical significance of the results is based on the modernization of the mechanism of interaction of subjects of this structure, providing an opportunity for all social institutions involved in this process to create conditions for effective youth employment. At the same time, the recommendations developed by the authors aim to ensure productive employment and form a flexible labor market able to can meet the ever-changing conditions of its functioning.

Key words: social group; youth; labor market; labor market sector; labor market infrastructure.

Information about the Authors

Lyubov' B. Osipova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarskii Avenue, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: lev1026@yandex.ru)

Elena A. Kolesnik – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarskii Avenue, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: eakolesnik-10@mail.ru)

Ol'ga M. Goreva – Candidate of Sciences (Sociology), Industrial University of Tyumen (38, Volodarskii Avenue, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: ogoreva@yandex.ru)

Человеческий потенциал сельских территорий России: проблемы оценки и интерпретации*

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

Аннотация. В статье показано, что рыночные преобразования 1990-х годов привели к кризису, отразившемуся на всех сторонах жизни сельчан. Несмотря на меры, предпринимаемые с целью поддержки села, продолжают сохраняться проблемы, среди которых сокращение численности сельского населения и его отток в города, худшее по сравнению с городом состояние социальной инфраструктуры. Это снижает возможности для воспроизводства и развития человеческого потенциала российского села. Разнообразие теоретических подходов к определению человеческого потенциала, отсутствие единства взглядов относительно его структурных компонентов, дискуссионность вопросов о методологических подходах к его анализу приводят к необходимости разработки комплексной методики оценки человеческого потенциала сельских территорий, сочетающей не только количественный, основанный на статистических данных анализ, но и качественный, предполагающий использование результатов социологических исследований. Представленные в нашей работе отечественные исследования по данной проблематике структурированы по трем научным школам, определена их специфика, а также положительные и отрицательные аспекты. Обосновано использование в исследовании человеческого потенциала сельских территорий подхода Т.И. Заславской, в рамках которого наряду с социально-демографическим, социально-экономическим, социокультурным выделяется деятельностный потенциал. В соответствии с этим подходом предложена система индикаторов, отражающих

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-32-01057 «Человеческий потенциал сельских территорий в период социально-экономических трансформаций».

Для цитирования: Устинова К.А. Человеческий потенциал сельских территорий России: проблемы оценки и интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 192-211. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.13

For citation: Ustinova K.A. Human potential of Russia's rural areas: assessment and interpretation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 192-211. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.13

состояние и развитие человеческого потенциала сельских территорий. Данная система апробирована с помощью опроса сельского населения в регионах СЗФО. Полученные результаты свидетельствуют о распространенности преимущественно среднего уровня знаний, о нереализованности накопленного потенциала вследствие несоответствия, в половине случаев, квалификации требованиям рабочих мест, а также трудоустройства не по специальности. Отсутствие необходимых условий для реализации потенциала из-за недостатка рабочих мест и худшего по сравнению с городом состояния социальной инфраструктуры может приводить к оттоку сельского населения, хотя иногда решение о переезде носит вынужденный характер. Треть из числа планирующих переезд не хотели бы жить в городе, поскольку ценят сельский уклад жизни, возможность иметь свой дом и участок, поддерживать сложившиеся социальные связи с односельчанами. Тем не менее при эффективном управлении существует вероятность закрепления жителей в сельской местности.

Ключевые слова: сельские территории, человеческий потенциал, структура человеческого потенциала, подходы к оценке.

Думая о будущем России, необходимо в качестве главного критерия всех решений федеральных и региональных властей использовать характеристики состояния населения, качество его жизни. И нельзя не согласиться с уже многократно озвученным тезисом о том, что наша национальная идея — это «сбережение народа», аккумулирующая в качестве главной цели — сбережение каждого человека страны, каждого гражданина.

Н.М. Римашевская

Введение

В последнее время все больше селян стремятся уехать в города в поисках лучшей жизни, деревни пустеют. По разным оценкам считается, что после перестройки до 30 тысяч деревень исчезло, и этот процесс продолжается. Урбанизация становится глобальной тенденцией. Все чаще говорят о неизбежности этого процесса и как отрицательных, так и положительных его последствиях; среди последних, например, расширение возможностей для профессионального развития, самореализации талантливой молодежи. Однако, несмотря на то что города становятся «самодостаточными», они сохраняют демографическую «подпитку» из сельской местности, ментальную общность с её населением [Дружинин А.Г. Особенности процессов урбанизации и рурализации... 2012]. Деревня всегда считалась основой демографического потенциала за счет существования больших крестьянских семей, была главным символом русского духа, «колыбелью культуры» и луч-

ших традиций страны. Хотя в настоящее время часть населенных пунктов действительно являются бесперспективными, существуют и те, которые даже с учетом оттока населения сохраняют потенциал развития. В некоторых можно найти старинные церкви и барские усадьбы, вызывающие интерес у туристов и выступающие в качестве одного из ресурсов развития. А.В. Мерзлов, директор Центра устойчивого развития сельских территорий МСХА им. Тимирязева, в своем экспертном интервью (радио СОЛЬ, программа «Угол зрения», 19.12.2016 г.) отмечал, что возможности развивать село существуют в первую очередь за счет использования внутренних ресурсов, природного и культурного потенциала, которые до сих пор остаются незадействованными [Мерзлов А. Вымирание российской деревни... 2016]. Поддерживая его точку зрения, считаем, что необходимо учитывать и человеческий потенциал как один из ключевых факторов устойчивого развития сельских территорий.

Достижение этой стратегической цели требует пересмотра места и роли сельских территорий в обеспечении социально-экономических преобразований в стране [О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»]. Следует согласиться с А.В. Воронцовым в том, что «либерально-рыночные реформы, проведенные в 1990-е гг. без учёта исторических, национальных и природно-климатических особенностей, привели к резкому ухудшению условий и уровня жизни насе-

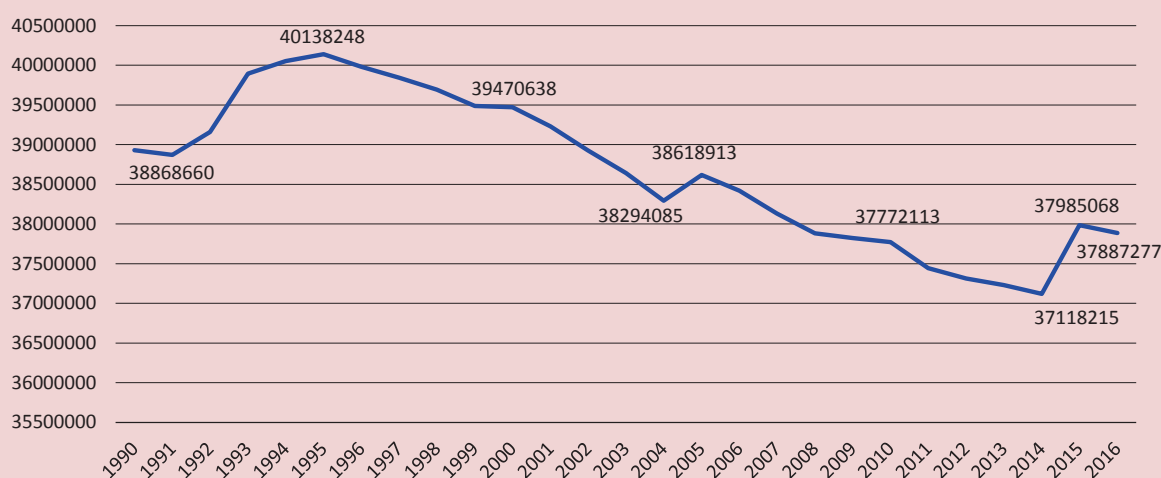
ления, вызвали на селе глубокий и затяжной кризис, поразивший практически все стороны жизни сельчан» [Воронцов А.В. Социально-экономическое положение современного российского села в зеркале статистики. 2011. С. 138]. В начале 1990-х гг. в одном из выступлений участников Вологодского областного крестьянского схода отмечалось, что «село просто разваливается, а сельское население брошено на произвол судьбы» [Россия накануне XXI века. 1995]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ Г.В. Кулик в своем докладе, посвященном сельскому хозяйству России, так описывает существовавшие тогда упаднические настроения населения: «Деревне уже не выжить, она не сможет встать на ноги, деревенские корни подрублены и село безнадежно умирает, потеряна вера людей в возможность возрождения российской деревни» [Кулик Г.В. 15 лет с президентом В.В. Путиным. Сельское хозяйство России обеспечит продовольственную независимость страны. 2016].

За прошедшие более чем два десятилетия ситуация изменилась. Среди наиболее крупных вех аграрной политики – Национальный проект «Развитие АПК», Доктрина продовольственной безопасности РФ, Госпрограмма развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. [Барсукова С.Ю. Вехи аграрной политики России в 2000-е годы. 2013]. Важное место было

отведено и решению задач социального переустройства села, повышения уровня социального обслуживания сельского населения. Например, как указано в упомянутом выше докладе Г.В. Кулика, общая сумма затрат на социальное развитие села в 2003–2014 гг. составила 406,0 млрд. руб., причем основная их доля пошла на жилищное строительство, в частности на жилье для специалистов, приехавших на постоянное жительство в деревню, газификацию и водоснабжение сельских поселений.

Тем не менее, несмотря на предпринятые меры, продолжают сохраняться такие проблемы, как отток сельского населения в города, сокращение его численности. Одна из возможных причин кроется в том, что существующая программа устойчивого развития сельских территорий распространяется преимущественно на населенные пункты, расположенные вблизи крупных объектов агропромышленного комплекса, в то время как большинство сельских территорий остаются не охваченными этой программой, и темпы исчезновения деревень, их обезлюдения по-прежнему очень высоки [Мерзлов А. Вымирание российской деревни... 2016]. Последнее наглядно иллюстрируют статистические данные: за 20 лет сельское население России сократилось на 3 млн. человек (на 7,5%), после присоединения Крыма к России численность сельского населения стала больше, однако ключевым образом ситуацию это не изменило (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности сельского населения России (постоянного населения на 1 января), человек

Происходящие в сельских территориях процессы можно рассматривать в качестве причины увеличения числа исследовательских проектов по изучению социально-экономических проблем села. Отдельно отметим труды Т.И. Заславской [Страницы творческой биографии. 1999] и Ю.В. Арутюняна [Опыт социологического изучения села. 1968], которые посвящены методологическим проблемам изучения деревни и в которых сельская местность рассматривается как социокультурный мир с особыми ценностями и образом жизни. Потенциал развития села и реальная экономика изучаются в работах, выполненных под руководством Т. Шанина [Рефлексивное крестьяноведение и русское село. 2002] (Центр крестьяноведения и аграрных реформ), анализирующих развернутые биографии семей из сельской местности.

Рост исследовательского интереса к данной проблематике отчасти сопровождается разнообразием теоретических подходов к определению человеческого потенциала. Вместе с тем в них отсутствует единство мнений относительно компонентов человеческого потенциала, а также в недостаточной степени отражена специфика сельских территорий (зачастую не учитываются такие аспекты, как стабильное развитие сельского сообщества, сохранение сельского образа жизни и сельской культуры и др.). Представляется актуальной разработка методического подхода к оценке человеческого потенциала, использование которого позволяло бы решить дискуссионные вопросы, чтобы в дальнейшем сформировать управленческие подходы.

Как нами уже отмечалось ранее [Чекмарева Е.А., Устинова К.А., Лихачева Т.Н. 2017], каждый из подходов к исследованию человеческого потенциала обладает своими преимуществами и недостатками, поэтому речь должна идти о разработке такого подхода, в котором бы предпринималась попытка минимизации последних. С нашей точки зрения методика оценки человеческого потенциала сельских территорий должна быть комплексной, сочетающей не только количественный, основанный на статистических данных анализ, но и качественный, предполагающий использование результатов социологических исследований. Это актуализирует практическую и научную значимость проводимого исследования.

I. Теоретические основы

Теоретические основы исследования человеческого потенциала были заложены зарубежными учеными [William J. The Will to Believe, and Other Essays in Popular Philosophy and Human Immortality. 1897; Moreno J.L. Sociometry. Experimental Method and the Science of Society... 1951; Maslow A.H. Motivation and Personality. 1954]: в 50-х–60-х гг. XX в. стали формироваться крупные научные школы, в которых изучалось влияние отдельных составляющих человеческого потенциала на экономический рост и инновационное развитие территорий.

В 1970-е–1990-е гг. получили распространение социально-экономические концепции человеческого потенциала, акцентировавшие внимание на изменении форм человеческого потенциала в ходе социальных и экономических трансформаций [Зомбарт В. Современный капитализм. 1992], на его реализации во взаимосвязи социального и экономического аспектов [Simmel G. The Philosophy of Money. 1978]. В рамках таких концепций человеческий потенциал рассматривался, с одной стороны, с позиций качественных характеристик «социологического человека», поведение которого санкционировано обществом и реализация социальных ролей которого должна соответствовать существующим социальным нормам [Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy... 1985]. С другой стороны, — с позиции «экономического человека», ориентированного на развитие и реализацию своих способностей в трудовой деятельности [Арон Р. Этапы развития социологической мысли. 1993] за счет инвестирования как в него самого, так и в среду, его окружающую [например, Bowen W. Investment in Human Capital and Economic Growth. 1968], для максимизации экономической выгоды. С нашей точки зрения необходимо учитывать во взаимосвязи и взаимообусловленности как социальные, так и экономические аспекты, влияющие на формирование и использование человеческого потенциала.

Распространение получили и другие подходы: например, в 1990-е гг. осуществлялся переход от концепции обеспечения минимальных потребностей (Международная организация труда [О минимальных нормах социального обеспечения: Конвенция Международной ор-

ганизации труда №102. 1952]) к концепции развития человеческого потенциала (Программа развития Организации Объединенных Наций [United nations development programme. 1990]), основная идея которой — создание условий для максимальной реализации человеческих возможностей.

Отдельные работы по человеческому потенциалу, довольно рано появившиеся и в отечественной науке, носили единичный характер, затрагивая лишь некоторые его составляющие. Так, академиком С.Г. Струмилиным в 20-е гг. прошлого века анализировался вклад образования в экономический рост СССР [Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда: очерки и этюды. 1925]. Длительное время в отечественных исследованиях господствовала «человеко-утилизирующая парадигма (ресурсный подход), рассматривающая человека как производственный ресурс, тогда как альтернативная человеко-развивающая парадигма ставит его в центр воспроизводственного процесса» [Человеческий потенциал российских регионов. 2013. С. 83]. Результатом пересмотра ресурсного подхода, связанного с обобщением достижений отечественной и зарубежной науки, стало рассмотрение человеческого потенциала с позиций цели и критерия общественного прогресса [Человеческий потенциал российских регионов. 2013. С. 83].

Анализ российских исследований в области человеческого потенциала позволил выделить три крупные научные школы:

1. *Научная школа Б.Г. Юдина* [Юдин Б.Г. Человеческий потенциал как критический ресурс России. 2007; Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России...2002] (Институт Человека РАН, после реорганизации — Институт философии РАН). В ее рамках человеческий потенциал определяется как совокупность качеств человека и общества, способных проявиться в благоприятных обстоятельствах или остаться скрытыми. Его формирование и развитие рассматривается в процессе социализации личности [Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала... 1998] на трех уровнях: микро- (человек); мезо- (группа); макро- (страна) [Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России...2002; Луков В.А., Юдин Б.Г. К концепции интернет-проекта «Человеческий потенциал России». 2009].

Особенностью данной научной школы является то, что она основана на комплексном междисциплинарном подходе к изучению человека, критикует отдельные положения методологии ПРООН (использование индексного метода для характеристики отдельных условий человеческого развития, а не направлений реализации потенциала; недостаточное внимание защите и гарантированности прав человека в обществе). В научной школе Б.Г. Юдина эти недостатки преодолеваются, учитываются экономические, психологические, культурные стороны человеческого бытия [Maslow А.Н. Motivation and Personality. 1954]; возможность адаптации человека к меняющимся условиям; отдельные параметры, связанные с защитой прав (количество жалоб по нарушению прав, с которыми обращаются граждане [Воронцов А.В. Социально-экономическое положение современного российского села. 2011]). В соответствии с этим в структуре человеческого потенциала выделяют образовательный, интеллектуальный, культурный, духовный компоненты [Человеческий потенциал... 1999], психологическую компетентность, здоровье (телесное и духовное), готовность к семейной жизни и воспитанию детей, адаптированность к социальной инфраструктуре [Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала... 1998]. В нашей работе среди показателей для оценки человеческого потенциала следует учитывать уровень образования и уровень знаний (эрудицию), состояние здоровья (в т.ч. количество больничных за последний год, возможность заниматься физкультурой и спортом), семейное положение, наличие детей и их количество.

2. *Научная школа Н.М. Римашевской* (ИСЭПН РАН), основанная на методологии оценки качественных характеристик населения (КХН) с учетом таких компонентов [Римашевская Н.М., Копнина В.Г. Качество населения. 1993], как здоровье (физическое, психическое и социальное); профессионально-образовательные способности людей, формирующие интеллектуальный потенциал; культурно-нравственные ценности и духовность, а также социокультурная активность. Принимаются во внимание социальные притязания [Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России... 2001], что соотносится с позицией разработчиков ПРООН, рассматривавших в

2010 г. среди компонентов человеческого развития потенциал социальной активности человека. Дискуссионным является вопрос о включении в человеческий потенциал материального обеспечения для его поддержания и улучшения [Человеческий потенциал российских регионов... 2013. С. 86]. Критика отдельных положений связана с проблемами сравнительного анализа, невозможностью проведения сопоставлений, вызванной тем, что, например, социальная активность и духовно-нравственные ценности характеризуются на микроуровне. С одной стороны, это позволяет анализировать качественную структуру человеческого потенциала в разрезе различных демографических и социальных групп населения, но, с другой стороны, зачастую остается незатронутой территориальная специфика. Преодоление этого ограничения обусловлено использованием статистических данных, сопряженным, в свою очередь, с проблемами наличия регулярной информации об уровне образования (наличие данных по результатам переписей населения преимущественно по экономически активному, по взрослому населению), отсутствия индикаторов для оценки таких составляющих человеческого потенциала, как культура и гражданская активность [Человеческий потенциал российских регионов... 2013. С. 140], доступности статистических данных для оценки человеческого потенциала в основном на региональном уровне. Последняя проблема затрудняет использование разработанных методических подходов применительно к сельским территориям и актуализирует исследования, направленные на преодоление обозначенных проблем.

3. *Научная школа Т.И. Заславской* (РАНХ иГС), рассматривающая человеческий потенциал с позиции готовности и способности национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды, успешной конкуренции с другими обществами [Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. 2005]. Одной из особенностей данной научной школы является изучение человеческого потенциала в контексте трансформационных процессов.

Как показало обобщение опыта исследования структуры человеческого потенциала, наиболее часто встречаются такие его компоненты,

как интеллектуальный, творческий, коммуникативный, ценностный и деятельностный [Чекмарева Е.А., Устинова К.А., Лихачева Т.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию человеческого потенциала сельских территорий. 2017]. Последний компонент, выделяемый Т.И. Заславской наряду с социально-демографическим, социально-экономическим, социокультурным, выражается, по ее мнению, в объективных возможностях граждан реализовывать свои социальные и творческие потенциалы, вести активную, полноценную жизнь [Заславская Т.И. Двадцать лет российской трансформации... 2010]. В свою очередь, мы считаем важным рассматривать деятельностный потенциал с позиций влияния не только на реализацию других компонентов человеческого потенциала, но и на их формирование. Например, намерения и планы по повышению профессионального уровня могут положительно отразиться на социально-экономическом и в целом на человеческом потенциале.

Преимущество подхода Т.И. Заславской заключается в покомпонентном анализе человеческого потенциала в контексте трансформационных процессов, что делает возможным адаптацию данного подхода применительно к сельским территориям. Учитывая это, *человеческий потенциал сельских территорий можно определить как сложную систему, состоящую из социально-демографического, социально-экономического, социокультурного и деятельностного потенциалов, взаимосвязь и взаимодействие которых обеспечивает воспроизводимость сельского сообщества, сохранение сельского образа жизни, производство сельскохозяйственной продукции, других товаров и услуг, а также социальный контроль над территорией* [Чекмарева Е.А., Устинова К.А., Лихачева Т.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию человеческого потенциала сельских территорий. 2017. С. 104].

II. Методы

Необходимость разработки комплексной методологии анализа человеческого потенциала сельских территорий обусловлена дискуссионными проблемами его исследования. В настоящей статье акцент сделан на социологическом методе в связи с отсутствием устоявшихся методологических принципов исследования данной категории, неконкретизированностью

параметров ее социологической оценки [Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала. 2011. С. 57].

В рамках нашего исследования была разработана методика, основанная на системе пока-

зателей, соответствующих его выделенным выше структурным компонентам (социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный; *табл. 1*). Ее апробация, проведенная на данных 2017 г.,

Таблица 1. Система показателей комплексной оценки человеческого потенциала сельских территорий

Компоненты человеческого потенциала	Содержание [по Заславской Т.И. Двадцать лет российской трансформации. 2010]	Система показателей (соответствует вопросам анкеты)
Социально-демографический	Определяется структурой населения по поколениям, средней продолжительностью жизни мужчин и женщин, соотношением рождений и смертей, браков и разводов, долей одиночек, а также внебрачных, безнадзорных, лишенных родительского воспитания детей. Важные элементы этого потенциала - состояние физического и психического здоровья, уровень и качество образования граждан.	Пол Возраст Семейное положение Наличие детей и их количество Состояние здоровья Наличие больничных за последний год и их частота Занятие физкультурой и спортом Уровень образования Специальность Успеваемость в школе Уровень знаний (эрудиция) Источники пополнения знаний
Социально-экономический	Учитывает уровень квалификации и профессионализма экономически активных граждан, востребованность обществом их труда, уровень и структуру занятости, степень реализации их трудовых, деловых и интеллектуальных ресурсов. Уровень запросов граждан в отношении прав и свобод, степени социальной защищенности, шансов на жизненный успех и т.д., а также их потребностей и платежеспособного спроса на материальные и социальные блага.	Качества, которые свойственны человеку (ответственность, исполнительность, образованность, самоконтроль и др.) Качества, которые в большей степени помогают в работе Характер труда Род занятий Сфера труда Стаж работы Степень соответствия квалификации выполняемой работе Трудоустройство по специальности / не по специальности Характеристика денежных доходов Ежемесячный объем расходов на питание
Социокультурный	Включает социально значимые особенности менталитета граждан, в частности нормативно-ценностное сознание, убеждения и верования, уважение к закону и праву, уровень морали и нравственности, структура мотивационных комплексов и типов поведения; ценности (личное или коллективное и др.); степень готовности и способности разных групп и слоев к взаимодействию для достижения общих целей или, напротив, их идейная разобщенность.	Ментальные характеристики Ценности (главное в жизни) Религиозные взгляды Нравственные чувства (вина, угрызения совести и др.) Увлечения (хобби) Использование ненормативной лексики в общении с окружающими
Деятельностный	Выражается в уровне деловых качеств социальных акторов, их энергии, предприимчивости, инициативы. Внешними индикаторами этого потенциала служат масштабы предпринимательской и другой социально-инновационной активности населения, развитость «третьего сектора», венчурных производств, гражданских структур.	Планирование переезда (смены места жительства) Наличие подработки Планирование повышения своего профессионального уровня Смена места работы и причины Профессиональные намерения Меры, которые готов предпринять человек по сохранению и укреплению своего здоровья Способы проведения свободного времени Улучшение жилищных условий Участие в общественной жизни населенного пункта Членство в общественных организациях Участие в политической жизни
Источник: система показателей комплексной оценки человеческого потенциала сельских территорий, разработанная автором с учетом содержания структурных компонентов по Т.И. Заславской.		

позволила комплексно охарактеризовать состояние и развитие человеческого потенциала с учетом влияющих на него факторов (воздействующих на выбор профессии и развитие профессионализма; препятствующих трудоустройству по специальности, посещению культурных мероприятий, занятию физкультурой и спортом и др.).

Ключевая роль в структуре человеческого потенциала отведена деятельностному потенциалу, который, с одной стороны, влияя на все остальные составляющие (рис. 2), служит решающим фактором их реализации; с другой – «испытывает» на себе их существенное воздействие [Заславская Т.И. Двадцать лет российской трансформации. 2010]. Поддерживая позицию Т.И. Заславской, деятельностный потенциал мы рассматриваем, во-первых, во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими компонентами, во-вторых, как отдельную составляющую, обладающую своей спецификой. В эту составляющую (см. табл. 1) нами были включены профессиональные намерения, мероприятия по сохранению и укреплению здоровья, общественная и политическая активность населения и др.

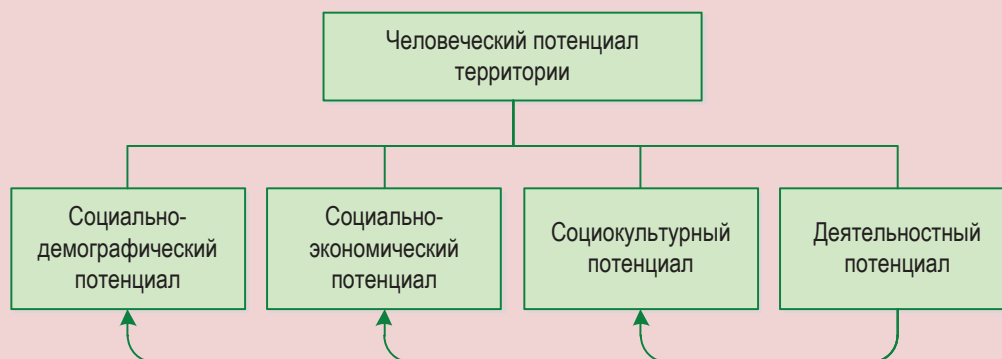
Обозначенная выше идея об использовании системы показателей была реализована нами в рамках проекта РГНФ № 16-32-01057 «Человеческий потенциал сельских территорий в период социально-экономических трансформаций». На *первом этапе* (2016 г.) его реализации основная задача заключалась в апробации инструментария на территории Вологодской обла-

сти. Объем выборочной совокупности составил 400 респондентов – сельских жителей региона. Величина случайной ошибки выборки – 3-4% при доверительном интервале 4-5%. На *втором этапе* (2017 г.) в качестве объекта исследования были выбраны сельские территории Северо-Запада, как важная социально-территориальная подсистема общества. Выборочная совокупность репрезентативна по полу и возрасту, ее общий объем составил 238 респондентов.

На этом этапе использовались результаты социологического опроса, выполненного в 2017 году Вологодским научным центром (ранее – ИСЭРТ) РАН в сельских территориях СЗФО (данные за 2016 г. не использовались в связи с различием структуры выборочной совокупности и несопоставимостью данных). В рамках исследования опрашивались жители 17 деревень, 12 сел, 12 поселков, например, таких как пгт. Пролетарий, п. Крестцы, п. Важская Запань, с. Ловозеро, с. Малошуйка, с. Павловск, д. Великая Нива, д. Залесье, д. Плесовская и др. Среди респондентов 42% жителей поселков, 34% – сел, 24% – деревень; в т.ч. 13% составляют жители районных центров, 57% – жители поселений, расположенных от районных центров в радиусе до 20 км, 20% – в радиусе 21-50 км, 10% – в радиусе 50 км.

В ходе анализа человеческого потенциала сельских территорий нами учитывались как социально-демографические параметры (пол, возраст), так и территориальный аспект – тип населенного пункта (деревня, село, поселок). При характеристике той или иной составляющей

Рис. 2. Структура человеческого потенциала

Источник: составлено автором.

щей человеческого потенциала принимались во внимание отдельные показатели, раскрывающие ее содержательно в большей степени: например, в случае социально-демографического потенциала – уровень образования и состояние здоровья сельского населения; социально-экономического – трудоустройство по специальности (не по специальности), трудоустройство по призванию (работа как любимое дело), степень соответствия квалификации выполняемой работе; социокультурного – ценности (главное в жизни), близость (отдаленность) по отношению к жителям населенного пункта; в случае деятельностного потенциала – намерения населения, участие в общественной жизни населенного пункта. Кроме того, с учетом одной из ключевых проблем – оттока населения из сельской местности – акцент был сделан на выявлении того, что может привлекать в проживании на селе, а также на причинах, по которым люди хотели бы сменить место жительства.

III. Результаты

1. Социально-демографический потенциал

В характеристику социально-демографического потенциала включают структуру населения по поколениям, среднюю продолжительность жизни, состояние физического и психического здоровья, уровень и качество образования граждан. В данном исследовании будут рассмотрены две последние составляющие.

Распределение населения по уровню образования показывает, что школу окончило все сельское население, более 40% прошли обучение в училище, примерно четверть – в техникуме и лишь 15% – в высших учебных заведениях (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какое у Вас образование?», 100% по столбцу*

Уровень образования	Частота, %
Школа	100,0
Училище	43,7
Техникум	23,9
Колледж	4,2
Незаконченное высшее	2,5
Высшее	15,1
Два и более высших	0,8
Послевузовское	0,8
Другое	0,8
Не имею образования	0,0

* Сумма в столбце больше 100%, поскольку ответ на вопрос предполагал указание всех пройденных ступеней образования.

Несмотря на то что у сельского населения практически отсутствует два и более высших образования, оно более чем в 60% случаев оценивает уровень своих знаний как средний, а в 20% случаев – как высокий. Причем молодежь более оптимистична в своих суждениях по сравнению, например, с населением пенсионного возраста (табл. 3).

Состояние здоровья, являющееся одним из важнейших компонентов социально-демографического потенциала, мужчины чаще характеризуют как хорошее (36% против 21% женщин). Молодежь оценивает свое здоровье позитивнее, чем население других возрастов: четверть молодых людей характеризует его как отличное, в группе лиц среднего возраста доля таких оценок в несколько раз меньше. При этом жители поселков по сравнению с проживающими в деревнях чаще дают отличные и хорошие самооценки здоровья (табл. 4).

Таблица 3. Оценка уровня знаний (эрудиции) и наличие двух и более высших образований, 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
<i>Два и более высших образования</i>								
Да	0,0	1,6	0,0	0,9	1,2	1,8	1,3	0,0
Нет	100,0	98,4	100,0	99,1	98,8	98,2	98,8	100,0
<i>Уровень знаний (эрудиции)</i>								
Очень низкий	0,0	0,8	0,0	0,0	1,2	0,0	0,0	1,0
Низкий	9,7	9,7	2,1	10,2	13,4	8,8	10,1	10,0
Средний	66,4	67,7	72,3	65,7	65,9	71,9	65,8	66,0
Высокий	22,1	21,0	25,5	23,1	17,1	17,5	24,1	21,0
Очень высокий	1,8	0,8	0,0	0,9	2,4	1,8	0,0	2,0

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Оцените в общем и целом состояние Вашего здоровья», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Отличное	7,1	8,8	27,1	3,7	2,4	1,8	5,0	13,0
Хорошее	36,3	20,8	56,3	30,6	8,5	15,8	33,8	31,0
Удовлетворительное	52,2	54,4	16,7	59,3	67,1	66,7	52,5	47,0
Плохое	4,4	13,6	0,0	6,5	18,3	14,0	7,5	8,0
Очень плохое	0,0	2,4	0,0	0,0	3,7	1,8	1,3	1,0

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Какое из этих утверждений больше всего подходит Вам?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Я часто и тяжело болею	0,0	4,9	0,0	0,9	6,2	7,0	1,3	1,0
Я часто болею, но не тяжело	4,5	12,2	4,3	3,8	17,3	7,0	7,7	10,2
Время от времени бывает тяжелое состояние	13,5	11,4	2,1	15,1	14,8	19,3	9,0	11,2
Иногда бывают недомогания	48,6	43,9	29,8	50,9	49,4	47,4	57,7	35,7
Болезни и недомогания бывают редко	33,3	27,6	63,8	29,2	12,3	19,3	24,4	41,8

Схожие выводы сделаны и с использованием данных о частоте и тяжести заболеваний в зависимости от рассматриваемых признаков (пол, возраст, тип населенного пункта). У лиц среднего возраста и пенсионеров чаще встречаются недомогания (49 и 51% против 30% соответственно), тяжелое состояние здоровья (15 и 15% против 2%; табл. 5).

Наращивание и развитие социально-демографического потенциала зависит от готовности населения принимать меры по сохранению и укреплению своего здоровья. Среди факторов, препятствующих этому, как субъективные (отсутствие в этом необходимости, нехватка свободного времени), так и объективные (проблемы с наличием спортивных учреждений для этих целей). Вместе с тем первым факторам население отводит решающую роль (примерно половина опрошенных выбирает варианты ответа, связанные с субъективными аспектами). Это означает, что изменение мотивации населения к сохранению и укреплению здоровья и наличие соответствующих установок, вероят-

но, позволило бы улучшить ситуацию. Судя по результатам социологического опроса, только у четверти населения отсутствуют препятствия для реализации намерений в этом направлении.

2. Социально-экономический потенциал

Принимая во внимание тот факт, что данный потенциал связан с повышением профессионального уровня населения, с реализацией интеллектуальных и деловых качеств, считаем значимым учет параметров, свидетельствующих о неэффективном его использовании из-за несогласования между образовательной системой и рынком труда (трудоустройство не по специальности, степень соответствия квалификации требованиям рабочих мест и др.).

Исследование также показало, что, как и у всего трудоспособного населения, квалификация жителей сельских территорий только в половине случаев соответствует требованиям рабочих мест, примерно у трети сельчан она выше (табл. 6). Следует отметить, что выявлено лишь незначительное число фактов квалификации сотрудников ниже требований рабочих мест,

что может быть обусловлено, с одной стороны, отсутствием в сельской местности высокотехнологичных производств, на которых бы работодатели предъявляли высокие требования к образовательному и квалификационному потенциалу сотрудников, с другой стороны, завышенными самооценками населения.

Ухудшает возможности использования накопленного потенциала несоответствие профиля трудоустройства населения специальности, полученной в образовательном учебном заведении. На практике соответствие обеспечивается только в половине случаев, еще реже такая ситуация встречается среди жителей деревень, что может быть вызвано отсутствием рабочих мест, соответствующих направлению подготовки (табл. 7).

В качестве одной из проблем выступает то, что только половина сельского населения может работать в месте проживания, в то время как почти треть вынуждена трудоустроиваться в городе, что может приводить к оттоку населения из сельской местности (табл. 8). Следует подчеркнуть, что отсутствие соответствующей работы в месте проживания примерно в половине случаев приводит к трудоустройству не по специальности; другие причины, детерминирующие подобную ситуацию, кроются в желании найти работу «по душе» (18%), сменить деятельность и попробовать что-то новое (12%) и т.д.

Несмотря на сложности, возникающие в плане трудоустройства, для большинства сельского населения работа является любимым делом (табл. 9).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Ваша квалификация соответствует выполняемой Вами работе?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Квалификация выше требований	30,8	25,0	33,3	28,8	14,3	37,0	21,7	29,8
Квалификация соответствует требованиям	50,8	57,1	48,1	55,0	57,1	48,1	56,5	53,2
Квалификация ниже требований	1,5	0,0	3,7	0,0	0,0	3,7	0,0	0,0
Не знаю, трудно сказать	16,9	17,9	14,8	16,3	28,6	11,1	21,7	17,0

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы по специальности?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Да	49,2	50,0	44,4	51,3	50,0	33,3	52,2	55,3
Нет	49,2	50,0	51,9	48,8	50,0	66,7	47,8	42,6
Другое	1,5	0,0	3,7	0,0	0,0	0,0	0,0	2,1

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы в том же населенном пункте, в котором проживаете?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Да	56,9	58,9	63,0	52,5	78,6	51,9	76,1	42,6
Нет, работаю в другом сельском населенном пункте	13,8	16,1	7,4	18,8	7,1	18,5	8,7	19,1
Нет, работаю в городе	29,2	25,0	29,6	28,8	14,3	29,6	15,2	38,3

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Является ли Ваша работа любимым делом?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Да, конечно	26,2	25,0	22,2	23,8	42,9	29,6	21,7	25,5
Скорее да	30,8	42,9	37,0	38,8	21,4	33,3	34,8	40,4
Скорее нет	26,2	17,9	22,2	23,8	14,3	33,3	28,3	10,6
Определенно нет	3,1	3,6	3,7	3,8	0,0	0,0	4,3	4,3
Затрудняюсь ответить	13,8	10,7	14,8	10,0	21,4	3,7	10,9	19,1

В завершение характеристики социально-экономического потенциала следует отметить, что его эффективное формирование и использование обеспечивается только в половине случаев. Это иллюстрируют данные как о трудоустройстве по специальности, так и о соответствии квалификации требованиям рабочих мест.

3. Социокультурный потенциал

Социокультурный потенциал рассматривается с позиций морали и нравственности, убеждений и верований, уважения к закону и праву, а также особенностей нормативно-ценностного сознания, причем решающая роль отводится ценностям. В их перечне первое место, вне зависимости от социально-демографических характеристик населения и места проживания, занимает семья и дом, второе – работа и, как следствие, обеспечение приличного заработка. Помимо того большое значение имеет общение (табл. 10).

Важность общения и поддержания устойчивых связей с жителями поселения показана с использованием результатов ответов на вопрос

о чувстве близости/отдаленности по отношению к населенному пункту. Социальным связям придается значение более чем в 40% случаев, а среди пенсионеров и жителей поселков – более чем в 50% (табл. 11). Примерно треть сельского населения ощущает близость с природой, что может способствовать отсутствию желания сменить место жительства.

Рассматривая социокультурный потенциал, можно подчеркнуть, что население сельских территорий выделяет среди ценностных ориентиров такие общераспространенные аспекты, как семья и дом, работа и обеспечение приличного заработка, а также поддержание социальных связей за счет общения, в то время как меньшая роль отводится профессиональному развитию и духовному совершенствованию. Невысокая направленность сельского населения на повышение квалификации и профессиональный рост может обуславливать снижение возможностей для преодоления рассогласований между образовательной системой и рынком труда, выражающихся

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос: «Что лично для Вас является главным в жизни?», 100% по столбцу (вариант ответа «свое»; сумма превосходит 100%, потому что можно было выбрать до 3-х вариантов ответа)

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Моя работа	37,2	23,2	29,2	43,5	12,2	24,6	41,3	23,0
Семья и дом	92,0	90,4	91,7	93,5	87,8	86,0	95,0	91,0
Учеба, образование, повышение квалификации	5,3	6,4	22,9	0,9	2,4	1,8	5,0	9,0
Общение с определенным кругом людей	15,9	24,0	18,8	18,5	23,2	24,6	13,8	23,0
Обеспечение приличного заработка	32,7	19,2	31,3	33,3	12,2	22,8	35,0	20,0
Духовное развитие	6,2	12,8	6,3	4,6	18,3	8,8	11,3	9,0
Другое	0,9	0,8	0,0	0,9	1,2	0,0	1,3	1,0

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность по отношению к Вашему населенному пункту?», (вариант ответа «свое»; 100% по столбцу)

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Жители поселения	42,9	46,0	44,7	39,8	50,6	33,3	37,5	56,1
Природа поселения	31,3	41,1	34,0	37,0	37,0	43,9	40,0	29,6
Традиции и культура поселения	15,2	8,1	14,9	13,0	7,4	8,8	15,0	10,2
История поселения	7,1	4,8	4,3	7,4	4,9	10,5	7,5	2,0
Судьба поселения	3,6	0,0	2,1	2,8	0,0	3,5	0,0	2,0

в трудоустройстве не по специальности, в несоответствии квалификации требованиям рабочих мест и в выборе места работы без учета своего предназначения (отсутствие любви к профессии как делу жизни).

4. Деятельностный потенциал

Преодоление вышеобозначенных проблем становится возможным за счет использования деятельностного потенциала, в который входит не только социальная активность, но и деловые качества, инициативность и предприимчивость. В этом ряду особо приоритетными должны быть намерения (достижение высокого материального положения, налаживание социальных связей и расширение круга общения) как «источник» запуска активности населения. В меньшей степени среди намерений сельским

населением обращается внимание на сохранение и укрепление здоровья, интеллектуальное развитие (это особенно важно для женщин, молодежи и населения, проживающего в поселках), рост культурного уровня, продвижение по службе и достижение высокого положения в обществе.

Тем не менее, несмотря на указанные выше приоритеты, существуют некоторые различия в разрезе социально-демографических групп. Например, женщины несколько чаще по сравнению с мужчинами нацелены на повышение уровня знаний, укрепление здоровья и расширение круга общения, в то время как мужчины – на достижение высокого материального положения, предпринимательскую деятельность, общественное признание (табл. 12).

Таблица 12. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного ниже входит в Ваши намерения?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
<i>Повысить уровень своих знаний, стать эрудированным человеком</i>								
Да	21,5	32,1	29,6	30,0	0,0	25,9	19,6	34,0
Нет	78,5	67,9	70,4	70,0	100,0	74,1	80,4	66,0
<i>Стать высококлассным специалистом, с которым считаются мои коллеги</i>								
Да	33,8	23,2	29,6	32,5	7,1	29,6	21,7	34,0
Нет	66,2	76,8	70,4	67,5	92,9	70,4	78,3	66,0
<i>Продвинуться по службе, сделать карьеру</i>								
Да	16,9	17,9	37,0	13,8	0,0	11,1	17,4	21,3
Нет	83,1	82,1	63,0	86,3	100,0	88,9	82,6	78,7

Окончание таблицы 12

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
<i>Заняться (продолжать заниматься) творческим трудом</i>								
Да	4,6	1,8	7,4	2,5	0,0	0,0	2,2	6,4
Нет	95,4	98,2	92,6	97,5	100,0	100,0	97,8	93,6
<i>Добиться высокого материального положения</i>								
Да	49,2	19,6	44,4	38,8	0,0	40,7	26,1	42,6
Нет	50,8	80,4	55,6	61,3	100,0	59,3	73,9	57,4
<i>Заняться предпринимательской деятельностью, открыть свое дело, стать фермером и т.д.</i>								
Да	13,8	7,1	25,9	6,3	7,1	14,8	13,0	6,4
Нет	86,2	92,9	74,1	93,8	92,9	85,2	87,0	93,6
<i>Заняться общественно-политической деятельностью, возможно, стать депутатом, одним из лидеров партии, движения, профсоюза и др.</i>								
Да	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Нет	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Повысить свой культурный уровень</i>								
Да	7,7	19,6	18,5	12,5	7,1	11,1	13,0	14,9
Нет	92,3	80,4	81,5	87,5	92,9	88,9	87,0	85,1
<i>Занять высокое положение в обществе</i>								
Да	6,2	8,9	14,8	6,3	0,0	7,4	13,0	2,1
Нет	93,8	91,1	85,2	93,8	100,0	92,6	87,0	97,9
<i>Добиться общественного признания (получить награды, знаки отличия)</i>								
Да	10,8	3,6	7,4	7,5	7,1	7,4	6,5	6,4
Нет	89,2	96,4	92,6	92,5	92,9	92,6	93,5	93,6
<i>Подлечить, поправить свое здоровье</i>								
Да	16,9	32,1	14,8	25,0	35,7	33,3	21,7	21,3
Нет	83,1	67,9	85,2	75,0	64,3	66,7	78,3	78,7
<i>Укрепить свою нервную систему</i>								
Да	20,0	17,9	3,7	21,3	35,7	25,9	17,4	17,0
Нет	80,0	82,1	96,3	78,8	64,3	74,1	82,6	83,0
<i>Расширить круг общения, обзавестись большим числом друзей, знакомых</i>								
Да	30,8	35,7	25,9	33,8	42,9	33,3	32,6	34,0
Нет	69,2	64,3	74,1	66,3	57,1	66,7	67,4	66,0

Намерения реализуются посредством активности населения, в т.ч. общественной. По результатам нашего социологического исследования выявлено, что примерно половина населения вообще не участвует в общественной жизни своего населенного пункта, за исключением субботников (около трети опрошенных) и социологических опросов (табл. 13).

Одна из причин невысокой общественной активности населения с нашей точки зрения может заключаться в отсутствии желания жить

в сельской местности. В этой связи показательны результаты ответов на вопрос относительно планов проживания в сельской местности своих детей и внуков – более 40% как мужчин, так и женщин дали отрицательный ответ (табл. 14). Схожей позиции более чем в половине случаев придерживаются пенсионеры, среди молодежи доля таких ответов несколько меньше. В то же время жители поселков чаще настроены положительно, чем жители деревень.

Таблица 13. Распределение ответов на вопрос: «Принимаете ли Вы участие в общественной жизни своего населенного пункта?», 100% по столбцу (сумма превосходит 100%, потому что можно было выбрать несколько ответов)

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Участвую в творческих мероприятиях, концертах	5,3	8,0	6,3	8,3	4,9	3,5	7,5	8,0
Участвую в субботниках	30,1	36,8	22,9	38,0	34,1	31,6	35,0	34,0
Участвую в социальных проектах, акциях, флэш-мобах	3,5	6,4	4,2	8,3	1,2	5,3	5,0	4,0
Участвую в социологических опросах, интервью, фокус-группах	20,4	21,6	22,9	18,5	23,2	8,8	16,3	32,0
Пишу публикации, заметки (посты) в печатные и электронные издания	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Занимаюсь благотворительностью	0,0	2,4	0,0	1,9	1,2	0,0	1,3	2,0
Занимаюсь волонтерской деятельностью	0,9	1,6	2,1	0,0	2,4	0,0	1,3	2,0
Другое	0,9	0,8	0,0	0,9	1,2	3,5	0,0	0,0
Не принимаю участия	54,9	46,4	52,1	50,9	48,8	59,6	56,3	41,0

Таблица 14. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети и внуки жили здесь?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Да	35,4	36,0	33,3	37,0	35,4	24,6	28,8	47,0
Нет	42,5	48,0	39,6	41,7	53,7	64,9	45,0	35,0
Затрудняюсь ответить	22,1	16,0	27,1	21,3	11,0	10,5	26,3	18,0

Смена места жительства входит в планы примерно четверти населения (как мужчин, так и женщин), аналогичная ситуация выявлена в разрезе возрастных групп (за исключением лиц среднего возраста; *табл. 15*).

Несмотря на желание сменить место жительства, свыше трети сельских жителей не планируют жить в городе, прежде всего, в связи с ценностью для них тишины и покоя, отсутствия городской суеты, наличия возможности быть ближе к природе и иметь свой дом и участок (*рис. 3*).

Препятствовать оттоку населения из сельской местности, на наш взгляд, могло бы решение первоочередных проблем, среди которых более чем половина респондентов называли не-

обходимость повышения уровня финансирования объектов социальной инфраструктуры и увеличения количества рабочих мест. Сельское население, вне зависимости от социально-демографических характеристик, обращает внимание и на необходимость улучшения бытовых условий (*табл. 16*).

Воспроизводство деятельностного потенциала создает предпосылки для развития отдельных компонентов и в целом человеческого потенциала. Преодолению существующих несогласований способствовал бы рост интеллектуального потенциала, профессионального и культурного уровня населения и, как следствие, продвижение по службе и достижение определенного положения в обществе. Невысокая

Таблица 15. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы переехать, сменить место жительства?», 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Да	25,7	26,4	41,7	28,7	13,4	17,5	28,8	28,0
Нет	74,3	73,6	58,3	71,3	86,6	82,5	71,3	72,0

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что Вас привлекает в жизни в сельской местности?» (100% по столбцу; сумма позиций превышает 100%, поскольку можно было выбрать не более 3 причин)

Таблица 16. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, что необходимо сделать для того, чтобы жизнь в Вашем населенном пункте стала лучше?» (100% по столбцу; сумма превосходит 100%, потому что можно было выбрать несколько ответов)

Вариант ответа	Пол		Возраст			Населенный пункт		
	Мужчины	Женщины	Молодёжь	Лица среднего возраста	Пенсионеры	Деревня	Село	Поселок
Увеличить финансирование объектов обслуживания населения	61,1	56,8	50,0	66,7	53,7	42,1	57,5	69,0
Расширить ассортимент предлагаемых услуг / мероприятий	31,0	31,2	31,3	34,3	26,8	17,5	35,0	35,0
Увеличить количество рабочих мест	62,8	61,6	58,3	66,7	58,5	49,1	77,5	58,0
Усилить господдержку инициатив граждан	31,0	28,8	27,1	35,2	24,4	24,6	33,8	29,0
Открыть новые образовательные учреждения	15,0	18,4	12,5	16,7	19,5	7,0	17,5	21,0
Улучшить бытовые условия	48,7	48,0	45,8	50,0	47,6	28,1	56,3	54,0
Затрудняюсь ответить	12,4	13,6	20,8	9,3	13,4	15,8	10,0	14,0
Другое	4,4	9,6	4,2	4,6	12,2	17,5	0,0	7,0

склонность к повышению профессионального уровня, к общественной активности может приводить к проблемам реализации накопленного потенциала. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами социологического исследования, согласно которым только в половине случаев квалификация соответствует требованиям рабочих мест и только половина сельского населения работает по полученной специальности. Среди причин, которые обусловили такую ситуацию и могут приводить к оттоку сельского населения в города, необходимо назвать недостаток рабочих мест, а также изменение профессиональных планов и проблемы с социальной инфраструктурой.

Смягчить негативные последствия оттока населения с нашей точки зрения было бы возможно с учетом того, что в ряде случаев решение о переезде может носить вынужденный характер. Об этом свидетельствуют данные нашего социологического исследования: треть из планирующих переезд не желают жить в городе, поскольку ценят сельский уклад жизни, возможность иметь свой дом и участок, жить в отсутствие суеты, поддерживать сложившиеся социальные связи с жителями своего населенного пункта. То есть формирование благоприятной среды для проживания и реализации потенциала создает вероятность возвращения уехавших в город жителей сельской местности. Решать проблемы, связанные с социальной инфраструктурой, с рабочими местами, крайне необходимо отчасти и потому, что среди жизненных ценностей сельского населения наряду с семьей и домом присутствует работа и обеспечение приличного заработка, а среди намерений — желание добиться высокого материального положения.

IV. Обсуждение

Поскольку в нашем исследовании применялись социологические методы, то следует остановиться на их преимуществах и недостатках. С одной стороны, использование подобных методов создает предпосылки для анализа качественных характеристик населения (образ и стиль жизни, способности и возможности, ценностные ориентации, адаптированность к социальной инфраструктуре общества и др.), степени реализации жизненных стратегий, позволяет работать с большими массивами данных, осуществлять сравнения разных харак-

теристик населения в динамике, в разрезе социально-демографических групп. С другой стороны, на практике приходится сталкиваться с проблемой качества собираемой информации, вероятностью возникновения эффектов смещения, обусловленных как проблемами с главным инструментом исследования — анкетой, так и с отклонениями факта от плана при формировании выборочной совокупности, что может сопровождаться нерепрезентативностью полученных данных. Кроме того, имеет место трудозатратность проводимых исследований в условиях больших по объему выборочных совокупностей в сочетании с неэффективными стратегиями отбора [Заславская Т.И. Двадцать лет российской трансформации. 2010. С. 184, 186, 188-189].

В нашем случае выборочная совокупность по своей структуре соответствует генеральной. Качество получаемых данных отчасти обеспечивается за счет комплексного характера исследования, учета, в соответствии с концепцией Т.И. Заславской, всех структурных составляющих человеческого потенциала сельских территорий и факторов, влияющих на его состояние и развитие. Для преодоления проблемы смещенности данных при формировании вариантов ответа на вопросы анкеты мы постарались учесть различные точки зрения, дать возможность респонденту для обозначения своей версии. Для нас было важным соблюдение «компромисса» между открытыми и закрытыми вопросами для снижения вероятности большого количества пропусков, с одной стороны, а также рисков невыявления отдельных особенностей объекта исследования — с другой.

Одной из значимых проблем, зачастую встречающихся на практике, в том числе и нашей, является соблюдение баланса между наполненностью, насыщенностью анкеты в целом и ее вопросов и необходимостью обеспечения простоты изложения вариантов ответов с целью облегчения их доступности для понимания респондентами. Кроме того, следует подчеркнуть трудоемкость проводимого исследования, связанную как с предварительным сбором статистики (в т.ч. и для формирования выборочной совокупности), так и с организационными аспектами (анкетеры неохотно едут в сельские территории для проведения социологического исследования, а респонденты порой с недове-

рием относятся к таким мероприятиям). Как можно отметить, должна развиваться не только социология исследования сельского населения, но и статистика сельских территорий. Сейчас обычно приходится сталкиваться с такими проблемами, как недостаток и нечастая публикация статистических данных в разрезе городских и сельских территорий (в официальных статистических источниках содержится мало показателей, затрагивающих преимущественно демографические аспекты человеческого

потенциала). Иногда исследования человеческого потенциала не носят комплексного характера, не учитывают необходимости покомпонентного анализа, выявления проблем развития данного потенциала и факторов, на него влияющих. Получение такой информации имеет принципиально важное значение для разработки органами управления системы мероприятий, направленных на совершенствование человеческого потенциала сельских территорий в целом и его составляющих.

Литература

1. Дружинин А.Г. Особенности процессов урбанизации и рурализации в российском пространстве. Изменения потенциала и влияния крупнейших городов в постсоветской России, их «плюсы» и «минусы» // Демоскоп Weekly. 2012. №519-520. 20 авг.–2 сен. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0519/analit02.php> (дата обращения: 06.03.2018)
2. Мерзлов А. Вымирание российской деревни: причины и последствия. URL: <https://salt.zone/radio/5523> (дата обращения: 14.03.2018)
3. О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598. URL: file://fs/usefold/kau/Downloads/2628_1530-13032017_PP_RF_15_03_201_3_N_598_v_red._25_05_2016.pdf (дата обращения: 14.03.2018)
4. Воронцов А.В. Социально-экономическое положение современного российского села в зеркале статистики // Terra Humana. 2011. № 1. С. 138-143.
5. Россия накануне XXI века. Вып. 2. М., 1995.
6. Кулик Г.В. 15 лет с президентом В.В. Путиным. Сельское хозяйство России обеспечит продовольственную независимость страны. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/ef8/ef89b2933a0eb3c30469bcd5dca7568b.pdf> (дата обращения: 07.03.2018)
7. Барсукова С.Ю. Вехи аграрной политики России в 2000-е годы. URL: https://www.hse.ru/data/2012/11/03/1249187457/%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_13_11_12.pdf (дата обращения: 14.03.2018)
8. Заславская Т.Н. Страницы творческой биографии // Реформаторские течения в отечественной аграрно-экономической мысли (1950-1990-е гг.). М., 1999.
9. Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села. М.: Изд-во МГУ, 1968. 104 с.
10. Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002.
11. Чекмарева Е.А., Устинова К.А., Лихачева Т.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию человеческого потенциала сельских территорий // Проблемы развития территорий. 2017. Вып. 4(90). С. 96-111.
12. William J. The Will to Believe, and Other Essays in Popular Philosophy and Human Immortality. New York: Dover. 1897
13. Moreno J.L. Sociometry. Experimental Method and the Science of Society: An Approach to a New Political Orientation, Beacon: Beacon House, 1951
14. Maslow A.H. Motivation and Personality. New York: Harper & Bros., 1954.
15. Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1992.
16. Simmel G. The Philosophy of Money. Boston, 1978.
17. Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // Sociological Theory. Spring, 1985. P. 99-113.
18. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
19. Bowen W. Investment in Human Capital and Economic Growth. N.Y., 1968.

20. О минимальных нормах социального обеспечения: Конвенция Международной организации труда №102. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 14.03.2018)
21. United nations development programme. 1990. Human development report. New York: Oxford University Press, 1990.
22. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда: очерки и этюды. М., 1925.
23. Человеческий потенциал российских регионов / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. 2013. №3. С. 82-141.
24. Человеческий потенциал как критический ресурс России / под ред. Б.Г. Юдина. М.: ИФРАН, 2007. 175 с.
25. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения / под ред. Б.Г. Юдина. М., 2002. 265 с.
26. Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала как программа исследований // Человек— философия—гуманизм: основные доклады и обзоры Первого российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). Т. 9. СПб., 1998.
27. Луков В.А., Юдин Б.Г. К концепции интернет-проекта «Человеческий потенциал России» // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С. 251-256.
28. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И.Т. Фролова. М., 1999. 176 с.
29. Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной // Демография и социология. Вып. 6. М.: ИСЭПН РАН, 1993.
30. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век. URL: <http://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fr/3/03.pdf> (дата обращения: 10.03.2018)
31. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. №3. С. 5-16.
32. Заславская Т.И. Двадцать лет российской трансформации. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/15/1214861784/Zaslavskya.pdf> (дата обращения: 10.03.2018)
33. Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала // Известия Саратовского университета. 2011. Т.11. Сер. Социология. Политология, Вып. 2. С. 56-60.

Сведения об авторе

Ксения Александровна Устинова – к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Статья поступила 22.11.2017.

Ustinova K.A.

Human Potential of Russia's Rural Areas: Assessment and Interpretation

Abstract. The paper proves that the market transformations of the 1990s resulted in a crisis that affected all aspects of life of rural residents. Despite the measures taken to support the village, its problems still linger; and they include a reduction in the rural population and its outflow to the cities, and the condition of social infrastructure that is worse in comparison with that in the cities. All this reduces the opportunities for reproduction and development of human potential in Russian villages. The diversity of theoretical approaches to the definition of human potential, the lack of unified views on its structural components and methodological approaches to its analysis lead to the necessity to develop a comprehensive methodology for assessing human potential in rural areas; such a methodology should combine not only quantitative

analysis based on statistical data, but also qualitative analysis that would involve the use of sociological research findings. In our paper, we present domestic studies on this problem and group them according to three scientific schools, determine their specific features and their positive and negative aspects. The article substantiates the use of the approach of T.I. Zaslavskaya to the study of human potential in rural areas; her approach distinguishes activity-related potential along with socio-demographic, socio-economic, and socio-cultural potential. In accordance with this approach, a set of indicators reflecting the state and development of human potential of rural areas is proposed. This system was tested with the help of a survey of rural population in the regions of the Northwestern Federal District. The results obtained indicate the prevalence of the average level of knowledge, a great extent of unrealized accumulated potential due to non-compliance, in half of the cases, of the qualification to the job requirements, as well as employment outside one's specialty. The lack of necessary conditions for realizing one's potential due to the lack of jobs and the worse state of social infrastructure in the villages compared to the cities can lead to an outflow of rural population, although sometimes the decision to move is not taken voluntarily. One third of those who are planning to move would not want to live in the city, because they appreciate the rural way of life, the opportunity to have their own house and land, and to maintain existing social ties with their neighbor villagers. However, with effective administration, there is a possibility to prevent the outflow of people from rural areas.

Key words: rural areas, human potential, structure of human potential, approaches to assessment.

Information about the Author

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.14

УДК 332.1(470.53), ББК 65.9

© Киреева А.А., Цой А.А.

Механизмы формирования IT-кластеров как «полюсов роста» в регионах Казахстана на пути к «Индустрии 4.0»

**Анель Ахметовна
КИРЕЕВА**

Институт экономики КН МОН РК
Алматы, Казахстан, 050010, ул. Курмангазы, д. 29
E-mail: anele19@mail.ru

**Александр Анатольевич
ЦОЙ**

Научно-образовательный центр «Зеленая академия»
Астана, Казахстан, 010000, ул. Достык, д. 20
E-mail: alt-kct@mail.ru

Аннотация. Основной предпосылкой успешного инновационного развития является естественный ход модернизации индустрий в мире, характеризующийся на современном этапе переходом к «Индустрии 4.0», где основным драйвером являются информационные технологии (в т.ч. цифровые). Применительно к казахстанской экономике акцент усиливается в соответствии с Посланием Президента страны Назарбаева Н.А. народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31 января 2017 г. Главой государства поставлен «первый приоритет — это ускоренная технологическая модернизация экономики». При этом важным аспектом ускоренной технологической модернизации является положение о том, что важно «культивировать новые индустрии, которые создаются с применением цифровых технологий». Целью статьи является разработка научно-практических рекомендаций и эффективных органи-

Для цитирования: Киреева А.А., Цой А.А. Механизмы формирования IT-кластеров как «полюсов роста» в регионах Казахстана на пути к «Индустрии 4.0» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 212-224. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.14

For citation: Kireeva A.A., Tsoi A.A. Mechanisms for forming IT-clusters as “growth poles” in regions of Kazakhstan on the way to “Industry 4.0”. *Economic and Social Changes; Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 212-224. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.14

зационно-экономических механизмов формирования ИТ-кластеров в регионах Казахстана на пути к «Индустрии 4.0». В рамках поставленной цели решаются следующие основные задачи: исследовать концепцию «полюсов роста» и возможность ее использования при формировании ИТ-кластера; выявить особенности влияния локальных факторов на формирование ИТ-кластера; предложить организационно-экономические механизмы формирования ИТ-кластеров в условиях перехода к «Индустрии 4.0». Принципиальное отличие идей данного научного исследования от существующих аналогов обуславливается тем, что сформулированы и предложены научные положения, касающиеся формирования ИТ-кластеров в Казахстане, расширены существующие знания в контексте развития цифровых технологий, зеленых ИКТ и внедрения прорывных смарт-проектов ИТ-отрасли. В предлагаемом научном исследовании использованы общенаучные методы исследования, которые позволили исследовать и систематизировать имеющиеся данные посредством теоретического и практического анализа. В частности, в статье предполагается использовать следующие общенаучные методы: обобщение (процесс установления общих свойств и признаков кластеров, могут быть выделены любые признаки (абстрактно-общее) или существенные); системный анализ (исследование, в основе которого лежит рассмотрение кластеров как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними); метод моделирования. В статье предложены механизмы формирования ИТ-кластеров как полюсов роста в среднесрочной и долгосрочной перспективах, были учтены требования, выдвигаемые к четырехэтапной модели формирования и развития ИТ-кластера (строго определенная последовательность).

Ключевые слова: регион, региональная экономика, инновационное развитие, кластер, ИТ-кластер, цифровые технологии, зеленые ИТ.

Введение

Сегодня Казахстан стоит перед глобальными экономическими вызовами, и от этого зависит, какую геополитическую роль он будет играть в XXI веке. На республиканском совещании по вопросам цифровизации от 13 сентября 2017 г. Президентом Казахстана Назарбаевым Н.А. было отмечено, что необходимо **«выстроить взаимодействие государства и частных предприятий»** и **«создавать условия для широкого внедрения цифровых технологий»** [1]. Ускорить данный процесс можно только с помощью лучшего понимания глобальных трендов цифровых технологий, стоящих перед Казахстаном в рамках концепции «Индустрии 4.0»:

- первый тренд – это выход на новые горизонты повышения операционной эффективности;
- второй тренд – развитие прорывных технологий путем внедрения новых бизнес-моделей;
- третий тренд – это полная цифровая трансформация деятельности производственных компаний.

Выдвигаемые цифровые тренды «Индустрии 4.0» предполагают использование новых методов организации инновационных процес-

сов. Не случайно такие мировые державы, как США и ЕС, на реализацию концепции «Индустрия 4.0» выделяют большие финансовые средства, особенно на развитие ИТ-отрасли и обучение ИТ-персонала. Они рассматривают как промышленную революцию «Индустрию 4.0» главным образом с точки зрения повышения производительности и применения энергосберегающих технологий (зеленых ИТ). Это приведет к формированию новой конкурентной среды и к коренным изменениям в традиционных секторах экономики.

При этом достижение положительного эффекта от воплощения модели «Индустрия 4.0» возможно только при сквозной цифровизации промышленного производства – индивидуализация и адаптация производства под потребности предприятий путем объединения различных источников информации. Следует напомнить, что концепция «Индустрия 3.0» предусматривала автоматизацию отдельных процессов и машин, в то время как «Индустрия 4.0» – это умная фабрика, направленная на полную цифровизацию всех производственных процессов и их интеграцию в цифровую экосистему с учетом использования энергосберегающих технологий.

Ключевым фактором успеха цифровой трансформации является развитие цифровой культуры на промышленных предприятиях и восполнение потребностей в развитии человеческого капитала (квалифицированных IT-специалистов). Отраслевым предприятиям нужно иметь открытый доступ к элементам «Индустрии 4.0» – мобильным устройствам, облачным хранилищам, дополненной реальности (умные гаджеты), геолокации (определение местонахождения), усовершенствованным интерфейсам взаимодействия индивидуума и компьютера, 3D-печать, анализ больших данных (Big-Data) и продвинутые алгоритмы, персонализация по клиентскому профилю. Необходимо выделить, что основной проблемой при цифровизации отраслевых предприятий станет не выбор новых перспективных технологий, а высокая потребность в IT-среде (носителях цифровой культуры, которые могут появиться только в цифровом обществе) и необходимости развития системы управления знаниями в этой среде.

В этой связи становится очевидным, что в целях достижения эффекта от воплощения концепции «Индустрия 4.0» требуется формирование IT-платформы, т.е. своего рода домена кластерной среды – современной инновационной платформы нового поколения. Роль подобных цифровых IT-платформ могут взять на себя IT-кластеры, способные транслировать передовые IT-продукты и IT-контенты (3D-печать, модели цифровых образований, роботехника, слияние искусственных и биологических умов через интерфейс мозговой машины, генная инженерия и т.д.) на обширную периферию страны. Сегодня успешно функционирующие IT-кластеры создают уникальные возможности для владения рынками в эпоху информационной революции и глобальной цифровизации пространства.

Поэтому предлагаемое научное исследование особенно актуально сейчас, поскольку его *целью* является *разработка научно-практических рекомендаций и эффективных организационно-экономических механизмов формирования IT-кластеров в регионах Казахстана на пути к «Индустрии 4.0».*

Цель научного исследования полностью соответствует задачам, поставленным в Послании Президента Казахстана Назарбаева Н.А. «Стра-

тегия Казахстан-2050» [2], государственной программе «Цифровой Казахстан-2020» [3], Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой» экономике [4] и в других государственных программных документах, где подчеркнута необходимость развития новых индустрий с применением цифровых технологий.

Научная новизна исследования обеспечивается тем, что обоснованы и сформулированы научные положения, касающиеся разработки механизмов формирования IT-кластеров как полюсов роста в среднесрочной (повышение восприимчивости бизнеса и экономики к инновациям, поддержка инновационных компаний, развитие науки, наращивание кадрового потенциала и поиск регионов-лидеров) и в долгосрочной (развитие IT бизнес-инкубаторов, увеличение объема финансирования, развитие горизонтальных связей, создание центра инноваций и привлечение опытных кластерных менеджеров) перспективах. В исследовании предполагается рассмотреть широкий комплекс вопросов в контексте развития наукоемких технологий, внедрения прорывных смарт-проектов IT-отрасли и влияния локальных факторов.

Концепция «полюсов роста» и возможность ее использования при формировании IT-кластера

В зарубежной и отечественной научной литературе широко признается тот факт, что для развития «хайтек» технологий как в развитых, так и в развивающихся странах необходимо идентифицировать драйверы, т.е. «полюса роста» инновационного роста и иметь хорошо продуманную региональную политику, чтобы их направлять [5, 6]. При этом инструменты и механизмы реализации эффективной региональной политики различны.

Концепция поиска возможных «полюсов роста» разрабатывалась первоначально для отраслевой структуры экономики, т.е. в ее основу ставился тезис о том, что ведущие отрасли способны распространить свой потенциал на отсталые регионы. В дальнейшем данная концепция получила свое развитие и была распространена на другие элементы экономического пространства, в рамках изучения эффектов городских агломераций, а также в рамках теории «диффузии инноваций», в которой отмечалось, что любое развитие зарождается в центре, а затем распространяется на периферию.

Ведущие западные регионоведы отмечают, что «полюса роста» — это агломерации, сконцентрированные территориально и выделяющиеся интенсивными инновационными процессами [7]. При этом те центры и ареалы экономического пространства, где размещаются предприятия лидирующих отраслей или кластерных структур, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечивают наиболее эффективное их использование [5]. Это приводит к концентрации активных предприятий и формированию «полюсов роста». Так, «полюса роста» создаются в целях активизации экономической деятельности в отсталых периферийных, проблемных районах, в «полюса роста» концентрированно направляются новые инвестиции вместо распыления их по всему региону [8].

С развитием информационной экономики и высокотехнологичных отраслей все больше научных исследований уделяют внимание их влиянию на пространственную структуру [9, 10]. При этом важное место занимают исследования в области проектирования и объяснения природы взаимосвязи между факторами размещения высокотехнологичного производства и агломерациями. Так, большинство ведущих экспертов в области кластерного развития сходятся в том, что в понятие «полюса роста» следует включать совокупность четырех элементов [11–14]:

- природно-географические условия территории;
- стремительно развивающиеся отрасли (наиболее перспективные и наименее затратные для конкретной территории);
- стабильно функционирующие предприятия (базовые для отраслей региона) и наличие развитой инфраструктуры;
- программы развития региона (реализуемые на территории региона и целесообразные для дальнейшего развития).

Также некоторые ученые утверждали, что активное вмешательство государства и местного самоуправления на основе широкого спектра механизмов в отношении кластерной политики благоприятно повлияло на пространственные процессы высокотехнологичных кластеров [15, 16]. Кроме того, ученые в отдельных публикациях отмечали, что роль государства в поддержке развития кластеров высоких технологий на

основе «полюсов роста» должна носить долгосрочный характер. Продвижение «полюсов роста» невозможно без содействия государства, в том числе в целях подтягивания депрессивных регионов до среднего уровня, требующих особого внимания.

В зарубежной научной литературе широко признается тот факт, что для развития высоких и прорывных смарт-проектов как в развитых, так и в развивающихся странах необходимо идентифицировать драйверы («полюса роста») инновационного роста и иметь хорошо продуманную региональную политику, чтобы их направлять [17–19]. При этом инструменты реализации эффективной региональной политики различны. Они должны ускорить технологическую модернизацию или должны строиться исходя из новых трендов, современных стимулов и моделей смарт-проектов, направленных на интенсивное взаимодействие путем быстрого обмена данными в целях решения вариативных и «умных» задач.

Следует выделить опыт США, где расположено около 16 ведущих ИТ-кластеров. При этом большинство экспертов признают, что ведущим ИТ-кластером является Силиконовая долина, на долю которой приходится около трети всех венчурных капиталовложений в США [20]. Территория Силиконовой долины отличается высокой плотностью локальных сетей между высокотехнологичными компаниями, связанных с разработкой и производством микропроцессоров, программного обеспечения, устройств мобильной связи и другой продукции сферы информационных технологий. Сегодня региональные власти США рассматривают развитие ИТ-кластеров как один из важнейших механизмов развития высокотехнологичных отраслей.

Обращаясь к опыту стран СНГ, следует отметить, что в России, как, впрочем, и во всём мире, нет унифицированных инструментов выделения и развития высокотехнологичных кластеров, в том числе ИТ-кластеров. Некоторые российские эксперты отмечают, что большинство программ результативности оценки деятельности кластеров носят фрагментарный, а иногда и противоречивый характер [21]. Впрочем, существует множество российских научных исследований, содержащих сложный механизм выявления отраслевых направлений, наиболее перспективных с точки зрения потенциала развития кластеров

высоких технологий на региональном уровне [22, 23, 24]. При этом особое внимание уделяется вопросам выявления высокотехнологичных и наукоемких кластеров с выделением возможных «полюсов роста». Кроме того, методология и реализация кластерной политики в России соответствует концептуальным основам формирования и развития зарубежных IT-кластеров. Особое внимание обращает на себя российский IT-кластер Сколково, направленный на поддержку и развитие полноценной экосистемы для развития и коммерциализации проектов участников в области IT.

Таким образом, целесообразно начинать развитие путем поиска возможных «полюсов роста», которые могут сыграть роль трансляторов высоких технологий на широкую периферию страны. Эти функции могут взять на себя **IT-кластеры в качестве полюсов роста, направленных на трансферт высоких технологий и знаний на широкую периферию страны.** Иными словами, IT-кластеры в качестве «полюсов роста» не просто будут развиваться автономно, а дадут импульс для развития всей территории, на которой они расположены. Это достигается за счет присутствия способности к получению максимальной отдачи от инвестиций в таких «полюсах роста».

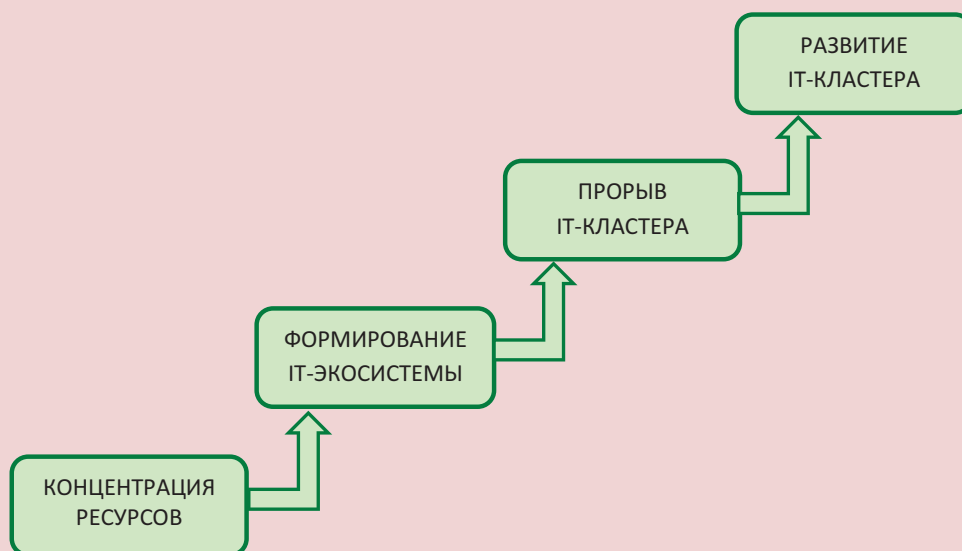
Реализацию практических мер по формированию успешного IT-кластера как «полюса роста» предлагаем выполнить в несколько последовательных этапов (*рисунок*).

Таким образом, формирование IT-кластеров представляет собой определенную систему, развивающуюся в строго определенной последовательности, т.е. проходящую свое полноценное развитие на ряде этапов:

Первый этап – это концентрация ресурсов. На данном этапе происходит наращивание научно-исследовательского и инновационного потенциалов, формирование предпринимательской активности, развитие технологических платформ.

Второй этап – это формирование IT-экосистемы. На этом этапе возникает симбиоз технологических стартапов, малых и средних предприятий, быстрорастущего инновационного бизнеса; складываются устойчивые связи наукоемких компаний; органы местного самоуправления переходят к активной политике поддержки инновационного предпринимательства и созданию необходимой для этого инновационной инфраструктуры (СЭЗ, наукограды, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры передачи технологий, научно-исследовательские организации).

Модель развития успешного IT-кластера как полюса роста

Источник: составлено авторами.

Третий этап — это прорыв. На данном этапе происходит стремительное развитие быстрорастущих ИТ-компаний с большим потенциалом и перспективами, привлекательных для поставщиков и сервисных организаций; значительный рост стартап-компаний ИТ-отрасли; формирование рынка цифровых и интерактивных технологий; развитие сети мобильной связи и встроенных вычислительных средств.

Четвертый этап — это зрелое развитие. На последнем этапе складывается эффективно действующая инфраструктура поддержки инновационных предприятий и стартап-компаний ИТ-отрасли, она становится все более масштабируемой и технологичной; происходит развитие якорного ядра ИТ-кластера; встраивание в существующие и создание новых технологических цепочек на основе международной кооперации.

Особенности влияния локальных факторов на формирование ИТ-кластера

Следует отметить, что не корректно исследовать проблему и предлагать экономические механизмы формирования ИТ-кластеров, не разобравшись с понятием «ИТ-компания». Так, можно выделить несколько вариантов его определения:

1. Эта компания — производитель ИТ-продуктов — производит такие товары, как аппаратные средства, компьютеры, девайсы средства, смартфоны, цифровые устройства и гаджеты, т.е. то, что является капиталоемким. Такие ИТ-компании чувствительны к изменениям национального регулирования из-за встроенных финансовых, физических и капитальных ресурсов [25].

2. Эта компания — производитель ИТ-контента — производит разнообразные цифровые, интерактивные и мультимедийные контенты, т.е. то, что интегрируется с высокой степенью автоматизации процессов. Такие фирмы чувствительны к изменениям в регулировании их деятельности, которые напрямую или через клиентов могут снизить их гибкость и мобильность [26].

В целом оба типа ИТ-компаний могут быть подвержены процессам кластеризации. Для объяснения кластеризации ИТ-компаний важны как национальные, так и региональные условия, включая доступ к высоко-квалифицированной рабочей силе, капиталу, развитой

инфраструктуре, смежным отраслям и новым знаниям.

Особенность нашего исследования заключается в том, что мы различаем «жесткие» локальные факторы (на англ. *hard local factors*) и «мягкие» (на англ. *soft local factors*). Под жесткими локальными факторами следует понимать поддержку со стороны государства и местных органов власти, а также различных учреждений по региональному развитию. Мягкие локальные факторы означают наличие местной квалифицированной рабочей силы, развитой инфраструктуры, близость к университетам и т. д. Причина заключается в том, что мы ожидаем, что жесткие и мягкие локальные факторы могут быть не столь актуальны в отношении инноваций и деятельности ИТ-фирм. Кроме того, жесткие и мягкие факторы будут по-разному влиять на процессы кластеризации ИТ-компаний. Можно ожидать, что, особенно для ИТ-фирм производителей ИТ-продуктов, жесткие факторы являются более важными, чем мягкие факторы. В то время для ИТ-фирм производителей ИТ-контента мягкие локальные факторы могут быть оценены как важные.

Ранее в наших научных исследованиях отмечалось, что ИТ-кластер — это своего рода «стартап-акселератор», т.е. современная инновационная платформа для ИТ-компаний, где идейные вдохновители, мотивированные профессионалы и специалисты ИТ-сферы будут совместно работать над созданием и развитием новых продуктов и услуг [27].

Современные ученые утверждают, что на выбор месторасположения ИТ-кластеров оказывает влияние близость к местным учебным заведениям (вузам) и научно-исследовательским институтам (НИИ), которые способствует интенсификации сотрудничества и развитию высокотехнологичных исследований [28, 29]. В особенности это касается коммерциализации новых технологий и идей. ИТ-компании часто сотрудничают с ведущими университетами, некоммерческими организациями и научно-исследовательскими центрами. При этом производители ИТ-продуктов чаще всего используют в своей деятельности фундаментальные и прикладные научные исследования открытого типа, что интенсифицирует ценные масштабируемые ИТ-продукты. В свою очередь, компании ИТ-контента и сервисные компании могут

быть менее зависимы от прорывных инноваций и передовых технологий, поскольку их конкурентоспособность может быть обеспечена за счет цифровых технологий. Например, создание кластеров высоких технологий, таких, как Силиконовая долина, привлекло внимание к географической основе развития цифровых технологий, что привело к принятию различных региональных стратегий в области развития IT-сектора во многих городах и странах мира [6].

Важным аспектом при построении IT-кластера является наличие локальной сети (на англ. *local network*) между IT-продуктами и спросом на них. С одной стороны, низкая плотность локальных сетей может ограничить научно-исследовательскую деятельность в IT-кластере. С другой стороны, низкая плотность локальных сетей может содействовать получению выгоды от разработки внутренних научных разработок, которые сокращают издержки и упрощают процессы автоматизации. Однако высокая плотность локальных сетей не гарантирует, что IT-компании воспользуются коммерческим потенциалом существующих знаний и идей.

Таким образом, не все IT-фирмы, использующие доступную и локальную сеть, могут воспользоваться преимуществами создаваемых сетей. Тем самым будет меньше сформировано потенциальных стартапов, связанных с коммерциализацией новых идей и знаний. Кроме того, локальные сети с высокой плотностью могут быть также нестабильными, поскольку повышают неопределенность и снижают способность к принятию новых идей и доведению их до рынка.

Поэтому можно выделить *гипотезу, что локальные сети с высокой плотностью вызывает своего рода декластеризационный эффект*, поскольку затрудняет и удорожает передачу новых знаний и идей.

Предлагаемая гипотеза может быть особенно значимой при формировании IT-кластеров. Поскольку большинство IT-фирм, отягченных высокой плотностью локальных сетей, будут испытывать проблемы при генерировании инноваций и распространении новых идей, тем самым повышая транзакционные издержки. Например, разногласия по поводу прав интеллектуальной собственности и прав на получение лицензионных доходов могут быть более

вероятными в условиях высокой плотности локальных сетей, где нормы и культурные ожидания очень сильно различаются.

При этом наличие вузов и НИИ в непосредственной близости от IT-кластера позволяет IT-компаниям эффективно использовать имеющиеся научные, кадровые и инфраструктурные ресурсы. Это может привести к тому, что поток знаний станет более быстрым и прозрачным, что в то же время ускорит процесс обмена знаниями и информацией.

Механизмы формирования IT-кластеров на пути к «Индустрии 4.0»

Высокие технологии «Индустрии 4.0», такие как производство IT, повышение операционной эффективности, цифровая трансформация и внедрение энергосберегающих технологий, обещают стать основными драйверами инновационного развития в течение ближайших 10 лет. Безусловно, практически для любой страны, в том числе и для Казахстана, формирование IT-кластеров будет огромным вызовом, требующим от государства и бизнеса кардинальных мер в условиях инновационной индустриализации.

Для большинства производственных компаний IT-отрасли быстрый подход к реализации новых технологий кажется довольно рискованным. Тем не менее концепция «Индустрия 4.0» лежит в основе большинства современных процессов производства и влияет на цепочку создания востребованных IT-продуктов и IT-контентов. Поэтому фирмы-производители IT-отрасли тщательно взвешивают выгоды и риски от внедрения новых технологий.

По нашему мнению, игнорирование вышеуказанной последовательности развития IT-кластера повлечет за собой неоправданные и огромные затраты, направленные на решение задач следующего, еще не подготовленного этапа. При этом несоблюдение строгой последовательности приводит в лучшем случае к отсутствию желаемых результатов, а в худшем к застою. Практически все успешно функционирующие IT-кластеры по мере своего развития сталкивались с определенным количеством общих проблем.

Соответственно, существуют инструменты и механизмы их решения и реализации, которые были нами разработаны и представлены к рассмотрению.

Далее предлагаем более подробно рассмотреть основные векторы формирования IT-кластеров как полюсов роста в среднесрочной перспективе (табл. 1).

Пространственная специфика технологического развития регионов Казахстана имеет следующие специфические черты:

- наличие технологической многоукладности и многоотраслевой специализация секторов экономики;
- преобладание в экономике регионов технологий III–IV технологических укладов;
- многофункциональный характер процессов регионального управления;
- существенное доминирование монополизированных структур и крупных промышленных предприятий;

– ограниченное участие органов местного самоуправления в механизмах управления развитием ресурсно-сырьевого потенциала территории.

В результате можно выделить основные проблемы технологического развития и ускоренной технологической модернизации регионов Казахстана.

Во-первых, замедление процесса перехода к новым технологиям V–VI технологических укладов.

Во-вторых, невозможность реализации новых форм взаимодействия региональной власти с экономическими агентами системы «наука – образование – производство» как ключа к созданию национальной инновационной системы.

Таблица 1. Механизмы формирования IT-кластеров как полюсов роста в среднесрочной перспективе

№ п/п	Тип инструмента	Механизм реализации
1.	Повышения восприимчивости бизнеса и экономики к инновациям	Повышение инвестиционной привлекательности перспективных высокотехнологичных секторов экономики, прежде всего новых индустрий с применением цифровых технологий. Реализация комплекса мер по реализации программ регионального развития, совершенствование законодательства (в том числе налогового и тарифного), а также оказание содействия по привлечению квалифицированных кадров и дополнительных финансовых средств.
2.	Развитие «жестких» локальных факторов	Расширение поддержки недавно образованных IT-компаний государственными институтами развития, в том числе поддержка малого бизнеса и конкретных проектов в рамках соответствующих государственных региональных программ и проектов, разработанных для развития новых индустрий с применением высоких технологий.
3.	Повышение эффективности науки и образования	Эффективная интеграция казахстанской науки в мировое научное сообщество, в том числе развитие центров компетенций путем поддержки научно-исследовательских институтов, выведение на мировой уровень ведущих вузов и научно-исследовательских центров. Реализация пилотных проектов по отработке механизмов поддержки масштабных инновационных программ бизнес-структур, в частности поддержка кластерных инициатив и формирование технологических платформ; реструктуризация сектора высшего образования, ориентированного на развитие сегмента исследований и разработок в IT-сфере.
4.	Наращивание человеческого потенциала	Активизация человеческого капитала путем наращивания объемов и повышение качества территориального человеческого капитала, совершенствование его структуры и его активное развитие. Для активизации человеческого капитала требуется создание новых рабочих мест в высокотехнологичных и наукоемких секторах экономики, стимулирование научных исследований и поддержка частных лабораторий в регионах-лидерах.
5.	Поиск регионов-лидеров в сфере IT	Выделение потенциальных IT-кластеров как «полюсов роста» с учетом уровня инновационного развития, региональной концентрации и специализации в сфере IT. Для составления региональной карты для формирования кластерных зон в сфере IT можно использовать следующие группы индикаторов: – индекс Кругмана (<i>Krugman Specialization Index, KSI</i>) является абсолютным индикатором оценки отраслевой специализации в регионах; – индекс Герфиндаля – Гиршмана (<i>Herfindal – Hirschman Index, HHI</i>) представляет собой относительную меру специализации в регионах и показывает влияние агломерационного эффекта в регионе.

Источник: составлено авторами.

В-третьих, сложность реализации региональной политики структурных преобразований путем преобладания процесса «фрагментарного» развития институциональной среды.

Таким образом, в Казахстане вследствие неравномерности экономического пространства и межтерриториальных различий (природно-географических, социально-демографических, экономических и т.д.) унифицированный подход к регионам невозможен. В свою очередь, возникает необходимость принципиального изменения подходов к пространственному развитию, связанная с действием новых факторов

«Индустрии 4.0» – формированием «экономики знаний» и усилением роли высоких технологий.

При разработке основных механизмов формирования IT-кластеров как полюсов роста в долгосрочной перспективе, были учтены требования, выдвигаемые к четырехэтапной модели формирования и развития IT-кластера (строго определенная последовательность), неравномерность и различия в развитии территорий, а также базовые технологии инновационного менеджмента (табл. 2).

В целом, вышеназванные перспективные

Таблица 2. Механизмы формирования IT-кластеров как полюсов роста в долгосрочной перспективе

№ п/п	Тип инструмента	Механизм реализации
1.	Поддержка научных исследований в области развития цифровой экономики на основе использования «зеленых» IT.	В целях достижения эффекта от воплощения концепции «Индустрия 4.0» требуется формирование новой политики развития IT-отрасли с учетом приоритетов Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой» экономике. Такая политика, прежде всего, должна строиться исходя из новых трендов, современных стимулов и моделей smart-проектов (Green Ethernet), направленных на оптимизацию производственного процесса и рациональное использование энергии. К примеру, можно использовать встраиваемые энергосберегающие промышленные цифровые платформы и высокопроизводительные индустриальные серверы, чтобы уменьшить потребление энергии и повысить время бесперебойной работы.
2.	Развитие «мягких» локальных факторов	Развитие инновационной инфраструктуры, содействие в трудоустройстве через обучение или переобучение, поддержка местных ВУЗов и НИИ. Согласование ряда оперативных мероприятий на региональном и национальном уровнях (например, поощрение инновационной деятельности и трансферт новых технологий; поддержка проектов НИОКР, обучения и переобучение IT-специалистов и т. д.).
3.	Налаживание связей в рамках IT-кластера	Формирование локальных связей (в т.ч. горизонтальных) между участниками IT-кластера – независимых субъектов (групп субъектов) инновационного процесса (бизнеса – государства – науки – представителей гражданского общества) в рамках открытых инновационных систем. В начинающих IT-кластерах, главной задачей является догоняющее развитие, такие связи компенсируют недостатки институциональной среды и необходимы, в первую очередь, для повышения уровня взаимного доверия между участниками IT-кластера. В зрелых IT-кластерах сетевые и горизонтальные связи позволяют экономить временные и финансовые затраты на налаживание делового сотрудничества и являются катализатором развития IT-бизнеса. Требуется усиление роли институтов развития в целях финансирования научных исследований и разработок, планомерное увеличение бюджетных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские исследования.
4.	Создание эффективной инфраструктуры центра инноваций	Создание эффективной инфраструктуры центра инноваций – это в первую очередь не просто здание, а инновационная бизнес-среда, которая стимулирует рост IT-компаний и формируется под влиянием специфических местных условий и потребностей IT-рынка. В зрелых IT-кластерах, как ядрах кластера, важным становится формирование конкурентных преимуществ IT-кластера в целом и его участников. В частности, посредством интеграции на едином пространстве (науки, бизнеса, государства и представителей гражданского общества) в рамках открытых инновационных систем.
5.	Организация управления и брендинг (PR) в рамках IT-кластера	Создание благоприятной бизнес-среды и предоставление востребованных IT-компаниями услуг по ведению и развитию бизнеса. IT-кластер должен рассматриваться как девелоперский проект, довольно специфичный и ориентированный на производство IT и цифровых технологий. При этом очень важно соблюдать четырехэтапную последовательность развития IT-кластера, что является неперенным условием его успеха. Также следует выстроить содержательный диалог с обществом (в самом широком смысле) и его отдельными элементами (бизнесом и наукой), и это является одним из ключевых факторов эффективного развития IT-кластера. В частности, успешный опыт развития IT-кластеров доказывает, что выбор эффективной стратегии развития индивидуальных брендов и PR-поддержка особенно актуальны по мере роста количества IT-компаний.

Источник: составлено авторами.

направления формирования IT-кластеров в том виде, в каком они представлены нами, достаточны для полноценного обеспечения и дальнейшего использования на практике. Предлагаемые к рассмотрению механизмы формирования IT-кластеров включают в себя разнообразные блоки сопутствующих отраслей IT-сферы.

Практически для многих стран СНГ, в том числе и для Казахстана, развитие IT — это новый тренд повышения конкурентоспособности как на национальном, так и на региональном уровнях. Поэтому многие развитые страны стали разрабатывать и внедрять комплексные региональные программы по развитию стратегических компетенций, централизуя многочисленные виртуальные дата-центры и используя возможности IT-отрасли. Казахстан должен стремиться войти по объему ВВП в тридцатку развитых стран мира к 2050 г. Однако эта цель больше важна для престижа страны, чем для повышения конкурентоспособности национальной экономики. Несомненно, данную цель следует реализовать, но для этого стоит поставить во главу угла развитие высоких технологий на пути к «Индустрии 4.0». Необходимо осознать, что не менее 80% может быть достигнуто за счет адаптации уже существующих подходов, используемых успешными IT-кластерами. При этом акцент на адаптации существующих стратегических компетенций и технологических решений совсем не противоречит развитию наукоемких отраслей. Улучшение и модификация процессов распространения и масштабирования IT, в свою очередь, обеспечит более эффективное использование идей отечественных ученых.

Выводы и заключение

Подводя итоги, следует выделить теоретическую и практическую значимость исследования. Теоретическая значимость состоит в том, что идеи, выдвинутые в данном научном исследовании, разработанные в нем теоретические и методологические положения могут существенно обогатить теорию формирования IT-кластеров в качестве полюсов роста, ориентированных на трансферт высоких технологий и знаний на широкую периферию страны. Практическая значимость обеспечивается тем, что формирование IT-кластеров может в значи-

тельной мере способствовать повышению конкурентоспособности казахстанской экономики за счет использования вышеназванных механизмов как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективах.

Во-первых, формирование успешного IT-кластера предлагается выполнить на основе ранее выделенных практических мероприятий, которые представляют собой несколько последовательных этапов: концентрация ресурсов, формирование IT-экосистемы, прорыв и зрелое развитие. При этом создание IT-кластера возможно на основе имеющихся научной и инфраструктурной базы, что, в свою очередь, является важным фактором роста ВВП, а также появления новых высококвалифицированных рабочих мест. Очевидно, что в Казахстане развитие ключевых научных и технологических компетенций в IT-сфере отвечает интересам глобального рынка высоких технологий и повышает престиж страны.

Во-вторых, за счет усиления спроса и производительности труда в наукоемких секторах экономики с точки зрения потребления IT. В свою очередь, это окажет серьезное влияние на повышение конкурентоспособности за счет использования «жестких» и «мягких» локальных факторов, формирования центра инноваций и создания максимально прозрачного для инвестора «климата».

В-третьих, формирование IT-кластера будет способствовать развитию всех секторов экономики в результате внедрения цифровых технологий и зеленых IT, использования высококвалифицированных кадров. Это окажет положительный эффект на развитие центров компетенций путем поддержки научно-исследовательских институтов, выведение на мировой уровень ведущих вузов и научно-исследовательских центров, а также передачи предпринимательских навыков и культуры участникам IT-стартапов.

И наконец, в-четвертых, благодаря созданию благоприятной бизнес-среды, не отягченной наличием монополизированных структур и низким уровнем горизонтальных связей, IT-кластер будет рассматриваться как девелоперский проект, ориентированный на производство высоких технологий. При этом очень важно соблюдать четырехэтапную по-

следовательность развития IT-кластера, что является неперенным условием его успеха. Также следует выстроить содержательный диалог с обществом (в самом широком смысле) и его отдельными элементами (бизнесом и наукой), и это является одним из ключевых факторов эффективного развития IT-кластера.

Литература

1. Цифровизация необходима для улучшения качества жизни населения: Обращение Президента РК Н.А. Назарбаева от 3 сентября 2017 г. URL: <https://forbes.kz/process> (дата обращения: 10.04.2018).
2. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента РК Н.А. Назарбаева от 14 января 2012 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 10.04.2018).
3. Государственная программа «Цифровой Казахстан-2050»: утв. Указом РК № 464 от 8 января 2013 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000464> (дата обращения: 10.04.2018).
4. О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике»: утв. Указом РК № 577 от 30 мая 2013 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/T1300000577> (дата обращения: 11.04.2018).
5. Fritsch M., Mueller P. Effects of new business formation on regional development over time. *Regional Studies*, 2004, Vol. 38, No. 8, pp. 961-975.
6. Kireyeva A.A., Yesspayev S.S. A Study of the formation of innovative clusters as growth poles in the regions of Kazakhstan. *International Journal of Research in Business and Social Science*, 2014, Vol.3, No.1, pp. 15-34.
7. Perroux F. Note sur les notion de pole de croissance. *Economie Appliquee*, 1955, Vol. 7, No. 1-2, pp. 307-320.
8. Romer P. Increasing returns and long run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, No. 94, pp. 1002–1038.
9. Lu Y., She Z. Regional effects by the construction of Suzhou Industrial Garden// *Chinese Geographical Science*. 1999., No.9 (4), pp. 342–349.
10. Wen L. Analysis of locational factors of High-tech enterprises. *Enterprise Management*, 2003, No. 1, pp.103-109.
11. Saxenian A. *Regional Networks: Industrial Adaption in Silicon Valley and Route*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 225 p.
12. Steiner M., Hartman C. Learning with clusters: a case study from Upper Styria. *European Research in Regional Science*, 1998, No. 8, pp. 211–225.
13. Storper M. *The Regional World: Territorial Development in Global Economy*. New York: Guilford Press, 1997. 338 p.
14. Broekel T., Benner T. Regional factors and innovativeness: an empirical analysis of four German industries, *Annals of regional science*, 2011, Vol. 47, No. 1, pp.169–194.
15. Bass S. J. Japanese research parks: National policy and local development. *Regional Studies*, 1998, Vol. 3, No. 5, pp. 391–403.
16. Fukugawa N. Science parks in Japan and their value-added contributions to new technology-based firms. *International Journal of Industrial Organization*, 2006, Vol. 24, No.2, pp. 381–400.
17. Richardson H. W. *Regional Growth Theory*. London: Mccmillan, 1973. 264 p.
18. Sternberg E. The sectoral cluster in economic development policy: lessons from Rochester and Buffalo, New York. *Economic Development Quarterly*, 1991, Vol. 5, No. 4, pp. 342–356.
19. Hill E., Brennan J.F. A methodology for identifying the drivers of industrial clusters: the foundation of regional competitive advantage. *Economic Development Quarterly*, 2000, Vol. 14, No. 11, pp. 65–96.
20. Saxenian A. 1994. The Silicon Valley–Hsinchu connection: technical communities and industrial upgrading AL Saxenian, JY Hsu, *Industrial and corporate change*, Vol. 10, No. 4, pp. 893–920.
21. Гохберг Л.М., Шадрин А.Е. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. 108 с.
22. Земцов С.П., Буков Д.В. Методы выявления кластеров малого и среднего бизнеса // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 3. С. 104–117.
23. Куценко Е.С. Рациональная кластерная стратегия: маневрируя между провалами рынка и государства // Форсайт. 2012. Т. 6. № 3. С. 6–15.

24. Миралюбова Т.В., Суханова П.А. Особенности создания организованного кластера информационно-коммуникационных технологий в Пермском крае // Вестник Пермского университета. 2013. №4 (19). С. 75–80.
25. Kai Y. Locational factors of High-tech industry. *Industrial Economics Research*. 1996. No. 1. P. 23–26.
26. Lejpras A., Stephan A. Locational conditions, cooperation, and innovativeness: evidence from research and company spin-offs. *Annals of Regional Science*, 2011, Vol. 46, No. 3, pp. 543–575.
27. Киреева А.А. Концептуальные основы формирования IT-кластеров в Казахстане: перспективные направления и положительные эффекты // Проблемы развития территории. 2016. № 3(83). С. 26–40.
28. Anselin L, Varga A, Acs Z. Local Geographic Spillovers between University Research and High Technology Innovations, *Journal of Urban Economics*, 1997, Vol. 42, No. 3, pp. 422–448.
29. Quah D. ICT clusters in development: theory and evidence. *European Investment Bank Papers*, 2001, Vol. 6, No. 1, pp. 86–100.

Сведения об авторах

Анель Ахметовна Киреева – кандидат экономических наук, научный руководитель проекта, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; e-mail: anele19@mail.ru)

Александр Анатольевич Цой – ведущий научный консультант, Научно-образовательный центр «Зеленая академия» (010000, Казахстан, г. Астана, ул. Достык, д. 20; e-mail: alt-kct@mail.ru)

Статья поступила 23.03.2018.

Kireeva A.A., Tsoi A.A.

Mechanisms for Forming IT-clusters as “Growth Poles” in Regions of Kazakhstan on the Way to “Industry 4.0”

Abstract. The main prerequisite for successful innovative development is the natural course of modernization of world industries, currently characterized by the transition to “Industry 4.0”, where the main driver is information technology (including digital). With regard to the Kazakhstan economy, the emphasis is increased according to the Message of the President of Kazakhstan Nazarbayev N.A. to the people of Kazakhstan “The Third Modernization of Kazakhstan: Global Competitiveness”, dated 31.01.2017. He delivered “the first priority – accelerated technological modernization of the economy”. At the same time, an important aspect of accelerated technological modernization is the provision that it is important “to cultivate new industries that are created with the use of digital technology”. The purpose for the article is to develop scientific and practical recommendations and effective organizational and economic mechanisms to form IT-clusters in the regions of Kazakhstan on the way to “Industry 4.0”. Within the framework of the set goal the following main objectives are addressed: research the concept of “growth poles” and the possibility of its use in the formation of an IT-cluster; study the effect of local factors on the IT-cluster formation; present organizational and economic mechanisms to form IT-clusters amid the transition to “Industry 4.0”. The fundamental difference between the ideas of this research from the existing similar ones lies in the fact that we formulate and propose scientific provisions concerning the formation of IT-clusters in Kazakhstan, expand the existing knowledge about the development of digital technology, green information and communication technology and the introduction of breakthrough smart projects in IT. The proposed scientific research applies general research methods which help explore and organize the available data through theoretical and practical analysis. In particular, the article implies the application of the following general research methods: generalization (establishing common properties and characteristics of clusters; any features can be identified (abstract-general) or essential);

system analysis (study based on review of clusters as an integral set of elements in the set of relations and connections between them); simulation. The article proposes the mechanisms to form IT-clusters as growth poles in the medium and long term, taking into account the requirements of the four-stage model of IT-cluster formation and development (a strictly defined sequence).

Key words: *regions, regional economy, innovative development, cluster, IT-cluster, digital technology, green IT.*

Information about the authors

Anel' A. Kireeva – Candidate of Sciences (Economics), Academic Project Supervisor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: anele19@mail.ru)

Aleksandr A. Tsoi – Leading Research Adviser, Green Academy Scientific Research and Education Center (20, Dostyk Street, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; e-mail: alt-kct@mail.ru)

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.15

© Гужавина Т.А.

Как изучают смыслы

Рецензируется: Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы

Монография. М.: Институт социологии РАН, 2017. 69 с.

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tanja_gta@mail.ru

Рецензируемая монография обращает внимание читателей на коммуникативно-познавательную сферу социума, значение которой, по мнению автора, недооценивается. Работа выполнена в Институте социологии РАН и рекомендована к печати Ученым советом ИС РАН. Основная цель работы – показать взаимосвязь между циркулирующими в социокультурном пространстве смыслами, «картинами мира» миллионов людей и глобальными процессами и переменами.

Коммуникативно-познавательная сфера социума отличается тем, что здесь формируются социальные смыслы или латентные мотивационно-целевые конструкты. Она обеспечивает

существующие особенности коммуникативных взаимодействий между странами, социумами, организациями, культурами, сообществами, группами. Как отмечает автор в своей работе, природа социальных смыслов двояка. С одной стороны, они являются виртуальным продуктом сознания людей, результатом сложного комплекса их ментально-образно-эмоциональных процессов и реакций, тогда как, с другой стороны, благодаря социальной коммуникации они могут транслироваться с помощью знаков, проявляясь на материальном уровне.

Почему именно смыслы стали объектом внимания автора? Мы находим ответ на этот вопрос у автора, подчеркивающего, что нынеш-

Для цитирования: Гужавина Т.А. Как изучают смыслы (рецензируется: Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы: монография. М.: Институт социологии РАН, 2017. 69 с.) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 225-230. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.15

For citation: Guzhavina T.A. How meanings are studied (a review of the monograph: Adam'yants T.Z. "Social meanings of global processes and changes: mechanisms and catalysts". Moscow: RAS Institute of Sociology, 2017. 69 p.). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 225-230. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.15

ний век не только век информационный, но и век смысловой. Смыслы предстают как атрибут жизненной среды человека. Если информация — средство для донесения смыслов, то сами смыслы наполняют «картины мира» миллионов людей. Это порождает их особую роль в жизни общества. Однако же не смыслы сами по себе привлекли внимание автора, а их роль в коммуникационном пространстве. Дело в том, что смыслы связаны с манипуляциями сознанием людей, с изменениями в социокультурном пространстве, с практической деятельностью человека в материальной и политической сферах. Для глубинного понимания социальных процессов недостаточно, по утверждению автора, анализировать только содержание информационного потока. Значение имеет поиск латентных причин соответствий или, напротив, несоответствий между реальными процессами и циркулирующими смыслами. Важно найти ответ на вопрос: происходят ли они по принципу «стимул-реакция», а если нет, то какой смысловой посыл является наиболее значимым и на какие группы он ориентирован, включая группы, дифференцированные по особенностям понимания?

Автор начинает повествование с раскрытия читателю научных представлений о категории «смысл» и о понимании смысла. Нас последовательно знакомят с существующими в научном дискурсе подходами и представлениями о смыслах. Так, понятие «смысл» является центральным в понимающей социологии (М. Вебер), символическом интеракционизме (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули), феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц, Т. Лукман и П. Бергер), этнометодологии (Г. Гарфинкель, Х. Сакс), культуральной социологии (Дж. Александер), семиосоциопсихологии (Т.М. Дридзе) и в ряде других концепций. В итоге автор подводит нас к своей концептуальной трактовке смысла как целостного, завершеного коммуникативного акта, заявляет о своей солидарности с диалогической (семиосоциопсихологической) концепцией социальной коммуникации (Дридзе), поскольку именно здесь предмет понимания характеризуется как объективный и конкретный: понимать необходимо авторскую интенциональность как качественную особенность любых целостных, завершеного коммуникативных актов.

Выделение авторской интенции обозначает проблему адекватности восприятия заложенных в коммуникационном акте смыслов, что вызывает тревогу автора относительно способности людей в силу своего природного дара к адекватному пониманию смыслов воспринятых произведений.

Уровень развития коммуникативных навыков — это интегральная характеристика степени понимания респондентом интенциональности (смысловых доминант) воспринятых произведений. Для выявления уровня понимания смысловых доминант автор знакомит читателя с методом интенционального анализа процессов общения. Применение метода основано на выделении структуры завершеного коммуникативного акта. Автор дает типовую мотивационно-целевую структуру коммуникативного акта, выделяя в нем шесть уровней. Данная модель успешно апробирована при изучении коммуникативных актов самого разного происхождения и знакового (семиотического) воплощения: материалов СМИ, живописи, учебно-методических материалов, поэзии и прозы, различного рода нормативных актов, при изучении имиджа (образа) и т.д. Дается и описание процедуры применения метода, состоящей из нескольких этапов.

Применение метода мотивационно-целевого анализа позволяет также дать доказательное определение качества понимания респондентом авторской интенциональности (смысла) воспринимаемых произведений, что и служит основанием для дифференциации по уровню развития коммуникативных навыков, или социоментальным группам. Как оказалось, выявленный уровень коммуникативных навыков выступает интегральной характеристикой степени понимания респондентом интенциональности (смысловых доминант) воспринятых произведений. Эта характеристика, по утверждению автора, оказалась значимой не только для понимания особенностей взаимодействий человека с традиционными видами и формами коммуникации, но и со всеми другими социально значимыми сферами, существование которых невозможно без коммуникации. Данная характеристика оказывается тем универсальным «переходником», который позволяет перебросить мостик между коммуникационными процессами разной степени сложности.

Дав читателю представление теоретического и методологического плана, автор монографии обращает наше внимание на применение технологий смысловторчества в информационных войнах современности. Автор уходит от узкого толкования понятия «информационная война» как противостояния в сфере информации, стремится глубже обозначить разворачивающиеся в информационном поле смысловые противостояния и смысловые атаки, показать их направленность. Для этой цели автор анализирует типичные манипулятивные механизмы смысловторчества, применяемые в информационных войнах.

Что же представляют собой выделенные механизмы? Их несколько. Чаще всего применяются «ментальные ловушки». Они нацелены на трансформацию первоначального смысла устойчивых понятий. Это касается, например, «семьи» в нетрадиционных браках. То же происходит и с содержанием таких смысловых конструкций, как честь, совесть, справедливость, смысл жизни и т.д. Здесь происходит перенос одного смыслового контура на другой смысловой контур. Но предложение выработать новое понятие для возникшего нового смысла часто встречает агрессивное отрицание.

Еще один механизм представляют собой «смысловые снаряды», имеющие целью оказать сильное эмоциональное влияние на аудиторию. «Снаряд» нацелен на стимулирование негативных черт человеческого характера: ненависти, зависти, алчности и т.п. Так, например, воздействию таких «снарядов» подвергался и подвергается народ Украины с целью, как отмечает автор, сформировать враждебное отношение к русскому народу, заложить глубокие основы раскола. Яркий пример такого «снаряда» — «голодомор». Или, например, интенция «все плохо», которая пробуждает тревожность, беспокойство, недоверие. Особенно это касается тех, кто не способен к адекватному пониманию манипулятивных механизмов. Крайняя форма интенции «все плохо» — грубое экономическое давление, санкции, которые, тем не менее, по данным крупных социологических центров об отношении россиян к власти, вызвали реакцию, обратную той, на которую рассчитывали манипуляторы.

Но наиболее острое противостояние истинных и ложных интенций проявляется в много-

ходовых пропагандистских кампаниях, представляющих собой сложный по структуре механизм воздействия. Используются при этом мотивы гражданского звучания: борьба с несправедливостью, разоблачения и т.п. Во время широких дискуссий в ход идут либо устаревшие сведения, либо недостоверные данные, эмоционально окрашенные иллюстрации событий, не имевших места, или искажающие их.

Предложенный автором метод мотивационно-целевого анализа позволяет не только выделить типовую интенциональную структуру пропагандистской кампании, но и дает возможность «выводить на поверхность» неявные, скрытые приемы манипулятивных технологий. Речь идет о возможности сделать зримыми эгоистические или агрессивные намерения, мешающие общегуманитарной направленности глобальных процессов и перемен.

Интерес представляет и мысль автора относительно факта поддержки манипулятивных технологий в смысловторчестве со стороны различных гуманитарных наук, в том числе и в нашей стране. И здесь автор критично рассматривает роль постмодернистских и герменевтических концепций. Эти концепции обозначаются как современные в противовес традиционным, устаревшим. Их цель — постулировать существование множественности смыслов. Более того, ими провозглашается «смерть автора». Они утверждают, что смысл возникает не столько в процессе создания произведения, но и прежде всего в процессе его «потребления». Истоки данного подхода видятся автору в «лингвистическом повороте», который придал особое значение языку. Сторонниками этого направления выступают постструктуралисты и деконструктивисты, ориентирующие читателя на поиск смыслов в разобщенной ткани текста, на анализ отдельных фраз, ведет к признанию возникновения нового смысла при каждом новом прочтении. И как итог — отказ от методов традиционной литературной критики, где объяснение смысла связывалось с личностью автора.

В монографии четко прослеживается позиция автора, позиция протеста против продвижения этими концепциями произвольной трактовки канонических текстов или исторических событий, приписывания им новых смыслов и т.д. Это означает невозможность общения,

взаимопонимания, невозможность взаимодействия. Опасность, подмеченная исследователем, состоит еще и в том, что распространившаяся через неограниченные возможности произвольных толкований полидискурсивность ведет к обесцениванию ментальных навыков глубинного понимания. Имеет место и игнорирование общечеловеческих ценностей.

Вторая глава монографии обращает внимание читателя на существующие в науке модели коммуникации. Эти модели описывают то, с помощью каких коммуникативных механизмов происходит процесс общения между коммуникатором и аудиторией. Такие модели не только объясняют, как идет формирование и трансляция смыслов, но и сами являются смыслами. А некоторые из них приобретают глобальное значение, поскольку становятся эталонами.

Автор анализирует наиболее распространенные модели коммуникации, их влияние на реальные процессы, на «картины мира» людей. Анализу подвергнуты линейная модель Г.Д. Лассуэла, интеракционистская модель Т. Ньюкомба, диалогическая модель Т.М. Дридзе, модель координированного управления смыслообразованием Б. Пирса и В. Кронена. В итоге были выявлены слабые и сильные стороны данных моделей, обозначена и авторская позиция. В противоположность идее множественности смыслов, проникшей в большинство представленных моделей, предлагается семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации Т. Дридзе, разработанная в рамках российской академической науки и постулирующая константность смысла как свойство целостного, завершено коммуникативного акта. Данная концепция и стала теоретико-методологическим основанием дальнейшего исследования.

Третья глава монографии «Влияние особенностей смыслообразования на глобальные процессы и перемены» дает нам представление об эмпирическом основании данной работы. Казалось бы, как исследование ментальности различных групп населения связано с глобальностью современного мира? Однако связь здесь не только непосредственная, но и имеет под собой практическое основание. Дело в том, что в современном глобализирующемся мире как никогда важным становится умение адекватно ориентироваться в социо-

культурной среде, понимать механизмы манипулятивных технологий, методы, используемые коммуникатором.

Понимание того, как идет воздействие коммуникативных технологий, каковы его результаты, было достигнуто во многом благодаря проведенному исследованию. Особенностью его стало использование еще одного способа дифференциации аудитории, кроме традиционных (пол, возраст, уровень жизни, хобби и т.д.), этим критерием стали коммуникативные навыки или умение понимать другого.

В зависимости от степени понимания целей и мотивов (интенциональности) воспринимаемого текста интерпретации могут быть классифицированы как адекватные, частично адекватные и неадекватные. Отсюда и возможность дифференциации людей по проявленным навыкам понимания и интерпретирования. Каждая группа продемонстрировала свои особенности восприятия и подверженности воздействиям манипулятивных технологий.

Данные исследования показали весьма интересные результаты во всех группах. Их представители продемонстрировали понимание того, какую сторону конфликта отражает тот или иной анализируемый текст. Было выявлено, что смысловые послы негативной направленности, даже те, которые потребовали от их создателей огромных средств и усилий, при достижении определенного уровня барьера несоответствий давали эффект, противоположный задуманному. Фактором, порождающим ответные реакции обратной направленности, оказывались жизненные реалии. Автор отмечает, что в этих случаях возникал не только «когнитивный диссонанс», но и имело место эмоционально-волевое единодушие, обозначенное Л.Н. Толстым как «мысль народная». Примерами были названы и результаты выборов в Америке, и Brexit в Великобритании, и постоянно вбрасываемая в российское социокультурное пространство интенция «все плохо». По-видимому, если продолжить мысль автора, сюда отнесем допинговые скандалы в российском спорте, имевшие своей кульминацией отстранение страны от участия в Олимпиаде в 2018 г. и т.д.

По мнению автора монографии, где-то, возможно, подобное давление привело бы к задуманному эффекту. Однако утверждается, что

это не возможно с россиянами. Причина кроется в особенностях национального характера, которые дремлют и в особые моменты, как показывает жизнь, просыпаются. Это свободолюбие, внутреннее ощущение справедливости, способность к жертвенности, стремление и умение защитить, в случае необходимости, свою землю и суверенность страны. В противостоянии манипулятивному воздействию немалую роль сыграли и продолжают играть ответные социокультурные процессы, отражением которых стали выступления и материалы журналистов, политиков, общественных деятелей, представителей власти.

По данным исследований, полученным при использовании семиосоциопсихологических методов и подходов, такое понимание проявили представители всех социоментальных групп. Автор указывает на данный момент как на принципиальный, поскольку он во многом способствует ограничению распространения мнения относительно того факта, что в российском обществе Президента поддерживают только представители низших слоев населения. Иллюстрацией стали результаты исследования среди студенческой и рабочей молодежи.

Но как подготовить индивида, способного адекватно воспринимать поступающие к нему из окружающей действительности смыслы? Этой проблеме посвящена 4 глава работы. Историческая ремарка автора обращает наше внимание на тот факт, что в истории человечества данная проблема ставилась не раз. Не раз попытки найти ее решение заканчивались разочарованием.

В современных условиях прогресс человечества связан с массовым развитием качества сознания наших современников, чему способствуют современные научные технологии, освоение людьми новых ментальных возможностей, ведущих к развитию личности, в том числе в сферах нравственности и духовности.

Однако, как утверждает автор на основании исследовательских данных, приведённых в монографии, значительная доля людей не способны к глубинному многоуровневому восприятию смыслов, а распространенные в социокультурной среде модели коммуникативных взаимодействий, сформированных на основе герменевтических концепций, не способствуют снятию этой проблемы. Утвердившиеся в си-

стеме образования модели коммуникации ориентируют на линейное восприятие. Это ведет к неумению адекватно понять автора, собеседника, педагога, комментатора, к невозможности отделить правду от вымысла или необоснованных фантазий. Такие люди, как правило, оказываются легкой «добычей» манипуляторов, будь это сфера политики, массовой культуры или рекламы.

Будучи социологом, ученым, автор обращает внимание читателя на значение получаемых специалистами результатов и для научной работы, и для их публичного представления аудитории. Опираясь на такой исследовательский конструкт, как наблюдение, автор приводит ряд примеров неадекватного использования данных научных исследований либо обращения к околонуучным данным, которые признать достоверными затруднительно. Подобные наблюдения приводят автора к мысли о том, что достоверность используемых данных чрезвычайно значима в ситуациях информационных войн и «двойных стандартов». И научные данные, и оценочные суждения носителей подобной информации являются смысловыми конструктами. Важно, чтобы в социокультурной среде циркулировали достоверные, выверенные и объективные исследовательские данные, не искаженные личностными вкусами, пристрастиями и ожиданиями. Научное мнение, считает автор, равно как и научный результат, должно быть честным и выверенным на эмпирическом уровне – только в таком случае продуцируемые учеными и исследователями смысловые конструкты будут служить позитивным процессам и переменам.

В заключение выскажем мысль о том, что данная работа ориентирована на подготовленного читателя, относящегося согласно классификации автора к группе «адекватного восприятия». Глубокое и интересное исследование, проведенное Т.З. Адамьянц, отразило её желание способствовать упрочению диалогических форм коммуникации. На наш взгляд, сформулированная автором цель работы достигнута полностью.

Структуру работы отличает некоторое своеобразие. Начиная главу, автор представляет читателю значительного объема текст, содержащий значимые в смысловом отношении теоретические суждения, которые предше-

ствуют и во многом обуславливают восприятие дальнейших разделов главы, структурированных как параграфы и подпараграфы.

На наш взгляд, именно такие работы позволяют читателю думающему, ищущему проникнуть в глубину коммуникационных процессов, понять их существенные характеристики и ос-

мыслить внутренние механизмы создания и распространения смыслов, наполняющих окружающий нас мир. В свою очередь, это знание действительно способствует глубинному пониманию интенциональности как предмета данного исследования, так и собственных интенций автора.

Сведения об авторе

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Статья поступила 18.12.2017.

Guzhavina T.A.

How Meanings Are Studied

A Review of the Monograph: Adam'yants T.Z. *Social Meanings of Global Processes and Changes: Mechanisms and Catalysts.*

Moscow: RAS Institute of Sociology, 2017. 69 p.

Information about the Author

Tat'yana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в феврале – апреле 2018 г., а также в среднем за последние 6 опросов (июнь 2017 – апрель 2018 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2014 г. представлена годовая динамика данных.

В феврале – апреле 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ составил 68%, что соответствует среднегодовому значению показателя за 2015–2017 гг. Доля негативных оценок деятельности главы государства за последние два месяца снизилась на 3 п.п. (с 21 до 18%).

Уровень поддержки Председателя Правительства РФ в феврале – апреле 2018 г. составил 48–50%, что ниже, чем в 2014–2016 гг. (52–58%). Доля негативных суждений за последние два месяца уменьшилась на 3 п.п. (с 31 до 28%).

Для справки: по данным ВЦИОМ доля положительных оценок деятельности Президента в целом по стране в январе – апреле 2018 г. составила 82–83% (удельный вес негативных суждений – 11%). По данным Левада-Центра поддержка главы государства с февраля по апрель увеличилась на 5 п.п. (с 76 до 81%), доля отрицательных оценок снизилась на 3 п.п. (с 22 до 19%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	64,1	69,1	67,8	67,3	67,5	69,7	68,3	68,9	68,7	68,1	68,5	+1	+10	-7
Не одобряю	11,5	25,6	22,3	17,5	18,8	20,0	19,3	17,3	19,4	19,3	20,8	18,4	19,1	0	-7	+8
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	54,2	58,1	52,3	49,5	47,9	49,7	51,5	49,9	48,3	49,9	49,5	-3	-10	-
Не одобряю	-	24,7	27,6	21,7	27,6	31,1	32,1	30,9	29,9	31,3	30,8	27,8	30,5	+3	+6	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	40,1	39,3	37,7	39,8	40,6	42,3	40,8	39,4	39,3	39,5	40,3	+3	-5	-15
Не одобряю	22,2	30,5	38,9	36,2	39,3	39,3	38,9	38,7	39,2	40,1	37,9	36,1	38,5	-1	+8	+16
* Вопрос задается с 2008 г.																

Оценка успешности решения Президентом большинства ключевых проблем развития страны за последние два месяца не изменилась:

- доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, составляет 55–56%;
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 43%;
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 31%.

Среди осязаемых изменений, произошедших в феврале – апреле 2018 г., необходимо отметить рост удельного веса жителей области, полагающих, что Президент успешно справляется с проблемой наведения порядка в стране (на 3 п.п., с 51 до 54%). Это значительно выше, чем в 2014–2017 гг. (48–50%) и особенно в 2011-м (37%).

Следует отметить, что в среднем за последние 6 опросов оценка успешности решения Президентом ключевых проблем страны примерно соответствует уровню 2007 года (разница в 1–2 п.п.). Это касается всех проблем, кроме «подъема экономики и роста благосостояния граждан»: доля людей, положительно оценивающих деятельность главы государства в этом направлении, в 2007 г. составляла 47%, в среднем за последние 6 опросов – 31% (снижение на 16 п.п.).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	50,4	51,7	51,2	55,7	55,3	58,1	57,6	56,5	55,2	56,1	56,5	+5	+10	-2
Не успешно	24,9	33,7	32,4	31,3	29,9	26,8	25,8	26,1	26,3	28,3	26,9	26,9	26,7	-3	-7	+2
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>121,3</i>	<i>129,0</i>	<i>129,5</i>	<i>132,0</i>	<i>131,3</i>	<i>128,3</i>	<i>128,3</i>	<i>129,2</i>	<i>129,8</i>	<i>+8</i>	<i>+17</i>	<i>-4</i>
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	48,0	50,2	49,2	50,6	49,9	52,0	52,7	52,0	50,9	54,2	52,0	+3	+15	-1
Не успешно	34,0	50,0	39,1	37,9	36,7	36,1	35,8	35,6	35,1	34,6	32,7	30,8	34,1	-3	-16	0
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>112,6</i>	<i>114,5</i>	<i>114,1</i>	<i>116,4</i>	<i>117,6</i>	<i>117,4</i>	<i>118,2</i>	<i>123,4</i>	<i>117,9</i>	<i>+5</i>	<i>+31</i>	<i>-1</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	37,5	40,4	36,6	40,3	39,1	41,7	42,5	43,3	42,8	42,9	42,1	+5	+10	-2
Не успешно	37,0	48,3	45,4	41,5	44,3	40,2	39,7	38,8	38,3	39,3	38,7	37,1	38,7	-6	-10	+2
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>92,3</i>	<i>100,2</i>	<i>99,4</i>	<i>102,9</i>	<i>104,2</i>	<i>103,9</i>	<i>104,1</i>	<i>105,8</i>	<i>103,4</i>	<i>+11</i>	<i>+19</i>	<i>-4</i>
Подъем экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	34,8	34,2	27,2	29,3	28,5	31,3	32,3	31,6	31,0	31,3	31,0	+4	0	-16
Не успешно	39,1	56,1	53,4	52,3	59,4	56,9	57,2	55,9	55,3	56,3	53,7	55,3	55,6	-4	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>67,8</i>	<i>72,4</i>	<i>71,3</i>	<i>75,4</i>	<i>77,0</i>	<i>75,3</i>	<i>77,3</i>	<i>76,0</i>	<i>75,4</i>	<i>+8</i>	<i>+1</i>	<i>-33</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

За последние два месяца поддержка «Единой России» возросла на 2 п.п. (с 38 до 40%), что соответствует уровню 2015 г. (39%) и выше, чем в 2016–2017 гг. (35%).

В феврале – апреле 2018 г. также уменьшилась доля людей, считающих, что ни одна из основных политических партий не выражает их интересы (на 3 п.п., с 29 до 26%). Это меньше, чем в 2011–2017 гг. (30–34%), однако по-прежнему значительно выше, чем в 2007 г. (18%).

В остальном структура партийно-политических предпочтений жителей области существенно не изменилась и соответствует уровню 2016–2017 гг.: поддержка ЛДПР составляет 10–11%, КПРФ – 8%, «Справедливой России» – 3–5%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
																	2016	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	32,8	38,8	35,4	38,0	34,7	33,8	35,2	35,6	37,9	38,4	39,7	36,8	+1	+6	+7
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,6	6,2	10,4	21,9	11,0	11,1	10,9	11,5	11,6	10,1	9,6	10,8	0	+3	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	9,7	7,1	8,3	14,2	7,6	8,5	8,0	7,3	8,1	7,1	8,1	7,9	0	-2	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	3,5	3,6	4,2	10,8	4,8	5,1	5,8	4,5	4,3	3,5	2,5	4,3	0	-1	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,3	0,2	0,3	–	0,5	0,3	0,4	0,8	1,1	0,9	1,2	0,8	0	-1	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,4	31,8	29,4	–	29,2	29,1	26,1	26,2	28,5	28,8	26,2	27,5	-2	-2	+10
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	11,7	12,2	12,0	–	12,2	12,1	13,7	14,1	8,6	11,1	12,7	12,1	0	-1	-9

В феврале – апреле 2018 г. увеличилась доля людей, характеризующих свое повседневное настроение как «нормальное, прекрасное, ровное» (на 3 п.п., с 69 до 72%). Это выше, чем за все предыдущие годы измерений.

Кроме того, за два последних месяца на 3 п.п. возрос удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть» (с 76 до 79%, что соответствует среднему уровню за 2014–2017 гг.).

Между тем, самооценка материального положения в феврале – апреле существенно не изменилась: доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составляет 41–42% (для сравнения: в 2007 г. – 48%); удельный вес «бедных и нищих» – 46–47% (в 2007 г. – 42%).

Индекс потребительских настроений в феврале – апреле составил 89–90 пунктов. Это выше, чем в 2015–2017 гг. (77–85 п.), однако заметно ниже, чем в 2007 г. (106 п.). Следует также отметить, что значение индекса ниже отметки в 100 пунктов (это наблюдается как минимум с 2011 г.) говорит о том, что большинство населения высказывает пессимистические прогнозы относительно перспектив экономической ситуации в стране и динамики своего личного материального положения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
	2016			2011	2007											
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	69,4	68,7	68,0	70,4	71,0	73,8	71,0	70,5	68,6	71,5	71,1	+3	+8	+7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	24,9	25,9	26,2	24,2	23,2	21,2	22,8	24,0	23,4	23,1	23,0	-3	-6	-5
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	80,8	78,4	78,0	77,7	78,7	80,5	74,4	77,1	76,2	79,0	77,7	0	+3	+4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	12,6	14,5	15,6	15,8	14,8	13,5	17,5	16,2	16,3	14,8	15,5	0	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,2	38,7	42,1	43,1	43,5	45,2	43,0	41,7	41,2	41,8	42,7	+1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	49,1	50,7	49,0	46,6	43,2	45,8	48,8	47,1	46,2	46,5	46,3	-3	+2	+4
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	87,6	77,1	77,7	84,6	84,3	86,2	86,7	87,3	89,2	90,3	87,3	+10	-2	-19

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Улучшение социального настроения в феврале – апреле 2018 г. отмечается в 11 из 14 социально-демографических категорий населения. Во всех группах этот показатель значительно выше, чем в 2007 году. Особенно обращает на себя внимание рост позитивных эмоций среди людей, относящихся по самооценке доходов к 20% наименее обеспеченных жителей области (на 14 п.п., с 48 до 62%). Отчасти это может быть связано с тем, что «россияне адаптировались к проблемам в экономике, меньше тревожатся из-за них и отказываются от таких радикальных способов преодоления экономических проблем, как экономия на продуктах питания»². Такой вывод сделали эксперты РОМИР по итогам опросов, проведенных в декабре 2017 г. В то же время сложно не согласиться и с более пессимистической оценкой некоторых экспертов: «Привыкание населения к вялотекущему кризису, в том числе к стабильному небольшому снижению реальных доходов, привело к тому, что граждане уже не ощущают резкого ухудшения своего материального положения»³.

² Россияне привыкли к проблемам в экономике, выяснили социологи // РИА-новости. 2018. 30 янв. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180130/1513586801.html>

³ Привыкая к «вялотекущему кризису», россияне вернулись к опыту выживания 1990-х годов // Материалы аналитического обзора «Мониторинг экономической ситуации в России» / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Реж. докт.: <https://www.newsru.com/finance/01aug2017/survival.html>

На наш взгляд, существенный рост доли положительных оценок социального настроения среди людей, относящихся по самооценке доходов к 20% наименее обеспеченных жителей области, именно в феврале – апреле 2018 г. может быть также связан с ожиданием позитивных перемен в вопросах внутреннего социально-экономического развития, и прежде всего – в динамике уровня и качества жизни, на что обращал внимание Президент в Послании Федеральному Собранию 2018 г.

Вместе с тем рост доли тех, кто положительно характеризует свое настроение, отмечается не во всех группах: фактически без изменений остаются оценки людей старше 55 лет (64–66%), лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (76–78%), представителей средне- и высокодоходных категорий населения (72 и 82% соответственно).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	68,9	69,5	68,8	70,6	72,5	74,6	71,3	70,8	71,0	73,4	72,3	+3	+8	+6
Женский	61,7	62,0	69,8	68,0	67,4	70,2	69,9	73,1	70,8	70,3	66,6	70,0	70,1	+3	+8	+8
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,1	77,1	76,4	78,1	75,4	80,1	79,4	82,2	74,2	79,6	78,5	+2	+8	+7
30-55 лет	64,8	62,5	69,5	67,2	67,4	71,5	72,0	75,9	71,4	73,1	68,8	74,0	72,5	+5	+10	+8
Старше 55 лет	54,8	58,3	65,4	65,5	64,0	64,9	67,4	67,8	66,4	61,4	65,6	64,2	65,5	+1	+7	+11
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	62,5	63,6	62,1	63,6	65,8	65,2	63,3	61,2	60,5	65,5	63,6	+1	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	70,4	70,1	68,4	72,0	70,2	76,7	73,3	75,0	68,9	72,7	72,8	+4	+9	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	76,2	72,7	74,3	75,8	78,0	79,1	77,1	75,6	77,9	76,2	77,3	+3	+9	+9
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	50,8	51,8	52,5	52,9	57,1	58,1	57,9	50,7	47,7	61,8	55,6	+3	+10	+4
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	72,3	71,0	69,4	72,0	72,9	73,7	71,7	72,0	70,3	71,7	72,1	+3	+7	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	84,8	82,0	80,9	83,7	81,3	86,4	82,1	86,2	82,2	81,5	83,3	+2	+8	+8
Территории																
Вологда	63,1	67,1	76,4	73,9	69,9	72,6	74,0	77,0	74,0	72,2	71,0	73,5	73,6	+4	+7	+11
Череповец	68,1	71,2	76,3	70,6	71,7	75,7	76,1	77,9	76,9	75,2	71,5	75,0	75,4	+4	+4	+7
Районы	61,6	57,1	61,8	64,6	64,8	66,1	66,6	69,7	66,1	66,9	65,6	68,3	67,2	+2	+10	+6
Область	63,6	63,1	69,4	68,7	68,0	70,4	71,1	73,8	71,1	70,5	68,6	71,5	71,1	+3	+8	+8

Заключение

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в феврале – апреле 2018 года, свидетельствуют о том, что наиболее ощутимые изменения в начале года произошли в динамике социального настроения: в большинстве социально-демографических категорий населения доля позитивных оценок эмоционального состояния заметно увеличилась.

Аналогичную динамику оценок общественного мнения фиксируют и общероссийские исследования. Так, по результатам опросов, проведенных в феврале, эксперты ВЦИОМ отметили, что «все показатели социального самочувствия россиян сегодня выше, чем были два года назад... Индексы социального самочувствия возвращаются к докризисному уровню 2014 г., а показатели экономического положения и общего вектора развития страны уже серьезно превзошли значения четырехлетней давности»⁴.

Вместе с тем специалисты ВЦИОМ пока не спешат делать категоричные выводы относительно динамики общественных настроений. Они отмечают, что «снижение негатива не всегда переходит в оптимизм... При том, что направление развития страны воспринимается, скорее, как правильное, перспективы улучшения личного материального положения выглядят неочевидными»⁵.

То же самое можно сказать и по результатам исследований, проводимых ВолНЦ РАН на территории Вологодской области: доля «бедных и нищих» с декабря 2017 г. составляет 47% (что выше, чем доля людей «среднего достатка» – 41%); индекс потребительских настроений за последние два месяца также не изменился (89–90 пунктов, что говорит о преобладании пессимистических прогнозов у большинства населения); более половины жителей области по-прежнему скептически относятся к успешности решения Президентом задачи подъема экономики и роста благосостояния граждан (54–55%).

И хотя в динамике оценок материального положения существенных изменений в последние месяцы не наблюдается, это не сказывается на стабильно высокой поддержке главы государства (68–70%). Напомним также, что на прошедших 18 марта президентских выборах доля голосов, отданных за В. Путина на территории Вологодской области, составила 72,41% (в среднем по России – 65,26%); явка людей на избирательные участки в Вологодской области составила 66,2%, в среднем по стране – 61,12%.

Преодоление отставания и решительный прорыв, прежде всего, в вопросах внутреннего развития («сбережения народа России и благополучия наших граждан»⁶) стало лейтмотивом Послания Президента Федеральному Собранию, озвученного накануне голосования (1 марта 2018 г.). Это полностью соответствовало ожиданиям населения, что подтверждают и эксперты ВЦИОМ, которые говорят об «актуальности затронутой повестки, прежде всего, различных аспектов обеспечения безопасности россиян и перспектив решения социально-экономических проблем»⁷. Не менее важен и тот факт, что «значительной частью россиян послание воспринималось через призму программы действий главы государства на следующий срок. В этом контексте цель послания – не только обозначить задачи развития, но и продемонстрировать реальность путей их достижения»⁸.

Таким образом, улучшение социального настроения россиян при неизменной актуальности существующих проблем социально-экономического характера является прежде всего результатом восприятия целевых установок развития страны на ближайшие годы, подкрепленных конкретными поручениями Президента, цифровыми критериями достижения, персональной ответственностью основных исполнителей. Примут ли наметившиеся в начале года позитивные изменения в оценках общественного мнения характер тенденции, будет зависеть в первую очередь от эффективности выполнения поручений главы государства новым составом кабинета министров, который будет озвучен после инаугурации В. Путина в мае 2018 г.

Материалы подготовили: М.В. Морев, Т.В. Урванова, И.В. Параничева.

⁴ Социальное самочувствие россиян: мониторинг // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. № 3617. 29 марта. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9013>

⁵ Там же. (Мнение руководителя практики социального моделирования и прогнозирования ВЦИОМ Ю. Баскаковой).

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию-2018: первые впечатления // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3602. 13 марта. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8989> (мнение руководителя практики политического анализа и консультирования ВЦИОМ М. Мамонова).

⁸ Там же.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьёй в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Технический редактор, верстка	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.04.2018.
Дата выхода в свет 28.04.2018.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,6. Тираж 500 экз. Заказ № 162.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru